

С Л Е Д   В   **И** С Т О Р И И

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

МАКС ГАЛЛО

СЕРИЯ «СЛЕД В ИСТОРИИ»

МАКС ГАЛЛО
ДЖУЗЕППЕ
ГАРИБАЛЬДИ

РОСТОВ-НА-ДОНУ
«ФЕНИКС»
1998

ББК 63.3 (2)

Г 15

Перевод с французского
Оленич-Гнененко М. Д.

Г 15 **Галло М.**

Джузеппе Гарибальди. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 480 с.

Больше ста лет прошло со дня смерти Гарибальди, родившегося в Ницце в те времена, когда она была еще графством, входившим в состав Пьемонтского королевства.

Гарибальди распространил по всему миру республиканские идеи и сыграл выдающуюся роль в борьбе за объединение и независимость Италии. Он – великий волонтер Истории, жизнь которого похожа на оперу Верди или роман Александра Дюма. Так она и рассказана Максом Галло, тоже уроженцем Ниццы. Гарибальди – «Че Гевара XIX века», и его судьба, богатая великими событиями, драмами, битвами и разочарованиями, служит блестящей иллюстрацией к трудной, но такой актуальной дилемме: идеализм или «реальная политика».

Герой, достойный Гюго, одна из тех странных судеб, которые влияют на ход Истории и которым сама История предназначила лихорадочный ритм своих самых лучших, самых дорогих фильмов.

ISBN 5-222-00469-4

ББК 63.3 (2)

© Librairie Arthème Fayard, 1982

© Перевод: Оленич-Гнененко М. Д., 1998

© Оформление: Издательство

«Феникс», 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Увертюра

ЖИЗНЬ — ОПЕРА.....7

Первый акт

ПОТОМСТВЕННЫЙ МОРЯК (1807 — 1835)

Картина первая

Родной город (1807 — 1822) 20

Картина вторая

ОТКРЫТИЕ МИРА (1822 — 1833) 41

Картина третья

ЗАГОВОР (1833 — 1835) 57

Второй акт

БОЕЦ В ЧУЖИХ КРАЯХ (1835 — 1848)

Картина четвертая

КОРСАР РЕСПУБЛИКИ (1835 — 1839) 71

Картина пятая

ЖЕНА, ВОЙНА, РЕБЕНОК (1839 — 1841) 91

Картина шестая

КРАСНАЯ РУБАШКА ИЗ МОНТЕВИДЕО
(1841 — 1848) 100

Третий акт

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ (1848 — 1860)

Картина седьмая

МЕЖДУ НАРОДОМ И КОРОЛЕМ (1848) 124

Картина восьмая

ПОКА ХВАТИТ СИЛ (1849) 143

Картина девятая

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ (1850 — 1858) 174

<i>Картина десятая</i> Да здравствует Италия и прощай, Пинциа! (1859 – 1860)	209
<i>Картина одиннадцатая</i>	
Тысяча восемьдесят девять человек (1860)	232

Четвертый акт

ПОСЛУШНЫЙ СОЛДАТ (1861 – 1866)

<i>Картина двенадцатая</i> Королевские ястребы из Аспромонте (1861 – 1862)	277
<i>Картина тринадцатая</i> «Жизнь праздная и бесполезная»? (1862 – 1866)	314
<i>Картина четырнадцатая</i> «Я повинуюсь» (1866)	333

Пятый акт

СТАРЫЙ ВОИН (1867 – 1882)

<i>Картина пятнадцатая</i> «Грэн предан земле, но идея жива» (1867)	350
<i>Картина шестнадцатая</i> Я пришел, чтобы отдать Франции то, что от меня осталось (1868 – 1871)	375
<i>Картина семнадцатая</i> Могилы на острове (1872 – 1882)	417

Финал

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС	450
--------------------------	-----

Приложение 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ	459
-------------------------------	-----

Приложение 2

КАРТЫ	473
-------------	-----

*Прекрасной Нице,
Джузеппе Верди
и
Че Гевара.*

*«Я завещаю: мою любовь к Свободе
и Правде; мою ненависть к тирании
и лжи».*

*Джузеппе Гарибальди,
«Политическое завещание»
(1871)*

Увертюра

ЖИЗНЬ – ОПЕРА

Лицо и взгляд этого человека не лгут. В двадцать пять лет, когда он всего-навсего моряк, путь которого лежит от одного берега Средиземного моря до другого, из Ниццы в Константинополь, и уходит за пределы Босфора к портам Черного моря или Азовского, Одессе и Таганрогу, он пристально смотрит на своего собеседника, удивительно внимательно и серьезно. Его карие, глубоко посаженные глаза окружены мелкими морщинками, часто встречающимися у тех, кто в открытом море подолгу всматривается в горизонт.

В старости взгляд его — из-под седых бровей — останется прежним, прямым и почти таким же ясным.

Впрочем, с 1830-го по 1880 год, за половину столетия, бывшего временем революций, через которое он прошел, участвуя в стольких событиях, что его легче представить себе героем романа, чем подлинным историческим лицом, черты его мало изменились.

У него были светлые, довольно длинные волосы и кудрявая бородка. Когда он расхаживает по

палубе корабля, в его облике есть что-то от красоты дерзкого романтика начала века, одного из тех, кто на гребне событий отправлялся завоевывать жизнь. У него большой открытый лоб, правильные черты лица. Его одухотворенность столь очевидна, что этого моряка легко принять за поэта или писателя. Но тело его, закаленное физическим трудом, мускулисто. У него широкие плечи и торс. Этот молодой человек, подбородок которого, скрытый бородкой, несколько слабоват, что свидетельствует о склонности к колебаниям, по складу своему человек действия. И прежде всего действия.

Джузеппе Гарибальди недаром родился в Ницце.

С детства он привык бороться с волнами, перепрыгивать с валуна на валун, взбираться на скалы, тянуть перлинь¹, прыгать с палубы тартаны² на портовую пристань. Его ловкость — плод этого отрочества, деятельного, озаренного ярким солнцем, пронизанного упругим ветром, в ореоле морских брызг.

Даже незадолго до смерти, когда ему семьдесят пять, он стар, скован ревматизмом и вынужден опираться на трость, чтобы пройти какие-то несколько метров, когда все его жизненное пространство — его, объездившего мир от Монтевидео до Кантона, от Палермо до Нью-Йорка, от Манилы до Рио, — ограничено клочком земли — площадкой перед домом на маленьком средиземноморском острове

---

¹ Перлинь — трос (мор.). — Прим. перев.

² Тартана — одномачтовое судно (итал.). — Прим. перев.

Капрера, даже теперь он держится гордо. Его лицо, ни одна черта которого не утратила своей четкости, обрело царственную властность. Белоснежная седина волос и бороды делает ее еще заметнее. Лоб открыт еще больше, чем прежде, щеки впали, кожа, совсем недавно темная от загара, бледна как мрамор. Однако после пятидесяти лет бурной жизни — никаких существенных перемен. Та же твердость, та же решительность, та же гордость — в лице, во взгляде, во всей осанке.

О молодом человеке, садившемся в 1835 году на корабль, отплывающий в Южную Америку, можно было сказать: вот, кто хочет быть творцом своей судьбы и готов вступить в схватку с жизнью.

Можно только восхищаться бесстрашием и мужеством человека, организовавшего в 1860 году — когда ему уже перевалило за пятьдесят — вместе с тысячько соратников поход, чтобы освободить и завоевать Королевство обеих Сицилий, Палермо и Неаполь. И Жорж Санд говорила в то время о нем, как о «железном человеке с пламенной душой».

Но и о старике Гарибальди, даже ничего не зная о пройденном им пути и его славе, — пускай закутанный в свое серое пончо он похож на карьерского пастуха, — любой, встретившись с его взглядом, видя посадку головы, движения, мягкие и вместе с тем повелительные, сказал бы, что это человек гордый, человек, не сломленный жизнью.

Один из тех, кто идет навстречу своей судьбе так же смело, как форштевень корабля рассекает море.

Это лицо, взгляд, весь облик, осязаемое присутствие Джузеппе Гарибальди никогда не следует забывать.

Есть исторические деятели, чья внешность не имеет значения. Это монархи, окруженные тайной, диктаторы, изолировавшие себя от мира, прячущиеся в тени своих дворцов. Они правят издали и сверху — указами. И эта пустота, это физическое отсутствие, к которому они стремятся, показываясь толпе только в очень редких случаях, также содействует их власти. Народ их не видит и представляет себе великолепными или чудовищными. Народ их боготворит или страшится: они становятся идеалом или кошмаром.

Но внешний облик Джузеппе Гарибальди играет важную роль.

Всем известно, что он сам создал себе сценический костюм: красная рубашка, небрежно завязанный шейный платок, тоже красный, белое или серое пончо, вышитая шапочка, придерживающая волосы, или фетровая шляпа с загнутыми полями — все это должно было выделить его, сделать заметным на поле боя или на скамье парламента, итальянского или французского; не узнать его было невозможно.

Весь мир запомнил его таким. Так запоминается популярная оперная ария, которую напевают на разных континентах. Он жил и сражался в Южной Америке, конечно же, в Италии, во Франции. Но он побывал также на Дальнем Востоке, в Тунисе и Турции, в России и Австралии, жил в

Лондоне и Нью-Йорке. Редко национальный герой, чье имя связано с объединением его страны, Италии, был до такой степени космополитом, любимым или ненавидимым с одинаковой силой на своем родном полуострове и в чужих краях.

Гравюры и эстампы в миллионах экземпляров рассказывают о его подвигах. В сериях «Жизнь Гарибальди в рисунках» он спасается во время кораблекрушения у берегов Рио-Гранде-до-Сул, предлагает свою шпагу правителю Уругвая, входит в Ком, восторженно встречаемый народом, или стоит на коленях, держа на руках тело умершей жены, в то время как его товарищ копает ей могилу.

«Есть имена, которые в силу романтических обстоятельств становятся ближе людям из деревни, — пишет Жорж Санд в 1859 году, — и я не была удивлена, увидев портрет Гарибальди у набожных горцев в Велее и Севеннах. Этот знаменитый искатель приключений, которого некоторые боязливые умы представляют себе бандитом, стоит у них рядом с образами святых».

«А почему бы и нет? — продолжает Жорж Санд. — Почему бы ему не занять места среди покровителей бедного люда, ему, ставшему для итальянского народа провозвестником новой веры? Разве его речи порой не напоминают первых христиан?»

Англичане, обычно такие сдержанные, когда Гарибальди посетил их в 1864 году, устроили ему прием, который никогда не оказывали ни одному

иностранцу: ни рабочие Манчестера принцу де Галль, ни лондонские толпы архиепископу Кентерберийскому, ни Пальмерстону в Глэдстоне, — восторг был всеобщим. Все хотели «прикоснуться» к герою.

Популярность Гарибальди была так велика, что в Париже, Лондоне, а затем и в Соединенных Штатах появились «игрушки Гарибальди»: трубки, чернильницы, календари, фарфоровые статуэтки, воспроизводящие его силуэт; вино Гарибальди, плащ Гарибальди, блуза Гарибальди. И, конечно же, песни и поэмы.

Гарибальди сам способствовал созданию собственной легенды. Он написал много вариантов своих «Мемуаров», затем три автобиографических романа.

Александр Дюма — кстати, автор «Монте-Кристо»! — приехал к нему, стал его другом, написал подробный отчет о завоевании обеих Сицилий, затем издал (переписал?) «мемуары» генерала Гарибальди и опубликовал книгу, посвященную гарибальдийцам.

Самый популярный и самый романтический писатель того времени отдал свое перо на службу герою, превратив его, таким образом, при жизни в персонаж романа.

Но и сам Виктор Гюго с восторгом писал о том, кто «освободил народ», о Джузеппе Гарибальди, «прославленном воине»: «Гарибальди, что же такое Гарибальди? Человек, ничего более. Но человек в высочайшем смысле этого слова.

Человек свободы; человек человечества. Vir¹, как сказал бы его соотечественник Вергилий»².

Гарибальди, как всякий популярный герой, тоже был оклеветан, изранен, подвергался преследованиям. И – подобно Монте-Кристо – стал владельцем острова в Средиземном море, но хоть там он и обрел свою последнюю любовь, жил и умер в бедности.

Однако, несмотря на тернии, в течение целого века его окружала слава.

Эстампы, рассказывающие о его жизни, не лгут: просто выбраны героические эпизоды. Вот он поднимается на полуют корабля и командует: «На абордаж!» Вот он приподнимается на стременах в сером пончо, наброшенном на плечи, под огнем противника. Вот он стоит на холме и обещает своим сподвижникам победу или смерть. Он – человек, которого видят, слышат, к которому прикасаются, как к святому. Неаполитанцы, когда он освободил их, подумали, что он творит чудеса. Но на самом деле слава и известность никогда не приходят к человеку, если он сам каким-то образом не способствует этому. Гарибальди умел, например, использовать обаяние своего голоса. Блестящий оратор, он импровизировал, как актер комедии дель арте³ в зависимости от реакции аудитории, постепенно увлекая ее за собой. Бегло говоря по-французски,

---

¹ Vir – мужчина, муж (лат.). – Прим. перев.

² В. Гюго. В ссылке.

³ Жанр итальянской комедии, позволяющий актеру импровизировать во время представления. – Прим. перев.

по-итальянски, по-испански, достаточно хорошо по-английски, он сохранил от нескольких лет, проведенных в Южной Америке, музыкальную певучесть речи, сложившуюся, несомненно, под влиянием кастильского диалекта¹, что придавало его манере говорить особое очарование.

«Гарибальди ни на кого не похож, — писала Жорж Санд, — в нем есть какая-то тайна, заставляющая задуматься».

Для нее жизнь Гарибальди «похожа на поэму»: «Этот человек почти в одиночку становится человеком чуда. Он заставляет содрогаться троны, он — знамя новой эры. Он несет в себе веру героических времен и отныне — в середине XIX века — вновь становятся возможны чудеса эпохи рыцарства».

Теперь, когда миновало еще одно столетие, можно подвести итог. Но прежде всего, как не сказать, что жизнь Джузеппе Гарибальди — одна из самых необыкновенных?

Жизнь — из актов и картин.

Юнга, моряк, капитан, приговоренный к смерти участник республиканского заговора против Пьемонт-Сардинской монархии, правитель своего родного города Ниццы. Вот он садится на корабль, чтобы бежать из этой окостеневшей Европы, из раздробленной Италии и достичь Рио-де-Жанейро. Там он — боец, корсар, летящий затем на коне по пампе, генерал Итальянского легиона — защитник Монтевидео. Увенчанный славой, в 1848 году

---

¹ В Латинской Америке Гарибальди жил среди испанцев, говоривших на кастильском диалекте. — *Прим. перев.*

он возвращается в Ниццу с женой и сыном. Снова воин, сражающийся за единство Италии против австрийцев или солдат Луи Наполеона, защищающих папство. Смерть жены в 1850 году, когда за ним гонятся по пятам. Снова жизнь изгнанника, чужие страны и города: Тунис, Нью-Йорк, Китай, Австралия. Он покупает остров Капрера в Средиземном море, но вскоре покидает свою маленькую республику, где ведет жизнь простого крестьянина, и, вновь вовлеченный в водоворот Истории, завоевывает Королевство обеих Сицилий. Снова удаляется от дел, снова сражается. И сталкивается с пьемонтской монархией, которой он только что преподнес Палермо и Неаполь, но которая его боится и заключает в тюрьму...

Стареющий Гарибальди по-прежнему способен целиком отдаться новой страсти – женщине или делу – делу Италии, разумеется, но также и Франции, за которую не помня зла он сражается в 1870 году.

Чтобы затем умереть на Капрера и покоиться под глыбой потрескавшегося гранита.

Можно понять увлечение Александра Дюма этой «фантастической» жизнью.

Жизнь – опера, бурная и горестная – смерть жены и двоих детей, болезнь, жизнь, в которой есть и безграничная преданность, и случайные связи, и предательство, и горечь: Ницца, его «маленькая родина», столь горячо любимая, присоединена к Франции. Ницца стала чужой землей для самого знаменитого из своих сыновей, столько сделавшего для объединения Италии!

Жизнь – опера, в которой было столько блестящих речей и крутых перемен, грохот сражений, – и вдруг тишина, морской прибой у скал Капрера, повседневность.

Народ любит оперу. Он узнает в этой музыке, часто экспрессивной, поэтическое и музыкальное воплощение своей мечты и своих страхов.

Гарибальди – оперный герой, такой, каким его себе представляет народ: безрассудный, великодушный, порой несчастный, вспыльчивый, склонный к крайностям, смелый до дерзости, – таково воплощение коллективной мечты.

Но если так обстоит дело в театре и в несколько театральном видении Истории, сложившемся у народа, в действительности все иначе.

Сегодня некоторые историки, признавая, что влияние Гарибальди было огромно, полагают, что оно принесло в равной степени и пользу и вред.

Один из них (Серджио Романо) подчеркивает даже, что «прагматизм, мужество, интуиция Гарибальди на поле боя сыграли главную роль в решающий момент процесса объединения Италии, но впоследствии их влияние оказалось роковым».

Есть герой нашего времени, чье лицо и легенда – так же, как и в случае с Джузеппе Гарибальди, – преодолев границы и океаны, стало на всех континентах символом жизни, полной борьбы, великодушия и горя.

Разве в XX веке, еще более безжалостном, чем XIX, судьба Че Гевары не стала трагической версией судьбы Гарибальди?

Сравнить этих двоих людей – значит вернуть сыну Ниццы его подлинное величие. Смахнуть пыль с его статуи. Что может быть важнее сейчас, спустя сто лет после его смерти?

В Ницце есть площадь, которая носит имя Джузеппе Гарибальди.

По-моему, это самая красивая площадь города. Строгой архитектуры – пьемонтской, – она окружена аркадами. На фасадах цвета охры зеленые пятна ставень.

На этой шумной площади множество кафе – «Туринское», «Альпийское»... Она – ниццкая, итальянская, французская, перекресток улиц и культур. Проспект Республики ведет в рабочие кварталы, на восток. Другие улицы – в старый город, расположенный неподалеку, или в порт. В нескольких сотнях метров течет Пайон, река-граница, разделяющая город на две части, старинную и современную. Еще недавно прачки полоскали в ней белье.

В центре площади возвышается статуя Гарибальди, слегка скрытая в тени платанов. К ней нелегко подойти, так как уличное движение изолирует ее от пешеходной части площади.

Статуя была открыта 4 октября 1891 года. Гарибальди умер 2 июня 1882-го.

Он родился совсем недалеко от этой площади 4 июля 1807 года и сумел показать, чем может стать сила одной судьбы¹.

---

¹ Литературная реминисценция: Макс Галло посвятил эту книгу Джузеппе Верди, автору оперы «Сила судьбы». – *Прим. перев.*

Первый акт

*ПОПОМСТВЕЧНЫЙ
МОРЯК
(1807 — 1835)*

Картина первая

РОДНОЙ ГОРОД (1807 – 1822)

Режде всего мать, Роза Мария Николетта Гарибальди. Скорее маленького роста, свои черные волосы она гладко зачесывала назад, убирая косы в шиньон, открывая лоб, отчего ее большие глаза казались еще живее на бледном лице.

Ей были присущи все добродетели и страхи женщин ее времени. Она была набожной, чувствительной, легко поддающейся тревоге и великодушной. Ее семья – Раймонди, родом из Савойи – обосновалась в Лоано, рыболовецком порту недалеко от Савоне, затем переехала в Ниццу.

Позже, когда Роза Раймонди вышла замуж за моряка Доменико Гарибальди, она стала донной Розой, всегда занятой делом и, как все итальянские матери, любящей своих детей больше жизни. А они, ее сыновья, были убеждены, что она – самая необыкновенная из матерей. Терпеливая, нежная, внимательная к бедным, всегда готовая прийти им на помощь. Ее часто видели у причала порта Лимпия, в Ницце, ждущую возвращения тартаны, которая принадлежала Доменико, ее мужу, или

проводящей в плавание сына Джузеппе: он, вопреки ее желанию, подобно отцу решил стать моряком.

В памяти Гарибальди часто будет возникать образ этой женщины, маленькой, скромной, озабоченной и решительной.

Донна Роза для своего сына Джузеппе — неоспоримое, раз и навсегда данное доказательство того, что в мире существуют справедливость и правда. Даже если со временем Гарибальди придется с горечью убедиться в извечном существовании обмана. Или понять, что не все женщины похожи на его мать. Если одна из них — Анита, его жена, принятая донной Розой, — обладала теми же качествами, то после ее смерти для Гарибальди началась полоса заблуждений, поиски женщины, которая смогла бы заполнить пустоту в душе, оставленную смертью матери.

Напрасные поиски... Ему никогда больше не встретить в любви такой безграничной преданности.

И в этом тоже двойственность Гарибальди — непостоянство в чувствах, колебания между жадной деятельностью и созерцанием, тоской по прошлому.

Стало быть, все заложено еще в детстве? И Джузеппе Гарибальди остается только покорно следовать своей судьбе, предопределенной этой маленькой женщиной, для которой он был прекраснейшим из сыновей?

На самом деле донна Роза дала Джузеппе Гарибальди краски, которые должны были расцветить его жизнь. Но ему принадлежал сюжет полотна,

ему предстояло с помощью палитры, полученной в наследство, и событий века создать ту или другую картину.

И Гарибальди сумел вписать в историю XIX века жизнь, которую донна Роза ему подарила.

Жизнь его братьев, рожденных той же женщиной, не отмечена ничем примечательным. Контраст между ними и Джузеппе и является как раз результатом свободы воли, искусством человека использовать материал, данный ему от рождения.

Анджело, старший (1804 – 1853), предприимчивый, честолюбивый, уехал в Америку и там весьма преуспел в торговле. К концу жизни он был консулом Пьемонт-Сардинии в Филадельфии.

Микеле (1810 – 1866), Феличе (1813 – 1855), оба младших брата, были поглощены личной жизнью. Один жил в Ницце и посвятил себя садоводству; второй, элегантный соблазнитель, обосновался в Италии в качестве представителя фирмы, занимавшейся экспортом.

У донны Розы была еще дочь, Тереза. Но в 1820 году – ей было около трех лет – в семье Гарибальди произошла трагедия. В комнате, где спала Тереза со своей кормилицей, опрокинулась печь, топившаяся дровами. Дверь была заперта на ключ. Ее попытались взломать, но было уже слишком поздно. Тереза и кормилица сгорели заживо.

Можно представить себе протрацию донны Розы, целиком ушедшей в молитву. Она и прежде была так глубоко религиозна, что мечтала сделать своего сына Джузеппе священником.

Он рос подвижным мальчиком, который, если и мог мечтать целыми часами, растянувшись прямо на земле или примостившись в скалах, больше всего любил двигаться и бегать. «Я больше дружил с игрой, чем с учебой», – напишет он позднее. Его влекло, зачаровывало море с его вечным непокоем.

Оно было рядом, море, стоило только протянуть руку.

Отец Джузеппе – моряк, из семьи, поколениями связанной с морем. В самые первые годы XVIII века в Чивари родился некий Стефан Гарибальди, моряк (1707 – 1708?).

Его сын, Анджело Мария, также моряк, устроился сначала в Генуе, затем в Ницце. У него было шестеро сыновей – в их числе Доменико – и две дочери.

В Ницце около 1770 года моряк Анджело стал судовладельцем, громкое название для скромного занятия: строить и главным образом оснащать и ремонтировать тартаны. Эти большие барки – в Ницце их около ста тридцати – стояли на якоре у причалов порта Лимпия.

Доменико Гарибальди был патроном¹ одной из таких тартан. Он плавал, «*padron Domenico*»², от Каталонии до Лигурии и никогда не выходил за пределы Гибралтарского пролива или Мессины, держась мысов или хорошо знакомых берегов, в нескольких кабельтовых от берега.

---

¹ Патрон – зд. – хозяин (фр.). – *Прим. перев.*

² «Хозяин Доменико» (ит.). – *Прим. перев.*

Опытный моряк, он все же избегал риска. Его тартана называлась «Санта Репарата» (покровительница Ниццы). Он был скромным, трудолюбивым и молчаливым, с развитым чувством долга, почитающим религию и порядок. Донна Роза и он были дружной супружеской четой, от которой Гарибальди не мог унаследовать никакой склонности к протесту, никакого бунтарского начала.

Доменико и Роза Гарибальди в эти годы (1807), когда на горизонте постоянно маячила война и Наполеон I, «Людоед», забирал в армию молодых людей – сыновей – для своих сражений, старались затеряться в неизвестности: скромная семья, которой, однако, не грозила бедность. Доменико, мелкий судовладелец малого каботажа, жил уединенно, далекий от политики и общественных дел, целиком поглощенный воспитанием детей, заботой о близких.

«Мой добрый отец», – напишет с уважением его сын Джузеппе. Но отцовский силуэт не будет возникать так часто в его воспоминаниях, как образ матери, буквально заполняющий различные редакции его «Мемуаров».

Между тем Доменико был не из тех отцов, которых постоянно нет дома. Напротив. Рейсы его были короткими. В доме, где жили Гарибальди, – на набережной Люнель № 3, напротив порта Лимпия, на третьем этаже, – он был главой очень большой семьи, по средиземноморской традиции: дети, конечно, но также дедушка и бабушка, братья, кузены.

Дом, кстати, принадлежал, одному из кузенов, Густавену.

Когда 4 июля 1807 года в шесть часов пополудни Доменико Гарибальди объявил о рождении Джузеппе (роды закончились рано утром), при этом присутствовали: Франсуа Константэн, чиновник, ведающий записью актов гражданского состояния, и два свидетеля: Анджело Мария Гарибальди, дед новорожденного, и его друг, Онорэ Бланки, лишенный сана священник.

Несколькими днями позднее Джузеппе Гарибальди был окрещен в церкви Святого Мартина.

Для семьи Гарибальди эти крестины не простая формальность, а проявление глубокой и искренней принадлежности к католицизму. Когда донна Роза и ее муж решили, что сына пора учить, они выбрали в качестве наставников двух священников.

Гарибальди принадлежали к социальному слою скромных негоциантов, в большинстве своем сохранивших верность традициям.

Мелкая буржуазия Ниццы оставалась очень консервативной. Несмотря на революционные потрясения, ее не затронуло мощное дыхание новых идей.

Ставшая французской с 1792 года, Ницца стремилась вернуться к своему прежнему властелину: королевству Пьемонт-Сардинии. Конечно, с тех пор как возникла империя, воцарился порядок. Ловкий префект – Дюбушаж – умело управлял городом и департаментом. Стало легче переносить свою принадлежность Франции. Но,

увы, существует мобилизация молодых людей — ради войн, которые император ведет по всей Европе, существуют усталость и тревога, вызванные этими бесконечными конфликтами и жертвами. При монархии воевали только волонтеры. Новый революционный французский режим требовал налога кровью. Если вы не разделяете его принципов, во имя чего отдавать своих сыновей на войну, на смерть?

Сам департамент, начиная с 1792 — 1793 года, так и не был усмирен окончательно.

Банды непокорных, крестьян, восставших против реквизиций, дворян, не принявших империи и продолжавших видеть в Бонапарте узурпатора, — «шуаны» ниццской земли, — свидетельствовали о том, что департамент и даже сам город Ницца покорились только внешне, что население скорее терпит, чем принимает.

Пассивное в своей массе, безразличное, занятое прежде всего своими повседневными заботами, это население трудится, переносит голод трудных лет, например, в 1811 — 1812-м (Гарибальди было тогда пять лет).

Донна Роза в эти годы отдает всю себя делу милосердия. Она вместе с другими женщинами помогает при раздаче супа бедным, организованной городскими властями, сопровождает священников и врачей, когда они ходят по домам для оказания помощи самым обездоленным. Но этой благотворительности недостаточно, чтобы облегчить страдания десяти тысячного (с предместьями — двадцати тысячного) населения Ниццы.

Тогда, постепенно, как пишет префект Дюбушаж в 1814 году, «дух мятежа и неповиновения охватывает почти все горные коммуны этой несчастной страны» и, естественно, Ниццу.

При известии об отречении Наполеона, 15 апреля 1814 года, жители Ниццы вышли на улицы, приветствуя вернувшийся мир и требуя возвращения города под власть Пьемонт-Сардинской монархии. «Да здравствует Виктор Эммануил!» – кричали они на улицах и набережных порта.

Гарибальди скоро должно было исполниться семь лет. В этом возрасте события не проходят бесследно. Улица, заполненная народом, крики толпы, походный марш солдат – французские войска оставляли город 14 мая 1814 года – это зрелище и этот энтузиазм невозможно забыть. Вот он – свежий воздух, дыхание Истории. Разве может усидеть дома ребенок, живой, деятельный, увидевший вдруг, что жизнь может быть такой же бурной, как море!

С этой минуты священники, выбранные донной Розой, чтобы учить Джузеппе Гарибальди и постепенно подготовить его к поступлению в семинарию, бессильны перед зовом живого, изменчивого мира.

Один из них, дон Гийом, живет, несомненно, в семье Гарибальди, упоминаящего о нем в своих мемуарах, как о «священнике без предрассудков, свободно владеющем прекрасным языком Байрона». Но учеба, когда весь город охвачен волнением, когда сама История – в 1814-м, так же как и в 1821-м – трепещет, – слишком скучна.

«Меня всегда мучили угрызения совести, — напишет впоследствии Гарибальди, — что я не изучил, как следует, английского языка, когда у меня была такая возможность».

Итак, он избегает влияния священников и их уроков. Его третий учитель, господин Арена, «преподаватель итальянского, письма и математики», уже не связан с религией. Более откровенный, чем его предшественники, любящий историю, увлеченный происходящими событиями. «Я навсегда сохранию о нем теплые воспоминания», — пишет Гарибальди. Он оказался в окружении Гарибальди связующим звеном между привычным миром ребенка и полным неизвестности внешним миром. Когда Ницца после двадцати двух лет (1792 — 1814) перестала быть французской, он преподает Гарибальди итальянский — язык королевства Пьемонт-Сардинии — и историю Рима. В тот момент перед глазами мальчика оживает История — с французскими солдатами, марширующими по улицам, покидающими город, когда император отрекается, но вскоре пытается вернуться снова (Наполеон высадился в Гольф-Жуане 1 марта 1815 года, бежав с острова Эльба), сея смятение в городе; затем, несколько недель спустя, после Ватерлоо (июнь 1815-го) — с новыми взрывами восторга на набережных и в городе — господин Арена рассказывает о римских императорах, о борьбе сената и победах легионов...

Эпопея и героика пронизывают все его детство. Завтра Гарибальди будут нужны события, равные по

высоте тем, которые он пережил десятилетним мальчиком.

Как можно навязать семинарию такому ребенку, обуздать эту свободу, когда перед ним открыта История и когда море, с кораблями, готовыми принять беглецов, плещет у самого порога отчего дома?

Донна Роза упорствует, настаивает. Поговаривают об отправке в колледж, о скором поступлении в семинарию.

Но История этого времени – с императором и солдатами – принадлежит мужчинам, и Гарибальди, увлекаемый ею, отказывается принять путь, предложенный матерью, женщиной. Нужно, чтобы в его жизни произошло героическое событие, как те, о которых говорят на улицах и о которых ему рассказывал господин Арена.

С тремя из своих друзей – ему чуть больше двенадцати лет – Гарибальди завладевает лодкой. Они хорошо знают море. Они сыновья моряков. Они выросли на причалах. Каждый из них не раз выходил с отцом в открытое море или в залив Виллафранко, на лов рыбы. Сначала они гребут веслами, чтобы выйти из порта, затем ставят парус: курс на восток, к Генуе – большому порту, где они сядут на корабль, отправляющийся в Америку, еще одну великую мечту детства.

Приключение было коротким: всего несколько часов.

«Мы были уже недалеко от Монако, – продолжает Гарибальди, – когда корсар¹, посланный моим

¹ Корсар – зд. – корабль береговой охраны. – *Прим. прев.*

отцом, нагнал нас и доставил домой, глубоко уязвленных».

Легко представить себе их возвращение.

В это мгновение донна Роза поняла, что ее сын никогда не станет священником. Ей оставалось только смириться, подчиниться воле этого мальчика, который в свои неполные тринадцать лет проявил решимость, способность перейти к действию и силу характера, достойную мужчины.

Не следует думать, что История обошла стороной город юного Гарибальди. Он не был, конечно, в центре политических событий, но был пограничным городом, переходившим из рук в руки от Франции к Пьемонт-Сардинии, и, естественно, не мог не ощущать политических перемен.

Принадлежавший Сардинии до 1792 года, отделенный от Французской республики рекой Вар, через которую еще не было ни одного моста, он был оккупирован революционными войсками, едва успев стать приютом эмиграции.

Бонапарт побывал там в 1796 году – молодой генерал, брызжущий талантом и полный честолюбивого нетерпения. Он уже посматривал на соседнюю Италию, властелином которой он, корсиканец, мечтал стать.

Когда была провозглашена империя, Ниццу включили в ее состав, но когда слава и сила императору изменили, она снова отошла к Сардинии.

Это движение туда-обратно, которое зависело не от них, так как они были игрушкой в руках Истории, решавшейся не здесь, могло вызвать у

большинства жителей Ниццы только скептицизм, окрашенный горечью или цинизмом, или слегка презрительное безразличие к этой пене, хлынувшей в их город и грозившей его затопить.

Французы? Итальянцы? Мы — «Nicois»¹ и выбираем то, что в данный момент выгоднее. Республика и империя принесли законы, гражданский кодекс, равенство, но пришлось расплачиваться людьми, выдержать английскую блокаду, пережить голод, терпеть присутствие гарнизонов и связанное с этим падение нравов.

В 1807 году, когда появился на свет Гарибальди, все жаловались на проституток, заполонивших улочки окраин, полураздетых, зазывающих солдат или моряков. Их было много в плохо освещенном и грязном городе.

В 1806 году вышел указ, обязывающий жителей зажигать фонари на фасадах домов. Но кто считался с этим указом? По вечерам на узких улицах можно было споткнуться о кучу отбросов. Грязную воду выливали прямо из окон. Скученность влекла за собой инфекционные болезни. В 1834 году в городе вспыхнула эпидемия холеры.

Нищих в эти трудные годы (1809 — 1812), в то время, когда Гарибальди начинает открывать для себя реальный мир, достаточно много для того, чтобы префект занялся ими, попытался контролировать и выдворить из Ниццы. Но это не могло разрешить всех проблем бедного города, где трех

---

¹ «Нисуа» — жители Ниццы (фр.). — *Прим. перев.*

приютов — Креста, Святого Роха и Милосердия — было недостаточно, чтобы принять всех неимущих.

Нищета, социальные и экономические трудности были вызваны еще и тем, что связь Ниццы с внешним миром была затруднена. Деревянный мост, построенный через реку Вар солдатами генерала Ансельма в 1792 году, только слегка разомкнул естественное кольцо, сжимавшее город.

Префект Дюбушаж начал строительство дороги, которая должна была соединить Ниццу с Генуей и облегчить связь с Италией. Но когда империя рухнула, дорога не дошла еще до Сан-Ремо.

Гарибальди принадлежал к той категории жителей Ниццы, немногочисленной, но важной, которые страстно любят свой город, но в какую-то пору своей жизни начинают в нем задыхаться.

И они уходят, с тоской в душе, как островитяне, покидающие свою родину ради континента.

Ницца тоже своего рода остров, и Гарибальди хочет вырваться, уйти в море.

С политической точки зрения, тот, кто не приемлет скептицизма или равнодушия большинства населения, кто предчувствует, что любовь к Ницце не может дать независимости родине, должен выбирать между двумя державами: Францией или Пьемонт-Сардинской монархией.

Гарибальди, конечно, не афишировали своего выбора, но, учитывая их убеждения, это могла быть только Пьемонт-Сардинская монархия.

Их выбор, как и выбор большинства жителей Ниццы, свидетельствовал о пассивности и

замкнутости общества, куда новые идеи проникали с трудом.

В Ницце не было развитой духовной жизни, не было образованной буржуазии. «Вершина образованности, — писал ниццкий аббат Бонифасси, — состоит в умении читать по-латыни, писать по-французски и иметь каллиграфический почерк».

Иностранцы, чье присутствие могло бы стимулировать развитие духовной жизни, покинули город во времена империи. В большинстве своем англичане, они стали врагами. Приезд знаменитостей — дочери короля Испании или Полины Бонапарт, сестры Наполеона, — не мог оказать влияния на местное общество. Поведение Полины, несколько легкомысленное, вызывало осуждение. О ней злословили благонравные буржуа, прогуливаясь в сумерки по террасам, возвышающимся над морем.

Пары двигались медленно, церемонно раскланиваясь; служанки несли масляные лампы или свечи. Встречались в двух кафе: «Коммерческом» или «Королевском», читали местный еженедельник, публиковавший только распоряжения, объявления и постановления, принятые властями, и какие-нибудь акты гражданского состояния.

Город на самом деле остался сельским. «Мы земледельцы, — писал аббат Бонифасси, — и остаемся ими даже в Ницце».

Фермы, рассеянные здесь и там, представляли своеобразный переход между городом и его районами (порт — район, в котором жили Гарибальди, —

насчитывал около семисот жителей) и мелкими крестьянскими поселками, расположенными на холмах.

Масличные и фиговые деревья, овцеводство, огородничество и цитрусовые составляли все богатство ниццской земли. Но как экспортировать, когда нет дорог? Когда на границах с Францией установлена огромная таможенная пошлина? Как сбалансировать экономику, когда пшеницу приходится ввозить из самой Одессы и Таганрога, русских портов на Черном и Азовском морях? Этой торговлей, основной для Ниццы, заняты несколько тарган; Гарибальди часто провожает их в плавание и встречает, когда они возвращаются через много недель; он спускается на причал, подходит к людям, выгружающим корзины, мешки, наполненные зерном. К берегу пристают рыбаки, их добыча — основная пища горожан. Гарибальди уходит с ними на лов тунца на рейде Виллафранко, или сардины и хамсы в открытом море, в заливе Дезанж, и даже мальков — «путины»¹, этой крошечной серебристой рыбешки, которую погружают ненадолго в кипящую воду или горячее оливковое масло, затем выжимают несколько капель лимона — изысканное блюдо! Но рыбная ловля зависит от хода рыбы, и когда хотят засолить улов, нужно покупать соль, на которую Пьемонт-Сардинское государство ввело очень высокий налог. Семикилограммовый пакет стоит тридцать су. Французская соль стоила только десять.

---

¹ routina (ит.) — мальки.

Почти на каждом шагу житель сталкивается с соседним государством или с воспоминанием о прошлой власти: французской или сардинской.

Теперь, начиная с 1814 года, законы устанавливает правительство Турина, столицы Пьемонт-Сардинии. Оно обязало покупать сардинскую соль. Оно навязало итальянский язык, который Гарибальди открыл для себя благодаря своему светскому учителю, господину Арена. Занятие полезное и еще редко встречающееся, так как во многих семьях французское влияние по-прежнему сильно. «Отныне мы жалкие рабы французов, — пишет аббат Бонифасси в 1828 году, — идет ли речь о книгах, максимах, модах, языке, доктринах или мнениях. Меня пробирает дрожь, когда я вижу, что в богатых домах с детьми говорят только по-французски. К чему это приведет? Но мы зашли уже слишком далеко, чтобы можно было повернуть назад».

В семье Гарибальди не разделяют этого увлечения Францией. Но если дома он говорит поницки или по-итальянски, Гарибальди всегда будет помнить французский, язык своего детства, и владеть им в совершенстве.

Франция не случайно привлекает многих: после 1815 года Пьемонт-Сардинское королевство стало одним из самых реакционных в Европе.

Виктор Эммануил I, всю «императорскую эпоху» проживший в Сардинии, существуя только на английские подачки, был ультра-консерватором и отменил все реформы, введенные в его государствах республикой или империей.

В Ницце были восстановлены все прежние учреждения с их привилегиями и устаревшими порядками. Церкви возвращено все, что было у нее конфисковано. Отменено равенство в правах, данное евреям: они вновь вернулись в свои частные университеты и гетто.

Жители Ниццы день за днем открывали лицо политической реакции.

В городе появились тайные общества: небольшие группы из нескольких молодых людей. Они принадлежали к карбонариям и признавали своим вождем Буонарроти, старого революционера, жившего в изгнании в Брюсселе, но пользовавшегося большим влиянием. Они требовали свободы, конституции, режима, основанного на представительстве, и, главное, создания единой Итальянской республики.

Итак, в начале XIX века прозвучала главная тема итальянского патриотизма. Италия, раздробленная на дюжину государств, подчиненных с 1815 года беспросветной реакции, должна стать единой нацией, обществом, в котором царствуют принципы равенства и справедливости. С монархами и их министрами внутренних дел, которые, как в Пармской обители, шпионят, бросают в тюрьмы, пытаются и казнят, — должно быть покончено!

Наполеон I, пытаясь подчинить Италию, ввел войска и тем только ускорил развитие движения, целью которого было объединение итальянцев.

Молодые люди, сражавшиеся бок о бок с императорской гвардией в России или в Германии,

думали, что борются за Италию. Их разочарование часто бывало горьким.

Отныне они согласны были умирать только за Италию.

Когда в марте 1815 года Мюрат, посаженный императором на неаполитанский трон, попытался вести независимую политику, итальянцы из его окружения издали от его имени прокламацию, ставшую первым манифестом Рисорджименто – воскресения Италии, пламя которого будет гореть в течение целого века.

«Итальянцы, – писали они, – пробил час свершения великой судьбы Италии! Пусть всякое иностранное господство исчезнет с итальянской земли. Пусть подлинно национальное представительство, конституция, достойная нашего века, станет гарантией вашей свободы, вашего внутреннего процветания... и да воскреснет Италия счастливая, Италия независимая!»

После поражения Мюрата, несмотря на реакцию, заговоры продолжают возникать. Что может объединить Италию? Какая идея? Монархия или республика?

Тайные сборища, конспирация, заговоры и уличные волнения сменяют друг друга.

11 января 1821 года студенты Турина устроили демонстрацию. Как жители Ниццы – в том числе четырнадцатилетний Гарибальди – могли не знать об этих событиях, когда карабинерами и солдатами столицы Пьемонта, подавившими либеральное движение, командовали два уроженца

Ниццы: граф Таон де Ревель, правитель Турина, и граф Тринчери де Бенансон, начальник дивизии?!

Ницца – оставаясь в стороне от событий – была, таким образом, непосредственно связана с движениями 1821 года.

В самом городе волнения, тем более заметные, что жителям Ниццы обычно свойственна пассивность, охватили учеников школ, затронутых либеральными идеями.

Гарибальди не мог не быть с ними. Он был из тех подростков, которые не могут стоять в стороне от событий. Как он мог не присоединиться к группе молодежи, требовавшей отречения Виктора Эммануила и регенства Карла Альберта, которого считали сторонником новых идей?!

Правитель города, шевалье Аннибал де Салюцио, быстро принял меры, необходимые для наведения порядка: все иностранцы были отправлены за пределы ниццеской территории, реку Вар, за офицерами и унтер-офицерами гвардейских стрелков было установлено наблюдение. «В Ницце, – писал он в своем донесении в Турин, – в течение нескольких дней были волнения, и, хотя гарнизон был спокоен, а сторонники революции были весьма немногочисленны, тем не менее была организована национальная гвардия, поднято знамя конституции и опубликована конституция Испании – либеральная».

В Пьемонте два жителя Ниццы были приговорены к смертной казни, а граф Каньоли де Сент-Аньес, также из Ниццы, был обвинен в участии в заговоре.

Представьте себе Гарибальди, живого, жаждущего приключений, и представьте себе также Ниццу, маленький город, обычно такой спокойный, такой сонный. Женщины проходят не спеша, темноволосые, в соломенных шляпах с широкими полями, в ярких платьях, красных, белых. Мужчины сидят на пороге или стоят, прислонясь к своим лодкам, вытасненным на берег. Широкий пояс из красной фланели, «кайола», плотно обхватывает талию, брюки темных тонов, белая рубашка с глубоким вырезом. В темноватых улочках – запахи еды, жизни, шум ремесел, крики лудильщиков или рыбаков, торгующих «путиной».

Эти люди, говорящие на ниццском диалекте, знающие, что они принадлежат своей маленькой, гордой и прекрасной родине, обычно не вмешиваются в политику. И вдруг История – снова, как в 1814 году, – овладевает улицами, площадью Трав, террасами над морем.

Немногочисленные демонстрации не могут повлиять на ход событий. Все это так. Но они останутся в памяти и будут волновать воображение юного энтузиаста четырнадцати лет – Джузеппе Гарибальди.

Через несколько недель после этих демонстраций – новое событие: Виктор Эммануил приезжает 22 марта 1821 года в Ниццу и проводит там несколько дней. Это всего лишь правитель, отрекшийся от престола, но город устраивает ему праздничный прием. В Ницце умеют чтить великих.

В 1809-м, а затем в 1814 году здесь торжественно встречали папу Пия VII, бывшего проездом по

дороге в Париж, а затем – на обратном пути в Рим. В одном из западных кварталов города – Круа-де-Марбр (Мраморный Крест) – из кареты выпрягли лошадей и торжественно довели папу до самого собора. Он провел в Ницце два дня, в том самом доме, где в 1796 году жил Бонапарт.

В марте 1821 года в честь Виктора Эммануила I состоялся праздник, устроенный рыбаками. Мужчины везли по улицам разрисованный макет корабля – своего рода колесницу, украшенную цветами и знаменами, на которой плясали юноши и девушки. Женщины, все в белом, сопровождали кортеж. Спустились к морю: все лодки светились огнями. Жители Ниццы собрались на берегу. Зрелище заставило забыть о политике, или, скорее, политика превратилась в зрелище.

«Несмотря на моду, – пишет аббат Бонифасси, – мы не любим путешествовать, мы не находим ничего, что было бы приятнее и милее нашего края. Другим путешествия доставляют радость; для нас это настоящая жертва. Нам необходим очень важный повод, чтобы покинуть родные пенаты».

Этим важным поводом для Джузеппе Гарибальди была необходимость стать самим собой.

В пятнадцать лет он садится на борт бригантинны «Констанца», направлявшейся в Одессу.

Он будет юнгой. Капитан «Констанцы», Анджело Пезанте из Сан-Ремо, друг его отца.

Впервые Джузеппе прощается с родным городом.

Перед ним море. Перед ним – жизнь.

Картина вторая

ОТКРЫТИЕ МИРА

(1822 – 1833)

« Как ты была прекрасна, «Констанца»! В памяти Гарибальди первое судно первого плавания оставило воспоминания о высокой мачте, широких бортах, фигуре на носу корабля, поразившей новичка юнгу.

Бедная мама, пишет он, приготовила мне все, что было необходимо для плавания в Одессу, а он смотрел на «пышную грудь» вырезанной из дерева статуи, венчающей нос корабля, которую вскоре должна была скрыть морская пена.

«Констанца», море, далекие города. И любовь. Гарибальди навсегда останется человеком, влюбленным в любовь.

Он моряк. Он плывет из порта в порт, из Ниццы в Одессу и Таганрог, где судно загружают пшеницей; из Марселя в порты Леванта; из Ниццы в Рим; от греческих рейдов к испанским портам.

Нужно представить себе Средиземное море первой трети XIX века, буйство красок и страстей.

Несколько очень редких пароходов оставляют на горизонте дымный след, но чаще всего встречаются парусные суда, фелуки или тартаны,

бригантины или шхуны, все тяжело нагруженные бочонками вина, оливкового масла, хлопком, пшеницей или лесом, иногда с путешественниками или паломниками на борту, отправляющимися в Святую Землю, с изгнанниками или поэтами, едущими сражаться в чужие края.

Порты, несмотря на разнообразие природы, особенности нравов и обычаев, все похожи друг на друга, с причалами, загроможденными тюками, с полугольми грузчиками, с тем же шумом, криками и тавернами. Там правит монарх-католик, здесь — султан или царь, но моряки, которые встречаются и пьют вместе, — испанцы, сицилийцы, итальянцы, французы, греки, — образуют братство, ибо связаны неосознанной общностью людей моря.

Гарибальди сначала открыл для себя в жизни это: горизонт, свет зари, синеющие вдали холмы над обрывистыми берегами Средиземного моря.

Он узнал тесную близость и сердечность людей одного экипажа; на палубе пели народные песни: «песни о любви, которые волновали меня из-за какой-нибудь привязанности, не имеющей значения».

Этому юнге с живыми глазами и светлыми волосами, юноше с выразительным лицом, быстро превратившемуся в широкоплечего загорелого моряка, было несложно на любой стоянке встретить женскую любовь.

Когда он возвращается в Ниццу на борту «Констанцы», трюмы которой заполнены пшеницей с украинских полей, он уже другой: мужчина, расцветший

физически, уверенный в себе, закаленный работой юнги, а затем матроса, умеющий бороться, не боящийся опасности, которая в море может возникнуть в любую минуту.

Весной 1825 года он снова отдает швартовы в порту Лимпия. Донна Роза на набережной, у причала. Ее мужчины уходят в плавание, Гарибальди на этот раз на «Санта Репарата» — тартане, принадлежащей отцу. Ставят паруса, сейчас обогнут первые мысы — у Ниццы, затем — у Феррата. Здесь, ближе к берегу, Гарибальди ребенком ходил с рыбаками на лов тунца.

Тартана тяжело нагружена, порой волны захлестывают верхнюю часть лееров. На палубе надежно закреплены бочки с вином. Достаточно, чтобы налетел шквал, а Средиземное море славится шквальными ветрами, и, если веревки не выдержат, бочки покатаются по палубе, все сметая на своем пути, судно может накрениться и опрокинуться или налететь на скалы.

Позднее Гарибальди расскажет об одном из кораблекрушений, свидетелем которого он был; оно произошло недалеко от берега, когда он возвращался в Ниццу на бригантине «Энеа» капитана Джузеппе Джервино. Шквал юго-западного ветра, самого коварного у лигурийских берегов, поблизости от мыса Ноли, опрокинул судно. В нескольких кабельтовых от «Энеа» каталонская фелука перевернулась и затонула, накрытая дбумя донными волнами, — у моряков с «Энеа» не было ни малейшей возможности прийти на помощь каталонцам.

Неукротимая ярость моря, которой нужно уметь противостоять, сюрпризы, которые нужно мгновенно парировать – натянуть паруса, убрать паруса, попытаться лавировать галс за галсом, отдаться на волю волн, удерживая судно на гребне, – Гарибальди столкнулся с этим в первые годы плавания: своенравное Средиземное море было его университетом.

С пятнадцати лет он знал, что такое страх и как его преодолеть. Разве шторм менее страшен, чем кавалерийская атака?

После того как, вцепившись в поручни капитанского мостика на корабле, имеющем не более пятнадцати метров в длину, ты выдержал шквал юго-западного ветра, ты сможешь, не дрогнув, выдержать и атаку. Быть моряком на этих маленьких яликах с экипажем из десяти человек – это научиться бороться, когда нет возможности бежать, и сражаться, пользуясь лишь тем, что есть под рукой: несколько квадратных метров парусины плюс собственная ловкость. Хорошая школа для будущего полководца.

Но во время своего второго плавания вместе с отцом Гарибальди не пришлось сражаться со штормом. «Санта Репарата», идя вдоль берега, направлялась в Фиумичино, римский порт.

1825 год был святым годом. Может быть, плавание Гарибальди на борту отцовской тартаны было связано с этим: Доменико Гарибальди хотел предложить сыну зрелище праздничного Рима, славящего Господа и Господню Церковь.

Он увидел город, заполненный разноязыкой толпой, противоречивый, покоряющий своей красотой, с памятниками императорам — и нищими, город, отмеченный печатью разложения, подвластный князьям церкви.

Рим покори́л его — и разочаровал. Гарибальди показалось, что эта власть душит город. И в самом деле, после падения империи все то новое, что было создано под французским влиянием, было уничтожено реакцией, вначале возглавляемой Пием VII, а затем Львом XII (удостоенным папского сана в то время, когда он был уже известен как самый реакционный из кардиналов).

В Риме Гарибальди увидел бесчисленное духовенство, высокомерное, безразличное к вере и бросающейся в глаза бедности большинства горожан.

Для человека молодого, требовательного, в глазах которого Рим был «колыбелью религии, разбившей цепи рабства и облагородившей человечество», это зрелище было невыносимо.

Гарибальди избороздил Средиземное море во всех направлениях. Для фирмы «Джоан» он совершает рейсы из Ниццы в порты Леванта. Он много раз уходит в плавание в Черное море и в греческие порты. На «Короманделе» он доходит даже до Гибралтара и Канарских островов. Вот он на борту «Кортезе», у капитана Карло Семериа. Вот он служит на бригантине «Ностра Синьора делла Грация», капитаном которой становится в 1832 году. Нет средиземноморского берега, который он бы ни видел или к которому ни пристал

за эти десять лет, решающих для формирования личности.

В эти годы Средиземное море было как раз морем политических бурь, центром великого национального движения, охватившего Европу и явившегося наследием Французской революции и владычества империи.

Это то время, когда Байрон сражается на стороне греков в Миссолонги и умирает у стен города, осажденного турками. На островах, на широте которых проходит Гарибальди и к берегам которых он пристает, — льется кровь. Греческое восстание началось в 1825 году. В Хиосе — избиение греков, чудовищная резня, и греческий мальчик просит только «пороха и пуль».

В 1825 году в России декабристы организовали заговор против царя. Русский, английский и французский флоты атакуют турецкий при Наварине (1827 год). В 1828 году между Россией и Турцией начинается война. Французский экспедиционный корпус высаживается в Морее.

Вся Европа говорит о борющейся Греции, о страданиях ее народа, о независимости, которой он добивается.

Если Гарибальди — сын Ниццы, он также детище того национального и романтического движения, которое охватывает и увлекает самую бескорыстную, самую благородную часть его поколения.

Видя борьбу греческого народа, как он может не думать об итальянском народе, угнетаемом иностранной державой, Австрией, чьи войска безжалостно

подавляют любое движение, связанное со стремлением к независимости?

Начинаются репрессии. Казни в Модене, в Риме. «Филадельфи», мужественные и решительные члены тайного общества, хотят, как и греки, взяться за оружие.

В 1828 году в Чиленто, горном массиве, окаймляющем море, которое Гарибальди бороздит во всех направлениях, они организуют восстание, надеясь овладеть Салерно, ближайшим городом. Они разбиты, и двадцать восемь участников восстания приговорены к смерти и казнены. Их головы выставлены в родной деревне.

И этот акт дикости совершен не турецкими «варварами», а правительством, чтущим порядок и церковь! Таково положение Италии.

Полиция и ее шпионы, австрийская армия контролируют различные королевства.

В самой Ницце, когда Гарибальди возвращается из плавания в свой родной город, он чувствует тяжесть слезки. Гектор Берлиоз, который в мае 1831 года провел в Ницце несколько недель, принужден покинуть город: он рисовал, сидя на скале, за пределами порта. Его заподозрили в том, что он снимал план.

Покинуть Ниццу, вновь обрести море, мужскую дружбу экипажа, вырваться из удушливой атмосферы репрессий и слезки! И думать об Италии...

Гарибальди видел мир, сравнивал людей. Он мечтал об объединенной Италии, потому что у него была широта видения, которую дает расстояние.

И его желание было тем сильнее, что он встречался с итальянцами, жившими в изгнании и тоже мечтавшими о будущем Италии; их великодушие, дружба были проявлением национальной солидарности, хотя нации в это время еще не существовало.

В Константинополе, например, этом огромном, запутанном городе, где встречаются все существующие этносы и продаются всевозможные товары, заболевший Гарибальди вынужден остаться, а бригантинка «Кортезе», на которой он плывал, снялась с якоря. Затем, когда он выздоровел, война между Турцией и Россией удержала его на месте.

Положение могло оказаться для него трудным, и он вначале так и думал: «Я попал в очень скверную переделку». Но итальянское землячество было сильным, организованным. В квартале Пара существовало объединение итальянских рабочих. Итальянцам уже в средние века приходилось путешествовать, им были знакомы законы торговли и жизни на чужбине. Гарибальди благодаря своим соотечественникам смог воспользоваться гостеприимством семьи Саувайго — с ниццской фамилией, затем стал домашним учителем троих сыновей одной вдовы: это тоже были итальянцы, сочувствующие молодому моряку, оторванному от родины.

В течение почти двух лет, которые Гарибальди провел в Константинополе, он читает, занимается своим образованием. «Я воспользовался этой передышкой, чтобы немного изучить греческий, но

затем забыл его, как и латынь, которую учил в детстве».

По возвращении в Ниццу — в 1830 или 1831 году — он получает диплом помощника капитана.

Ему только двадцать четыре года.

Он красив, ловок и силен. В том возрасте, когда другие еще только ищут себя, хотя в начале XIX века деятельная жизнь начиналась рано, — у него уже есть профессия. Гарибальди намного обогнал своего отца: он ушел за Гибралтарский пролив, оставив позади мирные маршруты малого каботажа.

Что сделать, чтобы уйти еще дальше? Пересечь Атлантику, присоединиться к Анджело, старшему брату, который живет в Соединенных Штатах и процветает? Иногда такое искушение возникает, но в характере Гарибальди слишком много силы и страсти, чтобы его устроила сугубо частная жизнь, пусть даже и удачно сложившаяся. Ему необходима полная самоотдача, он слишком любит связанность общим делом с другими людьми, контакт с ними — он поет, рассказывает, соблазняет, увлекает — он не может замкнуться в своем мирке. Не может жить без опасности и борьбы.

В Таганроге, во время очередной стоянки в порту, он сталкивается из-за драки между вахтенными матросами с полицией царя Николая I. И снова только солидарность итальянцев спасает его от высылки.

Тридцатые годы богаты событиями.

Какое-то время казалось, что революция покинула Францию и Италию — после потрясений

двадцатых годов. Испания (в 1823 году), Греция (начиная с 1821-го и до 1829-го) и даже Россия с декабристами (1825) приняли эстафету, часто соединяя либеральные и национальные требования.

Затем июльская революция в Париже, посадившая на трон Луи Филиппа, бельгийская в августе и польская в ноябре вернули жизнь традиционному революционному центру Европы: Париж снова стал столицей всех изгнанников.

Там обосновался Буонарроти, занявшийся созданием сети тайных обществ. Так возникло таинственное «Милити Апофазименти» («солдаты, принесшие доказательство»), целью которого было создание единой Италии, свободной, независимой, республиканской. Чтобы быть принятым в это общество, необходимо было представить доказательства реально причиненного вреда с помощью кинжала или яда врагу Италии. Члены общества должны были скрепить свою клятву кровью.

Выспренность? Романтизм того времени, напоминающий романы Александра Дюма?

Не следует заблуждаться: заговорщикам грозит реальная опасность. Те, кто в Модене (Менотти, Мислей), Парме, Болонье берутся за оружие, жестоко преследуются. Чиро Менотти приговорен к смерти и казнен.

Гарибальди следит за этими событиями со страстным вниманием. Его потрясла героическая фигура Менотти, ставшего жертвой ничтожного монарха (Франциска IV), опирающегося на австрийские

штыки. Он мечтает участвовать в таких же событиях, включиться в политическую борьбу.

Своего первенца он назовет Менотти.

На каждой стоянке он пытается узнать о происходящем. К итальянцам, живущим в изгнании, новости приходят с опозданием. Менотти повешен. Меттерних твердит, что Италия должна быть всего лишь «географическим понятием». Восставшие Болонья и Анкона снова возвращены папе Грегуару XVI. Власть австрийских войск растет.

Рождается мысль, что папство и Австрия — две силы, мешающие победе Рисорджименто и объединению Италии.

Гарибальди почти инстинктивно пришел к такому же выводу. Он ненавидит репрессии. При каждой встрече он слышит рассказы о казнях и преследованиях.

Однажды вечером в таганрогском трактире он услышал за соседним столом разговор итальянских моряков. Один из самых молодых говорил с жаром, что он — один из «посвященных», из тех, кто поклялся пожертвовать жизнью ради Дела — ради Италии, «новой родины всех итальянцев».

Впервые Гарибальди почувствовал, что встретил единомышленника, разделяющего ту же веру, ту же мечту.

Это был Джованни Баттиста Кунео, член новой организации «Джовине Италия», тайного общества, основанного генуэзцем Мадзини.

Мадзини принадлежал к тому же поколению, что и Гарибальди (он родился в 1805 году), он

испытал на себе гнет сардинского правосудия. Осужденный, приговоренный к изгнанию, он с мрачной решимостью максималиста и фанатизмом теоретика, не признающего компромисса, создал эту организацию, которая, как он полагал, должна была заменить устаревшие секты, например карбонариев. Объединив десятки тысяч заговорщиков по всей Италии, она сумеет поднять страну на борьбу.

«Независимость, Единство, Свобода».

В 1831 году, когда Карл Альберт сменил Карла Феликса на пьемонт-сардинском троне, Мадзини обратился к новому монарху с посланием:

«...Сир, может быть, Вам необходимо узнать правду...

...Станьте во главе Нации и напишите на Вашем знамени: Союз, Свобода, Независимость... Каким бы ни был Ваш ответ, будьте уверены, что потомство назовет Вас первым из людей чести или последним из итальянских тиранов. Выбирайте!»

Распространенное во множестве экземпляров по всей Италии, письмо Мадзини, естественно, осталось без ответа.

Мадзини обосновался в Марселе — одном из портов приписки судна Гарибальди — и начал муравьиную работу заговорщика, не располагающего большими возможностями — только преданностью членов организации. Он был под вечной угрозой провокации, так как у австрийской полиции даже в Марселе была развитая шпионская сеть. Когда австрийцам удавалось получить

сведения или установить личность одного из членов организации, они ставили в известность пьемонтское правительство. Членов «Джовине Италия» преследовали по всей Италии, в Ницце и Генуе, в Риме и Турине.

Французская полиция Луи Филиппа, монарха, увенчанного революцией, тоже была встревожена.

Не собирался ли этот Джузеппе Мадзини создать за пределами Италии республиканскую «Молодую Европу», представляющую опасность для любой монархии, даже той, которая объявила себя конституционной?

И французская полиция начала слежку за итальянскими судами и эмигрантами.

4 июля 1832 года марсельские таможенники обнаружили на борту «Солли», торгового судна, материалы, подтверждающие, что члены «Джовине Италия» готовят в Италии восстание. Прокламации, списки участников заговора, указания о местах сборов не оставляли никаких сомнений о намерениях Мадзини и его товарищей. В августе в Париже принято постановление о высылке Мадзини, который вынужден скрываться у французов, в большинстве своем республиканцев.

В мае 1833 года в Турине аналогичная информация встревожила короля Карла Альберта; в Шамбери, Турине, Генуе и Ницце начались репрессии.

Страх охватил королевство. Число доносов росло с каждым днем. Офицеры, многие из которых вступили в «Джовине Италия», предпочли

эмигрировать. Мрачная полоса, эхо которой доносится до Гарибальди каждый раз, когда судно пристает к берегу. Тринадцать заговорщиков казнены, многие приговорены к тюремному заключению.

Мрачный и решительный, Мадзини не отступит. Эмигранты произносят его имя с глубокой почитательностью. Он — учитель, он знает и видит судьбу Италии. Ему слепо верят.

Но изгнание предрасполагает к волюнтаризму, принимающему желаемое за действительное.

Когда Гарибальди высадился в Марселе, он встретил там своих друзей-итальянцев; ему рассказали, соблюдая осторожность, так как полиция была начеку, о «Джовине Италия».

Гарибальди был в то время помощником капитана на бригантине «Клоринда», которой командовал капитан Клари.

Был март 1833 года. Гарибальди двадцать шесть лет, он снова должен был уйти в плавание — к Черному морю.

«Клоринда» приняла на борт необычную группу пассажиров; ею руководил тридцатичетырехлетний Эмиль Барро. Сен-симонист, один из тех, кого «Новое христианство» обратило в свою веру, он стремится к братству людей, хочет основать новую религию, которая примирила бы свободу нравов с идеей равенства. Он и его слутники — живое свидетельство кризиса традиционного общества, напуганного революцией и начинающейся индустриализацией. Они — сторонники ненасилия.

Изгнанные из Франции, они хотят основать колонию свободных людей. Они спокойны, счастливы.

Гарибальди околдован Барро, его красноречием и новыми теориями:

«...Апостол доказал мне, что человек, который, став космополитом, считает своей родиной человечество и готов предложить свою шпагу и жизнь любому народу, борющемуся против тирании, — больше, чем солдат — это — герой».

Так сен-симонистская система помешала Гарибальди замкнуться в кругу национальных проблем и страстей. Он будет патриотом, но также — и что может быть естественнее для человека, связанного с морем и путешествиями, с различными культурами? — космополитом.

Барро, перед тем как сойти на берег, подарил Гарибальди свой собственный экземпляр «Нового христианства» Сен-Симона. Гарибальди не расстанется с ним до конца своей жизни, полной превратностей и скитаний.

Прошло несколько недель. Гарибальди высадился в Марселе. Итальянское землячество в это время жило слухами о репрессиях, развернувшихся в Пьемонте. Некоторым эмигрантам удалось переправиться через Вар. Они рассказывали о казнях и приговорах. Шептались о том, что «Джовине Италия» все-таки готовила восстание, которое непременно должно было удался. Добавляли, что Мадзини в Марселе, конечно, нелегально. Но Гарибальди решил сделать все возможное, чтобы с ним встретиться. Тогда он сможет

начать действовать. Один из эмигрантов, Кови, согласился быть посредником. Гарибальди доверяли. Итак, Кови привел его к Мадзини.

Для Мадзини, интеллигента, склонного к созерцанию, действие было связано прежде всего со словом и мыслью. Он строил планы, намечал перспективы.

Должно быть, он увидел в Гарибальди моряка, не сведущего в истории и политике, но горевшего желанием бороться. Он хотел стать членом «Джовине Италия», произнеся слова ритуала: «Я навлеку на себя гнев Господа, презрение людей и отверженность клятвопреступника, если нарушу, в большом или малом, мою клятву».

Какое чувство вызвал у Гарибальди человек, окруженный ореолом тайны и почитанием участников заговора? Он почти ничего не говорит об этой встрече. Видимо, его удивила холодность лидера «Джовине Италия».

По всей вероятности, между этими людьми не возникло симпатии. Но каждый оценил роль другого. Мадзини был вождем – ему было всего двадцать восемь лет; Гарибальди отдавал себя в его распоряжение. Мадзини, который вскоре должен был покинуть Марсель, чтобы перенести центр «Джовине Италия» в более гостеприимное место – это была Женева, – сказал с уверенностью, отмечающей все сомнения: «Достаточно искры, чтобы Италия содрогнулась, как вулкан».

Гарибальди хотел быть одним из тех, кто поднесет огонь к самому кратеру.

Ему было двадцать шесть лет. Наконец-то он сознательно принимал участие в политике, в игре, которую вела сама История.

Картина третья

ЗАГОВОР

(1833 – 1835)

Место, которое Мадзини отвел Гарибальди, впервые принимавшему участие в игре Истории, было важным. Понял ли Мадзини, что Гарибальди достоин доверия и справится с возложенной на него тяжелой ответственностью, или он проявил легкомыслие и назначил Гарибальди, потому что тот оказался под рукой и нужно было найти кого-нибудь, кто захватил бы генуэзский арсенал, организовал мятеж в экипажах сардинского флота и поднял на борьбу с монархией народ, раздав ему оружие?

Как рассчитывал Мадзини, эта операция должна была дополнить и поддержать его основное наступление, которое планировалось на севере. Итальянские изгнанники, французские республиканцы и польские эмигранты захватят Савойю, от Швейцарии до Франции, – и трон Карла Альберта рухнет.

«Массовое вооруженное восстание, наступление на столицы, всенародное движение докажут всей стране и за ее пределами, что итальянская нация воскресла, что она дает сигнал для европейского восстания. Захват генуэзского арсенала равносильна Революции», — объяснял Мадзини.

Гарибальди молод, наивен, полон решимости. Он верит в успех.

Он отправился из Марсея сначала в Ниццу, затем в Геную. Мадзини передал ему значительный фонд, собранный «Джовини Италия»; с его помощью он должен был привлечь колеблющихся и приобрести сообщников. Необходимо, чтобы моряки перешли в революционный лагерь. Гарибальди предстояло это организовать.

В соответствии с законом, действовавшим в Пьемонт-Сардинском королевстве, Гарибальди до своего сорокалетия должен был прослужить пять лет в военном флоте. Конечно, он мог уклониться, как делали многие. Но нельзя было упустить такую прекрасную возможность. Он отправился на генуэзский призывной пункт, как на праздник, не думая о государственном механизме, чиновниках, полиции и шпионах.

В Ницце он часто собирал за дружеским застольем своих сверстников. Угощал, кормил, поил. И говорил, не приводя доказательств. Он считал, что друзья его юности похожи на него, что они загорятся от нескольких фраз. Гости поддакивали — и исчезали. Он считал, что сумел их убедить.

С непосредственностью, свойственной его возрасту и неопытности, он не мог себе даже представить, что от долга можно уклониться или, того хуже, после разговора с ним можно донести на него пьемонтским карабинерам.

Единственная мера предосторожности: ни донне Розе, ни Доменико Гарибальди он не рассказал о цели своей поездки.

Гарибальди их успокоил: он едет в Геную, чтобы исполнить свой воинский долг. С ним вместе едет его друг Эдоардо Мутру. Они вернутся.

26 декабря 1833 года Гарибальди и Мутру предстали перед властями королевского флота.

Генуя была самым крупным военным портом Пьемонт-Сардинского королевства. Часть кораблей стояла на рейде, другие, тяжелые трехмачтовые суда, были пришвартованы борт к борту, их высокие стрингеры и свернутые на реях паруса возвышались над причалами.

Арсенал занимал много зданий, расположенных близко от порта. Они и казармы, неподалеку от площади Сарцана, создавали грозный ансамбль. Их занимали карабинеры — жандармы, верные монархии. Генуя в самом деле была крепостью. В ней кипела жизнь. Она была главным торговым портом Пьемонта. Из нее Турин и города севера и Ломбардии, подвластной австрийцам, получали русскую пшеницу, восточные товары, английские машины. Генуя играла ведущую роль в жизнедеятельности и безопасности королевства.

Полиция там не дремала, и шпионов было много.

Правительство Турина в конце 1833 года знало, что Мадзини, кстати генуэзец, готовил удар. Австрийские шпионы давно предупредили Карла Альберта.

4 ноября 1833 года пьемонтский трибунал заочно приговорил Мадзини к смертной казни.

Глава «Джовине Италия» спокойно жил в Женеве. Руководителем восстания он назначил генерала Раморино, человека сомнительной репутации, бывшего участника императорских войн, изгнанного из пьемонтской армии после волнений 1821 года, сражавшегося на стороне польской революции в 1830 году, и... игрока! Он растратил в игорных домах Лиона 40 000 франков, полученных им для вербовки волонтеров. Хуже того, говорили, что он связан с Видоком, этим Вотренным Истории, бывшим каторжником, ставшим шефом полиции.

Как можно было победить в таких условиях?

Гарибальди ничего не знал об этой темной закулисной игре вокруг готовившегося восстания.

Редко можно встретить человека, более неподходящего для роли заговорщика. Когда в соответствии с традицией его спросили, под каким именем он хотел бы, чтобы его внесли в реестр королевского флота, он назвал имя брата Леонида, героя Фермопил, — Клеомброта.

Мутру сохранил свое имя.

Прежде чем попасть на борт корабля, необходимо было пройти медицинский осмотр; получить

удостоверение личности: «Джузеппе Гарибальди, так называемый Клеомброт, родился в Ницце 4 июля 1807 года, волосы и ресницы светлые, глаза карие, лоб высокий, нос орлиный, рот средний, подбородок и лицо круглые, рост метр семьдесят».

Им выдали черный сюртук, белые брюки и цилиндр – военную форму королевского флота, затем они поднялись на борт «Эвридики».

И Гарибальди развернул свою деятельность. Он был так уверен в себе, так убежден в близости решающего часа. И совершенно лишен какой бы то ни было осторожности: он собирал вокруг себя маленькие группы моряков, раздавал им деньги, уговаривал бороться за Италию.

Его слушали и, казалось, одобряли. Это ни к чему не обязывало. И потом, он угощал вином или ужином, и сама открытость его пропаганды не имела ничего общего с заговором.

Что касается властей, они не мешали Гарибальди: за ним начали следить еще в Ницце, может быть, даже раньше – в Марселе. Они ждали, что возможные сообщники обнаружат себя сами. А главное, они не так уж опасались восстания.

Однако чтобы не рисковать, они решили перевести 3 февраля двух матросов третьего класса, Клеомброта и Мутру, с «Эвридики» на «Генуэзцев». Там у них не будет времени развернуть агитацию, так как Мадзини уже бросил своих людей на штурм королевства на северных границах.

Восстание было коротким и выявило полную неспособность Мадзини и «Джовине Италия»

организовать сколько-нибудь эффективное выступление.

Швейцарская полиция и сардинские войска, прекрасно информированные, окружили, обезоружили или обратили в бегство поляков, которые 1 февраля попытались переправиться через Леман, итальянцев, перешедших Арв, и тех, кто, выступив из Франции, пытался занять Эшель 3 февраля 1834 года. Двое из сторонников Мадзини попали в плен. Они будут расстреляны.

Мадзини от волнения и нервного напряжения упал в обморок в лодке, которая должна была отвезти его в Италию. Он хотел отравиться, но не сумел достать яда. Бред. Абсурд. Раморино исчез. Польские волонтеры подрались с итальянцами. Таков был финал «Джовине Италия» и ее благородных планов: горстке людей редко удается победить государство.

Изгнанникам остается только горечь, надежда, безумная, как мечта, и новое изгнание. Мадзини уедет в Лондон.

В Генуе Гарибальди еще ничего не знает, кроме того, что восстание, намеченное на 31 января, перенесено на 4–5 февраля. Его встревожил перевод на фрегат «Генуэзцы». Он попросил увольнительную на берег.

Покинул ли он судно потому, что провокатор, чтобы вернее завлечь его в ловушку, дал ему понять, что восстание начнется в Генуе?

«Я слышал, что движение начнется в Генуе с захвата казармы карабинеров, расположенной на

площади Сарцана... В час, когда все должно было начаться, я спустил шлюпку на воду и высадился у Таможни. Оттуда в два прыжка очутился на площади... Я прождал около часа, но никто не приходил. Вскоре я узнал, что восстание провалилось и что республиканцы бежали».

Немного позднее он в самом деле узнал, что дело Мадзини потерпело крах, что Мутру арестован. Ему оставалось только бежать. Зеленщица дала ему одежду своего мужа и еду на дорогу. Во Францию нужно было идти пешком, пробираясь по горным тропам.

В Ницце издан приказ о его аресте. Он знает, что за домом родителей установлена слежка. Житель Ниццы, ни в чем не повинный рыбак, арестован только потому, что его фамилия Гарибальди, и отправлен в Геную. Брат Гарибальди, Феличе, задержан карабинерами недалеко от Генуи. Может быть, удастся, если повезет и хватит дерзости, миновать расставленную сеть. Ведь не слушаться же увещаний донны Розы, с которой удалось увидаться на несколько мгновений у тетки, укрывшей беглеца. Родители видели только один выход: сдаться королевскому правосудию, искупить свою вину и получить прощение.

Прощай, Ницца, на долгие годы! Прощай, семья, такая любящая, но слепая...

Нужно переправиться через Вар — это нетрудно для того, кто здесь родился, охотился и рыбачил в этих местах, — и таким образом попасть во Францию.

Гарибальди настолько уверен в том, что французская земля будет для него убежищем, что сам является в жандармерию. Но как только он рассказал о своем приключении, его арестовали. Сначала его отправили в Грасс, затем в Драгиньян. Там Гарибальди понял, что ему нужно снова бежать. Он выпрыгнул из окна и скрылся. И снова столкнулся с опасностью, на этот раз в харчевне, где он опять доверился, — по-прежнему наивный, по-прежнему убежденный, что достаточно рассказать правду, чтобы тебе поверили, достаточно бороться за справедливость, чтобы увлечь за собой других. Хозяин харчевни пригрозил, что выдаст его полиции. Он отказался от своего намерения только после того, как Гарибальди — это было в Провансе, где многие крестьяне и жители маленьких городов были республиканцами, — спел одну из песенок Беранже, чем вызвал бурный восторг завсегдатаев, и его отпустили.

Гарибальди больше двадцати дней шел пешком, открывая для себя заново землю Франции, ее деревни, ее людей. Размышляя об этой первой политической акции, он пришел к выводу, что для серьезных перемен необходимо время.

Марсель — большой город, здесь Гарибальди было легче затеряться. Помогли связи с моряками и итальянскими эмигрантами. Но фамилию все же пришлось сменить. Он стал Джузеппе Пани, так как узнал из газет, что осужден военно-полевым судом Генуи. Обвиняемые, не уклонившиеся от суда, — среди них его друг Мутру, — были оправданы, но он,

Гарибальди Джузеппе Мария, двадцати шести лет, уроженец Ниццы, приговорен к позорной казни как враг родины и государства.

«Позорная смерть» означала расстрел, но при таком приговоре стреляли в спину.

Несколькими неделями ранее Раморино, ненадежный и бездарный главнокомандующий предпринятого Мадзини наступления, так же как тринадцать других заговорщиков, были приговорены – заочно – к повешению.

Так Гарибальди в 1834 году – смертный приговор ему был вынесен 3 июня – вошел в состав своего рода элиты, аристократии эмиграции: политических изгнанников.

То что его первая революционная акция выглядела так наивно и фантастично – невероятные приключения в стиле Рокамболя¹, и почти комическая деталь: многие женщины в конце века претендовали на честь принять у себя на одну ночь (в феврале 1834 года) скрывавшегося от преследования заговорщика – ничего не меняет в сути дела.

Их не так уж много в первой трети XIX века – тех, кто составляет когорту людей, на которых упала зловещая тень государственного правосудия. Они – элита своего поколения. Думая о них, нельзя не вспомнить – сравнение напрашивается само собой – об эмигрантах сегодняшнего дня из Афганистана и Чили, Сальвадора и

---

¹ «Похождения маркиза де Рокамболя» Понсона дю Терайля, авантурный роман. – *Прим. перев.*

Уругвая, борющихся против угнетения своих народов. Где бы им ни приходилось жить, они мечтают о своей родине.

Трудно измерить глубину перемены, произошедшей в Гарибальди. Он был хорошим моряком, сочувствующим делу Италии. И вот он — революционер, удостоенный смертного приговора и вынужденный скрываться под чужой фамилией. Он — изгнанник. Путь на родину закрыт. Он насильственно оторван от своих корней, от семьи. Отныне в каком бы уголке земли он ни оказался, он будет вместе с другими патриотами, с товарищами по революции.

Гарибальди, Мадзини, Мутру, Кунео и сколько еще других — их связь останется нерушимой, несмотря на тысячи разделяющих километров: когда настанет время действовать, они снова будут вместе.

В Марселе благодаря их помощи ему удастся завербоваться на французскую бригадину «Уньон», где капитаном был Франсуа Газан.

Гарибальди стал его помощником, ходил с ним в Черное море, в Левант. Передал корвет тунисскому бею.

Испытал ли он искушение поступить на службу к мусульманам? Об этом поговаривали, но это маловероятно. Человек, близко принявший к сердцу дело Греции, патриот, вряд ли мог бы подчиниться законам иностранного государства, противоречащим его принципам. В Гарибальди не было ничего от наемника.

Итак, он возвращается в Марсель и застаёт там все ту же несколько затхлую атмосферу, царящую

в группах политических эмигрантов, переживших поражение.

Времена мрачные, «Джовине Италия» угасает, ее создатель по-прежнему пользуется уважением, но не имеет большого политического веса.

Во Франции монархия Луи Филиппа постепенно превращалась в карикатурную гримасу: ее терзал страх перед народной революцией, плодами которой она воспользовалась в 1830 году. В ход была пущена безжалостная машина репрессий, давившая всех, кто смел противиться. Эта система и эти люди – палачи или жертвы, сама атмосфера тех лет – навсегда остались в графике Домье. Гарибальди задыхался во Франции, хотя правительство Луи Филиппа не преследовало эмигрантов и иногда даже выплачивало им ежемесячное пособие.

Торжество серости – на долгие годы, когда каждый повторял слова Гизо: «Обогащайтесь!»

Что было делать Гарибальди с этим призывом – ему, бывшему воплощением великодушия, альтруизма?

Когда в 1835 году эпидемия холеры поразила Марсель – после Парижа и большинства крупных городов Европы, он – доброволец в госпитале. Одетый в балахон с капюшоном, подбирает больных и мертвых на улицах опустевшего города, где царит страх. Он не думает о себе, об опасности.

Что делать, когда надежды почти не осталось, между эмигрантами раскол, французское правительство ужесточает меры и гнет слезки за республиканцами и радикалами становится все тяжелее?

Могло ли не тревожить полицию и шпионов Луи Филиппа присутствие мятежника, приговоренного к смертной казни королевским правосудием Турина, когда 28 июля 1335 года Фиесчи, корсиканец, но, с точки зрения Парижа, от Корсики недалеко до Италии, взрывает адскую машину на пути следования королевского кортежа? Луи Филипп остался жив, но ситуация стала еще напряженнее, репрессии ужесточились.

Итак, уехать! Порвать! Не с надеждой и убеждениями, а с тем застоем и разложением, которые подстерегают деятельную натуру, обреченную на бездействие.

Уехать в Новый Свет.

Америка – слово, открывающее горизонт.

Гарибальди слышит его с детства. Его старший брат уехал за океан. Тысячи итальянцев обосновались там, в Южной Америке, их очень много в некоторых городах: Рио-де-Жанейро, Монтевидео... Многие из них – политические эмигранты. Кунео, тот самый, который в Таганроге впервые рассказал ему о «Джовине Италия», уже давно в Монтевидео.

Земли этого континента необъятны, как море. Нравы там свободны, как вольные кони прерий... Разочарование в политике, воспоминания детства, жажда приключений и убежденность в том, что там он встретит товарищей, заставляют его покинуть Францию и Европу, где реакция усиливается с каждым днем.

Правительство Луи Филиппа в сентябре 1835 года приняло закон о репрессиях. В начале того же месяца Гарибальди сел на борт «Нотонье», бригантинны из Нанта.

Порт назначения – Рио-де-Жанейро, край света.

Второй акт

*БОЕЦ В ЧУЖИХ
КРАЯХ*
(1835 — 1848)

Картина четвертая

КОРСАР РЕСПУБЛИКИ (1835 – 1839)

Земля. Земля, о близости которой Джузеппе Гарибальди, средиземноморскому моряку, говорит длинная полоса зыби, высота и пенистые гребни огромных океанских волн, а затем, когда берег близок, пряный запах, изменившийся цвет воды Атлантики, трава и стволы деревьев, унесенные приливом и плавающие на поверхности, лесные птицы, corteж которых сопровождает корабль, и, наконец, постепенно выступающие из туманной дымки сахарные головы Рио-де-Жанейро, покрытые буйной растительностью. Бухта соответствует громадности Нового Света – таким Гарибальди и рисовал его себе в воображении в долгие дни и ночи плавания, длившегося много недель. Пейзаж похож на видение, но его величие и красота поразили Гарибальди, как и прием, оказанный ему итальянцами Рио.

Несколько человек, представлявших колонию эмигрантов, членов «Джовине Италия», встречали в порту того, о чьем приезде Мадзини сообщал им во многих письмах.

Годом ранее, вскоре после попытки февральского восстания, «Генуэзцы», корабль, на который в Генуе были переведены Гарибальди и Мутру, останавливался в Рио-де-Жанейро. Сардинские моряки рассказали о провале предприятия Гарибальди и о расследовании, проводившемся среди экипажей эскадры. Смертный приговор был равен возведению в дворянство. Приезда того, кого пьемонтское правосудие отметило как одного из лучших, ждали с нетерпением. И, кроме того, даже если «Нотонье» пришел из Марселя, а не из Италии, Европа для изгнанников, оказавшихся на краю света, уже была родиной. Они ждали новостей, рассказов, встречи с кем-нибудь, кто одним своим присутствием оживит воспоминания.

Среди тех, кто встречал Гарибальди, было много итальянцев, вынужденных бежать с полуострова из-за своего участия в революционном движении. Одни были связаны с событиями 1821 года, другие – 1831-го или 1834-го. Большинство принадлежало к интеллигенции, так как «Джовине Италия» вербовала своих членов в основном из среды зажиточной буржуазии, высокообразованной и пришедшей к осознанному выбору бунта. Например, Луиджи Россети, студент факультета права из Генуи, который одним из первых поздравил его на пристани с приездом. «Россети, которого я никогда не видел, – напишет Гарибальди, – но которого узнал бы в любой толпе благодаря чувству взаимной симпатии... Мы обменялись взглядами – и все

было сказано... Улыбка, рукопожатие – и мы стали братьями на всю жизнь».

Так Гарибальди, едва успев приехать, открыл для себя преданную дружбу, знакомую тем, кого связывают изгнание и общность политических убеждений. Она открыла ему двери итальянского землячества Рио-де-Жанейро.

Рио, столица Бразилии, был в то время одним из красивейших городов Американского континента. Слева от порта, где стояли, тесно прижавшись одно к другому, десятки судов, с парусами всех цветов, на многие километры тянулись сады. Справа возвышался форт Санта-Крус. На набережных, окаймленных белоснежными домами, – тень и прохлада. Вдоль широких проспектов, бегущих мимо площадей, украшенных фонтанами, – аллеи деревьев. Фасады многих домов – из белого гранита.

Город выглядит богатым. Итальянцы там заняты в основном торговлей. Умелые работники, умные, разбогатев, они создают литературные салоны, издают газеты. Их объединяет патриотизм; над крышами домов, в которых они живут, развевается флаг – зелено-бело-красный – символ будущего итальянского единства.

Посол Пьемонта, граф Пальма ди Боргофранко, сколько бы ни протестовал, ничего не может поделать с этой свободой, которую позволяют себе эмигранты. Он шлет в Турин донесение за донесением, сообщает имена. Он дал знать о том, что Гарибальди высадился, его псевдоним – Борель, и «не нашел ничего лучше, чтобы отличиться сразу же по

прибытии в Рио, как написать памфлет против короля».

Позже, когда Гарибальди причалил к берегу — в конце 1835-го или в начале января 1836 года, — дипломат сообщает 26 марта 1836 года: «В заливе Рио появились под флагом республики (зелено-бело-красный) два новых судна рядом с бригом «Нуова Италия». Речь идет о судах «Нуова Эуропа» и «Мадзини». Они продолжают, проходя мимо судов Его Королевского Величества Сардинии, выкрикивать оскорбления, сопровождая их разными жестами, выражающими презрение. Правительству Бразилии уже был выражен протест, но снова обращаться с выражением протеста не имеет смысла, так как оно немедленно попадет в газеты, что нам может только принести вред... Я взял бы на себя смелость сделать следующее предложение: пользуясь добрым расположением двух капитанов нашего торгового флота, вызвавшихся это сделать, тайно вооружить их и положить конец этим провокациям. Для этого нужна лицензия, которую можно легко получить в Америке, и таким образом освободить нашу навигацию от страха, вызванного этим новым видом пиратства».

Эти донесения свидетельствуют об обстановке, сложившейся к тому времени, когда высадился Гарибальди и поддержанию которой он способствовал, так как сразу же по приезде занялся политической деятельностью, завязал переписку с Мадзини и предложил ему вооружить судно для корсарской войны во имя Итальянской республики.

Мадзини оставил письмо без ответа. Затея была рискованной. Для создателя «Джовини Италия» настали трудные времена. Гарибальди и эмигрантам предстояло самим жить и бороться. Мадзини не мог предложить им ничего, кроме неопределенной моральной поддержки.

Рио насчитывал в то время более ста пятидесяти тысяч жителей. Вокруг самого большого порта Бразилии поселились около сорока тысяч белых, большей частью португальского происхождения, но было много испанцев, французов и итальянцев. Кроме них — десятки тысяч индейцев, принявших христианство и в силу этого считавшихся цивилизованными, и, наконец, чернокожие рабы, жизнь и смерть которых были во власти их хозяев.

Общество разноязыкое и неукротимое, в котором, несмотря на португальское наследие и груз католической традиции, проявлялись местные нравы — латиноамериканские.

Впрочем, с 1822 года Бразилия порвала связи с метрополией, провозгласив свою независимость.

Во главе мятежа, вылившегося в либеральную революцию, в результате которой родилось самое большое государство Латинской Америки, стоял дон Педро — сын короля Португалии. Но в 1831 году под давлением консервативных кругов он отрекся от престола в пользу своего пятилетнего сына, дона Педро II, под опекой регента Антонио де Фейджо — представителя крупных землевладельцев, богачей, владевших сотнями гектаров плантаций, на которых трудились рабы.

В 1835 году весь юг страны объявил себя независимой республикой. Своей столицей он избрал Порто-Алегре, главный город Рио-Гранде-до-Суль. Даже когда город снова был захвачен императорскими бразильскими войсками, республика Рио-Гранде продолжала существовать, провозгласив, что «ее дело – это дело Справедливости и Равенства, защиты народов от угнетения, граждан Рио-Гранде, свободных людей от клеветов порочного и развращенного двора».

Во главе этого республиканского государства, боровшегося за свое существование, стоял человек «высокий и стройный, очень мужественный, благородный и скромный, блестящий и великодушный воин, человек необыкновенный».

Так Гарибальди напишет о Бенито Гонсальвесе, с которым позднее встретится в Рио-Гранде-до-Суль.

Разве этот человек не пытался создать республику? Разве его советником не был маркиз Тито Ливио Замбеккари, итальянец, приговоренный к изгнанию в 1831 году за то, что вместе с Менотти попытался поднять на борьбу Парму и Модену? Умный, решительный, он был из тех эмигрантов, которых сжигает жажда применить на практике свои теории. Итак, он объединился с Бенито Гонсальвесом. И, как и он, был захвачен в плен императорскими войсками и перевезен в Рио.

Бенито удалось бежать и вернуться в Рио-Гранде-до-Суль. В тюрьме Тито Замбеккари, конечно, посетили Гарибальди и Россети под тем предлогом,

что у них для заключенного есть вести из Италии. Им нужен был его совет.

Что они могут предпринять для южной республики? У них есть судно, то самое, которое они хотели вооружить для корсарской войны во имя «Джовине Италия». Мадзини не ответил. Почему бы им не поставить корабль на службу этому республиканскому государству? Не могут ли они получить письмо, позволяющее им действовать от имени южной республики?

Замбеккари слушает. Обещает. Они получат письмо. Они станут корсарами республики.

Под другим знаменем, красно-зелено-желтым, Гарибальди возобновит борьбу.

Давно было пора. В маленьком братском обществе Рио-де-Жанейро после нескольких месяцев жизни, которую он считал праздной, Гарибальди начал ощущать гнетущую тяжесть бездействия.

Он посещает салон Луиджи Далекази, инженера из Вероны, тоже эмигрировавшего после событий 1834 года и за несколько лет составившего состояние, после того как открыл торговый дом в Бахии. Он подолгу жил в Рио; у него были свои суда. Он и предложил Гарибальди маленькую гароперу «Мадзини» водоизмещением в двадцать тонн (рыболовецкое судно для лова гаропы, бразильской рыбы). Он принимал Гарибальди в своем салоне, где встречались итальянские республиканцы Рио и где бывали несколько молодых женщин.

Здесь Гарибальди нравился. Одна из племянниц мадам Далекази, юная красавица, позднее

опишет его таким, каким она его видела в то время: «Это был молодой человек, светловолосый и сильный. [...] Часто во время горячего спора мы заставляли его погруженным в глубокую задумчивость, с отсутствующим видом. У него были глаза святого; они выражали нежность и бесконечную доброту. В такие минуты он бывал самым собой только с детьми и играл с ними, как с равными».

Но это существование явно его не устраивало. Чтобы вырваться (и еще потому, что итальянцев из Рио там было очень много), Гарибальди становится франкмасоном.

Этот акт, сразу же ставящий его в положение противников церкви, очень важен для Гарибальди. В XIX веке стать масоном — для папства значило вступить в союз с дьяволом и заслужить отлучение от церкви.

В Бразилии этот факт ничего не изменит в его жизни. Просто его отношения с Бенто Гонсальвесом, тоже франкмасоном, приобретут дружеский оттенок.

Но позднее, в Италии, где папство — вездесущая могучая сила, это приобщение к франкмасонству приведет к тому, что Гарибальди будет попросту отброшен церковью. Отныне между Гарибальди и ею, помимо политического противостояния, появится противостояние радикальное, которое не закончится даже со смертью.

А пока, в Бразилии, это приобщение облегчит Гарибальди вступление в экономическую жизнь. Так как нужно жить, и он не может существовать только благодаря помощи и гостеприимству.

Итак, вместе с Луиджи Россети он попытается создать коммерческое предприятие. Это кажется легким. Многие разбогатели, перевозя зерно из одного города на побережье в другой, а Рио — развивающийся город, ему нужны продукты.

Но для этого необходим хотя бы минимум компетенции. Гарибальди напишет позднее своему другу Кунео: «Причина нашего провала в том, что мы доверились людям, которых считали друзьями, а они оказались просто жуликами. ...Ни у меня, ни у Россети не было никаких способностей к торговле».

«Я устал, — напишет он Джованни Кунео в конце 1836 года, — влачить на земле столь бесполезное существование и плавать ради торговли. Будь уверен: наше предназначение — великие дела, а мы сейчас, в данную минуту, — вне своей стихии. Я несчастлив. Меня мучает мысль, что я ничего не могу сделать для нашего Дела. Мне нужны бури, а не штиль».

Гарибальди и Россети ждут в начале 1837 года официальное письмо, которое позволило бы им превратить «Мадзини» из маленького торгового судна в корсарское судно на службе у республики Рио-Гранде-до-Суль.

Гарибальди и Россети получили, наконец, обещанное разрешение. С точки зрения международного права, письмо, позволяющее совершать регулярные рейсы, более чем спорно. Указанное в нем судно — не «Мадзини», и разве есть хоть одно государство, признавшее правительство республики Рио-Гранде-до-Суль?

Тем не менее это позволило Гарибальди «курсировать по всем морям и рекам, по которым ходят военные или торговые суда правительства Бразилии»... Корсарское судно могло захватить их, применив оружие, и захват считался законным, так как законная и полномочная власть своим декретом давала ему такое право...

И вот Гарибальди – корсар на службе республики!

8 мая 1837 года «Мадзини» снялся с якоря и покинул Рио-де-Жанейро. Позднее Гарибальди писал, сообщая об отплытии и определяя этот поворот в своей жизни: «Я бросил вызов империи».

Экипаж – всего из восьми человек – шесть итальянцев, в том числе Луиджи Россети и Эдоардо Мутру, и два мальтийца.

«Мадзини», как его описывает Гарибальди, «всего лишь крошечное суденышко». Все его вооружение состояло из нескольких ружей, и не все моряки были похожи на Россети и Мутру, отличавшихся «чистотой нравов». Но «впервые у этих берегов развевалось знамя освобождения! Республиканский флаг Рио-Гранде!»

Плавание вдоль берегов Бразилии, между Кабо-Фрио и Рио, нельзя назвать спокойным и однообразным занятием.

Но «Мадзини» вышел в море, и вот он уже на широте Илья-Гранде. Показалась шхуна-сумака – с тяжелым грузом и под флагом Бразильской империи.

Вперед, на врага! На бордаж!

«Лусия» не оказала сопротивления. Она везла кофе. Это хорошая добыча. Прекрасное судно. Гарибальди захватил его, бросив «Мадзини». Пятеро негров из побежденного экипажа, которым он предложил свободу, вошли в состав его экипажа. Затем нужно было успокоить испуганных пассажиров («наших ни в чем не повинных врагов»), «удержать от насилия» собственных моряков и отправить на берег пассажиров, усадив их в шлюпку — с их личными вещами и продуктами. «Лусия» переименована в «Фарропила», поднят зелено-красно-желтый флаг Рио-Гранде-до-Сул — и вперед, на юг, подняв паруса!

Эта операция — военная для Гарибальди и пиратская, с точки зрения закона — совершенно изменит его жизнь.

Отныне жребий брошен. Его профессией стала политическая борьба.

«Профессиональный революционер»?

Термин, в применении к Гарибальди, в первой половине XIX века — звучит анахронизмом. Он связан с Интернационалом, всемирной организацией, которая появится много позднее.

Обычно верят с тем близоруким самодовольством, которое характерно для любого века, каким бы он ни был, что все началось только с его приходом. А Гарибальди, а поэты, сражавшиеся в Греции, а еще раньше солдаты французской революции, а до них... разве можно прервать эту цепь? И значит, в ту далекую эпоху изгнанник итальянец мог стать борцом — даже на краю света.

Впрочем, продолжается все та же борьба.

Первое судно, подвергнувшееся досмотру, — «Луция» — принадлежит австрийскому судовладельцу! Австрия, угнетающая Италию, Австрия Меттерниха, контролирующая все мелкие монархии полуострова, — Гарибальди встретился с ней здесь, у бразильских берегов. Эпизод символический, но радостный для этой горсточки людей, чья борьба не дает умереть надежде.

Задача тем более трудная, что политические и военные обязательства превращаются в серию авантур, стычек, кораблекрушений, долгих пауз, вызванных необъятностью бразильских просторов, слабостью используемых средств, импровизированным характером войны, когда армии похожи на банды, которые сразу же рассеиваются, как только закончился бой. Это естественное окружение, социальная и политическая среда оставили неизгладимый след: в жизни Гарибальди это были важные годы — от тридцати (1837) до сорока одного года (1848: 15 апреля он уедет из Монтевидео в Италию), переход от юности к зрелости. Здесь он прошел испытание борьбой и стал вождем. Здесь ему пришлось столкнуться с людьми — соратниками или врагами, здесь он близко видел смерть, здесь любил, здесь бежал или шел на штурм. Здесь он знал радость и отчаяние.

Американский период — решающий для становления его личности. Всю свою жизнь он будет возвращаться к прожитым там годам.

Женщин он тоже будет вспоминать: и ту, что читала ему «Дайте, Петрарку, наших величайших поэтов», и сестер Бенто Гонсальвеса – президента Рио-Гранде-до-Суль, и их прелестную гостью, Мануэлу. «Я никогда не переставал любить ее, хотя и безнадежно, так как она была невестой одного из сыновей президента. Я поклонялся ее идеальной красоте и в моей любви не было ничего мирского».

Эта жизнь, жестокая, потому что идет война и на каждом шагу подстерегает смерть, – вне норм цивилизованного государства. Нации Бразилии, Аргентины, Уругвая еще не сформировались. Армии кормятся за счет населения. Чтобы создать кавалерию, приходится укрощать диких лошадей. И командовать людьми, для которых война – еще и возможность грабежа.

«Войско, которое я вел за собой, – признается Гарибальди, – было настоящим сбродом, кого только там не было – люди всех цветов кожи и всех национальностей».

С трудом поддающиеся дисциплине, смелые, но способные превратиться в варваров, когда деревня взята, обнаружены бочки с вином и для устрашения отдан приказ грабить.

«Я желаю себе самому и каждому человеку никогда не забывать, что он человек, и никогда не прибегать к грабежу».

Ему пришлось обнажить саблю против собственных солдат; рисковать жизнью, чтобы остановить «наглых грабителей». Ему пришлось угрожать,

даже убивать, чтобы заставить сесть на корабль этих «сорвавшихся с цепи диких зверей». И обнаружить на борту, в трюме, что эти люди проигрывают награбленное, играя в кости на животе одного из своих мертвых товарищей.

Жестокий урок человечности.

«Я не знал в то время, что у человека есть склонность к извращенности, — некоторая, если он образован, и большая — если он необразован».

Гарибальди больше склонен к размышлениям о морали, чем к социальному анализу. Он верит, что культура может изменить человека к лучшему.

И все-таки, несмотря на всю ее жестокость, эта вольная жизнь ему нравилась.

«Жизнь, которую приходилось вести во время войны такого типа, чрезвычайно активна, полна опасностей из-за численного превосходства противника. Но в то же время это прекрасная жизнь, полностью соответствующая моей природной склонности к приключениям».

А приключений было достаточно.

Они вписываются в «десятилетнюю войну», которую Рио-Гранде-до-Сул вело, начиная с 1836 года, чтобы отстоять свою независимость. Порто-Алегре, столица, была захвачена императорскими войсками, но республика была провозглашена в Паратини, деревне, расположенной севернее.

Это район лагун, отделенный от океана более или менее широкой песчаной полосой. Суда под командой Гарибальди бороздят эти водные просторы,

которые, когда дует памперо — коварный ветер, превращаются в разбушевавшуюся стихию. Ему придется также плавать по Лярго-дос-Пасос, южнее Порто-Алегре.

Это также район больших рек — Рио-Уругвай, Рио-Парана, Рио-Гвалегуа, — впадающих в Рио-де-ла-Плата. Севернее этого пресноводного устья 18 июля 1830 года была основана Восточная Уругвайская Республика со столицей в Монтевидео.

Республика эта возникла, отделившись от Аргентины, расположенной к югу от Рио-де-ла-Плата. Между двумя государствами шла непрекращающаяся борьба, хотя со стороны могло показаться, что это всего лишь внутриуругвайские конфликты.

Аргентинский диктатор Хуан Мануэль де Росас, грубый креол, враг европейского влияния, захвативший власть в 1831 году, не мог примириться с существованием Уругвайской Республики.

Монтевидео, прекрасная столица, с населением, превышавшим сто тысяч, символизировала для него Европу с ее либеральными устремлениями. Французы (в своем большинстве баски), итальянцы (между 1835-м и 1842 годами около восьми тысяч подданных королевства Сардинии обосновались в Монтевидео), немцы, столь многочисленные, что город казался самым европейским, самым цивилизованным из южноамериканских городов.

В молодой и неокрепшей Уругвайской республике у Росаса был союзник, Орибе, целью которого было лишить независимости Уругвай и

заставить вернуться эту «восточную банду» под суверенитет Аргентины.

Вся южноамериканская сторона побережья, зона умеренного климата, благотворного для скотоводства и земледелия, где легко приживались европейцы и, следовательно, несли с собой другие обычаи и другой жизненный уклад, в годы первой половины XIX века переживала пору бурных перемен. Все пришло в движение, несмотря на то, что на этом огромном пространстве поселения были еще редки, разбросаны, и врагам приходилось искать друг друга на этих необъятных просторах, где на воле паслись стада диких быков и лошадей, которых отлавливали гордые и свободные гаучо.

Для Гарибальди его участие в войне Нового Света началось неудачно.

После того как он захватил свою первую добычу, два уругвайских судна погнались за ним в районе Монтевидео. Бой шел борт к борту. Дрались только итальянские моряки, остальные спрятались в трюме и дезертировали при первой возможности. Рулевой итальянец был убит, а Гарибальди тяжело ранен: пуля застряла в шее, и его парализовало.

Он мог только посоветовать своему экипажу подняться вверх по течению реки Парана и, следовательно, оказаться на аргентинской территории. Судно медленно продвигалось вперед. Гарибальди лежал на мостике. Впервые тело ему не повиновалось. Он видел, как труп одного из его убитых товарищей был выброшен за борт.

В аргентинском городе Гвалегуа корабль был отбуксирован, а Гарибальди перенесен в дом губернатора дона Халинто Андреуса, богатого коммерсанта и образованного человека. Опытный хирург извлек пулю. Началось выздоровление — на свободе, но под присмотром.

Гарибальди не скрывал своего франкмасонства, и, несомненно, это «братство» облегчило ему жизнь в Гвалегуа.

Он провел там около года; ездил верхом вокруг города, не выходя за его пределы более, чем на двенадцать километров, посещал салоны. Жил ли он на счет тех, кто его приглашал, или получал от губернатора, как он утверждал, «ежедневно довольно крупную сумму» в компенсацию за потерю судна, конфискованного уругвайскими, бразильскими и аргентинскими властями, объединившимися против него? Конечно, и то, и другое. Жизнь, в общем, мирная. Его экипаж рассеялся.

Быстро выздоровев, Гарибальди решил бежать, уверенный в том, что его исчезновение не вызовет недовольства губернатора. Было ли это западней? Он ехал верхом, считая, что одержал легкую победу. Но был схвачен и испытал на себе жестокость этого сурового континента. «Мне связали руки за спиной, затем, посадив на клячу, связали ноги под брюхом лошади».

И это еще были пустяки. Он узнает, что такое пытка. Начальник полиции Гвалегуа избивает его, так как он отказался назвать тех, кто помог ему бежать. Два часа пытки: «Он велел набросить

веревку на балку под потолком тюрьмы и подвесить меня, привязав за руки». Гарибальди плюнул в лицо полицейскому, и его, уже потерявшего сознание, заковали в кандалы.

В тюрьме за ним будет ухаживать женщина. Она не побоялась прийти, «презирая страх, овладевший всеми».

Вмешается губернатор, поставленный в известность. Гарибальди освобожден. Ему предписано переехать в столицу провинции, Бахаду. Он пробудет там два месяца, затем уедет в Монтевидео.

В Аргентине Гарибальди узнал, испытав это на себе, что верность убеждениям измеряется преодоленной болью. И всю оставшуюся жизнь тело будет напоминать ему об этом – он будет страдать от последствий этой пытки до самой смерти.

В Монтевидео, куда Гарибальди прибыл в 1838 году, положение его непросто.

Для уругвайского правительства он всего лишь корсар, открывший огонь по кораблю республики. Он завязывает связи с подпольем, вновь обретая сердечность дружбы соотечественников-итальянцев. Россети, Кунео, Мутру – его окружают друзья, которых он знает теперь уже много лет. Но в Монтевидео нельзя задерживаться. Республике Рио-Гранде-до-Сул нужны способные люди. Россети, ставший одним из советников президента Бенито Гонсальвеса, передает Гарибальди его предложение: согласен ли он реорганизовать и пополнить флот республики?

Итак, в тридцать один год Гарибальди получает ответственный пост, даже если флот состоит

всего из двух судов, «Рио-Пардо» и «Республикано». Американец Джон Григгс принял на себя командование последним судном, а Гарибальди остался на борту «Рио-Пардо».

Впервые его роль вписывается, таким образом, в политику государства, даже если это государство хрупко и ненадежно.

Удалось захватить императорскую сумаку. Пристали к берегу, чтобы запастись едой, – и вдруг появился враг, пакгауз окружен, приходится драться – четырнадцать против ста, – отстаивая дюйм за дюймом. Среди врагов – австрийские пехотинцы, их теснят с криком: «Да здравствует Италия!»; странная встреча европейских противников – на другом континенте.

Это напоминает битвы и встречи, сталкивавшие лицом к лицу, вдали от родины, революционеров и их врагов.

Много лет спустя Гарибальди гневно ответит тем, кто будет настаивать на его вступлении в Интернационал: «Я принадлежу к Интернационалу с тех пор, как стал служить республикам Рио-Гранде и Монтевидео».

Эта служба многого требует от Гарибальди. Конечно, она приносит и радость: радость победы, братства в бою; женщины ждут вас, их волнует ваша судьба. Еще есть удовлетворение, которое приносит согласие с самим собой, сознание взятой на себя ответственности, оригинальность найденного решения.

Например, чтобы выйти из лагуны, нельзя воспользоваться проливом, ведущим в океан, так как

он контролируется императорскими силами. Тогда суда грузят на импровизированный колесный поезд из стволов деревьев, собирают две сотни домашних быков, впрягают их в суда и таким образом преодолевают полосу земли, отделяющую лагуну от моря...

Но поднялся ветер, произошло кораблекрушение. Судно разбилось, товарищей – среди них Эдоардо Мутру – унесло. «Я любил Эдоардо, как брата». Все итальянцы, из которых состоял экипаж, исчезли, все утонули.

«Все умерли, – повторяет Гарибальди, – у меня было такое чувство, что я остался один на свете, и собственная жизнь, спасти которую мне стоило столько сил, – показалась мне в тягость!»

Но нужно было жить, оставшись в одиночестве, открыть бочонок водки, выброшенный на берег, бегать, чтобы не замерзнуть, и вдруг обнаружить на опушке гостеприимный дом, «вековые деревья, огромные, высокие... апельсины, казавшиеся чудом»...

Итог, однако, тяжкий. Гарибальди снова повторяет, как почувствовал, что остался «один на свете» после потери настоящей семьи, которой были для него товарищи. «В этих далеких краях они были для меня почти то же, что родина».

Новые соратники – не друзья. Жив Россети, но он остался при правительстве Рио-Гранде и редактирует республиканскую газету «О Пово».

«Мне необходимо было человеческое существо, которое меня бы любило. И немедленно.

Женщина, да, женщина. Так как их я всегда считал самыми совершенными созданиями! Что бы там ни говорили, среди них несравненно легче найти любящее сердце».

Эта потребность — в тридцать два года — в прочной привязанности — спасении от одиночества — была острой, неожиданной, не терпящей промедления.

Картина пятая

ЖЕНА, ВОЙНА, РЕБЕНОК

(1839 — 1841)

У же четыре месяца Гарибальди один, в отчаянии от гибели товарищей. Однажды на полуюте своего корабля он рассматривал в подзорную трубу окрестности маленького городка Лагуна, в порту которого они стояли на якоре. Вдруг он заметил перед одним из домов женский силуэт. Тревога, озарение, как вспышка молнии, уверенность, что это та, кого он ждет. «Я приказал, чтобы меня отвезли на берег в этом направлении».

Но когда он поднялся на холм Ла Барра, где мелькнуло видение, он не смог эту женщину разыскать. И вот — новое чудо. Один из жителей пригласил его к себе. «И первая, кого я увидел, была

та, ради которой я высадился. Это была Анита. Я нашел запретный клад...»

Д'Анинас Рибейро да Сильва, Анита. Эта молодая женщина с огромными миндалевидными глазами, черноволосая, крепкая, с гибким телом и расцветшей грудью, живая, быстрая в движениях и на удивление решительная, была личностью.

Она родилась в 1821 году – и, следовательно, была на четырнадцать лет моложе Гарибальди – в Морринасе, Лагунской провинции, в семье рыбака. Рассказывали, что она раздавила на лице слишком настойчивого воздыхателя, чей наглый взгляд ее возмутил, сигару, которую он курил, отметив нахала до конца его дней. Когда ей было четырнадцать лет, мать, оставшаяся вдовой с тремя дочерьми, заставила ее выйти замуж за незаметного человека – рыбака или сапожника? – Мануэля Дуарте де Агияра, труса и к тому же сторонника империи. Этот брак ее не устраивал.

Она жила в доме на холме, над портом Лагуна. Этот маленький городок провинции Санта-Катарина (государства, расположенного к северу от Рио-Гранде) был завоеван республиканцами 22 июля 1839 года.

Борьба была жестокой. Гарибальди, уцелевший после кораблекрушения, бросился в бой с энергией отчаяния; он принял на себя командование бразильским судном, которое только что захватил, «Итапарика». Когда императорские силы отступили, он стал героем сражения. В городе его чествовали. Жители – около четырех тысяч человек – хотели

присоединения к республике Рио-Гранде-до-Суль. Гарибальди был их освободителем.

Как Анита могла не знать Гарибальди? Даже в Рио-де-Жанейро ходили рассказы о сражении, писали о пирате «Хосе Гарибальди». Даже европейские газеты перепечатали информацию – естественно, искажив ее, – но впервые откликнувшись на события, связанные с изгнанником, положив, таким образом, начало, так как романтические рассказы были в моде и читатели были без ума от всего романтического, созданию мифа о Гарибальди – герое Нового Света.

«Я никогда не думал о браке, – признается Гарибальди, – будучи по характеру слишком независимым и слишком любя приключения. Мне казалось, что невозможно иметь жену и детей, когда вся жизнь посвящена единой цели».

Анита заставила его изменить мнение: в конце 1839 года она вошла вместе с ним на борт «Ита-парика».

Мечта Гарибальди сбылась: его одиночество кончилось. Аниту теперь не коснутся сплетни ее маленького городка, ей не грозит больше встреча с нелюбимым мужем.

Она с человеком, которого не могла бы себе представить даже в самых несбыточных мечтах.

Любовь и преданность Аниты были тем сильнее, что ее выбор был выбором свободной женщины. Несмотря на груз латинских традиций, требующих подчинения мужчине, женщины Южноамериканского континента горды и независимы,

что поразило европейца Гарибальди. Здесь женщины должны уметь сами себя защитить, если будет нужно, так как мужчины грубы и несдержанны. Поэтому они высоко держат голову, в них есть смелость и благородство идальго. И мужчины, которые за ними ухаживают и женятся на них, должны быть достойны этой мужественной системы ценностей, принятой женщинами.

Муж Аниты на это был неспособен. Следовательно, она считала себя вправе его оставить. Что касается Гарибальди, он разделял эту воинственную мораль, хоть и признавал себя «глубоко виновным» в похищении чужой жены. Поскольку мужа нет и жена согласна, ее дозволено увести.

Свободная мораль, отвергающая традиционные законы и еще раз ставящая Гарибальди вне общества и его норм.

Мораль требовательная, полная риска. Анита приняла ее и живет в каком-то горячечном возбуждении.

Вот она на палубе корабля стреляет из ружья, вот командует стрельбой из пушки во время неравного морского боя с императорскими силами.

Когда имперцы вернулись с подкреплением и отбили Лагуну, а Гарибальди получил приказ сжечь свои корабли – этот приказ испуганному экипажу передала Анита и она же своим мужеством поддерживала моряков.

«Тем, что мои боеприпасы удалось спасти, я в самом деле обязан достойному восхищения хладнокровию молодой героини», – считает Гарибальди.

Огонь пожара освещает Лагуну; нужно уходить в лес, оставить штат Санта-Катарина, видеть, как «горят трупы братьев по оружию, так как нет возможности похоронить их иначе», идти к Рио-Гранде-до-Суль, начать трудное отступление, выдерживая неотступное преследование вражеской конницы.

Гарибальди со своими людьми – их уцелело не более шестидесяти! – сумеют после пяти месяцев пути присоединиться к войскам Бенто Гонсальвеса в Рио-Гранде-до-Суль, у Мавакара.

Эти пять месяцев не были временем непрерывных боев. Война, как и человеческая деятельность в этих новых необжитых местах, шла с перерывами. Переправлялись через реки, проходили через пастбища, укрощали лошадей, пойманных с помощью лассо, убивали быков, чтобы вечером приготовить еду.

Воспоминания Гарибальди об «этих прекрасных минутах» полны ностальгии: «Я ехал верхом и рядом со мной была женщина моего сердца, достойная всеобщего восхищения... Какое имело значение то, что у меня не было другой одежды, кроме той, которая была на мне? И то, что республика, которой я служил, была бедна и никому не могла заплатить ни копейки? У меня были сабля и карабин, лежавшие передо мной на седле... Моим сокровищем была моя Анита, не меньше меня преданная священному делу народов и жизни, полной приключений».

« [...] как бы там ни было, будущее нам улыбалось; и чем более дикими оказывались огромные

американские пустыни, тем они были прекраснее. И потом мне казалось, что своим участием в различных опасных военных операциях я исполнил свой долг и заслужил уважение воинственных сыновей континента».

Ему пришлось сражаться, имея в своем распоряжении случайных людей, «солдат удачи», которых невозможно удержать надолго вместе. Близко столкнувшись с Бенто Гонсальвесом, видя его нерешительность, он пришел к выводу: «Когда готовишься к атаке, нужно все тщательно взвесить, но когда решение принято, использовать все силы, находящиеся в твоём распоряжении, до последних резервов».

Он оценивает мужество одних, трусость — многих и взвешивает последствия недисциплинированности. Так как напившиеся солдаты были неспособны драться, ему пришлось пережить «постыдное отступление, почти бегство».

В Такуари, в Сао-Жосе-де-Норте он плачет от досады и бешенства, рядом с ним всего несколько человек, — около сорока, — все, что осталось от «гордой пехоты либеральных сил». Плохо подготовленные военные операции, разочарования, враждебность.

В 1840 году — ему тридцать три года — Гарибальди знает, что на войне, как и в политике, — все непросто. Рио-Гранде-до-Суль — республику, о которой он так мечтал, — раздирают противоречия между враждующими фракциями. Президент Гонсальвес — не тот полководец, который

смог бы оправдать надежды. Его режим — скорее правление касты богатых гаучо¹, а не воплощение воли всего народа.

16 сентября 1840 года Анита произвела на свет в маленькой деревне мальчика, которого Гарибальди в память о герое Модены назвал Менотти.

Нужно, чтобы он жил, а у Гарибальди его не во что завернуть, кроме шейного платка. Он уезжает один, чтобы раздобыть еду и одежду, путь труден, вода доходит коню до брюха; удается ускользнуть от имперских солдат, но когда он возвращается, Аниты нет:

«...она была вынуждена тоже бежать, через двенадцать дней после родов, положив ребенка перед собой на седло».

Он ее находит, и отступление продолжается.

Первобытная жизнь. Гарибальди строит хижину, объезжает лошадей.

Жизнь настороже, полная опасности, постоянная угроза попасть в засаду. Партизанская жизнь или, чтобы лучше выразить соответствие одного века другому, жизнь герильеро в лесу. Приходится преодолеть Матос, чтобы оказаться, наконец, в маленьком городе, Крус-Альта, на высоком плато. Оттуда добраться до Сао-Габриэля, устать до изнеможения и узнать, что Лунджи Россети, последний друг, оставшийся в живых, тоже умер.

---

¹ «Живущий в лампе» — эд. — аргентинский землевладелец (исп.). — Прим. перев.

«Увы! — пишет Гарибальди. — Нет уголка земли, где бы ни покоились кости великодушно-го итальянца».

Смерть Россети была для Гарибальди последним ударом. Он чувствует необходимость переменить жизнь. У него есть жена и сын. И вдруг «множество вещей, отсутствия которых я никогда прежде не ощущал, мне стали необходимы». Крыша над головой, минимум стабильности и денег.

В это время произошла его встреча с Анзани, карбонарием, эмигрантом, сражавшимся с оружием в руках на баррикадах в Париже в июле 1830 года. Этот товарищ по борьбе, быстро ставший другом, рассказал ему о том, что Мадзини в Англии пытается реорганизовать «Джовине Италия», открыв доступ в нее рабочим. Он рассказал о научном конгрессе, состоявшемся в Пизе в прошлом, 1839 году, в котором приняли участие ученые со всей Италии. Собралось четыреста человек. В кулуарах много говорилось об объединении Италии, завязались связи, много обещавшие в будущем.

Анзани напомнил Гарибальди родной полуостров, в котором жизнь шла своим чередом и звучали новые мелодии нового воскресения. В 1840-м состоялось представление первой оперы Джузеппе Верди.

Гарибальди только острее почувствовал изоляцию, в которой провел «шесть лет, полных лишений и испытаний, вдали от общества, друзей и родных». Он, полный нежной, восторженной привязанности к матери и своей семье, уже несколько лет ничего о них не знает.

«В огне сражений, — признается он, — мне удалось заглушить мою привязанность к ним, но в моей душе она была по-прежнему жива».

Итак, он хочет добраться до морского порта Монтевидео, города, где, как он знает, много итальянцев. Оттуда он сможет, если захочет, вернуться в Италию, домой, в Ниццу.

«Я попросил разрешения у президента Гонсалвеса уехать из Рио-Гранде в Монтевидео. Он дал мне такое разрешение», — уточняет Гарибальди. Он не дезертирует. Ему даже дают стадо быков в девятьсот голов: в Монтевидео это даст возможность жить, не зная нужды. При условии, что их удастся туда довести.

Разлив Рио-Негро, отсутствие опыта, бесчестность нанятых для этого людей приведут к тому, что стадо разбежится. Вскоре от него останется только триста голов, и Гарибальди поймет, что лучше «куереар» — убить и сохранить шкуры.

Проведя месяц в пути, Гарибальди вернулся в Монтевидео всего лишь с несколькими шкурами. Долгая война ему ничего не принесла.

Он выручил за эти шкуры несколько сот экю, которых хватило только на одежду ему и близким. Что ждет их в будущем?

«У меня была семья — и никаких средств к существованию».

Картина шестая

КРАСНАЯ РУБАШКА ИЗ МОНТЕВИДЕО (1841—1848)

Двор с колодцем, узкая терраса, откуда виден порт; две маленькие комнаты, кухня с низким закопченным потолком: таков дом, в котором поселился Гарибальди с Анитой и сыном Менотти, в Монтевидео, на улице дель Нортон, 14.

Скромное жилище, говорящее о бедности Гарибальди, но также о его образе жизни. Он с ранней юности привык к простоте и суровости корабельного быта, а позднее — к полному случайностей и риска существованию герильеро. Он не привык к комфорту и не стремится к нему. Когда ему приходится покинуть палубу корабля, он сталкивается с природой, такой же непокорной, как Океан.

Этим он близок массе людей, которых исход из деревень гонит в город; но даже насильственно оторванные от корней, они сохраняют психологию крестьянина. И они понимают его лучше, чем буржуазных политиков.

В каком-то смысле, если сравнивать его с Тьером, Гизо или, конечно, с Марксом, даже с Мадзини, — он кажется архаичным. Но ведь и Италия в

своей глубинной сути – архаична. И «архаизм» Гарибальди, помноженный на его бразильский и уругвайский опыт, помогает ему лучше понять слабости этого общества и найти такой способ борьбы, который в этих условиях окажется самым эффективным.

Мечты Гарибальди и итальянцев из Монтевидео о будущем родины пока находят свое воплощение в нескольких политических и военных терминах: республика, независимость, объединение, восстание.

Они все еще думают, что станут той «искрой» (как говорил Мадзини), от которой вспыхнет вулкан. Когда в Монтевидео им будет нужно выбрать знамя, чтобы повести за собой итальянцев, вступивших в легион, на защиту города, они выберут черный стяг с вышитым в центре извержением Везувия: символ траура по родине-пленнице и символ революции, так как воскресение, Рисорджименто, будет подобно извержению вулкана.

Они надеются.

Жизнь в Монтевидео в первые месяцы банальна до отчаяния. Жизнь ради выживания. Друзья (Кунео, Анзани, Каstellини, судовладелец Стефано Антонини, молодой революционер Медичи) помогают Гарибальди, оказавшемуся без средств. Болтают. Ждут. Антонини обещает: «Как только в Италии вспыхнет пожар, я дам тебе корабль и ты туда вернешься». С нетерпением ждут почты. Известие, как удар бича: Гарибальди узнает, что 3 апреля 1841 года умер Доменико, его отец.

Потребность в стабильности, возникшая после гибели друзей, стала еще острее. 26 марта 1842 года Гарибальди сочетался церковным браком – он, франкмасон, – с Анитой, заявив под присягой, что ее муж, Дуарте, умер.

За семь лет жизни в Монтевидео Анита подарила ему еще троих детей, имя каждого из них связано с дорогими Гарибальди людьми: его первая дочь, Розита (умершая в двухлетнем возрасте), названа в честь матери, донны Розы; Терезита – в память о сестренке Терезе, погибшей в огне; второй мальчик, Риччьотти – в честь итальянского патриота Никола Риччьотти, расстрелянного в 1844 году.

«Чужой хлеб мне всегда казался горьким». Итак, нужно зарабатывать на жизнь. С помощью масонской ложи «Друзья Родины», которую он посещает, как большинство итальянцев, завязываются полезные связи. И вот он – коммивояжер, пытающийся продавать ткани, сыр, пшеницу и миндальный мармелад.

Естественно, у него ничего не вышло. Он не создан для коммерции. Нужно найти что-нибудь другое.

Священник, корсиканец по происхождению, вынужденный покинуть Париж после того, как он опубликовал памфлет против злоупотреблений духовенства, и ставший в Монтевидео аббатом Полем, – Поль Семидей, – пригласил Гарибальди в колледж, которым он руководил в качестве преподавателя математики и истории.

Гарибальди пришлось много работать, он читал даже на улице, дома по вечерам засиживался допоздна, готовясь к занятиям. Часто не было денег, чтобы купить свечи.

Анита прекрасно приспособилась к этой трудной жизни. Как и Гарибальди, она безразлична к комфорту и богатству. Она счастлива: человек, которому она посвятила свою жизнь, — с ней.

Но ее мучает ревность — и страх, что его снова уведет война.

А война — у порога: сражения идут на Рио-дела-Плата.

Флот Уругвая — против флота Аргентины. Затянувшийся конфликт между двумя государствами, раздираемыми внутренними противоречиями, осложнен вмешательством заинтересованных великих держав.

В Аргентине по-прежнему царит Розас, насаждая террор (с помощью палачей из Мас-Орка) и шовинизм. Орибе, изгнанный из Уругвая генералом Рибера, остался союзником Розаса и мечтает вернуться в Монтевидео победителем. Франция, чьи интересы ущемлены, посылает свои корабли блокировать Буэнос-Айрес. Соперничающая с ней Англия посылает свои — в поддержку Аргентины. Старый адмирал, переживший наполеоновские войны, Вильям Браун, живописный ирландец, командует флотом Розаса. Американец Джон Коуи — флотом Уругвая.

Мировая пресса не может обойти молчанием этот конфликт, и отныне его участники, каков бы

ни был реальный размах военных действий, возведены в ранг великих полководцев.

Газеты всей Европы заговорят о герое Гарибальди.

В 1850 году Александр Дюма опубликует книгу, быстро ставшую знаменитой: «Монтевидео, или Новая Троя». Можно представить себе, как вырастет легендарная слава Гарибальди. Итальянцам, которых волнует судьба нации, больше, чем какому-нибудь другому народу нужен человек, который стал бы символом ее величия и надежд. Они с нетерпением ждут вестей о его действиях в Уругвае, для патриотов его имя стало оружием в борьбе против угнетателей.

Когда после поражения уругвайского морского флота в бою с аргентинским генерал Рибера предложил Гарибальди звание полковника и задачу реорганизовать флот республики, он убедил его согласиться во имя Италии и их общих идеалов.

Это было в начале 1842 года. Гарибальди почти тридцать пять лет. После долгих месяцев бесцветной жизни его сжигает жажда деятельности. Он видел со своей террасы, как адмирал Браун громил уругвайские суда, которым все-таки удалось укрыться в Монтевидео.

Решение принято. Речь идет о сражении не только за Уругвай, но — все итальянцы в этом убеждены — за Италию и за будущее человечества — против тирании.

Итак, вперед. Подготовиться к отплытию, подняться вверх по течению Рио-де-ла-Плата, избежав

встречи с более сильным флотом Брауна. Цель похода — безумная: плывя по течению Рио-Параны, дойти до аргентинской провинции Корриентес, восставшей против Буэнос-Айреса. Предприятие, равносильное самоубийству, считают в Монтевидео, так как Брауну достаточно заблокировать реку, чтобы помешать Гарибальди вернуться на Рио-де-ла-Плата и в Уругвай. К военным трудностям добавились трудности речного судоходства. Три корабля Гарибальди — «Конститусьон», «Просида» и «Перейра» с трудом поднимаются вверх по течению, мешает туман над рекой. «Конститусьон» садится на мель, рискуя оказаться под пушечным обстрелом аргентинского флота. Судно удается снять с мели и двигаться дальше. Время от времени высаживаются на вражеский берег. Несколько человек захватывают еду, быков, сеют панику. Затем плывут дальше на север. Экипажи ненадежны, боеприпасов мало, и, когда в середине августа нужно сражаться с Брауном, приходится использовать, после того как кончились снаряды, якорные цепи, распилив их ночью на части. Затем поджечь корабли, которые невозможно больше защищать, и начать долгий путь в Монтевидео.

Странные бои. В отличие от больших полей сражений, исход боя здесь зависит от человека, его моральных качеств, его умения быстро находить решение, его чутья.

Гарибальди был свободен от плена теорий. Он научился воевать, стал полководцем на поле боя.

Пожалуй, он несколько суеверно полагался на свою интуицию. «В нашем существе, — утверждает он, — помимо ума, есть нечто неизвестное, необъяснимое, но его воздействие подобно своего рода предопределению и делает нас счастливыми или несчастными».

Первые бои... Пресса Монтевидео преувеличивает их значение. Сражение на Паранье против Брауна (бывшего офицера Нельсона) обретает славу Трафальгара или Абукира. А враги в Буэнос-Айресе — «Газета Меркантиль» — утверждают, что Гарибальди оставил гибнуть в огне пожара на своих кораблях пленных и раненых аргентинцев. Правда? Ложь? Во время этой войны было много жестокого. Пленных часто убивали. Иногда их также освобождали, и они переходили на сторону бывшего противника.

Когда в Арройо-Гранде уругвайские войска генерала Риберы были разбиты войсками Орибе, за этим разгромом — пять тысяч убитых и раненых среди уругвайцев — последовала резня: пленным перерезали горло ножом, как режут быков. Это проигранное сражение открыло врагу путь к Монтевидео. Нельзя было допустить, чтобы столица пала, и Гарибальди со своими экипажами вернулся в город.

Он полон горечи.

Из своих американских войн Гарибальди извлек политические уроки. Он не находит слов, достаточно резких, чтобы обличить тех, кто «запятнал себя в самом гнусном из заговоров из

зависти или жажды власти и предал дело своей страны». Порядочный человек «не втягивает свою страну в междоусобные войны, самые длительные и кровавые, ради личных целей».

Гарибальди — прямая противоположность фанатику; страдания уругвайского народа и солдат, зрелище — в Монтевидео карикатурное — политических притязаний и эгоизма вождей привели его — во имя интересов народа — к отказу от борьбы, если нужно, к компромиссу, чтобы избежать гражданской войны.

Он предельно ясно напишет об этом в письме к Кунео от 26 февраля 1846 года: «К воспитанию огнем сражений, которое мы получили сегодня, нужно добавить моральное воспитание путем уступок, чего нам всем, итальянцам, особенно не хватает». И в другом письме: «Разногласия между итальянцами — единственная причина их слабости».

Эта проблема встанет очень остро, когда Гарибальди вернется в Италию. Сейчас, в конце 1842 года, когда к Монтевидео приближаются войска Орибе, союзника кровавого Розаса, ему предстоит решать другие проблемы.

В распоряжении Мануэля Орибе около двенадцати тысяч человек, из них пять тысяч кавалерии. Гарнизон Монтевидео насчитывает всего четыре тысячи двести тридцать шесть человек, и весь Уругвай может собрать только девять тысяч человек, из них пять тысяч бывших черных рабов. И еще нужно учитывать возможное дезертирство

и, конечно, предательство. Розас и Орибе хорошо платят. Итак, борьба неравная, даже если силы Орибе иногда сводятся к семи тысячам человек. И, однако, осада Монтевидео продлится с 16 февраля 1843 года по октябрь 1851-го.

«Новая Троя», как скажет Александр Дюма? «Эта борьба послужит примером для будущих поколений всех народов, которые не захотят подчиниться силе, — как напишет Гарибальди, добавив: — Я горжусь тем, что делил с этим мужественным народом долгие годы его бессмертной обороны».

Столица, в которой было много политических эмигрантов из Европы, стала, как пишет Гарибальди, «бастионом свободы на Востоке». Подлинно «революционный» энтузиазм овладел городом. В Монтевидео прибыли крупные военные, известные своей порядочностью — генерал Пас и генерал Пачеко. Оружия было немного, боеприпасов не хватало, снарядные ящики пусты, но все принялись за работу. Вокруг города вырыли оборонительные рвы. Женщины и дети трудились вместе с мужчинами. Плавил металл, чтобы отлить из него пули или пушки. Использовали даже старинные портиры, оставшиеся со времен испанского завоевания, превратив их в заградительные сооружения на дорогах.

В этой атмосфере, полной энтузиазма и доверия, Гарибальди чувствовал себя, как дома. Жизнь снова обрела свой ритм и смысл. Ему поручили создать маленькую флотилию, состоявшую из

торговых судов, но он сумел вооружить их пушками, захваченными у врага.

С этими легкими суденышками он много раз будет бросать вызов флоту адмирала Брауна, организуя вылазки, мелкие десанты, диверсионные операции, играя роль ускользающей добычи, чтобы дать возможность торговым судам прорвать блокаду и привезти в Монтевидео продовольствие, которого городу не хватало.

Он стал легендарным. «Гарибальди выходит», — кричали на молу и улицах, когда флотилия покидала порт. Морской бой был зрелищем, и восторженные крики приветствовали возвращение судов, каждый раз казавшиеся чудом, так велико было неравенство сил.

Однажды Гарибальди помог скрыться туман. В другой трудной ситуации, когда его расстреливали в упор, палуба была усыпана осколками, число раненых росло с каждой минутой, вдруг между ними встал английский ялик и бой прекратился, «как будто к сражающимся прикоснулась волшебная палочка... так как английский флаг способен укротить бурю».

Дело в том, что во время этой долгой войны в политике происходили перемены — Англия и Франция объединились, чтобы поддержать Уругвай, и, следовательно, Аргентина Розаса лишилась поддержки Лондона.

Но судьба Монтевидео решалась не в ходе морских сражений. Основная борьба развернулась на суше, и здесь Гарибальди тоже станет героической фигурой — для всей Европы и Соединенных Штатов.

В борьбу включились все жители Монтевидео. Они страдали от голода, болезней — Розиту, первую дочь Гарибальди, унесла эпидемия скарлатины, — их мучила тревога: что с ними станет, если в город войдут солдаты Орибе? И каждый день — исход боя, судьба близких... Война, как всегда во время осады, вошла в жизнь каждой семьи. По вечерам Гарибальди, как и все солдаты, возвращался домой, пока набат не призывал на новую вылазку.

В этих условиях дисциплина, которую вообще трудно поддерживать в таких импровизированных войсках, зависела от отношений, сложившихся между людьми и их непосредственным командиром. Вначале у Гарибальди дела обстояли не лучше, чем у других.

В Итальянском легионе, состоявшем из эмигрантов, которым он командовал, было всего четверста человек, тогда как Французский легион под командой баска Тьебо, бывшего участника революции 1830 года, насчитывал две тысячи шестьсот добровольцев.

Между этими иностранными легионами шло соревнование, доходившее до насмешек и оскорблений.

Французский легион, состоявший из республиканцев и социалистов, с честью выдержал испытание боем.

Итальянцы Гарибальди, за исключением республиканского ядра «Джовинне Италия», оказались не такими стойкими. Не очень воинственные и, главное, не имеющие боевого опыта, во время первой

вылазки они имели жалкий вид. Они рассеялись, а затем обратились в бегство при первых же выстрелах.

Эту панику 2 июня 1843 года Гарибальди было тяжело пережить. Организовав новые вылазки, ужесточив дисциплину, «очистив» легион, Гарибальди сумел превратить его в действенную и смелую воинскую единицу.

Он дал ему знамя с изображением Везувия, военную форму, ставшую эмблемой гарибальдийцев — знаменитую красную рубашку, родившуюся по воле случая.

Гарибальди, в одежде которого всегда было что-нибудь красное — шейный платок, украшение, — непричастен к этому выбору, даже если по своей живописности, неожиданности и символике он кажется его собственной находкой.

Маловероятно и то, что идею красной рубашки ему подсказал генуэзский художник Гаэтано Галлино, живший в Монтевидео в эмиграции.

На самом же деле, как об этом свидетельствует английский офицер, бывший в Монтевидео во время осады, этот выбор был продиктован необходимостью. Он пишет: «Нужно было одеть, как можно экономнее, только что созданный Итальянский легион; и так как коммерческое предприятие предложило правительству продать ему со скидкой большую партию туник из красной шерсти, предназначавшихся для рынка Буэнос-Айреса, в то время закрытого по случаю блокады, предложение показалось слишком заманчивым, чтобы его

не принять, и сделка была заключена. Эта одежда предназначалась для рабочих аргентинских «саладерос», то есть боев: это была хорошая одежда для зимы».

Гарибальди мгновенно понял, что можно было извлечь из такой униформы, единственной в своем роде. Он превратил ее в знамя. Он сам надел красную рубашку: «Камичи россе», серое или белое пончо, широкополая шляпа прерий — Гарибальди нашел в Америке свой сценический костюм, способный поразить воображение.

Гарибальди — из тех редких людей, которые совершенно не думают о себе и не преследуют никаких личных целей — и навсегда остаются в памяти. Они, в силу стечения обстоятельств, часто с помощью удачи и всегда благодаря собственной настойчивости и характеру, становятся творцами символов и событий.

Вожди? Лидеры? Каудилльос? Дуче? Человек, умеющий руководить людьми? Все эти определения несовершенны, так как подчеркивают только умение вести за собой и властное начало, тогда как Гарибальди и олицетворяемый им тип актера Истории оказываются во власти естественного хода событий, увлекающего их за собой и постепенно изолирующего, ставящего в особое положение. Им не нужно самоутверждаться, что-то делать, чтобы обратить на себя внимание; достаточно какого-нибудь знака — камичи россе, пончо — и действие идет само собой и становится легендой.

Когда они уходят, после них чаще всего остается миф. А не законы.

Гарibaldi понимал, что начал занимать в Истории особое место, — события в Монтевидео открыли ему это.

В своих «Мемуарах», описывая бои во время осады и дерзкие вылазки, когда удавалось вырваться из вражеского окружения и действовать в тылу войск Мануэля Орибе, он восхваляет «матрерс» — этот термин может с равным успехом обозначать бродягу или бандита, так же как и гаучо — скотовода, охотника, для которого пампасы — родная стихия. Некоторые из этих «матрерос» служили Уругвайской республике.

Гарibaldi рисует портрет «матреро», но нетрудно понять, что это его собственный идеал. В нем воплощена вся сила его индивидуализма, тоска по обществу, неподвластному никому, вольному — на вольном просторе. Мечта, близкая к анархизму, наследие сенсимонизма, дитя утопии, столь типичной для XIX века? Может быть, но какая в этом сила!

Гарibaldi не скрывает, что хотел бы быть на высоте своей мечты.

Его миф близок миллионам его современников, которые надеются — достаточно взглянуть на эстампы того времени — разбить свои цепи и идти навстречу восходящему солнцу.

Эти мысли, эти образы, наивные и близкие народу, составляют силу Гарibaldi. Он обладает редкой способностью «преображать», идеализировать события и людей. Мечтатель Гарibaldi.

Но мог ли бы он действовать, если бы не умел мечтать?

А он действует, и как действует!

8 февраля 1846 года, недалеко от речки Сан-Антонио, Гарибальди со своим отрядом попал в засаду. Их всего сто восемьдесят пехотинцев против почти полутора тысяч человек кавалерии и пехоты. «Мы были готовы погибнуть, но не отступить...»

В конце концов, Гарибальди удалось отвести своих людей в Сальто, город, где его ждал Анзани. Встреча была триумфальной. Известие об этом сражении, на самом деле удачно проведенном отступлении, облетело весь Уругвай, а затем Европу.

Слава Гарибальди так велика, что Розас, организовав вначале на него покушение, предложил ему сумму в тридцать тысяч долларов, если он перейдет на сторону Аргентины. Но бескорыстие Гарибальди было всем известно.

Военный министр Уругвая генерал Пачеко, посетив Гарибальди, увидел его скромное жилище и понял, что у него нет денег даже на свечи. Тогда в его распоряжение было передано сто золотых, которыми он поделился с вдовой, жившей по соседству.

Когда правительство Уругвая решило подарить Итальянскому легиону земли — в благодарность за оказанные услуги, Гарибальди ответил гордым письмом, полным оскорбленного благородства: «Итальянские офицеры, когда им было зачитано ваше письмо и сообщено о содержащемся в нем

постановлении, единодушно заявили от имени всего легиона, что они попросили оружие и предложили свою помощь республике, не требуя никакого другого вознаграждения, кроме чести разделить опасность вместе с жителями страны, которая оказала им свое гостеприимство. Действуя таким образом, они повинуются своей совести. И считая это своим долгом, они будут и впредь продолжать, пока этого требуют трудности осадного положения, делить труд и опасность с мужественными жителями Монтевидео и не желают никакого другого вознаграждения».

Все факты свидетельствуют об одном: Гарибальди неподкупен.

Французский адмирал Ленэ говорит о его простоте и скромности. Он пишет Гарибальди: «Дорогой генерал. Я поздравляю себя и Вас с тем, что Вы смогли благодаря Вашему уму и бесстрашию провести военную операцию, которой могли бы гордиться солдаты Великой армии, в данный момент самой сильной в Европе.

[...] Ваша скромность привлекла к Вам симпатии всех тех, кто способен по достоинству оценить все, сделанное Вами за эти шесть месяцев, и одним из первых я должен назвать нашего полномочного министра, высокочтимого барона Дефоди, в чьем лице Вы имеете могучего защитника, особенно когда речь идет о необходимости написать в Париж, чтобы рассеять досадное впечатление, произведенное некоторыми газетными статьями, написанными людьми, привыкшими

лгать даже тогда, когда события произошли у них на глазах.

Примите, генерал, заверения в моем глубоком почтении. Ленэ».

Английский адмирал Хаудэн рисует портрет «этого человека великого мужества, одаренного подлинными военными талантами, которому я счастлив воздать должное за его бескорыстие, тем более редкое, что он был окружен людьми, стремившимися только к удовлетворению собственного честолюбия».

Английский дипломат Осли, занимавший официальный пост в Монтевидео, добавляет: «Из каждого испытания он выходил, не запятнав своей чести, каждая проверка только подтверждала удивительную верность его суждений и дальновидность советов». Он уточняет, что у Гарибальди не только не было денег на покупку свечей, но что он даже «наглухо закрывал свое пончо, чтобы скрыть ужасающее состояние своей одежды, так как купить приличный костюм у него не было возможности».

Понемногу вырастает образ человека честного, мужественного, одаренного полководца, человека очень яркого и в то же время скромного. Портрет упрощенный, но не противоречащий действительности.

И можно понять, что в то время, когда фракционная борьба раздирает Уругвайскую республику, все единодушны в том, что только ему можно доверить пост главнокомандующего. И вот он генерал. В сорок лет. На вершине славы.

Для всей Италии он стал символом ее борьбы и величия.

Произведения Леопарди, Мандзони, Сильвио Пеллико («Мои тюрьмы») подготовили духовную атмосферу, необходимую для Рисорджименто.

Кроме того, начиная с 1834 года на всей территории полуострова началась полоса бурных перемен. Прежде всего в королевстве Пьемонт-Сардиния, где под руководством Карла Альберта произошел «поворот в истории Пьемонта», как отметил французский посол в Турине. С цинизмом и двойственностью, свойственным правителю, не уверенному в своих силах, Карл Альберт после жестокого подавления движения сторонников Мадзини в 1831-м и 1834 годах, переменил политику, иначе говоря, решил использовать в своих целях национальный подъем, пока его трон не рухнул. Его министры разработали реформы, превратившие Пьемонт в самое современное государство Италии. Армия, образование, коммуникации, юстиция, коммерция: каждый из этих секторов был обновлен. Королевство кипит, полное новых начинаний, и Карл Альберт пишет своему военному министру: «Я не боюсь Австрии и готов один начать войну за независимость». Взять на себя роль государства, вокруг которого – в борьбе против Австрии – может объединиться вся Италия, для королевства, приговорившего к смертной казни Гарибальди и Мадзини, поворот, произошедший всего за несколько лет, который впечатляет.

В Турине, в декабре 1847 года, упорный человек, пьемонтский дворянин, крупный помещик и предприниматель, тонко чувствующий свое время, сторонник либеральных идей, начал издавать газету, которую назвал «Рисорджименто». Это был Кавур.

Но во всех итальянских государствах и во всех группах эмигрантов – в Латинской Америке, в Брюсселе или в Париже – та же буря идей, действий, поток новых книг. Аббат Джоберти в своем «Общественном и моральном примате итальянцев», опубликованном в Брюсселе в 1843 году, выступает за итальянскую конфедерацию и выдвигает свою программу: единство, независимость, свобода. Для осуществления этих целей папа и король Пьемонта должны объединиться.

Эту книгу читают, горячо обсуждают в интеллектуальных кругах, которые есть в каждом итальянском городе, где в течение многих веков существуют давние традиции политической мысли.

В июне 1846 года избран новый папа, Пий IX, который 16 июля объявляет всеобщую амнистию для всех политических осужденных, разрешает эмигрантам вернуться, кажется, собирается проводить реформы. Разве он не послал 24 августа 1846 года циркуляр всем правителям своих провинций, приглашая их предложить свои проекты улучшения народного образования?

«Вива Пио Ноно» – Да здравствует Пий IX! Патриотически настроенная Италия считает, что нашла своего вождя.

В этих условиях растут популярность и слава Гарибальди.

В кафе и театрах Тосканы листовки сообщают о битвах «генерала» Гарибальди и его Итальянского легиона.

Книга тосканского полковника Ложье рассказывает об эпопее гарибальдийских «камичи россе»¹.

Итальянцам – психологически и патриотически – необходим крупный современный полководец. И этот народ, не имеющий военных традиций, избрал Гарибальди, «генерала», воина, победителя. Кажется, что будущее нации можно завоевать только оружием.

В век, когда все великие государства обязаны своим величием мощи своего оружия, когда барабанная дробь говорит о славе нации – Вальми, Аустерлиц, Лейпциг, Ватерлоо, – итальянцы, которые хотят, чтобы их страна стала единой могучей державой, признали этого популярного генерала воином первого года грядущего объединения итальянцев.

Когда два флорентийца – Карло Фенци и Чезаре делла Рипа – предложили открыть по всей Италии подписку, чтобы преподнести Гарибальди золотую саблю и каждому из его легионеров серебряную медаль, в знак «национальной благодарности», – деньги были мгновенно собраны. За несколько дней – четыре тысячи шестьсот лир, и Карл Альберт стал одним из первых, он внес, по слухам, больше лиры.

---

¹ «Красные рубашки» (исп.). – Прим. перев.

В Монтевидео итальянские эмигранты в курсе событий, сотрясающих Италию. Кажется, что вся страна вот-вот поднимется на борьбу. Говорят, что Мадзини объединился с Пием IX, либеральным настроенным папой. Изгнанник-революционер и в самом деле отправил ему следующее послание: «Объединение Италии под эгидой религиозной идеи может поставить Италию во главе европейского прогресса [...]».

В Монтевидео Гарибальди и эмигранты стали немедленно собираться. Вернуться, прикоснуться к земле родины, вновь обрести семью и покинутые города, создать, наконец, единство Италии, ради которого многие из них пожертвовали всем.

Гарибальди и Андзани пишут 12 октября 1848 года монсиньору Бедини, папскому нунцию в Рио-де-Жанейро, чтобы попросить его передать Пию IX: они готовы ему служить и отдают в его распоряжение Итальянский легион.

«...Если сегодня руки, которые умеют владеть оружием, будут приняты Его Святейшеством, ...мы охотнее, чем когда бы то ни было, посвятим их служению тому, кто столько сделал для Родины и Церкви».

В 1847 году тысячи патриотов разделяли иллюзии и энтузиазм Гарибальди и его сподвижников.

Послание, переданное нунцием в Рим, осталось без ответа. Но одно за другим приходили новые известия, и нетерпение Гарибальди росло с каждым днем. Борьба, начатая им в Генуе еще в юности, после тринадцати лет изгнания снова стала

необходимостью. Как не стремиться сделать все возможное, чтобы уехать?

Была открыта подписка, чтобы зафрахтовать судно. Судовладелец Стефано Антонини внес тысячу песо. Фонд быстро рос. Был составлен список членов Итальянского легиона, которые вернутся на родину, чтобы бороться с оружием в руках. Разве Карл Альберт не заявил в сентябре 1847 года: «Если Бог будет так милостив и позволит нам начать войну за независимость, я сам стану во главе армии. Ах, как прекрасен будет тот день, когда мы бросим клич национальной Независимости!» Если понадобится, легион станет служить под командованием короля, чье правосудие тринадцать лет назад приговорило к смерти Гарибальди.

Так как легион предполагает сразу же принять участие в сражениях, Гарибальди решает отправить свою жену и детей в сопровождении юного Медичи сначала в Геную, затем в Ниццу.

Итак, Анита уезжает в Геную. Ее там встретят восторженно — популярность Гарибальди велика. Под ее окнами кричат, ей подарили трехцветное знамя. «Каждый день, как только появляется какой-нибудь корабль, — рассказывает она, — генуэзцы думают, что это он вернулся из Монтевидео».

А в Монтевидео — новые трудности. Не все решаются ехать. Андзани болен. Снова приходится ждать, написать Аните, прося ее переехать из Генуи в Ниццу и отнестись к донне Розе с должным почтением. «Я хочу, чтобы тебе понравился этот прелестный уголок, где я родился, чтобы он стал

тебе так же дорог, как всегда был дорог моему сердцу. Ты знаешь, как я боготворю Италию, а Ницца, конечно, одно из самых прекрасных мест моей родины, такой несчастной и такой лучезарной. Когда ты будешь проходить мимо тех мест, которые видели меня ребенком, о! вспомни о том, кто делил с тобой труд и горе и кто тебя так любит, и поклонись им от меня».

Тоска Гарибальди тем сильнее, что он не уверен еще в том, что ему удастся уехать, каждый день приносит новые разочарования, события в Италии развиваются с такой скоростью, что он чувствует себя вне игры.

В конце концов, только шестьдесят три человека, «все молодые, закаленные в огне сражений», поднимутся на борт бригантины «Ла Сперанца», покинувшей Монтевидео 15 апреля 1848 года.

Мужское братство, скрепленное общностью убеждений.

«Мы уезжали, чтобы удовлетворить нашу жажду, желание всей нашей жизни, — пишет Гарибальди. — И мы переплыли океан, не зная, какая судьба ждет Италию».

Третий акт

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ГЕРОЙ
(1848 – 1860)

Картина седьмая

МЕЖДУ НАРОДОМ И КОРОЛЕМ (1848)

Судьба Италии? Она решалась, пока «Ла Сперанца» на всех парусах плыла по океану и Гарибальди и его шестьдесят три бойца думали о ней, не зная, что революция, как огонь по бикфордову шнуру, пробежала не только по всему полуострову, но и по Европе.

И в самом деле, казалось, что вся европейская политическая система была повержена, с тех пор как — первый толчок — сицилийцы захватили власть в Палермо в январе 1848 года.

10 февраля в своем неаполитанском дворце король обеих Сицилий под давлением восставших соглашается принять конституцию. Первая волна землетрясения.

17 февраля конституция принята в Тоскане: великий герцог также вынужден пойти на уступки.

В Пьемонте, в Ломбардии, несмотря на австрийский контроль, волнения охватывают города и деревни (в Милане — с 23 января).

Удержать Италию уже невозможно. Растущая волна идет издалека: от подавленных восстаний, в

которых в 1834 году был замешан Гарибальди, от утверждения национального самосознания, но также начиная с 1846 года — от нищеты и трудностей, вызванных экономическим кризисом.

Во время очень сильных холодов зимой 1845 — 1846 года, затем дождливой весной 1846-го цены на продукты питания вдруг бешено подскочили. Весь полуостров — с юга до севера — охвачен голодом. Краткие, но мощные бунты сотрясали площади и рынки. Повсюду протестовали против вывоза в Австрию риса и пшеницы, обвиняя ее в дороговизне жизни и нехватке продовольствия. Вена, управляемая Меттернихом, посылает в поддержку маршалу Радецкому хорватские войска — для подавления беспорядков.

Итак, в Италии в течение многих месяцев национальные и либеральные требования совпадают с протестом против голода — сочетание, всегда взрывоопасное. Все, кажется, идет в одном направлении. И выборы Пия IX, и монархические пригласия Карла Альберта, мечтающего о великом Пьемонте и захвате других итальянских государств, и слава Гарибальди.

Это движение ускоряется, становится необратимым, когда вся Европа начинает дрожать.

24 февраля 1848 года Луи Филипп изгнан из Парижа. И, главное, барьер, сдерживающий Европу, взорван: 15 марта 1848 года восставшая Вена сбросила правительство Меттерниха. Началась весна народов.

В Германии, Венгрии, Богемии улицы заполнены толпами народа. Конституция! Свобода!

Родина! В Италии народный энтузиазм смел все преграды.

Уже в начале марта Карл Альберт ввел для подданных Пьемонт-Сардинии более либеральный «статус». 15 марта Пий IX пожаловал конституцию.

А теперь жители Милана вышли на улицы с оружием в руках, чтобы изгнать австрийские войска. Радецкий, умелый политик, пытается вести переговоры, сохранить силы, чтобы иметь возможность затем перейти в наступление. Но в Милане под руководством военного совета началось всеобщее восстание. Из долин Ломбардии к городу стекаются колонны патриотов-горожан, молодежи из маленьких городов долины По и крестьян, чтобы присоединиться к миланцам. За пять дней отчаянной борьбы они разбили четырнадцатитысячное войско Радецкого, не выдержавшее уличных боев. Триста человек заплатили жизнью за освобождение города. Австрийцы потеряли сотни людей.

На другом краю равнины патриот Даниэль Манэн встал во главе народа Венеции. Древняя, благородная, гордая республика святого Марка бросилась в бой. Рабочие Арсенала, моряки, «пополо минуто» («мелкий люд») прогнали австрийцев и 22 марта 1848 года провозгласили республику.

Тогда, поняв, что ситуация ускользает из-под его контроля, «загадочный» король Карл Альберт двинул вперед пьемонтские войска численностью в сорок тысяч человек. «Смертный час династии пробил», началась «война короля».

В последовавшие за этим дни войска, пришедшие из Тосканы и даже из Неаполя и папских государств, поспешили оказать военную поддержку пьемонтским войскам.

Может быть, это, наконец, бросок объединенных сил монархов и народа против главного врага: Австрии? Действие происходит в конце марта.

«Сперанца» покинула Монтевидео 15 числа того же месяца. Ей предстоят долгие недели плавания по Атлантике. Ситуация, в то время как судно направляется к Гибралтарскому проливу, меняется быстро. И в худшую сторону.

Чтобы победить, необходимо было разбить военный инструмент врага: его армию. Но маршал Радецкий, предусмотрительный и осторожный, отступая, занял крепости, ломбардский четырехугольник: Верону, Мантую, Леньяно и Пескьеру.

Необходимо было их отбить. Карл Альберт колеблется, топчется на месте после двух успешных операций: при Гойто и Пескьере. Одна крепость пала. Почему бы не пойти дальше?

Осторожность Карла Альберта объясняется прежде всего двойственностью политики человека, преследующего узкомонархические цели. Аннексировать государства — да. Способствовать успеху демократов и республиканцев — нет. Милан и Венеция не внушают ему доверия. Враг не только перед ним, в австрийском мундире, но и за его спиной, в народных советах, создание которых уже стало реальностью.

Разве Мадзини не высадился в Генуе? И Гарибальди — не в пути? И разве посланный им Медичи не готовит десант гарибальдийского легиона где-то между Ливорно и Генуей?

Мадзини и Гарибальди — Карл Альберт хорошо их знает, недаром его правосудие четырнадцать лет назад приговорило их к смертной казни.

В остальных королевствах монархи проявляют ту же сдержанность. Пойти до конца — навстречу желаниям народа? Трон может не выдержать этой бури патриотических страстей.

Начиная с апреля Пий IX, чье избрание вызвало восторг и надежду, что он возглавит национальный крестовый поход против австрийцев, сложил руки в молитвенном жесте и заявил, что он, «пастырь народов», не может вести наступательную войну против Австрии.

15 мая в Неаполе Фердинанд II подавил революционное движение.

Начался спад.

Гарибальди еще не ступил на землю Италии. Когда «Сперанца» вошла в воды Средиземного моря, — в начале июня 1848-го, — волна революции начала понемногу спадать не только в Италии, но и во всей Европе.

В Праге, Вене, Париже — везде демократы отступают. И австрийская армия, которая не была расформирована, стала мечом реакции. В Праге и долине По маршал Радецкий контратакует, теснит пьемонтские войска и занимает Виценцу (11 июня 1848 года).

Это означает, что фактически Пьемонт потерпел поражение и будущее для Италии закрыто.

«Сперанца» пристала к берегу в Санта-Пола, возле Аликанте. Нужно запастись продовольствием и пресной водой. Капитан не задержится в испанском порту. Он приносит «известия, способные свести с ума», пишет Гарибальди.

Но эти новости уже устарели. Радецкий изменил ситуацию, повсюду — спад, весна народов — всего лишь еще одна разбитая надежда, а на палубе «Сперанцы» все «обнимаются, мечтают и плачут от радости».

Нужно высадиться в первом же итальянском порту, чтобы принять участие в преследовании «отступающей» австрийской армии!

Гарибальди решает в этих условиях пристать к берегу в Ницце.

21 июня 1848 года «Сперанца» появилась в бухте Дезанж (Ангелов), подняв флаг итальянских патриотов.

Для Гарибальди — волнующие минуты: «Счастье такое, что хотеть большего было бы невозможно, недозволено!»

С борта «Сперанцы» уже видна Ницца. Гарибальди четырнадцать лет не видел своего города, Пончеттских террас, красной черепицы крыш, теснящихся у подножия холма, замка в глубине залива порта Лимпия.

На берегу толпа. Но: «Еще до того как мы вошли в порт, я увидел мою Аниту и сына Менотти, направлявшихся к нам на маленьком катере; на

берегу мне аплодировали мои соотечественники. Скольких товарищей моего детства, друзей юности я вновь увидел и обнял в этот день?»

За четырнадцать лет город мало изменился.

Революция 1848 года, статус, пожалованный Карлом Альбертом, его, конечно, не могли не взволновать. Он не избежал веяний, затронувших Европу и полуостров.

Но не нужно обольщаться: город, хоть и насчитывал теперь вместе с предместьями более тридцати пяти тысяч жителей, оставался все таким же сонным. Стало приезжать больше иностранцев. Можно было видеть, как они прогуливались по «дороге англичан», выходящей вдоль бухты Ангелов, — под белыми кружевными зонтиками на зеленой подкладке, защищающими от солнца, или загорали на зимнем солнце.

Но городом Гарибальди были не эти предместья по ту сторону реки Пайон. Он вырос на левом берегу, в «старом городе», в районе порта. Там он и остановился, у своей матери, где уже жили Анита и дети. Донна Роза стала еще меньше. Лицо ее под седыми, гладко зачесанными волосами, по старинной средиземноморской моде, сморщилось и потемнело. Она смотрит на сына, появившегося как чудо, странного, с длинными волосами и светлой бородкой, в красной рубашке и белом пончо. Он жив, знаменит, кажется счастливым. Донне Розе остается только молиться за него.

Для Гарибальди эти несколько дней, проведенных в Ницце, — награда за долгие годы изгнания.

Он окружен людьми, ему рады, его чествуют. С ним его мать, жена, дети, его город, его друзья.

25 июня в отеле «Йорк» на площади Сент-Доминик — ныне Дворцовая площадь — в его честь устроен банкет на двести персон. На банкете присутствует — можно оценить эволюцию со времени смертного приговора — интендант графства, представитель короля Карла Альберта, граф Соннас. Напротив отеля — казарма Сент-Доминик, там размещены шестьдесят три члена Итальянского легиона, их тоже чествуют как героев.

В конце банкета Гарибальди четко выразил свою позицию: отдать всего себя борьбе, встать на сторону короля.

«Когда земля родины будет освобождена от врага, я не забуду, что я — сын Ниццы, и всегда буду готов защищать ее интересы».

Да здравствует Италия, да здравствует Ницца и да здравствует король!

28 июня, покинув Ниццу, Гарибальди прибыл в Геную со своими легионерами, к которым присоединились еще шестьдесят семь молодых жителей Ниццы.

В Генуе все не так просто. Народ полон «радости и волнения». Королевские власти приняли Гарибальди «с холодностью беспокойной совести». Они боятся «красного человека», тех, кто идет за ним, тех толп, которые он может собрать, увлечь за собой — в революцию во имя республики, или повести в бой не по правилам стратегии, намеченной монархом.

Как быть с этим бывшим противником, союз с которым тревожит правительство Туринна? Пока он был далеко от Италии, можно было аплодировать его славе. В Генуе, при осторожной игре Карла Альберта, полной скрытых консервативных планов, он — помеха.

Но Гарибальди смущает не только пьемонтских министров и чиновников.

Даже его соратники недоумевают. Неужели он настолько изменил своим убеждениям, чтобы перейти в лагерь короля?

Сложная политическая ситуация, которую Гарибальди упрощает в своих высказываниях, создает напряженность в отношениях даже с теми, кто делил с ним изгнание.

Можно представить себе, как складывались отношения Гарибальди с королем, его министрами и генералами. Между двумя полярными мирами никогда не бывает ни настоящего союза, ни подлинного доверия.

Эти разногласия выходят далеко за пределы политики. Пьемонт-Сардинская монархия родилась на перекрестке двух миров, савойского и ломбардского, и привыкла к «двойной игре», в силу своего положения и своей природы. Как говаривал Людовик XIV, «господин из Савойи никогда не заканчивает войну в том лагере, в котором ее начал».

Их встреча состоялась в генеральном штабе Карла Альберта, в Ровербелла, возле Мантуи.

В этот день, 4 июля 1848 года, в долине По стояла такая страшная жара, что было трудно

дышать, как перед грозой. Карл Альберт был подчеркнута строго одет: мундир по форме, как подобает крупному военачальнику.

Гарибальди, прибывший из Генуи в своем нелепом наряде герильеро, утомлен месяцами морского путешествия и только что пережитыми волнениями.

Кстати, в Ровербелла, с влажным воздухом речной долины, он получит малярию, с частыми, короткими, но тяжелыми приступами.

Его провели к Карлу Альберту. Король смерил его взглядом.

«Я увидел его, почувствовал в его приеме скрытую насмешку, понял колебания и нерешительность этого человека и пожалел о том, что судьба нашей бедной родины попала в такие руки», — напишет Гарибальди.

Что касается Карла Альберта, он разделял презрение своих генералов, никогда не упоминавших имени Гарибальди и называвших его не иначе, как «эта личность из Монтевидео». Впрочем, Карл Альберт «с царственной любезностью» высоко оценит поведение Гарибальди в Америке, о котором он осведомлен.

Но когда Гарибальди захочет уточнить, на каком посту его собираются использовать — какие силы? какой фронт? — Карл Альберт уклонится от ответа, а через несколько часов после встречи напишет своему военному министру, что «было бы бесчестьем для армии дать чин генерала такой личности».

Однако в 1848 году было трудно в Италии обнародовать подобное мнение. Лучше было нейтрализовать Гарибальди, предложив ему стать корсаром в Адриатике. Но было бы еще лучше, чтобы он исчез с горизонта. «Может быть, мы могли бы его к этому склонить, предложив ему какую-нибудь субсидию, чтобы он избавил нас от своего присутствия», — заключил король.

Гарибальди, как бы наивен он ни был, заблуждался недолго. В Турине военного министра не оказалось на месте. Гарибальди посылают от одного к другому. В конце концов, его принял министр внутренних дел. Гарибальди охвачен гневом. «Эти действия, которым нет имени, до сих пор вызывают у меня дрожь отвращения», — напишет он в своих «Мемуарах». У его людей сложилось «грустное впечатление, что отряды волонтеров были бесполезны и имели вредное влияние».

Они не ошиблись. Король Пьемонта хочет сохранить военную инициативу. Он боится не двухсот людей Гарибальди, а того примера, который они могут подать, вызвав «массовое движение» волонтеров.

Первая же встреча Гарибальди с монархией в начале итальянской «войны за независимость» выявит двойственность этих отношений, которая сохранится в течение всего Рисорджименто.

С одной стороны — король со своим государством и армией, с другой — народ, который предстоит мобилизовать, народ, представляющий собой потенциальную угрозу, если сдерживающие его барьеры рухнут.

Гарибальди – между ними: народный герой, способный действовать самостоятельно, но избравший (или вынужденный обстоятельствами сделать это) союз с королевским лагерем.

Заложник? Актер, полезный государству, потому что заставляет верить, что в этом участвует народ? Об этом можно спорить.

События, развернувшиеся летом 1848 года, приобретают благодаря этому еще большее значение, так как дают Гарибальди возможность показать истинный характер этой игры.

25 июля 1848 года король Карл Альберт и Пьемонтское государство сходят со сцены. Австрийцы маршала Радецкого начали наступление, и пьемонтская армия потерпела поражение при Кустоцце. И 9 августа Карл Альберт подписал с Веной перемирие.

Отныне Гарибальди остается на сцене один. Он может обратиться к народу. Но отзовется ли народ?

В Милане, где было создано временное правительство с участием демократов, Гарибальди было присвоено в июле звание генерала. Миланцы доверили ему командование корпусом волонтеров, численностью около трех тысяч человек.

После политики проволочек, которую вели с ним королевские министры, Гарибальди с энтузиазмом принял предложение отправиться на север, в Бергамо, даже если доверенная ему миссия «не соответствовала моему характеру и моим слабым знаниям военной теории».

Наконец-то он начнет сражаться.

Надежда жила недолго. Новость о поражении при Кустоцце и последовавшим за этим перемирием застала Гарибальди около Монца.

Это север Италии, незнакомый ему край. Если он еще может объясниться с крестьянами, мимо которых течет поток беглецов, на своем не совершенном итальянском, то местный диалект ему непонятен. Как и весь этот новый мир, эта война и таящиеся за ней политические планы, о которых он не хочет думать, — все это ему чуждо.

Он все-таки пытается справиться с ситуацией, несмотря на отчаяние, постепенно овладевающее его волонтерами и населением.

Что делать? Говорить. Действовать.

Гарибальди встречает Мадзини, чьи самые пессимистические предчувствия начинают сбываться. Папа и король бросили дело Италии на произвол судьбы. Бледный, с опереточным ружьем и знаменем в руках, Мадзини вступает в ряды волонтеров. Вскоре он скажет: «Война короля закончилась. Начинается народная война».

Гарибальди хотел бы начать эту народную войну. Она соответствует его опыту, его темпераменту, заставляющему изменять маршруты и планы в зависимости от развития событий.

Итак, он идет по направлению к Комо, чтобы избежать атмосферы разгрома и паники, царящей в Миланской области, уйти от возможного столкновения с войсками Радецкого.

Письма, прокламации. Он повторяет, что «война против Австрии будет длиться до тех пор, пока существуют итальянцы, способные держать в руках оружие». Молодежи он говорит: «Родина нуждается в вас».

В этой местности, так резко отличающейся от американских краев, он пытается применить тактику, которая там ему хорошо удавалась: тактику войны небольшими отрядами, «партизанскую войну», так как ничего другого сделать нельзя.

Эта «герилья» предполагает решимость бойцов и поддержку — хотя бы пассивную — населения. Но ряды его немногочисленного войска редуют по мере того, как растет напор вражеских сил.

Вокруг Гарибальди объединилось вначале три тысячи человек, затем их осталось восемьсот, сто.

Они ведут бои в районе озера Комо, захватывают суда, деревни, затем убегают, неожиданно застигнутые австрийцами во время короткого отдыха.

В небольших деревнях — Луино, Морадзоне — ведут перестрелку, затем скрываются. «Мы не хотим ценой собственной жизни оставить нашу священную землю на издевательство и поругание», — повторяет Гарибальди. Но швейцарская граница недалеко. Сам Мадзини, с карабином и знаменем, на котором написано «Бог и Народ», — уже в Швейцарии. «За ним последовали многие из верных или считавшихся верными ему людей», — с горечью скажет Гарибальди.

Он сам еще упорно держится со своим отрядом, «больше похожим на караван бедуинов, чем на

бойцов, готовых сражаться». Он не хочет расстаться со своей мечтой: пусть каждый итальянец вооружается, становится «герильеро», и пусть, за неимением организованной армии, по всей стране начинается «партизанская война».

Себя он объявил «дуче»: вдохновителем, руководителем, вождем. Его люди живут за счет местных жителей, расплачиваясь клочками бумаги с настороженными крестьянами, которые знают, что партизан австрийская армия беспощадно расстреливает.

Но есть вещи, более серьезные, чем страх. Гарибальди обнаружил, что народ, к которому он обращается с призывами, не только уклоняется, но ставит в известность врага. «Я впервые столкнулся с тем, как мало значит для людей из деревни дело национального освобождения».

Однажды вечером, после того как ему удалось прорвать вражеское кольцо в Морраццоно, пробираясь почти непроходимыми тропами, он увидел, как большинство его людей разбежалось под покровом темноты. 29 августа 1848 года с тридцатью верными ему людьми он перешел швейцарскую границу. «Партизанская война» была короткой.

Итак, Гарибальди укрылся в Агно — и слег.

В маленькой деревушке его подстерегла лихорадка. Болезнь — следствие глубского разочарования. Теперь он мог в одиночестве подумать об этих последних неделях, начиная с приезда в Ниццу и до нового изгнания, на которое его обрек провал войны в Ломбардии.

Понял ли он, что крестьяне не очень расположены вести войну, которую развязали, не спросив их мнения?

Вначале крестьяне помогали миланцам, надеясь, что ветер национальных перемен принесет с собой социальные реформы.

Ничего подобного не случилось. Вместо этого пришла война, а за нее прежде всего расплачиваются земля и люди, которые на ней трудятся.

Эти несколько оборванных людей, идущих за своим генералом в красной рубашке, вряд ли могли успокоить крестьян. Скорее наоборот, посеять тревогу — за свой птичник, запасы солонины и вина. И это — Рисорджименто? Это дело горожан, людей образованных, обеспеченных; а крестьянам лучше быть на стороне того, у кого сила. Безупречная логика слабых, умеющих лучше других видеть реальное соотношение сил.

И вообще, что значит быть итальянцем?

Здесь у каждого своя малая родина, Болонья или Парма, Комо или Венеция. Патриотизм каждого города и окружающих его деревень — результат многовековой итальянской политики. Пьемонтцев не любят в Ломбардии, венецианец с опаской относится к людям, живущим на твердой земле.

А Гарибальди — ниоткуда. И своим влиянием он обязан, кроме всего, своему положению «маргинала».

Он равно принят жителями Тосканы и Венеции, Турина и Генуи, так как не принадлежит ни одному из этих больших городов-соперников.

Он из Ниццы, а что такое Ницца для Италии с ее вековыми традициями? Всего лишь небольшой городок, к тому же пограничный. И Гарибальди, в силу своего происхождения, а затем долгой жизни в изгнании, может принадлежать только всей родине, Италии, быть человеком единой нации.

Но где те силы, с помощью которых он мог бы действовать? Кто способен собрать армию, чтобы противостоять Австрии?

Не уверенный ни в чем, терзаемый сомнениями, ставящими под вопрос дело всей его жизни, Гарибальди покидает Швейцарию и возвращается в Ниццу.

Его окружают мать, жена, дети, друзья. Он молчит. Пытается лечиться.

«Так как я был болен душой и телом, спокойная домашняя обстановка меня не устраивала, и я отправился в Геную, где общественный протест против унижения родины был особенно силен. И там я перестал лечиться».

Гарибальди прибыл в Геную 26 сентября 1848 года. Его приезд встречен с восторгом.

Что это — конец спада? Начало нового революционного и национального прилива?

На это надеется Гарибальди, а также Мадзини и патриоты, которые на Сицилии, в Ливорно, Тоскане, Риме — в областях, городах и государствах, не подвергшихся вторжению чужеземной армии, еще не потерпели поражения.

В Ломбардии судьбу Рисорджименто решили австрийские солдаты. Может быть, в остальной

части Италии не все еще потеряно? Волна национального и революционного движения должна до конца исчерпать свою энергию. И Гарибальди отдался на волю этой волны.

Его действия не были продуманы заранее. Из Ломбардии к нему посланы люди, его уговаривают возобновить войну. Хорошо. Он согласен. И произносит речи, воспламеняющие слушателей: «Кто хочет победить — победит». Гарибальди убеждает тех, кто готов ему верить, — но не следовать за ним.

Маленький городок неподалеку от Киавари даже избрал его депутатом парламента Турина. Он отказался: он создан, чтобы сражаться. В Ломбардии? Он уже передумал. Делегат правительства Сицилии просит его прибыть на остров, где население сумело дать отпор королю Неаполя. «Я принимаю с радостью», — сказал Гарибальди.

Вместе с семьюдесятью двумя соратниками он сел на борт французского парохода «Фарамон». Курс — в Палермо. Но сначала бросили якорь в Ливорно. Собрался народ, и Гарибальди, может быть, сделал ошибку, — как признает он сам, — поддался на уговоры и высадился. Ему пообещали собрать волонтеров, мощную колонну, во главе которой он двинется на Неаполь, освобождая по дороге города и таким образом косвенно помогая Сицилии. Он согласился. «Фарамон» снялся с якоря без Гарибальди.

На самом деле волонтеров оказалось всего несколько человек. Пошли на Флоренцию, которой

великий герцог пожаловал конституцию. Все это решается и меняется на ходу: с каждым днем, с каждым часом — и направление, и цель удара. Кормятся за счет жителей. Идет снег, ложась на Апеннины густым покровом. Нужно кормить людей, денег нет, правительство уклоняется. «Это всего лишь рой саранчи, — сказал о них министр внутренних дел Тосканы, считавшийся, однако, патриотом, — сделаем все возможное, чтобы они прошли, как можно быстрее, заразив как можно меньше мест».

Их едва ли наберется сто человек, но их все-таки боятся. Если они та взрывчатка, от которой взлетит на воздух общественный порядок (при том, как бедствуют крестьяне), что станется с городской буржуазией, патриотически настроенной, но богатой, с помещиками, ничего не дающими сельскому населению? Пусть они уходят подальше, эти люди в красных рубашках.

Вот Гарибальди в Болонье, затем в Равенне.

В Равенне цель снова меняется: нужно помочь Венеции, сражающейся с австрийцами.

Гарибальди пытается организовать батальон из людей, решившихся присоединиться к нему, «добиться независимости Италии или умереть». Кто сомневается в его целеустремленности, даже если в течение этой осени он больше говорил, чем действовал? Он вынужден это делать, так как средств не хватает, и одного его авторитета недостаточно, чтобы создать такие силы, с которыми можно было бы выступить против врага: без государства, возглавившего народную борьбу, нельзя добиться успеха.

А это государство, Пьемонт, вышло из борьбы. Так значит, никакой надежды?

16 ноября стало известно, что Пеллегрини Росси, один из министров Пия IX, убит в Риме. Несколько днями позднее, 24-го, Пий IX покинул свою столицу в одежде простого священника и укрылся в Гаэте, где к нему присоединился великий герцог Тосканский. Казалось, что Рим — свободен, и республиканцы, самые радикально настроенные из патриотов, могут начать действовать. Вот, может быть, тот федеративный центр, которого не хватало борьбе.

8 декабря революционеры, взявшие власть в Риме, послали Гарибальди телеграмму: пусть он вместе со своим легионом присоединится к городу.

Наконец-то ясный призыв, наконец событие. Все еще можно спасти, поскольку Рим «наш».

Гарибальди немедленно отправился в путь.

Картина восьмая

ПОКА ХВАТИТ СИЛ

(1849)

Следовало бы проследить путь Гарибальди и его легионеров через Апеннины, по римской равнине, от деревни к деревне, от одного городка до другого, от Мачераты до Риети.

Кортеж, приводящий в восторг патриотически настроенных горожан, пугает деревенских жителей. Эта «банда» внушает тревогу, потому что кормится за их счет, потому что кое-кто из ее членов ворует и пьет. Сама их сдѣжда, столь отличная от униформы регулярных войск, только подтверждает, что речь идет о «разбойниках», а разбой — явление, знакомое в этих районах Апеннин, особенно зимой, когда снежные заносы изолируют деревни, вокруг которых по ночам бродят волки, от всего мира.

Гарибальди едет первым, во главе своих людей: красная рубашка, белое пончо, шляпа с пером и сабля. За ним — Агуйяр, высокий негр, которого он в Америке освободил от рабства, офицер и ординарец в одном лице; он в черном плаще, в руке — пика, к которой прикреплена вызывающая всеобщее удивление красная звезда. Это разношерстное войско состоит из дезертиров, тосканских и ломбардских волонтеров, и «монтевидейцев», вернейших из верных, к их седлам прикреплены лассо, которыми пользуются гаучо.

Однако позднее Гарибальди, готовящийся к серьезным сражениям, постарается придать своей армии сплоченность и потребует у властей единую форму и оружие. Но даже в Риме его встретили сдержанно. Гарибальди быстро убедился в том, что его хотят удалить из города. Число волонтеров попросили ограничить: не более пятисот человек. Его посылают — под предлогом необходимости защиты — в города, которым ничто не

угрожает. Он снова вынужден перейти через Апеннины в самый разгар зимы, в то время, как у его людей нет даже шинелей. И снова та же настороженность жителей, тот же страх. «Нашего приближения боялись, как боятся волков или убийц».

Когда он понял, что ему отказано даже в необходимом вооружении, он решил изготовить пики. В городах ему хотя бы верят. Жители Мачераты избрали его депутатом Учредительного собрания, чтобы он мог бывать в Риме.

Положение в городе было сложным. Население в своей массе не принимало участия в демонстрациях, приветствовавших приход к власти демократов после отъезда Пия IX.

Город веками был подчинен власти папы. Для подавления оппозиции использовались все средства. И не было сделано ничего, чтобы облегчить участь городской бедноты.

Рим мало изменился с 1825 года, когда Гарибальди увидел его впервые.

Когда он прибыл туда в начале 1849 года, чтобы участвовать в заседаниях Учредительного собрания, в городе было по-прежнему 90% неграмотных. Однако среди населения, задавленного нищетой и обскурантизмом (все преподавание в университете велось на латыни), он встретил сторонников: это была молодежь или те слои общества, в которых были живы традиции независимости. Они были готовы бороться.

Но сколько их было? Всего лишь несколько тысяч.

5 февраля 1848 года. Церемония открытия ассамблеи.

Великий день для Гарибальди и патриотов: Рим, кажется, может стать центром, вокруг которого объединится вся Италия.

На первом же заседании Гарибальди берет слово: он требует установления республики.

9 февраля 1848 года ассамблея (сто двадцать депутатов — за, девять — против и четырнадцать — воздержались) провозгласила Римскую республику, положила конец власти папы, приняла решение о конфискации имущества церкви, свободе образования и печати, равенстве всех граждан перед законом.

Позднее, под давлением Мадзини, прибывшего в Рим 6 марта и ставшего одним из членов триумvirата, правившего городом (вместе с двумя демократами, Армеллини и Саффи), ассамблея наметила социальную программу и, в частности, раздел на мелкие доли конфискованного церковного имущества и его распределение среди семей беднейших земледельцев.

Это была революция.

Гарибальди стал символом борьбы против церкви. И объектом ее ненависти.

Он действительно во всем винил церковь, не понимая, что причины того сопротивления, с которым сталкивается национальное движение, гораздо глубже.

Вера и невежество были тем покровом, под которым скрывался тяжкий гнет феодальной структуры общества. Бедствующий крестьянин был бы

готов — и иногда демонстрировал это — прогнать всех хозяев, феодалов и крупных земельных собственников — буржуа в неистовой, все сметающей жакерии, но ему предлагали только кричать: «Да здравствует Италия!»

А что для него Италия?

Неграмотный, задавленный долгами, он не в состоянии даже заплатить за посевной материал.

Гарибальди этого не понимает. Так же, как он не понимает крестьянской осторожности, упорства, нетребовательности и того человеческого величия, которое проявляется в привязанности к месту, к неблагоприятному труду, которому нет конца. Он не чувствует ненависти, разделяющей социальные группы в стране, где разница условий жизни так велика.

Священники! Священники! Вот, кто за все в ответе. Но вина лежит также на политиках, их честолюбии, соперничестве.

Богатство, бедность, эксплуатация одних другими? Об этом Гарибальди не говорит. Он мечтает «о едином кольце всех граждан, едином мнении — от дворянина до плебея, богатого и бедного, когда все стремятся видеть родину, свободной от чужеземного захватчика, не думая в эту минуту о том, какая в стране форма правления!»

Ситуация в самом деле после революционного подъема осенью и зимой 1848 года изменилась к худшему.

Вначале, правда, казалось, что победит новая волна: еще раз у австрийского «жандарма» возникли собственные трудности. В октябре 1848 года

в Венгрии вспыхнуло восстание, и австрийский император был вынужден покинуть Вену и укрыться в Олмутце. Когда австрийский контроль слабеет, Италия чувствует себя свободной.

Уже патриоты строго осуждали перемирие, заключенное Карлом Альбертом в августе 1848 года. Они начали кампанию в рамках статуса, пожалованного королем весной 1848 года, за новое выступление Пьемонта в Ломбардии против Австрии. На выборах, состоявшихся 15 и 22 января 1849 года, победили радикально настроенные демократы. Составлено демократическое министерство, целью которого было возобновление войны.

Слишком поздно.

5 января 1849 года восстание в Будапеште было подавлено. Австрийский жандарм снова обрел уверенность в себе, и когда 12 марта 1849 года Пьемонт объявил о прекращении перемирия, достаточно было одного сражения при Новаре 23 марта 1849 года, чтобы пьемонтская армия перестала существовать. Унижение было безграничным. Еще счастье, что Пьемонт не был оккупирован австрийцами: только угроза французского вмешательства в помощь Турину помогла избежать катастрофы.

Пьемонтская армия не могла собственными силами справиться с австрийцами. Генерал Раморино, участвовавший в мадзинском движении в 1834 году и командовавший сейчас одной из дивизий, был объявлен виновником поражения и расстрелян. Что касается короля Карла Альберта, то он отрекся от престола, тайно переехал из Италии в Португалию,

уступив место своему сыну, Виктору Эммануилу II. Новому королю было 29 лет.

Поражение Пьемонта при Новаре прозвучало похоронным звоном для итальянских надежд. Больше не было препятствий для спада, для массового возвращения самых реакционных элементов, повсюду опирающихся на поддержку австрийцев. 11 мая 1849 года они вошли во Флоренцию. В Парме и Модене они восстановили власть герцогов (август 1849-го). Король Неаполитанский, убежденный в победе австрийцев, может отправиться на завоевание Сицилии. В каждом государстве, в каждом городе тюрьмы постепенно заполняются.

Остается Рим, остается Венеция – две республики.

Гарибальди понял грозившую Риму опасность. Австрия движется к югу. Она уже в Тоскане, она идет на Рим. И город окажется в клещах между войсками Бурбона Неаполитанского и австрийцами.

Народное ополчение! Народное ополчение!

Гарибальди набирает людей, усиливает свой легион, готовит его к бою. Он в своей стихии: действие, борьба – и драма.

Он пишет членам триумvirата. Он требует людей и оружия. Он требует разрешения пойти по Виа Эмилия и атаковать австрийцев.

Гарибальди явно не видит всей картины готовящегося конфликта. Рим отныне в центре международных отношений. Ни Париж, ни Вена, ни Лондон не могут не обратить внимания на этот нарыв, угрожающий их влиянию. «Римский вопрос», таким образом, подтверждает, что решение проблемы

единства Италии связано с соперничеством между великими державами.

Гарибальди не думает о том, как велико значение судьбы Италии для мировой дипломатии. Участь Рима откроет ему глаза.

Пий IX, также успокоенный победой австрийцев при Новаре, 20 апреля обратился с призывом ко всем католическим державам из своего убежища в Гаэте.

Пусть его спасут от варваров! Пусть ему вернут его города и государства! Это долг всех католиков.

Кто же вмешается, чтобы прийти на помощь папе? Вена или Париж?

Париж взволнован ростом австрийского влияния в Италии. Начиная с 17 апреля 1849 года Национальная ассамблея обсуждает вопрос о вводе войск: таким образом будет обеспечено французское присутствие и удовлетворено общественное мнение католиков.

Но в апреле 1849 года Париж еще проявляет осторожность. Пусть войска высадятся в Чивитавеккья, но ограничатся тем, что их присутствие будет способствовать компромиссу между папой и его римскими подданными, нейтрализуя вмешательство Австрии, — таково принятое решение.

25 апреля войска герцога Реджо генерала Удино, входят в итальянский город, скандируя: «Да здравствует Италия и да здравствует Республика!»

Гарнизон Чивитавеккьи не сопротивлялся. Население было доброжелательно. Разве Франция не

республиканская страна? Ее солдат нечего бояться. Впрочем, солдаты сами не знали, что Удино уже назначил день взятия Рима. Им предстояла всего лишь военная прогулка. Итальянцы не вояки.

В Риме не питают иллюзий по поводу последствий высадки французов. Собрана ассамблея, 23 апреля Гарибальди назначен бригадным генералом, командующим «корпусом эмигрантов». Он получил распоряжение ввести в Рим свой легион в полном составе.

И вот гарибальдийцы – тысяча двести человек – входят в город через Главные ворота после сорокакилометрового перехода – от Аньяни – под ледяным весенним ливнем. Их временно разместили в женском монастыре Сан-Сильвестра, выгнав монахинь. Легион получил приказ стать лагерем на площади Святого Петра, затем занять крепостные стены – от ворот Сан-Панкратио до Порте-Пертезе.

Ожили старинные городские укрепления, и столица, столько лет дремавшая, повинаясь ритму религиозных праздников, вдруг проснулась, охваченная лихорадочным возбуждением предстоящих боев.

Гарибальди в «своем» Риме, во главе «своих» людей готовится защищать дело Италии.

Военной комиссией республики руководит Карло Пизакане, выпускник неаполитанской военной академии, человек выдающегося ума и редкой культуры. Он ценит смелость Гарибальди, но не признает импровизации. Чтобы сдержать Гарибальди,

он подчинил его двум генералам, Авеццана и Розелли. Первый — военный министр, второй — главнокомандующий.

У Гарибальди сложились хорошие отношения с Авеццана, который станет одним из его верных сторонников. Эмигрировавший в 1821 году, он тоже сражался за океаном, в Мексике. Он принял решение дать Гарибальди пятьсот новых ружей, что позволит вооружить легион.

Но с Розелли возникнут разногласия. С Мадзини тоже.

Пути главы «Джовине Италия» и Гарибальди все время пересекаются, так как они оба — телом и душой — преданы Италии. Мадзини, по-прежнему убежденный в необходимости борьбы, оказался ловким политиком, умеренным в своих решениях.

При известии о высадке французских войск под командованием Удино, ассамблея «доверила триумвирату миссию спасти республику и противопоставить силе силу».

Гарибальди — в меньшей степени политик, в большей «военный». Его обижает позиция Мадзини, который не хочет понять, «что я тоже что-то смыслю в военном деле».

Гарибальди строг к деятельности триумвира Мадзини, некогда приобщившего его к сотрудничеству с «Джовине Италия». Робкий и наивный повичок стал знаменитым генералом, а Мадзини, учитель, остался кабинетным ученым.

«Если бы Мадзини, — и не нужно обвинять никого другого, — пишет Гарибальди, — обладал

качествами человека дела, умением вести военные дела или хотя бы прислушивался к мнению людей, имеющих опыт ведения войны, он совершил бы меньше ошибок и мог бы, если не спасти Италию, то хотя бы оттянуть — до бесконечности — разгром Рима...»

Однако в конце апреля 1849 года, даже если «разгром Рима», вопреки тому, что об этом думает Гарибальди, был обусловлен самой логикой положения, сложившегося в Италии, рано было подводить итоги, нужно было готовиться с сопротивлением.

Удино даже не считал нужным заpastись планом города. 28 апреля он двинулся в путь и на римской равнине под приморскими соснами, где паслись стада овец, не встретил никого, кроме нескольких мирных пастухов. Все шло хорошо: военная прогулка, как и предполагалось.

Но Гарибальди организовал сопротивление. Он занят своим дедом. Он посылает в засаду разведчиков. Его южноамериканский опыт научил его, что, «когда враг приближается, всегда хорошо подготовить несколько засад». Следят за продвижением противника, захватывают пленных. Со стен, которые ему предстоит защищать, Гарибальди смотрит, как спокойно движется французская армия. Солдаты-пехотинцы, из которых она состоит, участвовали в усмирении Алжира. Офицеры — люди порядка, некоторые из них уже успели отличиться во время разгрома инсургентов в Париже в июле 1848-го. В 1871-м они будут сражаться против Коммуны. Они расставляют по местам

несколько артиллерийских батарей, затем снова трогаются в путь.

И вдруг перекрестный огонь защитников Рима смешал французские ряды и застал врасплох Удино. Гарибальди стоит на террасе виллы Корсини и в полдень 30 апреля выводит свой легион, который бросается в штыковую атаку и обращает в бегство французские полки.

Он все правильно рассчитал, он знает, что такое поле боя. Если бы это зависело только от него, он приказал бы своим людям преследовать французов до тех пор, пока они не вернутся на свои суда, и тем закрепил бы победу. Но Военная комиссия и триумвират думают иначе.

Гарибальди был, конечно, прав. Этот первый бой вдохновил легионеров и защитников Рима. Они вышли победителями из первого столкновения с регулярными обстрелянными войсками, нанеся им потери в триста человек, — потеряв двести своих, — и захватив в плен триста семьдесят пять человек, некоторых с помощью лассо, если верить легенде. Нино Биксио, один из близких Гарибальди людей, взял в плен майора Пикара в простом рукопашном бою...

В Париже депутаты чувствовали себя обманутыми. Французские войска втянулись в вооруженный конфликт, тогда как они должны были только «дать повод для размышления». Было принято решение послать в Рим в качестве посредника консула Фердинанда де Лессепа.

Но одновременно с этим сторонники «партии порядка» решили дать урок этим антиклерикалам, посмевающим ранить национальную гордость.

Для них, для генерала Удино прекращение огня, предложенное Лессепсом, было только способом выиграть время, пока придет подкрепление. И в самом деле, французские войска получили пополнение: их численность выросла от трех до тридцати тысяч человек. Что касается Луи Наполеона, ставшего 10 декабря 1848 года президентом республики, он написал Удино: «Речь идет о нашей воинской чести, и я не потерплю, чтобы ей был причинен ущерб».

13 мая 1849 года новое событие не в пользу Рима: на выборах во Франции Партия порядка получила большинство. Законодательное собрание отныне враждебно Римской республике, так же как и Луи Наполеон. Лессепс вскоре дезавуирован Парижем, и Удино поручено возобновить осаду Рима.

Естественно, в Риме республиканцы не бездействовали.

Гарибальди один из тех, кто настроен очень решительно. Он восстает против позиции Мадзини. Следовало продолжать преследование французских войск. Вместо этого французских военнопленных освобождают, устроив для них праздник. Безответственность, повторяет Гарибальди, отказавшийся участвовать в торжествах. Может быть, для того чтобы избавиться от его присутствия — он снова мешает, — его посылают по решению Совета

обороны к югу от Рима, чтобы остановить продвижение неаполитанских войск, направляющихся к городу. К нему присоединяют волонтеров, с удивлением обнаруживших, что гарибальдийский легион – «племя», «сборище разбойников».

Но боеспособность людей Гарибальди не вызывает сомнений. В двух стычках – при Палестрине и Веллетри – они сбросили неаполитанцев. Гарибальди снова рискнул жизнью, преградив вместе с чернокожим Андреа Агуйяром путь волонтерам, чьи плохо обьезженные лошади повернули назад и понесли. Но удар от столкновения этих двух людей с массой всадников был так силен, что все опрокинулись. Гарибальди был сброшен на землю и едва не погиб под копытами лошадей. Показалась вражеская конница, но, к счастью, легионеры по обе стороны дороги открыли огонь.

Столкнувшись с этим «дьяволом», неаполитанский король отвел свои войска. Жители окрестных деревень пришли, чтобы выразить свою благодарность римской армии – освободительнице. Гарибальди просили войти в Неаполитанское королевство, где его приняли бы с восторгом.

Следовало ли идти дальше на юг? Гарибальди был готов к этому. Он форсировал события. «В жизни народов, как и в жизни отдельных людей, – пишет он, – бывают решающие минуты; а эта возможность была решающей и единственной».

Но дело в том, что для этого «нужен был талант». А в Риме у Мадзини его не было. Гарибальди и его войскам приказано вернуться для

защиты столицы, которой снова угрожали французы, прервавшие перемирие. Для Гарибальди это всего лишь «проявление неуместной слабости, ошибка».

Нельзя переписать Историю заново, узнать, к чему могло бы привести наступление Гарибальди на юг. Но совершенно ясно, что в Рисорджименто он единственный был смел до дерзости со всем, что с этим связано, — безрассудством, неосторожностью, импровизацией, системностью. Даже Мадзини в действиях был склонен к умеренности. Их стратегия была противоположной.

Гарибальди, который еще в Ломбардии хотел начать «партизанскую войну», отказывается запереться в Риме. Он хочет снова призвать к оружию все население королевства, продолжить свой «победоносный путь к центру королевства», а не запирается за городскими стенами Рима протяженностью в несколько километров: их невозможно отстоять в борьбе с противником, превосходящим в людской силе и вооружении. «Тиран с Сены» проглотит защитников шутя.

С военной точки зрения, Гарибальди, бесспорно, прав. Но он забывает, что для успеха партизанской войны необходима поддержка населения, на которую он не может рассчитывать. Он сам об этом говорит, забывая при этом о последствиях: его стратегия, так же как и защита Рима, обречена на провал.

Прибыв в Рим, Гарибальди очень быстро понял, что при сложившемся в городе положении длительное сопротивление невозможно.

Конечно, республика попыталась усилить его армию. Поляки, — патристы, как и итальянцы, еще не имевшие родины, — венгры, англичане, соблазненные Гарибальди, французы, возмущенные военным вмешательством своей страны против республики, — присоединились к защитникам Рима.

Но, по мнению Гарибальди, сама целенаправленность политики, проводимой триумvirатом, была порочна. Он их упрекает в том, что они не представляют себе в целом положения Италии. Думая только о Риме, о символическом значении его судьбы, они упустили возможность поднять страну на борьбу или хотя бы объединиться с Венецианской республикой, которая продолжала героически сопротивляться австрийцам.

Он явился к членам триумvirата, в частности, к Мадзини. «Видя, как относились к тому, что было делом нации, понимая, что катастрофа неизбежна, я потребовал установления диктатуры; я требовал права на диктатуру, как в некоторых случаях моей жизни требовал, чтобы мне доверили руль корабля, когда буря несла его на рифы».

Гарибальди знал, что здесь, как на корабле во время шторма, на борту должен быть один командир.

А на Рим надвигалась буря. Войска Удино уже были на марше. 1 июня генерал написал членам триумvirата: «Полученные мною распоряжения предписывают мне как можно скорее войти в Рим... Я послал письменное уведомление нашим аванпостам, что обе армии имеют право возобновить военные действия. Только для того чтобы

дать вашим жителям, которые захотели бы покинуть город, как об этом просит господин канцлер из посольства Франции, возможность сделать это с большей легкостью, я откладываю атаку, по крайней мере, до утра понедельника».

Решимость французов не вызывает сомнений. Настоящая армия численностью около тридцати тысяч человек с осадной артиллерией подходит к столице. Для того чтобы сюрпризы 30 апреля не повторились, Удино проводит наступление, а затем осаду, не торопясь, по всем правилам, не обращая внимания на то, какие разрушения может причинить Святому городу пушечный обстрел. Он не хочет рисковать. Ему нужна победа.

За первую одержанную французами и решающую победу ответственность, быть может, лежит на Гарибальди. В самом деле, когда он узнал, что в ночь со 2-го на 3 июня французские войска овладели двумя ключевыми позициями (виллы Корсини и Памфили), позволяющими контролировать холмы Джаникуль и, следовательно, возвышаясь над городом, простреливать Рим, Гарибальди в продолжении целого дня пытался безуспешно отбить их и прежде всего виллу Корсини, теряя своих людей.

Бой шел врукопашную; волна за волной они шли на приступ, со штыками наперевес. В этот кровавый день, 3-го июня, погибли лучшие из гарибальдийских легионеров, в основном монтевидейцы.

Значит ли это, что Гарибальди, понявший стратегическое значение потерянных позиций, недооценил

мощь огня противника и потери, неизбежные при лобовой атаке, бросая людей на открытое пространство? Оказался ли он жертвой своего латиноамериканского опыта, когда противниками были плохо обученные солдаты, не выдерживавшие напора смельчаков? Здесь перед ним были французы, хорошо обученные и хорошо вооруженные. И они, в конце концов, одержали победу. Они не только закрепились на занятых позициях, но заставили гарибальдийцев понести огромные потери: пятьсот человек, из самых лучших.

Гарибальди не мог в короткий срок восстановить прежнюю боеспособность. Однако осада города продлится около месяца.

Удино получил новое подкрепление. В Париже и Лионе левые республиканцы — монтаньяры — попытались провести 13 июня демонстрацию против французского вмешательства. Но правительство жестоко подавило проявления протеста.

Луи Наполеон мог без риска вызвать сопротивление внутри страны, требовать от генерала Удино победы над теми, кто во имя святынь Рима выступал против французской интервенции. «Ваша бомбардировка, — писали иностранные консулы, — уже стоила жизни многим невинным людям и причинила разрушения шедеврам».

Дело в том, что бои шли тяжелые, даже безжалостные. И этот факт следует подчеркнуть, так как он говорит о решимости патриотов; Гарибальди был воплощением патристизма.

Он вдохновляет сопротивление. Убеждает Конституционную ассамблею покинуть Рим и продолжать борьбу в горах, в Апеннинах или Абрюцце.

26 июня, когда кольцо окружения еще больше приблизилось к городу, Гарибальди увидел Аниту. Молодая женщина, несмотря на свою беременность, приехала из Ниццы в Рим, чтобы быть рядом с мужем во время этой войны, о жестокости которой писали все газеты.

Можно представить себе тревогу Гарибальди.

Ведь он писал Аните еще 12 июня: «Я должен видеть твой почерк и почерк моей матери, чтобы успокоиться. Здесь дети бегают под пулями и бомбами. [...] Народ достоин величия своего прошлого». Она снова рядом с ним. Ослабевшая, больная. Это уже не та неутомимая наездница, какой она была в Рио-Гранде: хрупкая, похудевшая – тень прежней Аниты, с печатью тревоги и усталости на лице. Но она рядом с ним – в самые тяжкие минуты борьбы.

В ночь с 29-го на 30 июня Рим празднует день Святого Петра. Удино избрал это время чтобы, пользуясь народным ликованием, пойти на последний приступ. После фейерверка разразилась гроза невиданной силы, задержав атаку, начавшуюся в два часа ночи.

Гарибальди – со своими людьми.

Бой идет в темноте, врукопашную – дерутся штыками, пиками, ножами. Гарибальди сражается всю ночь напролет, затем вынужден оставить бастион, который пытался отстоять. Рядом с ним погибло много бойцов и среди них – чернокожий Агуйяр.

Французы прекратили орудийный обстрел только около полудня. Заключено двадцатичетырехчасовое перемирие. Это конец.

Гарибальди явился в ассамблею, весь покрытый грязью. Там еще обсуждались и принимались законы — на будущее: веротерпимость, всеобщие и открытые выборы, независимость правосудия. Депутаты встали, устроили овацию Гарибальди, но когда он предложил им продолжать борьбу, они уклонились. В поддержку Гарибальди высказался всего один голос.

Он в изоляции. Он хочет продолжать сражаться, упорствуя, как всегда. Используя малейшую надежду на успех, вопреки самой очевидности.

2 июля американский консул Касс предложил ему — с американским паспортом — сесть на корабль Соединенных Штатов, стоявший на якоре в Чивитавеккья. Чем вызваны колебания Гарибальди: взвешивает ли он шансы предприятия на успех, когда французский флот блокирует побережье, думает ли он об Аните? Во всяком случае, он отказывается.

Он собрал своих людей на площади Святого Петра. На этом величественном фоне, в сумерках, спустившихся на Рим, можно было различить около трех тысяч пехотинцев, четыреста кавалеристов, телеги и повозки, нагруженные военным снаряжением.

Если знать, что осада стоила защитникам около двух тысяч человек (и тысячу двадцать четыре французам), можно понять, что значило

присутствие этих людей, решившихся следовать за Гарибальди.

Он обращается к волонтерам, повторяет то, что этим утром говорил депутатам Конституционного собрания: «Там, где будем мы, будет Рим. Но подумайте все-таки о том, что у вас не будет ни ваших комфортабельных домов, ни кафе, ни еды. Вам часто придется спать под открытым небом, иногда под дождем. Вам придется идти в солнечный зной, есть то, что удастся найти, быть может, даже своих лошадей... Подумайте обо всем этом и решайте».

Депутаты сделали свой выбор.

Бойцам Гарибальди сказал только: «Я ухожу из Рима. Пусть тот, кто хочет продолжать войну против чужеземца, идет вместе со мной. Я не предлагаю ни жалованья, ни расквартирования, ни снабжения продуктами. Я предлагаю голод, жажду, форсированные марши, сражения и смерть».

И все тронулись в путь. Рядом с Гарибальди едет на коне Анита, в мужской одежде, с коротко остриженными волосами (и с почти пятимесячной беременностью).

Снова странная армия была в пути.

Мадзини к ней не присоединился. Переодетый, он миновал позиции французов и с помощью английского консула в Риме добрался до Марселя.

Гарибальди упорно не сдавался, оставаясь на итальянской земле.

«Моя маленькая бригада» — вот все, что у него осталось. Он двигался по направлению к Тиволи,

всю ночь в пути. Он дал приказ сражаться, «если кто-нибудь захочет нас остановить». Но никто не препятствовал их движению.

3 июля 1849 года французы вошли в Рим. Их было очень мало, тех, кто посмел кричать: «Долой папу, долой священников, французы – вон!» Вскоре на них обрушатся репрессии. И во всех городах Италии – от Пармы до Палермо, от Флоренции до Неаполя – патриотов преследуют. Их заключают в средневековые тюрьмы, содержат в нечеловеческих условиях. Пятнадцать тысяч заключенных будут гнить в тюрьмах Неаполя и Палермо, несмотря на протест Пальмерстона в британском парламенте. И расстреливают тоже. Понадобился всего год, чтобы задушить весну народов.

В июле 1849 года, когда Гарибальди покинул Рим, одна Венеция еще сопротивлялась. К этому последнему бастиону он и держал путь.

Французы не оставляли его в покое. Эта колонна всего в несколько тысяч человек представляла собой опасность. Ее преследовали до самых границ папских государств. Но войскам, посланным Удино вдогонку, не удалось схватить «разбойников».

Дело в том, что Гарибальди была хорошо знакома такая война. Он изменял маршрут, ускользал от вражеского авангарда, посылал разведчиков.

Но к французам присоединились, а затем сменили их, австрийцы. Более многочисленные, они контролировали всю страну. Давление усилилось, условия отступления становились все труднее, число дезертиров росло с каждым днем.

Нужно было преодолеть Апеннины, углубившись в горы по ослиным тропам, двигаясь на северо-восток. Гарибальди, который все еще надеялся поднять страну, вынужден был признать очевидное: «Я не только не смог завербовать ни одного человека, но каждую ночь, как будто им был необходим покров темноты, чтобы скрыть свои позорные действия, те, кто шел за мной от самого Рима, дезертировали».

Они оставляли свое оружие, которое какое-то время несли те, кто оставался, но затем его стало так много, что Гарибальди стал раздавать его крестьянам, которые, как ему казалось, решатся когда-нибудь сражаться или просто выглядели честными людьми.

Гарибальди не скрывал своего разочарования. Он молчал. Рядом с ним была Анита, становившаяся все бледнее, измученная жарой. Его американские соратники, самые мужественные защитники Рима, были вместе с ним.

Он вновь переживал свое прошлое. Он сравнивал свои собственные жертвы, самопожертвование такой женщины, как Анита, с безразличием всех этих крестьян, ради которых они сражались и которые отказывались даже за золото служить проводниками, и все сообщали врагу, так что австрийцы были прекрасно осведомлены о движении колонны.

Это чувство изоляции становилось все тяжелее, росло убеждение — и вместе с ним усталость — что он ничего не сможет сделать. Городские жители деморализованы, крестьяне враждебны.

Однако они продолжали двигаться на север в надежде, что смогут добраться до Венеции.

Когда они прибыли в маленькую республику Сан-Марино, сохранявшую нейтралитет, у Гарибальди осталось всего тысяча пятьсот человек. Капитан-регент, глава республики, сообщил ему, что вынужден, чтобы избежать ввода австрийских войск в свое маленькое государство, разоружить гарибальдийцев. Впрочем, командующий венскими войсками дал знать, что не будет препятствовать возвращению своих врагов домой. Он обещал им амнистию. Что касается Гарибальди, он мог эмигрировать. Итак, можно было сдаться на почетных условиях. Но Гарибальди отказался.

Он сидел на ступенях церкви, за городом. Было 31 июля 1849 года. Рядом с ним — Анита. «Я умолял ее остаться на этой земле, которая могла стать для нее убежищем». Анита не согласилась, она будет упорствовать до конца, до последних сил. И каждый раз она будет принуждать Гарибальди замолчать, повторяя: «Ты хочешь меня покинуть».

Итак, он отказался от мысли расстаться с нею, подготовил свой последний приказ, прочел его собравшимся людям: «Солдаты, я освобождаю вас от обязательства меня сопровождать. Возвращайтесь домой, но помните, что Италия не должна терпеть рабства и позора».

Двести пятьдесят человек остались. Они постараются вместе с Гарибальди прорваться сквозь вражеские позиции и достичь Венеции.

Нужно отдать должное стойкости Гарибальди, пока он не столкнется с самым тяжким событием своей жизни. Вот уже месяц, как его преследует одно разочарование за другим. Он ведет своих людей, видит, как они разбегаются. Поражение — полное. А он не сдается. Сейчас он ищет проводников, которые смогли бы довести его маленькое войско к морю. Оттуда, если удастся найти корабли, можно будет присоединиться к Венеции, прорвав австрийскую блокаду. Для этого упорного человека нет ничего невозможного. Он часто наклоняется к жене, у которой «мужественное и великодушное сердце». Она не жалуется и только говорит ему: «Полно, успокойся».

В Чезенатико 1 августа 1849 года он наткнулся со своими людьми на австрийский пост охранения, справился с ним. Затем вошел в городок, арестовал немногочисленных жандармов. Напуганные городские власти вынуждены снабдить его необходимым продовольствием, враждебно настроенные рыбаки взять на свои «брагоцци» — рыболовецкие суда с двумя очень короткими мачтами — людей Гарибальди, выйти в море, несмотря на сильный ветер, и, держась северного берега, направиться к Венеции.

Тринадцать брагоцци плывут рядом. Ветер стих. Может быть, теперь предприятие удастся? Анита слегла. Она плохо переносит жгучее солнце Адриатики. Ее мучает жажда. Но пришлось плыть целый день; может быть, ночь принесет облегчение.

Ночь стоит светлая, луна освещает каждую волну и каждую брагоцци. «В эту ночь луна оказалась для нас роковой», — пишет Гарибальди. Австрийская эскадра настороже. Бригантина «Орест» засекла брагоцци, открыла стрельбу, спустила шлюпки на воду. Рыбаки не склонны рисковать своей жизнью. Одному только Гарибальди удалось бежать, проскользнуть между берегом и австрийским флотом. Но он не хочет оставить своих людей на произвол судьбы. Четирем брагоцци 3 августа в 7 часов утра удалось пристать с несколькими повстанцами в местечке под названием Пьялацца, в шести километрах от маленького порта Маньявакка, на берегу папских государств, контролирующих эту область в устье По. Нужно разбежаться. Гарибальди сам несет на руках жену, у которой началась агония. Он остается на месте, укрывшись в высокой траве.

Всего год назад он был принят Карлом Альбертом и его министрами. Он был героем, которого избирали в парламент, торжественно встречали в Генуе; его прославляли газеты всего мира. И вот его преследуют по пятам, за ним охотятся.

Эта сцена, где луна, как в оперной декорации, еще раз сыграла свою роль — уже не оперная трагедия. Анита умирает. Через несколько часов, несмотря на помощь, оказанную Гарибальди несколькими товарищами — врачом Нанни, двумя братьями Равалья, одним из его бывших офицеров Бонне, крестьянами, открывшими им двери своего дома, — она умрет.

«Передо мной была мать моих детей, которую я так любил! Труп...» Это произошло 4 августа около 15 часов 45 минут.

Он должен был немедленно покинуть то место, где только что умерла Анита. «Я попросил добрых людей, которые меня окружали, похоронить тело. И я ушел, так как меня просили об этом жители дома, я подверг бы их опасности, если бы задержался».

Конечно, он плакал; конечно, он пытался вернуться; силы изменяли ему, он чуть не падал... Но шел.

Тело, которое он вынужден был оставить, похоронили, но неглубоко, присыпав слоем песка, так как нужно было действовать быстро. Девочка, играя, увидела руку, выступавшую из-под земли. Аниту не оставили в покое так быстро. Началось расследование: мертвая женщина на седьмом месяце беременности. В газетах даже писали, что она была задушена. И почему бы не самим Гарибальди? Разбойник на все способен. Ходили слухи о кладе. И явятся настоящие разбойники – мучить тех, кто помогал Гарибальди, чтобы заставить их заговорить, открыть тайник.

Спутников Гарибальди в самом деле преследовали и схватили. Уго Басси, бывший полковой священник, после пыток расстрелян. Многие близкие Гарибальди люди, и среди них Леггеро и Леврео, сражавшиеся вместе с ним в Монтевидео, расстреляны австрийцами.

Суровость репрессий, как и жестокость осады Рима и французской интервенции, – проявления

страха, который испытывали зимой 1848-го и весной 1849 года итальянские государства и их австрийский властелин, так же как и человек Партии порядка, Луи Наполеон. И дичь, в которую превратился Гарибальди, — проявление все того же страха. Этот путь — Италия, добившаяся объединения с помощью народной борьбы, да еще в форме республики, — должен быть закрыт.

Но сам Гарибальди не был схвачен. В течение тридцати семи дней он шел от адриатического побережья до средиземноморского, уходя от своих преследователей, от хорватских или австрийских солдат, которые попадались ему по пути. Он переходил из одних дружеских рук в другие. Здесь телега, там повозка. Крестьянин, согласившийся стать проводником, или молодой человек, преданный, смелый, собравший на помощь своих друзей.

Риск был велик. Газеты много раз сообщали о смерти Гарибальди. Достаточно было схватить его и казнить, чтобы выдумка стала реальностью.

Следовательно, нужно было двигаться с большой осторожностью. Много дней скрываться в сосновом лесу Равенны, пройти через Апеннины, перейти ночью границу Романьи и войти в Тоскану. Повсюду — поддержка. Даже священник Джованни Верита спрятал Гарибальди в своей деревне. Наконец, он в Прато, недалеко от лигурийской границы, то есть границы Пьемонтского государства. Из Прато 2 сентября 1849 года он добрался до залива Стерлино. И сел на рыболовецкое лигурийское судно, которое, дойдя под парусами до острова

Эльба и сделав там необходимые запасы, пристало к берегу в Ливорно.

Искушение было велико, и Гарибальди в этом признается, попросить убежища на борту английского судна, стоявшего на рейде.

Но он хочет повидаться с детьми, с матерью, у которой они живут в Ницце.

И он сходит на берег. Власти встревожены. Телеграммой от 6 сентября 1849 года генерал Ла Мармора, королевский комиссар в Генуе, спрашивает об инструкциях.

«Гарибальди прибыл в Геную. Я намерен его арестовать. Как я должен поступить дальше? Лучше всего было бы выслать его в Америку».

Ответ министра внутренних дел:

«Пусть его отправят в Америку, если он согласится. Пусть ему выплатят субсидию. Если он не согласится, пусть его держат под арестом».

«Знаменитый Гарибальди», как пишет о нем капитан, которому поручено установить его личность, в конце концов, арестован, заключен в одиночную камеру герцогского дворца в Генуе, а затем перевезен ночью на борт военного фрегата «Сан-Микеле».

Однако Ла Мармора позволяет ему отправиться в Ниццу. Но на борту парохода «Сан-Джорджио» он под охраной надзирателей. Поднятые по тревоге карабинеры Ниццы на много часов задержали его высадку на берег. Хотят избежать горячего приема жителями Ниццы. Однако часы ожидания ничего не изменили: Гарибальди ждал

восторженный прием. Его отвели к близким. Он увидел своих детей, мать, еще больше постаревшую: он боится, что это их последняя встреча. «Я должен был покинуть их на бесконечно долгий срок. Да, бесконечный, так как мне было предложено избрать место изгнания».

Затем он возвращается в Геную, узнает, что депутаты туринского парламента возмущены уготованной ему судьбой.

«Палата, заявляя, что арест генерала Гарибальди и угроза его высылки из Пьемонта являются нарушением прав, закрепленных статусом, и оскорблением национальных чувств, переходит к голосованию».

Против этого текста проголосовали только одиннадцать депутатов. Среди них имя, ставшее уже знаменитым: Кавур (вскоре — человек короля), сторонник единства.

Но благоприятные результаты этого голосования и отмена ареста не изменили положения Гарибальди. Что делать здесь? Венеция пала 26 августа. Даниэль Манэн, возглавивший сопротивление республики австрийцам, тоже уехал в изгнание.

«Мы посеяли, всходы взойдут и дадут славную жатву, если не нам, то хотя бы нашим детям».

И Массимо д'Азельо говорил о том же: «Я не знаю, что можно было бы сделать в данный момент; нужно сначала скатиться на самое дно пропасти, чтобы увидеть, где мы остановимся, и осмотреться. А затем мы все начнем сначала».

Гарибальди уедет. Он хочет быть поблизости от этой земли, где он оставляет мать, детей, тела стольких друзей и жены. Прежде чем сесть на корабль, он пишет Кунео, своему другу, депутату туринского парламента:

«Завтра я уезжаю в Тунис на «Триполи»... Я видел, что для меня сделали и что еще сделают великодушные друзья. ...Передай мой поклон всем этим доблестным защитникам дела Италии. И люби по-прежнему твоего Джузеппе Гарибальди. Генуя, 15 сентября 1849».

В Тунисе Бей под давлением Луи Наполеона отказывает ему в праве высадиться на берег. Гарибальди нашел приют на острове Мадалена, у одного из старых друзей по Америке. Но Турин угрожает ему арестом.

Его приговорили заранее. Хотят, чтобы он был далеко от Италии, даже от Европы. Итак, он уезжает в Танжер, проводит полгода у консула Сардинии, дружески настроенного, все понимающего. Один из друзей, Франческо Кампането, предлагает помочь ему купить корабль – Гарибальди станет его капитаном и владельцем. Снова искушение, раз политическая деятельность невозможна, «обрести независимое существование».

В июне 1850 года Гарибальди отправляется на корабле в Гибралтар, оттуда в Ливерпуль, затем из Ливерпуля в Нью-Йорк.

Снова изгнание. Снова море.

Ему сорок три года.

Картина девятая

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

(1850 – 1858)

« Однако нужно было ехать, даже если ради этого мне пришлось бы броситься в море». Это признание Гарибальди в его «Мемуарах» говорит о душевном состоянии в 1850 году.

Человек, плывущий через Атлантику на борту «Ватерлоо» в Нью-Йорк, уже не тот полный энтузиазма двадцативосьмилетний моряк-заговорщик. У него в душе – груз потерь и разочарований. Он плывет к тому континенту, от которого оторвал женщину, умершую в Италии, стране, обречшей его на изгнание. Его самые близкие и самые смелые друзья расстреляны или погибли при защите Рима.

Эти долгие недели путешествия (около двух месяцев) полны горечи воспоминаний о пережитом, где было столько славы и героизма – и все закончилось новым отъездом, новым изгнанием.

Он оставил в Ницце детей и мать, не зная даже, удастся ли увидеться с ними вновь. А мать сказала: «У меня его отнимают, и я так и умру, не увидев его больше, мне восемьдесят лет». Как ему не плакать, он так привязан к матери. И возраст здесь не имеет значения, может быть, даже наоборот:

теперь эту душераздирающую разлуку с матерью перенести еще труднее.

Конечно, он постарался защитить своих близких: отказался от ежемесячной пенсии в триста франков, которую Турин по настоянию Массимо д'Азелио ему все-таки назначил, но ее должны выплачивать его матери — она вместе с несколькими друзьями воспитывала его детей. И он распорядился, чтобы продали золотую саблю, некогда поднесенную ему итальянскими патриотами в честь его сражений в Монтевидео.

Жест символический: он может вызвать только горечь, впечатление, что поворот в его судьбе закончился провалом, что пятнадцать лет борьбы, надежд и любви привели к полному одиночеству. Впереди — ничего. А для человека, все отдавшего борьбе, потеря иллюзий должна быть особенно мучительной.

Он подавлен — и стал добычей болезни. Паралич. Атака артрита, острый ревматизм? Этот классический диагноз не может скрыть того, что у Гарибальди «паралич» Истории и его собственной жизни совпадает с этим физическим параличом. «На меня напал ревматизм, мучивший меня большую часть пути. В конце концов, я был выгружен, как чемодан, так как совершенно не мог двигаться, в Стейтон-Айленде, Нью-Йоркском порту».

Его приезд не прошел незамеченным. «Нью-Йорк Таймс» от 36 июля 1850 года сообщает, что «в этот день прибыл следующий из Ливерпуля «Ватерлоо» с Гарибальди на борту, человеком,

пользующимся мировой известностью, героем Монтевидео и защитником Рима. Все, кому известен его рыцарский характер и его служение делу свободы, окажут ему достойный прием».

В самом деле, в большой итальянской колонии Нью-Йорка было много политических эмигрантов, например, генерал Авеццана, военный министр Римской республики, или Феличе Форести, бывший карбонарий, приговоренный к смерти австрийцами в 1818 году, затем помилованный, но содержащийся в крепости Шпилберг до 1836 года. Они занимают видное место среди итальянцев Нью-Йорка. Феличе Форести преподает итальянскую литературу в Колумбийском университете, многие стали крупными негодциантами. Вес они хотят устроить в честь Гарибальди демонстрацию или банкет.

Демонстрация была запрещена властями, обеспокоенными тем, что вокруг Гарибальди могла объединиться вся эмиграция (французы, немцы, итальянцы). Что касается банкета — больной Гарибальди не смог на нем присутствовать.

Однако, несмотря на солидарность и доброе внимание, которым его окружили, когда стали собирать деньги, чтобы купить корабль и подарить его капитану Гарибальди, набралось всего тридцать тысяч лир — слишком маленькая сумма...

Во время своего пребывания в Танжере Гарибальди начал писать «Мемуары», которыми сразу же заинтересовался американский писатель Теодор Дуайт. Он предложил купить их, отредактировать и быстро издать. На самом деле,

Гарibaldi уже доверил хранение рукописи своему другу Карпането и одному из кузенов. Но, главное, он не хотел обнародовать так рано свои претензии к тем или иным деятелем Рисорджименто, например к Мадзини. Таким образом, от долларов, предложенных Дуайтом, пришлось отказаться.

Нужно было найти что-нибудь другое. Тогда Мэуччи предложил ему место рабочего на своей свечной фабрике. Он даст Гарibaldi жилье и, конечно, полную свободу являться на работу, когда тому вздумается: Мэуччи больше друг, чем патрон. Гарibaldi вместе с ним охотится и удит рыбу и часто вместо работы отправляется на пристань или в бар на Фелтон-стрит, где встречается с журналистами, актерами – миром, близким к богеме, здесь он чувствует себя на своем месте, этот человек, бывший когда-то знаменитым, а теперь – почти отверженный.

Однажды, когда ему захотелось вырваться из атмосферы фабрики, он пришел в док Стейтон-Айленде, чтобы снова окунуться в атмосферу порта, вспомнить молодость, и предложил свою помощь при разгрузке судна – бесплатно, поработать «просто, чтобы согреться», – с ним не стали даже разговаривать. «И здесь – ничего. Это было очень больно. Я думал о том времени, когда имел честь командовать эскадрой Монтевидео. [...] К чему все это было? Я больше никому не нужен».

Он одинок. Идет снег. Конечно, «это просто приступ меланхолии», он пройдет. Но, может быть, после одной из таких минут, которые трудно

пережить, он и подал прошение о своей натурализации? «Я покорно прошу разрешения стать гражданином этой великой республики сильных людей, чтобы иметь право плавать под ее флагом...» Чтобы быть капитаном американского корабля, ему в самом деле необходимо стать гражданином Соединенных Штатов, и это, повторяет он, «позволит ему зарабатывать свой хлеб». Простая правда – в простых словах. Но Гарибальди не станет американским гражданином: он не выполнит необходимые формальности.

Тому, кто сейчас встретил бы этого сорокалетнего человека, иногда передвигающегося с трудом, и в голову не могло бы прийти, что перед ним генерал, о котором когда-то писали все газеты мира. В его комнате красная рубашка напоминает о временах славы и битв. Он ее больше не носит. Он одет, как все рабочие или итальянские эмигранты, среди которых он затерялся.

В это время с ним встретился капитан одного гонуэзского торгового судна и рассказал, что застал его с засученными рукавами рубашки, занятого в углу лавки тем, что погружал в таз с кипящим салом и снова вынимал фитили, прикрепленные к коротким палочкам. «Счастливы тебя видеть, – сказал он мне, – и хотел бы пожать тебе руку, но берегись сала! Ты пришел в хорошую минуту, я только что решил одну морскую задачу, о которой давно думал. – И дав мне формулу решения задачи, он добавил: – Неправда ли, смешно, что я выудил ее со дна этого сального колодца! Неважно! Мне

надоело это занятие, я скоро вернусь в море, и мы с тобой еще увидимся...»

Как бы глубоки ни были приступы меланхолии, Гарибальди остался самим собой.

В этих условиях только гордость могла помочь выжить надежде.

Для Гарибальди надеждой – так как раздробленная Италия была прикована к своим господам – могло быть только море.

Ему сорок четыре года. Его часто мучают приступы лихорадки или артрита, но он по-прежнему силен. Он все тот же моряк, не утративший своего мастерства. Он будет плавать капитаном на торговых судах – через Тихий океан, вдоль берегов Китая и индокитайского полуострова, в водах Австралии и Новой Зеландии, огибая мыс Горн, прежде чем подняться к Бостону, через Атлантику в Англию и оттуда в Италию.

Эти кругосветные плавания (между 1851-м и 1854 годами) говорят о том, что Гарибальди не был в море случайным человеком. Об этом забывают, так как его военная и политическая слава отодвинула на второй план его морскую профессию, а он был высочайшим профессионалом. И среди множества жизней, прожитых Гарибальди, жизнь капитана дальнего плавания – тоже была удачной. Не каждому моряку удавалось провести тяжело нагруженное торговое судно через Тихий океан и справиться с волнами у мыса Горн. А Гарибальди удавалось. И не раз. И эта профессия, которой он посвятил себя с юности, во

многим определила его поведение и характер. Он — человек действия. Стоя на капитанском мостике, он несет ответственность за все. Он — человек пространства и горизонта, а не города.

Он также человек размышления и мечты, так как плавание длится долго: чтобы переплыть Тихий океан, нужно много месяцев. Он может писать, думать об этой длинной полосе своей жизни, которая пронеслась в хаосе событий.

«Что такое люди и века для моря, их уносит набежавшая волна», — сказал неизвестный греческий поэт. Пришла мудрость, отстраненность от собственных поступков. Он не изменил своим убеждениям. Но в сорок четыре года после бурной жизни наступило затишье, полоса раздумий.

В конце концов, важно не то, какой парус ты поднял, выйдя в океан, а то, доплыл ли ты до берега, сохранив в целостности экипаж, судно и груз.

Юнга, совершивший свое первое плавание в Одессу, теперь капитан корабля, входящего в Кантонский порт.

Столько разочарований, столько пережито и выстрадано, но это в жизни сбылось. Он не все потерял.

Под именем Джузеппе Пане, под которым он уже жил в Марселе в 1834 году, после того как был приговорен к смерти, он садится в Нью-Йорке на борт парохода «Прометеус», направляющегося в Нуэво-Чагрес, порт на побережье Панамы.

Он сопровождает своего друга Франческо Карпането в Лиму на берегу Тихого океана, там они

получат «Сан-Джорджо», судно, принадлежащее Карпането, прибывшее из Генуи.

Панамский канал еще не был прорыт, и Гарибальди и Карпането пересекают перешеек Центральной Америки. Из Нуэво-Чагреса они добрались до порта Никарагуа – Сан-Хуан-дель-Норте. Оттуда они поднимаются в пироге по реке Сан-Хуан до озера Никарагуа. В Гранаде, на берегу озера, Карпането начинает свои коммерческие операции, они будут проходить по всему перешейку, и друзья совершат много рейсов, поднимаясь по реке Крус к Панаме.

Жизнь, которую пришлось вести Гарибальди, еще раз поражает своим разнообразием: в этом мире XIX века, когда пути сообщения неудобны и медленны, он плавает по многим рекам, в негостеприимных местах, встречаясь с итальянцами, затерянными в этих глухих краях; они-то и помогают ему, когда он снова становится жертвой приступов лихорадки.

Новые люди, новые встречи; его жизненный опыт ширится, обогащается.

Так, когда оправившись от болезни, он попадает в Паиту, маленький городок на северном побережье Перу, где он проводит день, его вводят в дом «великодушнейшей дамы города», донны Мануэлиты де Саэнс. У нее парализованы ноги, она уже многие годы прикована к постели, но она принимает Гарибальди и делится с ним своими воспоминаниями. Она была подругой Симона Боливара и хорошо знает жизнь освободителя Центральной

Америки, так как делила ее с ним. Гарибальди провел у нее целый день, чувствуя символическое значение этой встречи, успокоенный разговором с донной Мануэлитой. «Я уходил от нее, глубоко взволнованный, у нас обоих были слезы на глазах...»

В Нью-Йорке, Гвайакуили, Панаме или в Лиме — где бы теперя ни бросил якорь Гарибальди — его тепло встречает итальянская колония.

В Лиме она проявляет даже свой патриотизм и свою сплоченность: Гарибальди резко ответил одному французу, который неудачно попытался завязать с ним отношения старых ветеранов, — француз сражался в рядах войск генерала Удино против Гарибальди в Риме. Тогда он оскорбил в «Коррео де Лима» этого «карикатурного героя», которого «какие-то европейские писаки превратили в гиганта, когда он всего лишь пигмей». Статья вызвала открытое столкновение между французской и итальянской колониями Лимы. Несмотря на расстояния, страсти живы. Гарибальди не удалось стать просто капитаном торгового судна.

Уроженец Ниццы Пьетро де Негри доверил ему командование судном «Кармен» водоизмещением в четыреста тонн, которое должно было перевозить гуано в Кантон. Долгий путь из Лимы в Каллао, из Каллао в Китай: Гарибальди, отправившийся в плавание 10 января 1852 года, прибыл в Кантон, затем в Амуа и Манилу. Он пересек Индонезийский архипелаг, прошел через пролив дю Басс между Австралией и островом Тасмания. Там, поскольку ему

нужно было запастись питьевой водой, он сделал остановку на маленьком островке Хантер.

Остров был пустынен. Единственное жилище было оставлено четой англичан. Дом и огород были еще не тронуты. Гарибальди обошел их, позаботился о том, чтобы на корабль погрузили овощи, фрукты и запас воды. Между вековыми деревьями и высокой изгородью тек ручей. Птицы, которых не пугало присутствие людей, подлетали совсем близко. «Пустынный остров Хантер, — напишет Гарибальди, — сколько раз ты так сладостно волновал мое восбращение, когда, устав от этого цивилизованного общества, начиненного священниками и сбирами¹, я переносился на твой очаровательный берег».

Остров Хантер был искушением: жить вдали от людей и принуждения. Свободным. Остров, как корабль, навечно ставший на якорь посреди моря.

Это желание уединиться возникло снова, когда после смерти отца и Аниты, смерть матери 19 марта 1852 года заставила Гарибальди задуматься о собственной смерти. Защиты, которой для сына всегда служат родители, не стало. Они ушли, оставив его одного, вдруг ощутившего, что он тоже смертен.

В самом ли деле, как он на этом настаивал, 19 марта посреди Тихого океана, когда он возвращался из плавания в Америку и был скован приступом артрита, перед ним возникло видение: похоронный кортеж, проходящий по улицам Ниццы, и это видение, и образ матери, связанный

---

¹ Сбир — полицейский агент в Италии (истор.). — Прим. перев.

с ним, его потрясли? Почему бы не поверить в это? Гарибальди обладал обостренной чувствительностью, способной воспринять и осознать тот легкий беглый толчок в пространстве и в мире, который возник в ту минуту, когда за десятки тысяч километров, в Ницце, умерла донна Роза.

Она умерла одна, и рядом с ней не было сына, к чьей руке она могла бы прикоснуться.

В разных портах Чили, где он бросал якорь — Кокуимбо, Хуаско, Херрадура, — новостей еще не было. Но он обогнул мыс Горн, прибыл в Бостон, затем в Нью-Йорк. Здесь он встретился с друзьями Авеццаной и Форести и от них узнал новости из Италии. Сначала — о смерти матери. Затем об изменившейся ситуации в стране.

Тогда он оставил «Кармен» и принял командование кораблем «Коммонвейлс», который направлялся в Лондон, а оттуда в Геную.

Теперь его дети остались в Ницце одни, без бабушки. Конечно, с преданными друзьями, занимавшимися их воспитанием, но Гарибальди, у которого было очень сильно чувство семьи, теперь, когда не стало женщин-хранительниц семейного очага: жены, матери, понял, что ему необходимо самому быть с детьми. Кроме того, он тяжело переживал свое одиночество. В сентябре 1853 года он описывал одному из своих друзей (Веккьо) свое состояние: «Что сказать вам о моей бродячей жизни? Я думал, что расстояние уменьшит горечь моего сердца; но это фатально, ничего подобного не произошло, и я влачил существование, глубоко

несчастное, бурное, становившееся все тяжелее из-за преследовавших меня воспоминаний».

Воспоминания детства и юности, Ницца, лица отца и матери, Рио-Гранде, Анита... Тоска души – и энергия революционера, обреченного на бездействие.

Конечно, он внес свою лепту в Историю. Он ни разу не дрогнул, не испугался за свою собственную жизнь. И когда приходилось выбирать между любовью и долгом, он все приносил в жертву идее, делу. Без колебаний. Его жена была рядом с ним в самые страшные минуты. Ей это стоило жизни.

Конечно, не он избрал свое изгнание. Из одного порта в другой, как можно дальше от Италии. Но другие итальянцы, также изгнанные с родной земли, продолжали борьбу – со всеми ошибками, свойственными политическому волюнтаризму.

Много раз Гарибальди возвращается к ошибкам или «революционности» Мадзини, сурово осуждая последствия его политики, приведшей к такому количеству бессмысленных жертв. В Лондоне Мадзини, все еще во власти иллюзий, продолжает думать, что в Италии революционная ситуация и большинство итальянских демократов – но только не Гарибальди – разделяют в 1850 году его заблуждения.

Вот почему Мадзини создает в Лондоне Европейский центральный демократический комитет, объединивший немцев (Рухе), поляков (Дарадз) и французов (Ледрю-Роллен).

Люди, подобные Феррари или Пизакане, – с последним Гарибальди встречался в Риме, – думают о

том, как создать в Италии условия, необходимые для борьбы. И те и другие ткнут в Италии сеть заговоров, все время уничтожаемую репрессиями и все время создаваемую заново, — обреченных на провал, но ставших той почвой, на которой расцветет, когда придет время, героическая деятельность Гарибальди.

Диалектическое единство, неосознаваемое создающими его людьми, связывает деятельность этих «гошистов» мадзинского толка и «героического» революционера-«центриста» типа Гарибальди, безумие и слепоту одних — с чувством компромисса, реальности у другого.

Лучше всего позицию революционера сформулировал Мадзини, совершающий ошибку за ошибкой, обреченный на провал в политике, но полный иллюзий и считающий себя избранным. «Патриот знает, — пишет он, — что песчинка, привнесенная им в великую пирамиду, которая нашими усилиями поднимется от земли до самого неба, покоится на миллионах таких же песчинок и что за ней последуют миллионы других».

У Гарибальди нет этого мистического сознания своей миссии, его героизм гораздо скромнее и не претендует на святость.

Итак, пока он ходит в плавания вдали от Италии, мечтая на борту корабля о ручье в Хантер-Айленде, другие патриоты составляют заговоры.

В 1852 году в Мантуе девять из них разоблачены и казнены в форту Бельфьоре. Эти «мученики» из Бельфьоре — всего лишь звено в цепи, несколько «песчинок».

6 февраля 1853 года – в том самом году, когда Гарибальди говорил, что итальянцы больше думают о своем желудке, чем о душе, Мадзини, далекий от реальности, совершив очередную ошибку, подал сигнал к восстанию. Но Милан не последовал его призыву, и репрессии обрушились на нескольких человек, вышедших на уличную демонстрацию.

После этих провалов Мадзини все-таки не отказывается от борьбы. Вместе с Пизакане он создает Партию действия. Действовать, снова действовать с избранными «апостолам», готовыми на жертву. С той революционной элитой, чей пример увлечет за собой массы. Гарибальди сурово осуждает подобные попытки. 4 августа 1854 года, после подавления одного из мятежей, он заявляет в генуэзском «Коррьере Меркантиле»: «Во второй раз я вижу, как мое имя связывают с попытками восстания, которые я не одобряю. Я считаю своим долгом объявить во всеуслышание и предупредить нашу молодежь, всегда готовую принести себя в жертву ради освобождения родины, не дать себя так легко вовлечь в заблуждение людям, обманувшимся или обманывающим, чье поведение толкает ее на поступки, обреченные на провал, и вредит нашему общему делу или, по меньшей мере, дискредитирует его».

Мудрость и чувство реальности Гарибальди бесспорны, так же как и сознание необходимости тактики выжидания. Он ясно пишет об этом Кунео: «Если я не рискую собой, то только потому, что не вижу никакой надежды на успех».

По Карло Пизакане мыслит не менее трезво, чем Гарибальди. Убежденный в том, что революционный потенциал — на юге Италии, он высадился в Сапри, южнее Чиленто, 28 июня 1857 года, надеясь поднять на борьбу крестьян, работающих в латифундиях, как выючные животные, безжалостно эксплуатируемых и жаждущих получить землю: жакерия охватит пожаром весь юг Италии, а за ней наконец поднимется север. Пизакане отдавал себе отчет в том, насколько рискованно его предприятие, как малы шансы на успех, но решил попробовать. Когда он убедился в провале, то предпочел покончить собой, чтобы не попасть в руки неаполитанской полиции.

Гарибальди, при всей его смелости и любви к риску, по сравнению с такими людьми, как Мадзини или Пизакане, оказывается самым умеренным, самым трезвым. Лучше понимая политическую ситуацию, не склонный ни к трусости, ни к расчету, не умеющий беречь себя и свои силы, в пору революционного спада он занялся созданием своей личной жизни.

В отличие от Мадзини, твердившего: «Я никогда на буду счастлив на земле», Гарибальди умеет наслаждаться теми радостями, которые дарит ему жизнь. Попутный ветер на Тихом океане, друзья и женщины, разрезанный надвое свежий помидор и кусок сыра... Мудрый человек? Человек, который с детства, в силу своего происхождения, человеческих связей, профессии, сумел сохранить любовь к чувственной стороне мира.

На борту «Коммонвейлса», которым он командует, Гарибальди прибыл в Лондон. Затем он отправится в Ньюкасл, чтобы загрузить судно углем, который должен доставить в Геную: Гарибальди узнал, что правительство Турина не возражает против его присутствия в королевстве при условии, что он будет держаться подальше от Мадзини и его агитаторов.

Последнее несложно.

В Лондоне Гарибальди встретил Мадзини во время ужина у консула Соединенных Штатов Сондерса в присутствии посла Бьюкенена, будущего президента Соединенных Штатов. Избранное общество: все, кто только был из знаменитых политических эмигрантов в Лондоне, единственной столице мира, служившей им убежищем, собрались за столом. Косеуц, Герцен, Ледрю-Роллен сидели рядом с Мадзини и Гарибальди. «Мадзини знает только интеллигенцию Италии», — поведал Гарибальди Герцену, добавив, что он сам «лучше понимает народ, так как жил в его среде», чего никогда не приходилось делать Мадзини. Партия действия, недавно созданная Мадзини, с его точки зрения, обречена на провал.

Гарибальди убежден, что будущее Италии — в объединении вокруг Пьемонта, тем более, что уже в течение нескольких лет Турин проводит честолюбивую национальную политику. Она не имеет ничего общего с колебаниями и робостью политики Карла Альберта. И прежде всего потому, что наследовавший королю его сын, Виктор Эммануил II, —

человек энергичный, даже грубоватый, резко отличается от государя, потерпевшего поражение в 1849 году.

Этот двадцатидевятилетний человек — некрасивый, маленький, плотный, хочет быть воином и победителем. Он хотел бы воевать. Он охотится. Он славится своими любовными похождениями. Ему нравятся женщины, лишенные жеманства, он предпочитает дамам высшего света служанок или крестьянок. Этот «рэ галантуомо»¹, часто изъясняющийся на грубоватом пьемонтском наречии, окружен легендами, он удивляет, забавляет и вызывает симпатию.

Однако же он не колеблясь подавил в апреле 1849 года, вскоре после отречения Карла Альберта, его отца, демократическое восстание в Генуе, а 20 ноября того же года пригрозил избирателям, что приостановит действие конституции, если умеренные депутаты не составят в палате большинство. Ему повиновались. И с той поры статус, наследие революционно-реформаторского движения весны 1848 года, неукоснительно соблюдался.

Турин стал также, в то время, когда повсюду царил реакция, тем островком, куда со всей Италии стекались патриоты. В королевстве Пьемонт-Сардинии можно было жить, думать, писать и публиковать написанное. Венецианцы, ломбардцы, сицилийцы (Ла Фарина, Криспи), тосканцы и даже эмигранты из Далмации превратили Турин

---

¹ Король, верный своему слову (ит.). — Прим. перев.

в духовную столицу Италии, а королевство — в место, где были живы мысль и действие.

Оно было обязано этим не только государю и, естественно, сложившимся условиям, но также людям, которыми он сумел себя окружить: Массимо д'Азелио, патриот, долгое время бывший сторонником объединения Италии под властью папы, на посту главы правительства стал реформатором, ограничившим, без колебаний, влияние церкви в королевстве. Но особенно граф Камилло Бенсо ди Кавур, сменивший д'Азелио; он стал вдохновителем политики, стремившейся превратить Пьемонт в современное государство по своему внутреннему устройству и заключить надежные европейские союзы, что позволило бы Турину стать тем магнитом, вокруг которого объединится вся раздробленная Италия.

Кавур, принадлежавший к тому же поколению, что и Гарибальди (он родился в 1810 году, мать его — уроженка Женевы), был открыт веяниям реального мира. Аббат Джоберти говорил о нем: «В нем не очень много чисто итальянского; скорее, наоборот — по своему восприятию, склонностям, образованности он почти что чужд Италии: англичанин по образу мыслей и француз по языку».

Дворянин, происходивший из старинной савойской семьи, связанной брачными союзами с семьей, от которой вел свое происхождение святой Франциск де Саль, Кавур не был пленником узкоместных интересов, свойственных уроженцу Флоренции или Болоньи.

Блестяще одаренный государственный деятель, Кавур был на плохом счету из-за своих либеральных идей; в 30-е годы он вышел в отставку и занялся своими сельскохозяйственными владениями в Лери, неподалеку от Верчелли. Он совершенствует технику земледелия, увлекается экономикой, много путешествует и поэтому свободен от влияния чисто провинциальных проблем и интересов.

Аристократ по своей любви к риску, стремлению командовать, способности тратить деньги без счета и любить всей душой, он – буржуа по своей заинтересованности и прибыли, умению трудиться, вниманию ко всему, что связано с экономикой и финансами. Он символизирует собой происходящее в Пьемонте слияние между молодой буржуазией и дворянством – двумя силами, честолюбивыми, волевыми, решившимися «съесть» Италию не только из чувства патриотизма и ради будущего итальянской культуры, но еще и потому, что таким образом богатство долины По, промышленные города, весь юг страны станут частью экономики Пьемонта. Турин, где Кавур основал в 1847 году Туринский банк, будет выкачивать все богатства страны.

Для этого необходимо создать современное государство с правительством, не зависящим от церкви. Кавур, придя к власти в 1852 году, энергично принялся за дело: он упразднил все религиозные ордена и конфисковал их имущество.

Нужны кредитные предприятия: Кавур их создал.

Нужны пути сообщения: в 1859 году пьемонтская сеть железных дорог стала первой в Италии. Генуэзский порт модернизирован.

Нужна армия. Пьемонт, показавший в 1848 – 1849 годах, насколько его войска неспособны противостоят австрийской военной машине, получил хорошо обученную армию.

Но всего этого было недостаточно.

Для Кавура урок, извлеченный из поражения 1848 года, сводится к мысли: Пьемонт, и следовательно Италия, не в состоянии противостоят Австрии без посторонней помощи. Турину нужна система союзов, которая бы позволила изолировать Вену, и, если удастся, следует найти европейское государство, чьи войска пришли бы на землю Италии сражаться с австрийскими генералами.

Он заключил торговые соглашения, затем, в 1854 году, когда Франция и Англия начали в Крыму войну против России, вступил с ними в союз и послал в Севастополь контингент в пятнадцать тысяч человек.

Под командованием генерала Ла Мармора, арестованного Гарибальди в Генуе в 1849 году, эта «игрушечная армия» храбро сражалась, даже если реальные военные потери были невелики (тридцать девять человек убитыми, двести двадцать ранеными – и две тысячи умершими от холеры). И, таким образом, на Парижском конгрессе (1856) Кавур поднял итальянский вопрос. Пьемонт вышел из своей дипломатической изоляции. Французские газеты констатировали: «Вся Европа

сейчас занята только итальянским вопросом... Проблема Италии стала актуальней восточного вопроса».

Но Кавур прекрасно понимал, что для возрождения Италии дипломатии недостаточно. «Только пушки могут разрешить наш вопрос», — писал он Массимо д'Азелио.

При такой перспективе ему нужен был не только крупный союзник в Европе, но также участие всех итальянских патриотов, поддержка всех тех, кто в течение десятилетий боролся за объединение Италии. При условии, что они откажутся от своих республиканских требований, согласятся стать под знамена Савойской монархии, вступить в ее армию и служить ее политике.

Для Кавура Гарибальди — драгоценный актер, так как он само воплощение патриотических чувств. Однако Кавур не испытывает к нему особенно глубокого уважения, их разделяет слишком многое: происхождение, прошлое, восприятие мира.

Гарибальди, даже если он поддерживает политику монархии, остается республиканцем народного толка. Кавур — государственный деятель, преданный монархии. Для одного политика — порыв, объединивший на время людей в их борьбе за идеал. Для другого люди — пешки на шахматной доске.

Гарибальди для него — одна из таких пешек.

В 1854 году в Лондоне информаторы Кавура отметили все более явственный отход Гарибальди от деятельности Мадзини, его отказ от участия в

заговорах. Он не проявляет больше собственной инициативы, его в самом деле можно было бы использовать в качестве пешки в рамках собственной политики, полностью поддающейся контролю. Он сыграет свою роль со свойственным ему мужеством, добросовестностью и решительностью.

Еще не время, но Гарибальди нельзя упускать из вида: его международная известность может послужить делу Турина.

Посол Сардинии в Лондоне в своих донесениях подчеркивал популярность Гарибальди. О нем писали газеты. Рабочие Ньюкасла, где судно, капитаном которого он был, стало на якорь, устроили ему праздничный прием. В знак его заслуг ему снова преподнесли саблю.

Этот одинокий герой, обаятельный изгнанник, интересовал даже богатых англичан. Леди Эмма Робертс, богатая и титулованная, соперничала из-за него с молодой итальянской графиней Марией Мартини делла Торре. Двадцатидвухлетняя журналистка Джесси Уайт, умная, живая, восторженная, стала его подругой. Гарибальди был желанным гостем в замках и особняках, его приглашали в посольство Соединенных Штатов. Была даже объявлена его помолвка с Эммой Робертс.

Какое значение мог иметь для самого Гарибальди его успех у женщин, более или менее молодых, принадлежавших к другому кругу, столь резко отличавшемуся от его собственного или круга тех женщин, с которыми он сталкивался до сих пор?

В Аните была непосредственность и грубоватость девушек Рио-Гранде, до нее и после были мимолетные встречи с женщинами, как у большинства моряков и солдат.

На пороге своего пятидесятилетия он открыл для себя другой тип женщин. Он любил нравиться, ему льстило это несколько манерное окружение, даже если иногда он его избегал (например, тягостный этикет аристократических обедов Эммы Робертс).

Но настойчивое внимание женщин, титулованных, светских, умных, ярких личностей, его успокаивало, утешало.

Привлеченные его славой, они встретились ему теперь, как будто уход из жизни донны Розы, вслед за Анитой, давал ему право знать этих женщин, совсем других по манере вести себя и, главное, независимых.

Уже выбор Аниты был выбором спутницы, способной порвать с общепринятыми нормами. Но такие, как Эмма Робертс, Джесси Уайт и вскоре последовавшие за ними другие, говорят о том, что Гарибальди влекло к женщинам свободных нравов, лишенным предрассудков, берущим на себя инициативу, которых из-за одного их поведения донна Роза никогда бы не приняла.

Но такая идеальная спутница, столь же свободная, как и он сам, — была ли она в самом деле нужна Гарибальди, способен ли он был ее принять, если бы она вдруг встретилась?

Над ним тяготел груз прошлого.

Он вновь столкнулся с ним в Ницце, когда, получив разрешение Кавура, высадился в Генуе и прибыл в свой родной город 10 мая 1854 года.

Он приехал больным, страдающим от приступа ревматизма. Встреча сорокасемилетнего человека со своим городом, конечно, мучительна. Его родителей больше нет в живых, но он живет в том же доме, на набережной Люнель, который был их общим домом. «Наконец-то обрел счастье обнять своих детей после пятилетней разлуки», — пишет Гарибальди.

На самом деле, ему никогда прежде не приходилось жить вместе с ними подолгу. Менотти уже четырнадцать лет, Терезите десять и Риччотти семь.

Гарибальди целиком поглощен своими отцовскими обязанностями, которые он открыл для себя впервые, — и внимателен до мелочей.

Кажется, что в Ницце Гарибальди, всегда такой активный, резко изменил ритм жизни. Контакт с детьми и городом собственного детства — вот подлинная причина вдруг обретенного спокойствия, которое отмечают все свидетели.

Гарибальди всегда любил Ниццу, свою «маленькую родину», как он говорил, «одно из красивейших мест Италии и мира».

Город, который он увидел в 1854 году, заметно изменился. Туристов стало больше; они живут в отеле для иностранцев на улице Пон Неф, в отеле «Йорк» на площади Сан-Доминик, в английском пансионе на площади Ботанического Сада или в Большом новом княжеском отеле на улице де Поншетт.

Муниципалитет с 23 апреля 1854 года ввел газовое освещение. Город, особенно в некоторых районах, стал оживленнее.

Здесь проводят время знаменитые люди – например, доктор Конно, личный врач Наполеона III, – и Гарибальди не может этого не знать, так как Эмма Робертс в сопровождении Джесси Уайт приехала, чтобы присоединиться к нему, принуждая его – но Гарибальди быстро начнет уклоняться от этой обязанности – посещать салон отеля, в котором она остановилась, и видеть вблизи Ниццу туристов и иностранцев.

Гарибальди близка другая Ницца. Карр встретил его в гостях у рабочих, праздновавших крестины, затем за игрой в шары. Здесь он дома, среди своих. Он ходит на рыбалку, иногда охотится на берегах реки Вар, как делал это во времена своего детства. Он встает на заре, отдыхает после обеда (сиеста), ест простую пищу «по-ниццски», уходит играть в шашки – одна из его страстей.

Простая жизнь, внешне никак не связанная с политической атмосферой, изменившейся в городе за последние годы.

Дело в том, что Ницца чувствует себя заброшенной, хуже того, Турин ее притесняет. Ниццкий порт всегда пользовался правами порто-франко. В 1851 году он потерял свои привилегии и переведен на общее положение. Налоги на импортируемые продукты питания растут, вместе с ними растут цены. Жители Ниццы протестуют, под петицией – десять тысяч подписей. На площади Сан-Доминик 15 мая

1851 года, несмотря на проливной дождь, собрались на демонстрацию три тысячи человек.

Когда железная дорога связала бурно развивающуюся Геную с Туринем, превратив ее в легкие северной Италии, Ницца оказалась окончательно отброшенной на периферию.

По мере того как благодаря проводимой Кавуром политике Турин все больше поворачивается к Италии, чтобы стать объединяющим началом страны, интересы Ниццы все теснее связывают ее с Францией, которая становится основным покупателем продукции, производимой графством.

Гарибальди, влюбленный в свой город, преданный идее объединения Италии, кажется, не отдает себе отчета в этой эволюции, неблагоприятной для Пьемонта

Гарибальди – уроженец Ниццы. Он привязан к своему городу, но для него это прежде всего город его детства – порт, старинные кварталы у подножия холма, на котором стоит замок. Перемены происходят, но где-то далеко, а город детства пусть остается прежним, нетронутым, каким его сохранила память.

Будущее Гарибальди, его мечты связаны не с Ниццей.

Уже несколько лет он думает об острове. Он видел остров Хантер в австралийских широтах. Райское место. В конце 1855 года – ему уже больше сорока восьми лет – его брат Феличе умер и завещал ему тридцать пять тысяч лир. К этой сумме, значительной по тем временам, Гарибальди

может добавить двадцать пять тысяч лир. Впервые в жизни в том возрасте, когда, кроме отцовских обязанностей, он ощущает потребность «осесть», положить конец скитаниям, — у него есть целый капитал.

«Я думаю обосноваться в Сардинии, посмотреть, как себя чувствуют бекасы», — пишет он.

Братья Сузини, приютившие его в 1849 году на острове Маддалена, посоветовали ему выбрать остров Капрера, на широте Маддалены, на архипелаге сплошь из гранита и безводной земли, в проливе Бонифачо, между Корсикой и Сардинией.

Доступ к острову затруднен. Порта нет, есть мол, скорее насыпь, на которую набегают волны, разбивающиеся о прибрежные рифы. Козы — капрера!¹ — щиплют короткую траву, которую сильные ветры, дующие почти постоянно, еще больше пригибают к земле. Но на острове нет никаких властей. «Ни сборов, ни священников», выражаясь языком Гарибальди. Только чета англичан Коллинзов, которых забросила сюда буря страстей, вызвавшая скандал в обществе и соединившая их, аристократку и ее слугу. Кроме них, был еще корсиканский бандит Пьетро Ферраччоло, которому удалось ускользнуть от французских жандармов: он скрывался с семьей в одном из гротов. В ясную погоду, а это бывало часто, отсюда видны острова Эльба и Монте-Кристо: Гарибальди предстояло жить между Наполеоном и героем романа Александра Дюма, ставшими легендой. Хорошее соседство.

---

¹ Сарга — коза (ит.).

Итак, он купил половину острова Капрера, контракт был подписан 29 декабря 1855 года. Наконец-то у него было свое королевство. Остров.

Он устроился на Капрера только в начале 1857 года.

Нужно было построить дом. Это был белый дом из камня и дерева. Крыша была плоской и представляла собой террасу. В нем было всего четыре комнаты, и он напоминал дома с берегов Рио-Гранде-до-Суль. Гарибальди строил его сам вместе с несколькими друзьями и сыном Менотти. Пока дом не был закончен, он бывал на острове только наездами и жил в палатке; целыми днями он строил, сажал между камней, где только можно, фруктовые деревья и овощи. Он хотел – подобно последователю Сен-Симона, основавшему колонию, – создать экономическую базу для своего владения. Паровая машина позволяла качать воду и разрешить таким образом главную проблему. Он попробовал заняться разведением коз и быков, но это было сопряжено с большими трудностями. Не было фуража. Он попытался, также безуспешно, заняться пчеловодством.

Но Капрера, несмотря на безводность острова и то, что Гарибальди впервые в жизни занимался сельским хозяйством, не был игрушечным домом, «Малым Трианоном»¹ Робинзона Крузо с почтовой открытки. Гарибальди там в самом деле жил.

---

¹ Так наз. «Деревня королевы», построенная в Версале для Марии-Антуанетты: 12 домиков под соломенными крышами, 2 молочные фермы, голубятня, мельница, пруды, рыбацкий домик и т. д. Мария-Антуанетта могла любоваться всем этим из окон «Домика королевы», стоявшего на берегу озера. В крытом гумне давали балы. – *Прим. перев.*

В 1856 году он ненадолго приехал в Англию, где был принят своей богатой невестой Эммой Робертс. Гарибальди нужно было купить «каттер», быстроходный катер, с помощью которого он рассчитывал – в который раз! – преуспеть в торговых делах.

Но поездка в Англию преследовала также другую цель: попытаться организовать освобождение политических заключенных, которых Бурбон Неаполитанский держал в тюрьме крепости Санто-Стефано. Рискованное предприятие: оно говорило о том, насколько Гарибальди готов был действовать, несмотря на всю свою решимость заняться устройством личной жизни.

Предприятие не состоялось, и Гарибальди смог спокойно вступить во владение своим катером, названным «Эмма» в честь богатой дарительницы. Он совершил несколько рейсов между Генуей, Сардинией и Капрера.

У Гарибальди было собственное владение и корабль. Он был независим. Когда «Эмма» была уничтожена пожаром, он окончательно отказался от идеи коммерческих рейсов, устроившись в своем доме на Капрера, откуда со всех сторон было видно море. Ему было пятьдесят лет.

Но Гарибальди не был на своем острове отрезан от мира. Раз в месяц ему доставляли сотни писем. Послания скромных эмигрантов соседствовали с восторженными объяснениями светских дам, английских герцогинь, мечтающих о герое.

Он отвечал на письма, затем снова погружался в повседневную деятельную жизнь, обработку земли, уход за животными, чтение (он признавался, что не очень любит романы, но Вальтер Скотт был одним из его любимых авторов) – и любовь.

Из Ниццы ему прислали в услужение восемнадцатилетнюю девушку Баттистину Равелло, простую и работающую. Она была для Гарибальди олицетворением женщин совсем другого мира. С одной стороны – богатые английские аристократки и женщины независимые, властные; с другой – дочери простых моряков.

Вскоре Баттистина становится его любовницей. Ждет ребенка. Итак, началась спокойная жизнь с налаженным бытом. Время от времени кто-нибудь приезжает в гости.

Весной 1857 года в Маддалене высадилась с борта корабля молодая женщина тридцати семи лет, жена банкира, писательница Мария Эсперанца фон Шварц, поклонница, жаждущая записать воспоминания героя. Гарибальди принял эту экстравагантную романистку у себя на Капрера. Но та, кого он называет Сперанцей¹, уклоняется от его объяснений в любви, предложения выйти за него замуж. Гарибальди остается только писать ей письма, по-юношески наивные: «Я полюбил вас еще до того, как встретил». «Чистая, платоническая любовь», – будет вспоминать о ней Гарибальди.

---

¹ Speranza – Надежда (ит.).

История также стучится в скалы Капрера и в не меньшей степени, чем женщины, не оставляет Гарибальди равнодушным.

Он внимательно следит за событиями, происходящими в Пьемонте. Трезвости Кавура, стремящегося вовлечь его в свою стратегию, отвечает преданность Гарибальди национальной идее.

Кавур говорил: «Есть только одно средство не дать Гарибальди взять над нами верх — это соперничать с ним в смелости и не отдавать ему в монопольное владение идею национального единства, которая в данный момент воздействует на народные массы с поистине гипнотической силой. Конечно, я отдаю себе отчет в опасности сложившейся ситуации, но события сейчас сильнее людей».

А Гарибальди отвечал: «Я могу с гордостью сказать: я был и остаюсь республиканцем... но так как в данный момент создание республики нереально и представляется возможность объединить полуостров, собрав воедино силы [пьемонтской] династии и силы нации, я полностью поддерживаю это начинание».

В 1854 году, когда Пьемонт принял участие на стороне Франции и Англии в Крымской войне, Гарибальди одобрял эту политику, отвергнутую Мадзини и Маненом, бывшим инициатором создания Венецианской республики в 1848 году. Затем Гарибальди осудил «смехотворные восстания», организованные Мадзини, бесполезные и повлекшие за собой гибель людей. Приговор был

суровым, но Гарибальди утверждал: «Из моей бурной жизни я извлек один урок – остерегаться предприятий, обреченных на провал».

А в европейском и итальянском контексте другой путь, ведущий к единству, проходил через Турин.

Многие эмигранты пошли этой дорогой раньше Гарибальди. Феличе Форести, с которым он познакомился в Нью-Йорке и часто беседовал, вернулся в Пьемонт и стал посредником между Кавуром и Гарибальди.

1 августа 1857 года – через несколько недель после провала Пизакане на юге Италии и самоубийства революционера – создано Национальное общество, целью которого было собрать всех патриотов под знаменем Пьемонта. Такой известный республиканец, как Манен, пишет: «Республиканская партия, так низко оклеветанная, вновь совершает акт самоотречения и самопожертвования во имя дела нации. Убежденная в том, что прежде всего нужно создать Италию, она говорит Савойскому дому: создайте Италию – и мы с вами».

Председатель Национального общества – маркиз Паллавичино, бывший узник Шпилберга, его душа – сицилиец Ла Фарина, нашедший убежище в Турине. 5 июля 1858 года Гарибальди пишет ему о своем вступлении в общество: «Я с вами, со всеми честными итальянцами [...] Удостойте меня чести быть принятым в ваши ряды и скажите, когда нужно будет начать действовать».

Мадзини, заявивший о предательстве, остался в одиночестве. Победил Кавур. И Гарибальди вместе с разумными, трезвомыслящими людьми, избравшими своим девизом: «Италия и Виктор Эммануил».

Однако Кавур, преуспевший во внутренней политике, во внешней топчется на месте.

Кавур настороже. Он ждет, начиная с Парижского конгресса 1856 года, события, которое, нарушив равновесие европейской системы, позволило бы Пьемонту действовать. Устойчивые отношения между великими державами не позволяли Турину начать борьбу против Вены. Поступок одного из этих «безумцев», «самоубийц», последователей Мадзини позволил «разумному» Кавуру и его сторонникам – и в их числе Гарибальди – открыть карты.

Граф Феличе Орсини, один из депутатов Конституционной ассамблеи Рима в 1848 году, решил покарать Наполеона III за вторжение французских войск в Рим и нарушение клятвы «карбонария» – если правда, что Наполеон III когда-нибудь такую клятву принес – сделать все для освобождения Италии.

14 января 1858 года он организовал в Париже покушение. Три бомбы были брошены в карету императора, не пострадавшего от взрывов, в результате восемь человек убито и сто пятьдесят ранено. Арестованный Орсини перед казнью написал Наполеону III волнующее письмо, заклиная его прийти на помощь Италии: «Пусть Ваше королевское

величество не отвергнет последнего желания патриота, всходящего на эшафот, — освободите мою родину, и с ним пребудет вечно благословение двадцати пяти миллионов граждан Италии и их потомков».

К нему обратился человек, стоявший на пороге смерти. Но Наполеон III мечтал о лаврах Наполеона I в Италии. Он жаждал величия. Он хорошо знал полуостров. Был ли он, кроме того, под влиянием своей юной возлюбленной, итальянки Вирджинии Олдоини, герцогини де Кастильоне, которую Кавур послал в Париж, чтобы соблазнить императора и побудить его вмешаться и выступить в Италии на стороне Пьемонта?

21 июля 1858 года Наполеон III тайно вызвал Кавура в Пломбьер, где был заключен союз между Францией и Пьемонтом. Париж поддержит Турин в войне против Вены. Италия будет представлять собой объединение четырех государств, а Франция получит в качестве компенсации Ниццу и Савойю. Брак между принцем Жеромом Бонапартом, сорокалетним кутилой, и Марией Клотильдой, пятнадцатилетней девочкой-подростком, дочерью Виктора Эммануила II, скрепит этот союз.

Оставалось только дожидаться повода для войны.

Наступили последние месяцы 1858 года. Кавур встревожен, полон нетерпения. Его стратегии, теоретически совершенной, предстояло теперь развернуться на поле боя. С таким человеком, как Наполеон III, трудно быть уверенным в том, что все будет доведено до конца.

Но зависящий от него Кавур, там, где он может действовать самостоятельно, действует. Армия Пьемонта усилена. В августе, а затем в декабре 1858 года за Гарибальди поехали на Капрера. Гарибальди не колеблется. Он сделал свой выбор. У него нет иллюзий.

«Кавур, естественно, нашел во мне сторонника войны против исконного врага Италии. Правда, его союзник, Наполеон III, не внушал мне ни малейшего доверия, но что делать? Нужно было с этим смириться».

Естественно, Кавур ничего не рассказал о своих планах, о готовящейся передаче Ниццы и Савойи.

Кавур вел себя с Гарибальди стоворчиво, дружески.

Они стали союзниками, но дружбы между ними не было. И все-таки Гарибальди был слишком наивен. Мог ли он представить себе, что его Ницца станет платой за единство Родины, частью которой она является?

К тому же, он заблуждается, считая, что борьба за объединение страны стирает противоречия между социальными группами. Он пишет своему другу Кунео: «[...] братство обоих классов уже [...] явственно видно. Они подали друг другу руку, чтобы не предать общего дела. Здесь, в этой части Италии, все уверены в успехе; в других — без заговоров, без столкновений, все готово, опасаются лишь одного: преждевременных выступлений».

Эта армия на самом деле лучше обучена и более боеспособна, чем армия 1848 года. Но кто знает,

не начнет ли она также в один прекрасный день стрелять в собственных граждан? Так или иначе, но для Гарибальди в очередной раз с личной жизнью покончено.

Картина десятая

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИТАЛИЯ

И ПРОЩАЙ, НИЦЦА!

(1859 – 1860)

В начале 1859 года поползли слухи: близится война. Европейские газеты, даже французские, несмотря на императорскую цензуру, начинают догадываться, что Наполеон III поддержит Пьемонт и поднимет меч против Австрии. Сообщают, что когда австрийский посол барон Хубнер явился, как обычно, 1 января 1859 года с поздравлениями к императору, тот своим глуховатым голосом ему ответил: «Я сожалею, что наши отношения с вашим правительством не так хороши, как были в прошлом, но я прошу вас передать императору Австрии, что мои личные чувства к нему не изменились».

10 января в туринском парламенте Виктор Эммануил произнес речь, которую все восприняли,

как сообщение о скором наступлении Пьемонта: «Относясь с уважением к договорам, мы не можем оставаться бесчувственными к крику боли, доносящемуся к нам из всех областей Италии...»

30 января было отпраздновано бракосочетание Жерома Бонапарта и Марии Клотильды Савойской и таким образом скреплен, в соответствии с традицией, династический союз.

В то же время Кавур умело поддерживает в народе патриотический пыл: открыта подписка, чтобы вооружить сотней пушек крепость Алессандрию, а на улицах Турина появился знакомый силуэт: Гарибальди. Его бурно приветствует толпа. Раз Гарибальди в столице, значит, война неизбежна.

Гарибальди покинул Капрера в начале февраля. Кавур в письме, написанном собственной рукой, предложил ему командование корпусом волонтеров.

Можно представить себе их энтузиазм. Кавур — поклонник Шатобриана. Он взял на вооружение знаменитую фразу писателя: «Талант, во времена великих революций, пытающийся им открыто противостоять, обречен на гибель; только талант, следующий за ними, сможет ими овладеть».

Гарибальди уступает почти во всем: он отказался даже от пончо и красной рубашки — строгий мундир с золотыми галунами пьемонтской армии, аккуратно подстриженные волосы и бородка. Его волонтеры будут в синих брюках и серых куртках. Единственное символическое напоминание: красный шейный платок Гарибальди.

Гарибальди снова становится солдатом. Он принят королем. Встреча была откровенной и сердечной.

Виктор Эммануил, со своей резкостью – несколько преувеличенной – этакий ворчливый король, который, не считаясь с этикетом, способен сказать правду в глаза и салонам предпочитает поле битвы, – понравился Гарибальди.

Он принял чин генерал-майора сардинской армии и командование Альпийскими стрелками, – объединением волонтеров, состоящим из трех полков. Он назначит офицерами своих верных друзей: Медичи, Нино Биксио, Козенца. И направит Виктору Эммануилу II верноподданническое послание: «Правительство короля, дав мне доказательства столь почетного для меня доверия, получило все права на мою признательность. Я буду счастлив, если мое поведение будет соответствовать моей готовности верно служить королю и отечеству».

Кавур и Виктор Эммануил поняли, что им легко управлять, используя его наивность, искренность и патриотизм.

Его заставили покинуть Турин. Волонтеры не должны бросаться в глаза, Наполеон III допускает участие только регулярных войск. Ему дали только тех, кто был слишком молод или слишком стар для регулярных частей. Пусть выпутывается с тем, что осталось!

Стал ли он в самом деле жертвой обмана?

Его отправили в Риволи, около Сюз, как он пишет, «после нескольких дней, проведенных в

Турине, где я должен был служить приманкой для итальянских волонтеров». И он говорит о странном положении, в котором оказался: «Я должен быть там, но не показываться. Волонтеры должны знать, что я в Турине для того, чтобы их собрать, но в то же время меня просили скрываться, чтобы не бросить тень на дипломатию. Какое положение!»

Но ловушка, приготовленная Кавуром, неотвратимо захлопнулась.

«Что было делать? Я выбрал наименьшее зло и, не имея возможности делать все, что было необходимо, я принял то небольшое, что можно было получить, — ради нашей несчастной страны».

Можно также понять Кавура: партия требовала предусмотрительности и осторожности. В Париже, от которого все зависело, Партия порядка, доминирующая в императорском окружении, была против войны и политики Наполеона III в Италии, которой восторгались только либералы и «красные».

Если маршалы, императрица, дипломаты, банкиры увидят в ситуации, сложившейся в Италии, предлог, чтобы заявить об опасности революции, их давление на императора только усилится.

Уже Англия предлагает поразмыслить, и Наполеон III соглашается, вынуждая Кавура присоединиться к нему. Весь план пьемонтского государственного деятеля оказывается под угрозой. «Мне остается только пустить себе пулю в лоб», — восклицает он. Но, как говорит Наполеон III, «политика меняет цвет трижды на дню».

Император Франц Иосиф, считая, что война так или иначе неизбежна, решил опередить приготовления Турина и Парижа. 25 апреля он посылает Пьемонту ультиматум, требуя немедленного разоружения и роспуска корпуса волонтеров, которым командовал Гарибальди. Кавур отвергает ультиматум, и 29 апреля австрийские войска под командованием Дьюлы перешли Тессин, реку, отделяющую Ломбардию от Пьемонта.

3 мая 1859 года Наполеон III, в силу действующего союзнического договора, объявил войну Австрии и заявил о своем желании сделать «Италию свободной вплоть до Адриатики». Французские войска перешли через Альпийские перевалы и высадились во главе с императором в портах Генуи и Савона.

Вторая война за независимость началась в лучших дипломатических условиях, чем первая

Гарибальди прожил эти первые дни начала войны в состоянии величайшего возбуждения. Без сомнения, им овладели гнев и разочарование, когда он почувствовал настороженное отношение офицеров сардинской армии.

«Я вдруг увидел, с кем имею дело. Призвать волонтеров и притом в большом количестве, чтобы затем использовать их как можно меньше: и среди них — наименее приспособленных к воинскому делу...» Вот к чему хотели свести его роль.

«В Пьемонте в начале 1859 года меня подняли как знамя». Каким это было реваншем за последние годы, прожитые в безвестности! Отведенная ему

роль, встреча с королем в самый день атаки в генеральном штабе Сан-Сальваторе и доверенная ему миссия: защищать плохо защищенный Турин, так как французские войска еще не прибыли, а сардинские значительно уступали в численности войскам Дьюлы, затем, обеспечив эту защиту, идти к озеру Мажор, угрожая правому флангу противника. И там, на том самом месте, где проходили бои в 1848 году, снова сражаться, но уже имея в распоряжении не нескольких людей, чьей единственной целью было попасть в Швейцарию, чтобы ускользнуть от врага, а полки стрелков, являющиеся официально частью пьемонтской армии...

И девятнадцатилетний сын Гарибальди Менотти скачет впереди корпуса Альпийских стрелков в качестве проводника. И так, прошло много лет, но они принесли не только старость и разочарования.

Несомненно, были моменты, когда Гарибальди приходилось вновь переживать худшие минуты 1848 года. «Я также написал Кавуру, чтобы мне прислали Апеннинских стрелков; под разными предложениями он так и не захотел этого сделать, несмотря на приказ короля; я убедился, что увеличения численности моих солдат не хотели. Старая ссора, начавшаяся еще в Милане в 1848 году, когда был издан приказ о том, что в корпусе, которым я командовал, не должно было быть более пятисот человек. Кавур ограничил меня тремя тысячами.

Однако толпы народа на улицах приветствуют его. «Война — подлинная жизнь мужчины», — так

сказал он когда-то. Справедливая война: война народа за свою независимость.

Оказалось, что эта война, о которой так давно думали в Турине и Париже, не была подготовлена. Люди, колонны французских пехотинцев маршируют посреди цветов и криков «Браво!» в Генуе, Савоне, Турине, но никто не подумал ни о плане боя, ни о будущих раненых, за которыми нужно будет ухаживать.

Неплохо было бы в подражание Наполеону Бонапарту повторить его молниеносную войну 1796 года. В конце концов, Наполеон III – его племянник. Но оказалось достаточно решительного наступления австрийца Дьюлы на Турин, чтобы пьемонтцы отступили. Виктор Эммануил даже решил в случае необходимости оставить столицу.

Однако Дьюла тоже полон воспоминаний о Наполеоне I. Он опасается какого-нибудь обходного маневра. Он продвигается с большой осторожностью, дав французским войскам, высадившимся с кораблей, соединиться с сардинскими войсками, одержать победу при Монтебелло и особенно при Маженте 4 июня 1853 года. 8 июня, восторженно встреченные наконец освобожденным населением, Виктор Эммануил II и Наполеон III входят в Милан.

Гарибальди воевал далеко от главного фронта, преследуя врага – генерала Урбана. Тот вначале отнесся к нему пренебрежительно но вскоре понял, что эти добровольцы умеют владеть штыком и, если понадобится, погибнут, но не отступят. Война, в

которой, как в Южной Америке, решало не число людей и не количество потерь, а движение, само проведение операции, сознание, что ты – во фланге противника.

Конечно, если бы не было французской армии, десятков тысяч жертв, умерших без погребения, оставшихся лежать под июньским солнцем, этих раненых, которых мучает жажда и изводят мухи, этих изувеченных тел, гангрены и бесконечных страданий, боевые действия Гарибальди ничего не могли бы решить. Решающие бои шли не здесь: в Маженте, а затем в Сольферино, когда 24 июня французские и австрийские полки внезапно оказались вдруг лицом к лицу и началось сражение. Стоял невыносимый, удушливый зной; французы шли на приступ по крутым склонам, отвоевывая в рукопашном бою каждый холм, каждую изгородь, пока не разразилась гроза и потоки воды, затопившие поле сражения, не помешали дальнейшему взаимному уничтожению.

Но в международной прессе – Парижа, Лондона – о Гарибальди говорилось столько же, сколько о военных операциях, проводившихся регулярными войсками Виктора Эммануила II. Гарибальди стал, как писало «Ревю Двух Миров», «вестником гнева итальянского народа... Это вождь, поражающий независимостью своего образа жизни и характера, закаленный в огне сражений на суше и на море, патриот с пламенным сердцем [...] страстно преданный делу Италии...»

Таким образом, в соотношении сил Кавур – Гарибальди Кавуру удалось подчинить патриота своей стратегии. Но слава и популярность последнего из-за его участия в войне выросли настолько, что ему удалось сохранить и упрочить свою независимость. Считали, что его удалось связать. На самом же деле его вступление в войска Виктора Эммануила II и признание власти монарха дали ему еще большую независимость. И, следовательно, возможность создать собственную стратегию.

В первые же дни он произнес речь, способную поразить воображение: «Тому, кто говорит, что он хочет победить или умереть, незачем идти со мной. Я не могу дать ни чинов, ни славы. Только бои и сто патронов на каждого солдата. Палаткой будет небо. Постелью – земля. Свидетелем – Бог».

И маршевые переходы по ломбардской равнине, длинные, опасные, так как войска генерала Урбана имели боевой опыт. У волонтеров Гарибальди, за исключением офицеров, старых повстанцев, не было ничего, кроме энтузиазма, иногда они открывали огонь слишком рано, выдавая врагу свое присутствие.

Однако на войне, чтобы выжить, нужно быстро научиться владеть оружием, и стрелки становятся хорошими бойцами.

Одержанные победы радуют общественное мнение, успокаивают народ, страх и подавленность уходят.

В Варезе, затем в Комо жители выходят на улицы, не боясь австрийцев, это подлинное освобождение:

«Все смешалось, народ и солдаты, охваченные единым порывом, общим ликованием». В Варезе проливной дождь, но на него не обращают внимания. В Комо глубокая ночь, все дома вначале наглухо закрыты, но как только раздалось слова команды на итальянском языке, «в мгновение ока всюду зажегся свет, во всех окнах — люди, улицы полны народа. Праздничный звон всех колоколов».

Для бывших изгнанников — для Нино Биксио, бывшего борца «Молодой Италии», для Медичи, долго жившего в изгнании в Америке, — это завершение дела всей жизни.

Вот что не вызывает сомнений: Гарибальди представляет самую народную струю в этой войне за независимость, задуманной Кавуром как последний ход дипломатической партии в шахматы. Благодаря Гарибальди монархическая война, война с генеральными штабами, дивизиями, которых посылают на штурм под пристальным оком государей, сопровождается идущей параллельно другой войной, более непосредственной и, конечно, маргинальной, но выражающей патриотические чувства народа, чья воля и жизненная сила вырываются за пределы шахматной доски, на которой государственные деятели хотели бы их удержать.

Гарибальди понимает, какое значение имеет его участие.

Он подозревает даже, что генералы готовят ему ловушки, посылая его людей на заведомую гибель, как, например, в Трепonti. «Вы погибнете,

если доверитесь этим людям», — сказал ему генерал Чалдини, которому он пожаловался. Во время опасной операции Гарибальди не получил ни одного из обещанных подкреплений.

«Так значит это была ловушка, в которую меня хотели поймать, чтобы погубить горстку смельчаков... Генеральный штаб короля решил сыграть с нами трагическую шутку...»

Несмотря ни на что, он продолжает идти вперед. К Бергаме, Брешиа и Вальтеллина, получая подкрепления в виде пушек и военного снаряжения, которое он находит в австрийских крепостях. Он был готов идти еще дальше, к Южному Тиролю. Его удержали. Так как, говорил он, подчеркивая двойственный характер войны (войны короля и своей собственной): «Альпийские стрелки, число которых после операции в Трепonti сократилось до тысячи восьмисот человек, выросли, как по волшебству, чуть более чем за месяц почти до двенадцати тысяч человек и продолжали расти с каждым днем, тревожа тех, у кого совесть была нечиста и кто боялся волонтеров, твердя, что они ни на что не годны. Эти люди, погрязшие в грехах, боялись нас. И не напрасно. Они называли нас революционерами, и нам это делало честь».

Не был ли этот страх перед «революционерами» одной из причин, заставившей Наполеона III заключить перемирие 11 июля в Виллафранка с императором Австрии Францем Иосифом?

Новость поразила, как удар молнии. Императоры обнялись, их офицеры обменялись рукопожатием.

Сорок тысяч убитых на поле боя при Сольферино – забыты? Или, напротив, остались грузом на совести Наполеона III, пришедшего в ужас от этого побоища и, главное, того тупика, в который его завела избранная им политика?

Все эти смерти – ради королевства Пьемонта, сотрясаемого дрожью, предвестницей революций?.. Не только Гарибальди сохранил свой «красный шейный платок», но все мелкие государства между Ломбардией и Римом (Парма, Модена, Тоскана, Болонья) изгнали своих государей.

В Париже самые консервативные круги выступают против этой политики, способной положить конец власти папы над Римом. Кто сможет остановить волну объединительного движения у ворот папских государств? Кто помешает революционной лихорадке охватить страны Европы? А на берегах Рейна концентрируется все больше прусских войск, угрожая Франции.

Итак, тем хуже для обещаний, и в том числе – «Италия, свободная вплоть до самой Адриатики»! Подпишем перемирие, разочаруем итальянцев (Кавур, вне себя, подает в отставку), дадим удовлетворение деловым людям, недовольным войной – банкирам, католикам, папе, смирится с тем, что на стенах в Турине появились листки с портретом графа Орсини. Подписав перемирие, Наполеон III за несколько недель потерял популярность, к которой так стремился.

А что же итальянцы? Оказались неблагодарными? Забыли обо всех, павших в результате этой

изворотливой политики, но павших все-таки за объединение Италии?

Гарибальди-республиканец, распуская свои войска 23 июля, скрывает свою горечь, щадя боль матерей, которые потеряли своих сыновей, погибших в этих кровопролитных сражениях. Эта война возмутила в Европе людей, не забывающих о том, что цена большой политики – человеческие жизни: именно в результате итальянской войны был создан Красный Крест.

Гарибальди сказал своим солдатам: «Возвращайтесь домой. Когда ваши близкие обнимут вас, не забывайте о том, что мы обязаны быть благодарны Наполеону и героической французской нации, столько доблестных сынов которой еще страдают, прикованы к постели, ранены или изувечены в сражениях во имя дела Италии».

Но когда Гарибальди распускал свою армию, зная, что объединение Италии не завершено, Венеция во власти австрийцев, Рим полностью подчинен папе, Флоренция и Болонья свободны, но изолированы, а Неаполь и Палермо испытывают все ужасы карательной политики Бурбонов, он понимал, что после перемирия «Альпийские стрелки превратились бы в экзотическое растение внутри регулярной армии под неусыпным и враждебным контролем министерства Ла Мармора».

Чтобы идти, как этого хотел Мадзини, «в центр, в центр» (Парма, Болонья, Флоренция), «глядя на юг» (Рим, Неаполь, Палермо), нужны были другие

пути. И Гарибальди был полон решимости действовать.

Но как, когда, с кем?

Весь центр Италии, ее сердце, царственные города — столицы герцогств Болонья, Модена, Парма, Флоренция — поднялись на борьбу. Люди полны возмущения, берутся за оружие, объединяются в легионы.

Стало известно, что во время заключения перемирия в Виллафранка было решено, что император Франц Иосиф передаст Наполеону III, своему истинному победителю, Ломбардию, а тот волен решать, уступить ли ее Пьемонту. Унижение для Турина, через которое, однако, предстояло пройти.

Но как допустить, что герцогства Модена, Парма и Тоскана будут возвращены их властителям, союзникам Вены? Если патриоты вынуждены в данный момент оставить Венецию в руках австрийской армии, все еще всемогущей, то в этих городах-столицах не было ни одного австрийского солдата. Они добились своего освобождения, а теперь их снова хотят вернуть под иноземный сапог?

В обстановке энтузиазма 1859 года, когда Милан и Ломбардия стали итальянскими, — наконец-то! — это решение, принятое императорами, невыполнимо. Наполеон III это знает. И у Франца Иосифа нет на этот счет иллюзий.

Но нужно соблюдать осторожность. Виктор Эммануил II все время напоминает об этом Гарибальди: «Будьте очень осторожны». Не нужно

вызывать недовольства Парижа. Нужно, чтобы Европа приняла это новое увеличение территории Пьемонта. Необходимо, чтобы императоры в Вене и Париже не думали, что после этих городов и герцогств итальянцы спустятся, как им это советует Мадзини, к Риму, а оттуда к Неаполю и Палермо. У папы могущественные друзья в Париже и Вене. И потом, берегитесь революции. Гарибальди, которому Парма и Модена, Романья и Тоскана предлагают командование их легионами, прекрасно понимает, что это «лисья политика», которую он ненавидит, политика, полная хитрости и лицемерия. В общем, «большая политика», в которой народу нет места.

Чтобы развязать себе руки, он подает в отставку с поста генерала пьемонтской армии. И, естественно, поспешно и с облегчением генерал Ла Мармора, тот самый, который арестовал его в Генуе в 1849 году, принимает его отставку.

Но во Флоренции, Болонье, Равенне он сталкивается с той же игрой, которая велась в Турине. Он нужен. Его показывают на площадях, балконах. Во Флоренции, когда он входит в Палаццо Веккьо, его приветствует восторженная толпа. А затем ему связывают руки. «Эти господа меня призвали из-за популярности, которой я пользовался, рассчитывая на то, что это сделает их самих популярнее».

Как только присутствие Гарибальди выдало им патент на патриотизм, началась полоса «гнусных интриг», способных довести до отчаяния. Он понимает игру «этих господ», и его горечь тем глубже,

что в этих местах он сражался в 1848 году, во время своего долгого отступления к Венеции.

Он отправляется на могилу расстрелянных товарищей, добивается эксгумации Аниты, чтобы перевезти ее тело в Ниццу. Он вспоминает о самопожертвовании своих самых близких друзей, своей жены, и в этой атмосфере, которая должна была бы принести чувство победы, взлета, он только еще острее чувствует низость плетущихся вокруг интриг.

«Когда я готовил все, что было нужно для дела, моим подчиненным за моей спиной приказывали не повиноваться мне».

Хотели всеми возможными способами заставить Гарибальди уйти. Эти «герцогства» непременно должны были снова войти в состав Пьемонта, но не как результат действия народа или военных операций, а в результате торга, начавшегося между дипломатами Турина и Парижа (Кавур вернется к власти 20 января 1860 года).

Центральная часть Италии будет после плебисцита передана Турину, а Париж получит в обмен плату за свое военное вмешательство, — еще не выплаченную, так как Италия не свободна «вплоть до Адриатики»: эта плата за союз — Ницца и Савойя. Там также плебисцит ратифицирует переход от одного государства к другому.

Какое место отводилось беспокойному народу при таких переговорах? Призвав Гарибальди, изгнав князей, он проявил свой патриотизм. Пусть он на этом остановится!

*Джузеппе Гарибальди, генерал, командующий корпусом
Альпийских стрелков, 1859 г.
(Национальная библиотека. Эстампы)*

Anita Garibaldi

Miniatūra fatta eseguire da
mio Padre al Pittore Gallino
in Montevideo nel 1845

Questo posseduto dal Dr. Curato
è l'unico e vero ritratto di
M^{ra} Madre -

Ricciotti Garibaldi

Анита, супруга Гарибальди; миниатюра, выполненная в Монтевидео в 1845 г. Милан, Музей Рисорджименто¹

¹ Рукописный текст под портретом Аниты: Анита Гарибальди. Миниатюра, выполненная по заказу моего отца художником Галлино в Монтевидео. Получена мной от доктора Кураледо. Это единственный – и черный – портрет моей матери. Риччьотти Гарибальди (итал.). – Прим. перев.

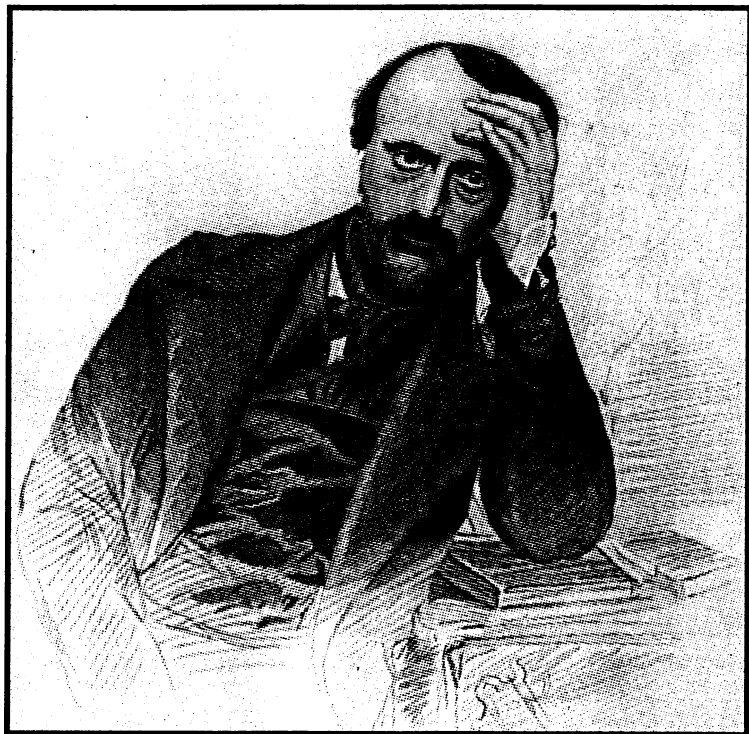
*Джузетте Гарибальди (итал.)
Гарибальди около 1855 г.
(Национальная библиотека. Эстампы)*

*Виктор Эммануил II, первый король Италии
(Национальная библиотека. Эстампы)*

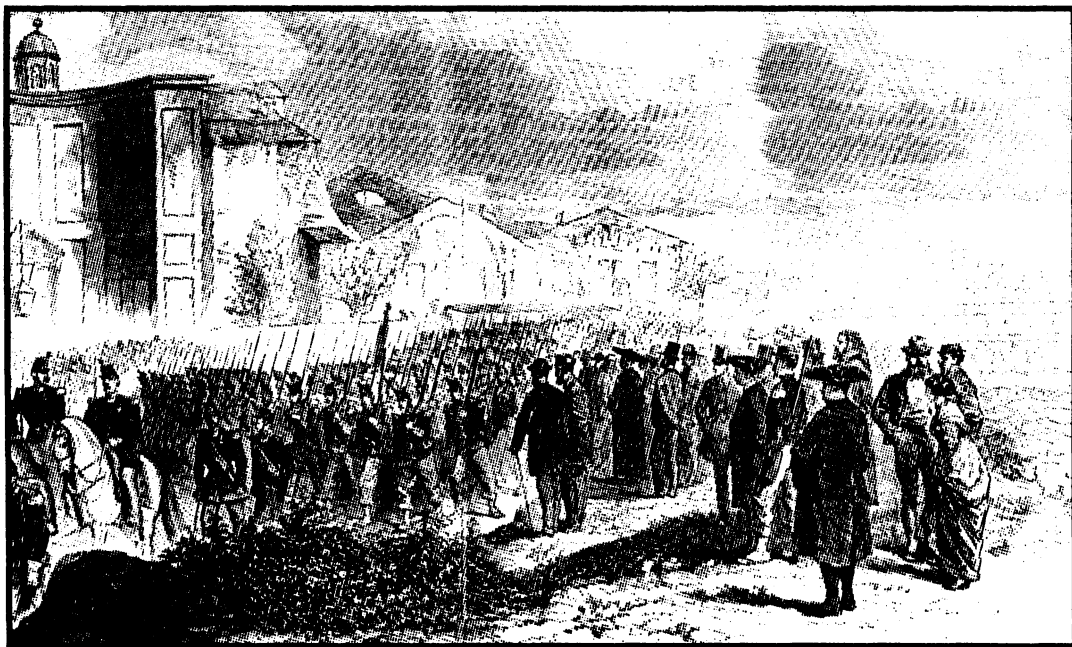

Кавур
(Национальная библиотека. Эстампы)

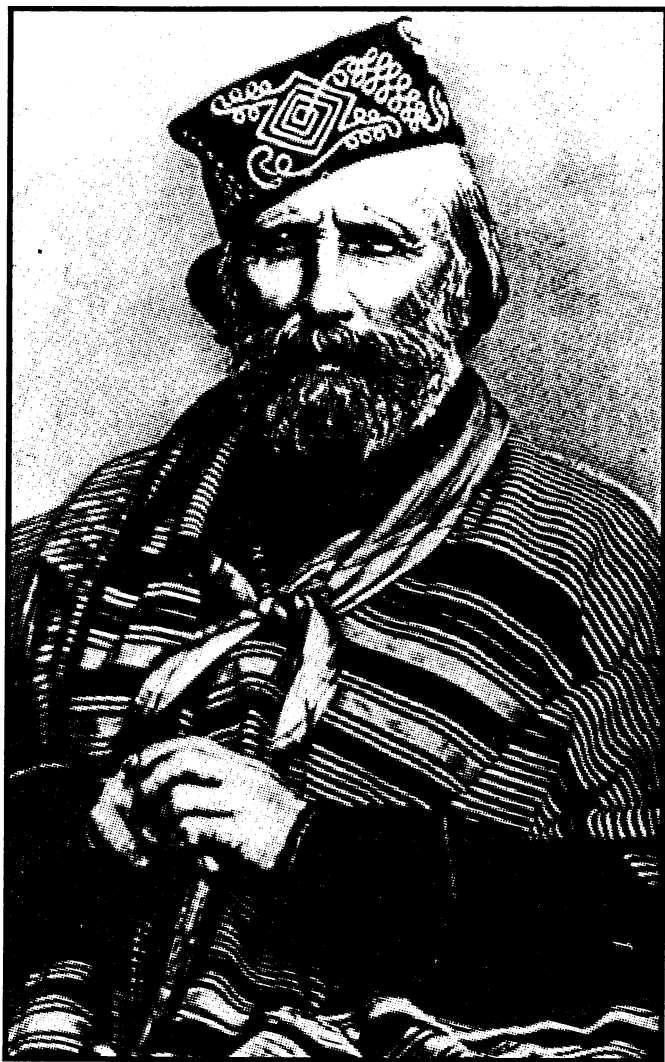

Джузеппе Мадзини
(Национальная библиотека. Эстампы)

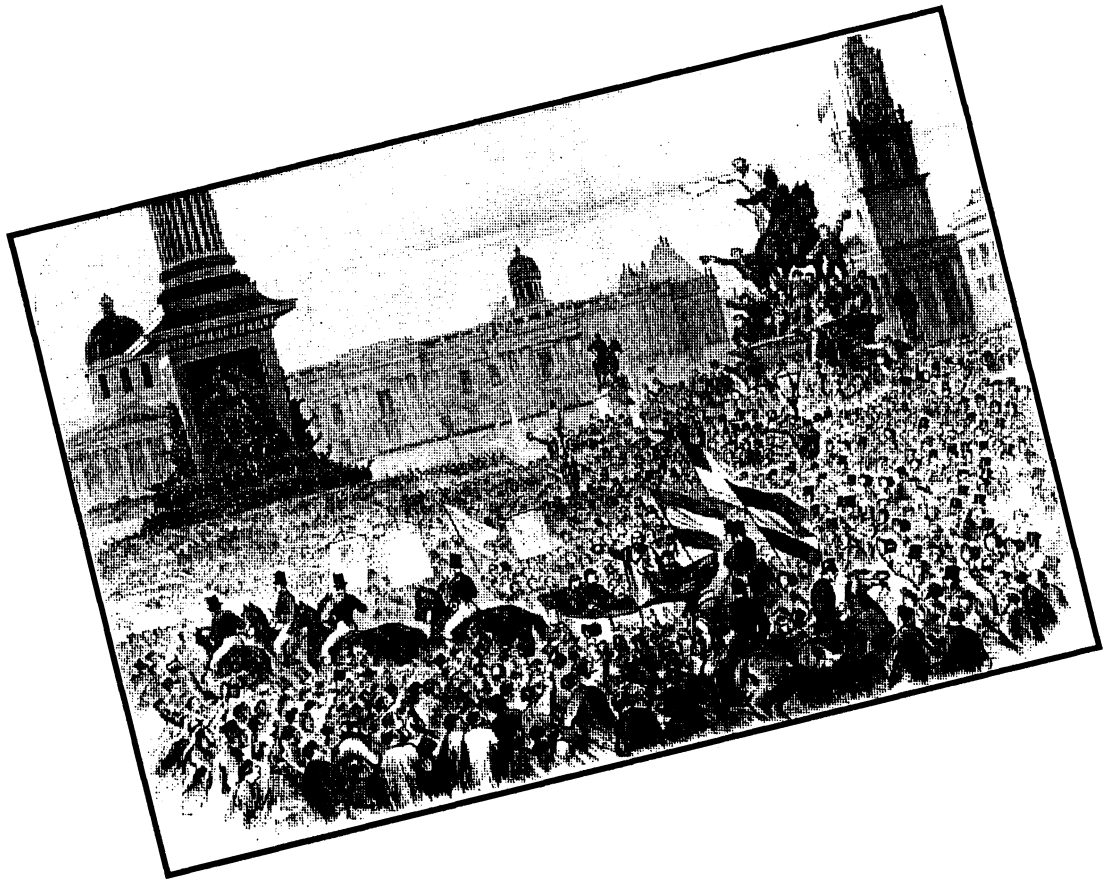
*Французские войска входят в Рим 30 октября 1867 г.
(По наброску М. Боргомайнерио)*

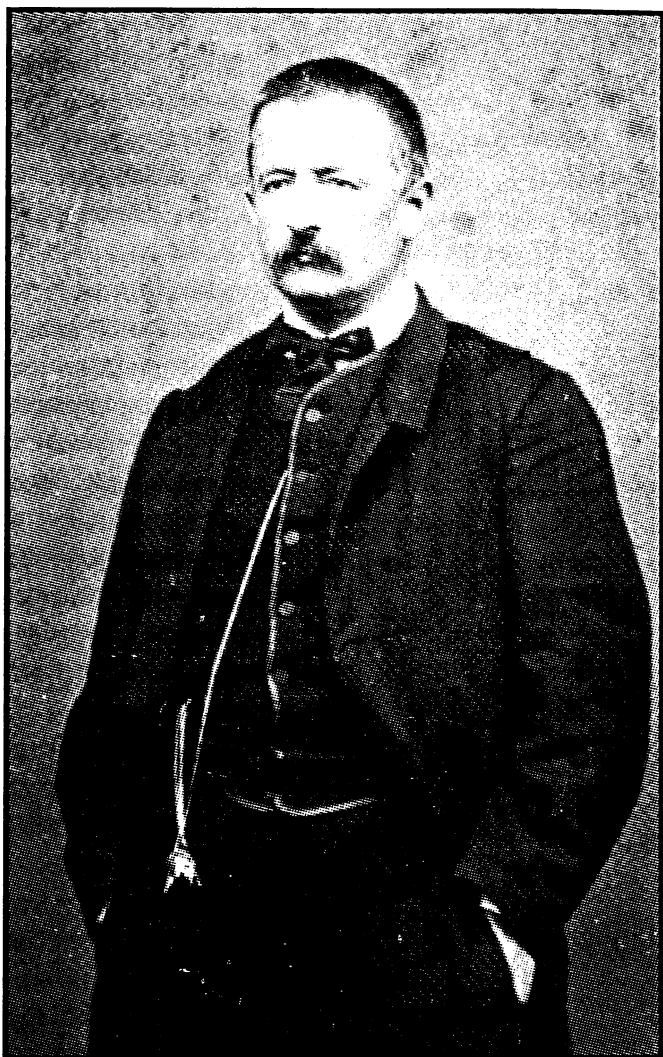

Гарibaldi около 1860 г.
(Архивы Снарк. - Кол. К. Д.)

Прием у лорда Сазерленда в Стаффорд-хаузе в честь Гарибальди

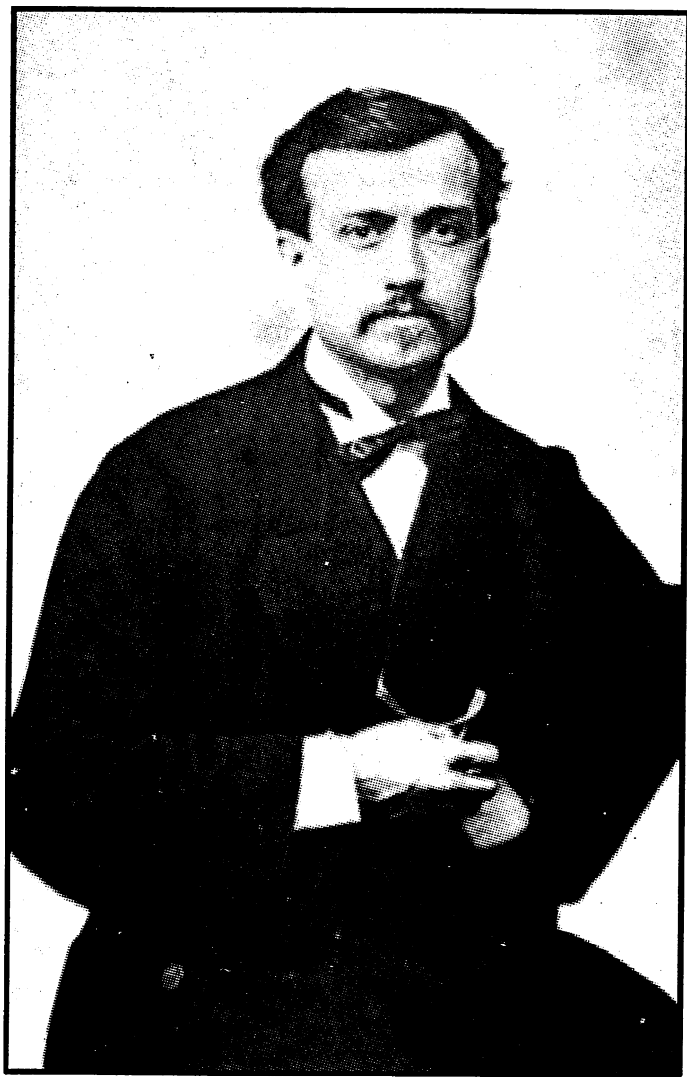

Нино Биксио¹

---

¹ Соратники (Нино Биксио, Стефано Кауро, Франческо Криспи. Три снимка из музея Рисорджименто в Милане, «Тысяча» Гарибальди». Изд. Рускони Имаджини, Милан, 1981г.)

Стефано Кауро

Франческо Криспи

Гарibaldi около 1865 г.

*Гарибальди на Капрера около 1870 г.
(Музей Рисорджименто в Милане)*

Гарibaldi в Монтесуэлло

Гарибальди держат в бездействии. «Я влачил в течение нескольких месяцев жалкое существование, почти ничего не делая в стране, где можно и нужно было столько сделать! Я готов был всему подчиниться, все принять, но ничего не происходило».

Дважды он был принят королем – 27 октября и 16 ноября 1859 года. Он польщен. Король все понимает и, давая ему понять, что наконец он начнет действовать, вручает ему золотую медаль. Гарибальди кажется, что его услышали. Король полон «добрых намерений», затем, во время второй встречи, Виктор Эммануил говорит о «требованиях внешней политики... Он считал, что мне лучше держаться в стороне».

Виктор Эммануил II по-прежнему очень любезен – ему необходимо нейтрализовать генерала с красным фуляром на шее.

Шахматная партия и в самом деле велась очень осторожно.

Париж постепенно склонялся к позиции Турина. Наполеон III допустит присоединение герцогств, если ему уступят Ниццу и Савойю: то, что было только гипотезой, подтвердилось.

В любопытной статье, опубликованной в «Иллюстрасьон», Альфонс Карр, живущий в Ницце, утверждает, что 17 сентября 1859 года французские войска, возвращавшиеся из Итальянского похода, были горячо встречены жителями города Гарибальди. В заключение он пишет о «французском характере средиземноморского города». Многие говорили о том, что Наполеон III готовил

общественное мнение к новому этапу своей итальянской политики.

«Судьба страны в руках политиков, – писал Гарибальди. – Все хотят разрешить ситуацию с помощью дипломатического сговора...» Действовать – значило бы развязать революцию, «священное дело моей страны, которое я мог бы скомпрометировать, меня удержало».

Виктор Эммануил II простился с ним, настаивая на необходимости соблюдать осторожность. И Гарибальди подчинился.

Была ли возможна другая политика, которая освободила бы народ, задавленный веками покорности и нищеты, и направила бы его к цели, преследующей не только объединение страны – «создание родины», – но и социальные задачи: аграрную реформу и республику?

Достаточно сформулировать эти предложения, бывшие осью другой политики, чтобы показать, что для осуществления такой программы не было необходимых сил.

Какие лидеры? Мадзини? К его мессианизму был примешан цинизм, отсутствие чувства реальности сочеталось с неспособностью к анализу, в частности, социальных проблем.

Народ? Но какой? Жители Юга¹? Но тогда как примирить столь различные требования ломбардцев и тосканцев?

---

¹ Север, Юг, Центр – самостоятельные области: Северная, Южная, Центральная Италия. – *Прим. перев.*

И как проводить такую политику в Европе, где главные силы – императорская Франция и Австрия Франца Иосифа?

Таким образом, игру могли вести только «политики». Но им следовало действовать шаг за шагом, чтобы противоречия их стратегии не привели к взрыву. Им необходимо было использовать народ, в то же время сдерживая его. Завоевать Центр, а назавтра – Юг, и при этом не выпустить на свободу силы, требующие радикальных преобразований. Собрать воедино, одну за другой, части итальянской головоломки, боясь того, что в любую минуту вырвавшееся из-под контроля движение, взаимное недоверие могут разрушить то, что уже было собрано.

Чтобы этого не случилось – нейтрализовать Гарибальди.

«Король пожелал, чтобы я поступил на службу в армию. Я поблагодарил, но отказался. Однако я согласился принять прекрасное охотничье ружье, которое он хотел мне подарить. Капитан Треччи из королевского генерального штаба принес мне его, когда я уже был в вагоне поезда, следующего в Геную».

Из Генуи Гарибальди отправился в Ниццу. Он провел там три дня – в конце 1859 года, еще не зная, что скоро станет «иностранцем в своем собственном городе».

Эта краткая остановка в Ницце – признак растерянности Гарибальди. История снова завладела им, выдвинула на авансцену и снова отступила,

предоставив другим играть первые роли в этой «лисий политике».

Что делать? Вернуться на Капрера, выслушивать те или другие предложения начать действия на Юге, подобные тем, которые Пизакане безуспешно пытался развязать в 1857 году? Но на этот раз есть все условия, сицилийский народ ждет. Достаточно было бы одной «искры».

В такое время тяжело жить в бездействии. Это не одна из тех пауз истории, когда реакция замораживает всякую инициативу или обрекает ее на гибель, но, напротив, время, когда все кипит и каждый день приносит новые вести. Кавур снова у власти в Турине. Французские газеты пишут, что «облик мира изменится», провинции Центральной Италии войдут в состав Пьемонта и, «возможно, Франция вступит во владение Савойей и Ниццей».

Возможно ли это?

Встревоженный Гарибальди окольными путями задает вопрос Виктору Эммануилу II. Ответ короля не оставляет сомнений: «Передайте генералу, что речь идет не только о Ницце, но также о Савойе. Скажите ему также, что если я оставляю землю моих предков, ему должно быть легче, чем мне, оставить свою, где из всей его семьи родился только он один».

Полная растерянность. Земля уходит из-под ног. За что хватиться?

Сам выбор политики, продиктованной мудростью, сделанный Гарибальди, — его желание поддержать короля, связали ему руки. Но как вынести

это бездействие, когда происходит столько событий, решающих судьбу Италии, а он в них не участвует? Его так ловко вывели из игры.

Куда броситься, чтобы доказать самому себе, что ты еще действуешь, что ты еще способен изменить жизнь... В страсть, в любовь?

В районе Комо Гарибальди увидел молодую женщину, совсем юную – восемнадцати лет... Она приехала из города, еще занятого австрийцами. Вышла из своей кареты. Живая, с той свободой движений, которая свойственна аристократам – она маркиза, лишённая предрассудков. Она бесстрашно привезла Гарибальди обращение ее города с просьбой прийти со своими войсками и выбить австрийцев.

Пятидесятидвухлетний мужчина долго не мог отвести взгляда от ее гордой осанки. И, естественно, предложил девушке свое сердце. Тридцать четыре года разницы, вновь обретенная молодость.

В январе 1860 года в том бездействии, которое его терзает, Джузеппина Раймонди – выход, доказательство того, что жизнь продолжается.

Маркиз Раймонди – гарибальдиец; он польщен тем, что станет тестем героя. Юная маркиза согласна. Гарибальди приезжает к ней в громадное фамильное поместье в Ломбардии, недалеко от Комо. Однажды, во время прогулки верхом, Гарибальди упал, повредил колено и вынужден много недель провести в постели. За ним ухаживают. И любовь не остается платонической.

24 января 1860 года в домовая церкви замка состоялось скромное венчание, в присутствии

всего двух свидетелей: правителя Комо, Лоренцо Валерио, и графа Ламбертенджи. Сияющий Гарибальди вел под руку новобрачную.

Когда он выходил из церкви, к нему подошел человек и подал письмо.

Это было анонимное письмо и в нем доказательства того, что у юной маркизы — два любовника. Один из них — офицер гарибальдийских войск, молодой лейтенант Луиджи Кароли; другой — маркиз Ровелли, кузен. И накануне свадьбы маркиза снова была близка с Ровелли. Более того, она беременна.

Скандал, разрыв.

Гарибальди тут же покидает маркизу, которую никогда больше не увидит. Но частное расторжение брака не способно разорвать законные узы. Брак Гарибальди с Джузеппиной Раймонди будет считаться действительным вплоть до 1879 года.

Он вернулся на свой остров. Охотился вместе с сыном Менотти. Разочарование было тем более горьким, что весной 1860-го История могла сделать его рану только еще глубже.

События развивались все стремительнее. Ловко лавируя, Кавур поставил Наполеона III перед свершившимся фактом.

1 марта он предложил правительствам Центральной Италии созвать избирателей, с тем чтобы 11-го того же месяца они проголосовали за присоединение своей территории к королевству Виктора Эммануила II. В тот же день, 11 марта, когда население Эмилии и Тосканы радостно направляется

к урнам, тайное соглашение уступает Франции Ниццу и Савойю при условии, что жители проголосуют «за». Договор будет обнародован 24 марта.

Итак, худшее для Гарибальди свершилось.

Он будет избран депутатом избирательной коллегии Ниццы на выборах 25-го и 27 марта, за несколько дней до плебисцита, назначенного на 15 апреля. Странная ситуация: судьба города уже решена, в то время как его жителям предложено послать депутатов в парламент Турина! Растерянность будет так велика, что среди ниццских избирателей 75% не явится к урнам, но тем не менее Гарибальди будет избран.

Он против присоединения к Франции. Для него это потрясение. Один из тех, кто брлся за объединение Италии, он вынужден согласиться на то, что его родной город будет передан другой стране.

Восторг жителей бросается в глаза, 15 апреля около семи часов вечера праздничный кортеж проезжает по улицам города. Поют гимн Франции, несут плакаты, на которых написаны цифры – «да»: 6 810 голосов, «нет»: 11.

На улицах Французской, Центральной, на площади Виктора – ныне Гарибальди – демонстрация. «Да здравствует Франция, да здравствует император!» – раздается на празднично украшенных улицах.

В самой Ницце 86% из 7 912 зарегистрированных избирателей высказались за присоединение, а в графстве – 83,84%.

В парламенте Турина, перед плебисцитом, 12 апреля Гарибальди выступил, доказывая с помощью юридических аргументов, что уступить Ниццу противоречило бы статусу королевства. Но плебисцит все-таки состоялся.

23 апреля Гарибальди сложил с себя полномочия депутата. Кого он представлял бы теперь в парламенте Турина?

Садясь в поезд, идущий в Геную, он собирается удалиться на Капрера. Осмеянный любовник и муж, патриот, оказавшийся в изоляции, он может считать, что потерпел полное поражение.

Но История полна неожиданностей. Всегда. Она не останавливается. В апреле 1860 года Италия все еще в движении.

Картина одиннадцатая

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК

(1860)

Королевство обеих Сицилий – государство, в котором царствует в течение нескольких месяцев молодой государь Франциск II, сын Фердинанда II – «иль рэ Бомба» (короля Бомбы), – Бурбона Неаполитанского, велевшего обстреливать из пушек

собственные города для поддержания в них порядка.

Юг, в котором, кажется, остановился Христос¹, прежде чем отправиться в деревни, — так велика здешняя нищета. Здесь крестьяне живут еще не в XIX столетии, здесь все застыло в неподвижности, и дворяне — «гепарды» — еще владеют тысячами гектаров под присмотром управляющих, буржуа, мелких нотаблей.

В Палермо и Неаполе, двух городах королевства, соседствуют огромное количество бедняков, плохо поддающихся контролю, более или менее продажные государственные чиновники и рантье.

Пейзажи Юга²: земли, выжженные зноем, здесь редко где уцелела трава, не съеденная стадами овец; иногда, как оазис, попадаются зеленые участки в складках между голых скал: там растут лимонные и апельсиновые деревья.

И нравы Юга: суеверие, коррупция, насилие, месть, грабеж, «мафия» или «каморра»³.

Юг — это особый мир, живущий своей жизнью, отдельно от Италии. У него своя собственная история, экономическая, социальная и политическая. Он так далек от околичностей и закулисной игры Турина или от блеска Болоньи и Флоренции!

---

¹ Нужно, конечно, перечитать «Христос остановился в Эболи» Карло Леви и посмотреть фильм, снятый по повести Франческо Роззи: два шедевра. — *Прим. авт.*

² Юг — Южная Италия, еще не присоединенная к Сардинскому королевству. — *Прим. перев.*

³ Мошгнничество, банды мошенников. — *Прим. перев.*

Сицилия сама по себе со своими серными рудниками, своими восстаниями – 1820–1821-го, 1837-го, 1848 годов – автономный мир, сверхэксплуатируемая часть Королевства обеих Сицилий, куда государи всегда посылали неаполитанских солдат – «иностранцев» – для поддержания порядка или его восстановления.

Юг, о котором итальянские патриоты думали с недоверием и надеждой.

Государственные деятели типа Кавура, бесспорно, патриоты, но озабоченные прежде всего сохранением политического равновесия и экономического развития, отдают себе отчет в том, какой «океан» проблем представляет собой Юг. Прежде всего международных: Англия представлена в этом районе своим флотом, ее очень интересует Сицилия, она будет внимательно следить за всем, что предпринимается в этом районе, – столько путей проходит через Средиземное море, что Лондон не сможет безучастно смотреть на то, как развивается ситуация в Палермо и Неаполе. И уже ее нейтралитет сам по себе – позиция.

Но это еще пустяки. Что делать с сотнями тысяч безземельных крестьян, которые наводняют всю Италию и будут мешать промышленному развитию Севера¹, размеренному и постепенному, о котором мечтает Кавур, этому взлету по английскому образцу?

Юг – это неграмотность, отсутствие капиталов. Несомненно, это земля, использованием которой

---

¹ Сввр – зд. – Северная Италия, отдельное государство. – *Прим. перев.*

должен руководить Север, «колониальное» пространство, хозяевами которого станут пьемонтцы. Но в обмен на что? Не лучше ли было бы управлять этим Королевством обеих Сицилий, влияя на него, контролируя, не получив при этом все его болезни? Кавур прекрасно сознает эту сторону «южного вопроса», чреватую гангреной, которая, начавшись на его оконечности, грозит параличом всему полуострову.

Радикально настроенные патриоты видели в Юге ведьмин котел: толпы крестьян, которых достаточно разбудить, чтобы вся Италия оказалась под угрозой социального мятежа. Вставайте, бедняки Юга¹, «Аллонзанфан»²! Но братья Бандьера или Пизакане встретили здесь только равнодушные крестьян, скорее даже враждебность. Многие революционеры были выданы крестьянами взводам неаполитанцев и расстреляны.

И однако никто уже не мог повернуть назад, так как от толчка 1859 года Юг тоже дрогнул.

Первой восстала Сицилия. Мятеж вспыхнул в Палермо 4 апреля 1860 года. Еще один? Он был подавлен, но мятежи продолжали вспыхивать в деревнях. Ждали, что будет.

Сицилийцы, например, Франческо Криспи, адвокат и журналист, приверженец Мадзини, эмигранты,

---

¹ Перефразированное начало «Интернационала»: «Вставай, проклятым клейменным...» — «*Debout, les misereux*» — «*Debout, les damnés...*» — *Прим. перев.*

² Фильм братьев Тавиани, рассказывающий о провале революционного восстания на Юге. — *Прим. авт.*

патриоты – сторонники объединения – решили воспользоваться случаем.

Криспи после перемирия в Виллафранка летом и осенью 1859 года, переодетый, обошел города Сицилии и вновь восстановил связи мадзинской конспирации. Речь шла, несомненно, всего лишь о заговоре, в который были вовлечены прежде всего горожане, образованные люди, которых было так много в Сицилии и которые в этом царстве нищеты и невежества были островками знания, наследием тысячелетней культуры. Для них – и для всех патриотов от Юга до Севера – нужно было расширить единство, даже если для того, чтобы «спуститься» из Флоренции в Неаполь, необходимо было пересечь Марки и Умбрию, находившиеся под властью понтифика, и, следовательно, бросить вызов папе. Кто знает, не удастся ли одновременно присоединить Рим к Италии, даже если с 1849 года там по-прежнему находятся французские войска и наиболее трезвым из патриотов предприятие кажется рискованным?

Мадзини в многочисленных письмах повторяет: «Чтобы сделать Юг революционным, достаточно этого захотеть». «Мы не разжигаем недовольство в народе, но мы должны использовать его с самого начала боев против прежних угнетателей... Если мы не будем действовать, мы неизбежно придем, – я говорю это с болью и уверенностью, – к гражданской войне и анархии».

Но кто будет действовать?

У Кавура сложное отношение к Югу. Он хочет вначале переварить Ломбардию и Центр. Милан и Флоренция, только что присоединенные к Турину, – вот подлинно итальянские города, где Пьемонт чувствует себя уютно. Но среди неаполитанских «ладзарони» (нищих, босяков) или сицилийских «пиччьотти» (молодых бунтарей) пьемонтцы всего лишь иностранцы.

Кроме того, Турин и поддерживающий его Париж исчерпали силу толчка: государствам нужен был отдых.

Равновесие в Европе должно восстановиться, считают Кавур и Наполеон III, после потрясений, вызванных войной весной 1859 года. Но отныне, если Турин не может – и не хочет – действовать, для патриотов настало время вырваться из-под королевской опеки, взять в свои руки руководство борьбой, которое следовало бы доверить Виктору Эммануилу и Кавуру.

«Я не требую, чтобы Пьемонт первым вышел на арену, – снова пишет Мадзини. – Мы начнем, мы». Мы?

Только один человек мог заменить своим авторитетом и своим величием пьемонтскую монархию: Гарибальди.

Он в Генуе. Он больше не депутат. Он больше не может даже на несколько дней вернуться в Ниццу, чтобы обрести мир своего детства: Ницца стала французской. Историческая победа – объединение страны, за которое он боролся и символом которого стал – обернулась для

него поражением. Умудренный горьким опытом, он больше не хочет ни во что вмешиваться. На какое-то время он уединился на Капрера.

Но когда твое имя – Гарибальди, и это имя стало знаменем, от Истории укрыться невозможно.

Его осаждают Криспи и другие сицилийцы. Например, Розолино Пило или Коррао рассказывают, что там, на острове, началось восстание. Пило уговаривает его взять на себя руководство: «Восстание в Сицилии, хорошо продуманное, повлечет за собой восстание всего полуострова. И сейчас оно более чем необходимо, если мы в самом деле хотим добиться объединения всей Италии. Отложить восстание значило бы способствовать успеху дипломатии и дать Австрии время собраться с силами и найти союзников, которых ей не хватает сегодня».

Доводы Пило верны. Но для Гарибальди особенно невыносима мысль о том, что Сицилию могут оторвать от Италии. Пило это знает. Он продолжает:

«С другой стороны, отсрочка – это как раз то, чего хочет Наполеон, чтобы посадить в Неаполе члена своей семьи [принца Мюрата]. Если мы не будем медлить, то сможем помешать постыдному торгу Ниццей и освободить несчастную Венецию... Мне нечего больше Вам сказать, генерал, как только поздравить Вас от всего сердца и пожелать Вам в Сицилии новых побед ради освобождения родины».

Если он не хочет в этом участвовать, пусть хотя бы даст восставшим оружие и фонды, которые

сумел собрать в ассоциации «Миллион ружей», созданной в 1859 году в Равенне. Гарибальди сказал тогда: «Нам не хватает оружия, друзья мои, и я предлагаю открыть в Италии подписку, чтобы получить для нас миллион ружей».

Как будто можно было попросить у Гарибальди оружия и денег, чтобы он не почувствовал, что ему самому необходимо взяться за винтовку! И все-таки он пытается противостоять этим молодым решительным людям. Он не советует начинать восстания.

Но он понимает, хотя новости из Сицилии доходят редко, что самые молодые из патриотов уже сделали свой выбор. И тогда мало-помалу он уступает.

Он остановился на вилле Спинола, в Куарто, неподалеку от Генуи. Каждый день его уговаривают руководить походом: направиться в Сицилию и там высадиться. Вилла быстро становится местом встреч не только патриотов, но и осведомителей Турина и Парижа.

Французский консул в Ливорно телеграммой извещает правительство Наполеона III, что начиная с 26 апреля Гарибальди набирает волонтеров для похода в Сицилию. Новость публикуется газетами, и ни одно из правительств не выражает протеста, как будто все решили смириться с фактом, убежденные в том, что предприятие против регулярной армии, без поддержки пьемонтских войск, обречено на провал.

Кавур, который следит за этими приготовлениями, не может ничего предпринять. Его вето, при

том что во главе похода стоит Гарибальди, уронило бы его в глазах общественного мнения.

Тогда Кавур расставляет «сети, сотканные из коварства и подлых препон», как пишет Гарибальди.

В оружии им отказывают или поставляют самое плохое. Что касается судов, то когда Гарибальди «захватил» с согласия корабельной компании Рубаттино два старых колесных парохода «Ломбардо» и «Пьемонте», на которые погрузились тысяча сто семьдесят человек (к моменту высадки в Сицилии их осталась тысяча восемьдесят девять), Кавур отдал приказ, чтобы, если они пристанут к берегу Сардинии, их арестовал королевский морской флот. Если же они будут продолжать плавание, не заходя в порт, тогда... Да будет воля Божия! Кавур умеет покоряться неизбежному; предоставив Гарибальди действовать, он готовится, если партия будет выиграна, положить выигрыш себе в карман.

Если те, кто участвует в походе, в основном республиканцы, радикально настроенные патриоты, — среди них Нино Биксио, сын Даниэля Манэна, бывший солдат Наполеона I, одиннадцатилетний мальчик и женщина (любовница Криспи), — то Кавур может считать, что в соотношении сил он сохраняет главные козыри: мощь нового королевства Пьемонта, его власть над самой богатой частью Италии, боеспособность его обстрелянной армии и поддержка, которую в случае необходимости великие державы не преминут оказать трезвой

политике государства, а не незаконным действиям какой-то тысячи людей. В общем, Кавур положился на разум – свой собственный и своих союзников. Он разделяет точку зрения Наполеона III, выраженную в письме к Виктору Эммануилу II, в котором император проповедует терпение: единство нации – это результат долгого труда, общности интересов, обычаев и привычек. Но Кавур вынужден считаться с натиском патриотических сил, который он уже использовал, но над которым весной 1860 года потерял контроль и теперь надеется вновь им овладеть.

Кроме того, он знает «умеренность» – или реализм – Гарибальди. В письме, которое он написал королю за несколько часов до своего отъезда с «Тысячью», Гарибальди решительно предстает в роли подданного, который осмелился послушаться лишь потому, что он хочет лучше служить своему государю и родине. «Сир, крик о помощи, доносящийся из Сицилии, тронул мое сердце и сердца нескольких сот моих бывших солдат. Я не советовал восставать моим братьям из Сицилии, но когда они поднялись на борьбу за объединение Италии, олицетворением которого стало Ваше Величество, на борьбу против самой гнусной тирании нашего времени, я без колебаний возглавил поход... Нашим боевым кличем будет всегда: «Да здравствует единство Италии! Да здравствует Виктор Эммануил, ее первый и самый доблестный воин... Если мы победим, я буду иметь честь украсить вашу корону новым и, быть может, самым

драгоценным украшением, однако с тем единственным условием, что Вы никогда не позволите Вашим советникам передать его иностранцам, как они это сделали с моим родным городом.

Я не сообщил о моих планах Вашему Величеству, потому что опасался, что моя великая преданность Вам заставит меня от них отказаться...»

В ночь с 5-го на 6 мая 1860 года оба парохода вышли из Генуэзского залива, приняв на борт в Куарто оружие и людей. Пришлось смириться и дать им возможность плыть на Юг.

Кавур – прагматик. В ответ на запрос английского правительства он четко сформулировал свою позицию: «Итальянская конституционная монархия должна сохранить моральную силу, которую она приобрела благодаря своему решению сделать нацию независимой. Сегодня это благодатное сокровище было бы утрачено, если бы королевское правительство помешало походу Гарибальди. Правительство короля сожалеет об этом предприятии; оно не может ему помешать, но и не помогает ему; оно не может также с ним бороться».

Люди, затеявшие это предприятие, в большинстве своем молоды. Это студенты, интеллигенция – адвокаты, журналисты, патриоты, уже сражавшиеся в рядах Альпийских стрелков. Гарибальди снова надел свою униформу: красную рубашку и белое пончо. Многие из его спутников поступили так же. Они пришли из всех областей Италии: из Сицилии или Тосканы, Пьемонта или Лигурии. Все безгранично верят своему вождю – Гарибальди.

Вооружение разношерстное. Хуже того, во время отплытия, при выходе на рейд Куарто, два контрабандистских судна с грузом оружия потерялись. Однако решено продолжать путь, несмотря на эту «неоценимую потерю». В дополнение ко всему оба парохода («Ломбардо» под командованием Биксио и «Пьемонте», где капитаном Кастилья) застряли в Таламоне, одном из портов Тосканы. Со складов по соседству с Орбетелло гарибальдийцы получили от лейтенант-полковника, командующего крепостью, снаряды, пушки и уголь.

Для диверсионных операций Гарибальди высадил в папских государствах шестьдесят человек. Затем окончательно взят курс на Юг. Необходимо миновать берега Сардинии, избегая встречи с ее флотом.

Снова море, война, борьба за родину. Гарибальди пятьдесят три года. Несмотря на болезнь, он силен, его политическому и военному опыту нет равного в Италии, может быть, в мире и, несомненно, в Европе.

Международная пресса судит об этом безошибочно. Французская пресса, за исключением протестантских газет, которых тревожит судьба папы, приветствует «героя Двух Миров»¹.

Александр Дюма, который плывал по Средиземному морю на своей яхте, направился к Сицилии, как только узнал о походе. Он начал публиковать в «Siccle»² «Мемуары» Гарибальди; «переписанные»

---

¹ «des Deux Mondes» (франц.) – Старого и Нового Света.

² «Век» – (фр.).

Дюма, они будут пользоваться широчайшим успехом. Даже «Revue des Deux Mondes»¹ пишет, что «Гарибальди как никто подходит для этого броска, или, чтобы лучше выразиться, для похода на юг Италии, потому что он один может увлечь за собой достаточное количество волонтеров, загоревшихся его огнем, воодушевленных его решимостью. Только он один способен бросить вызов растерявшейся европейской дипломатии, осуществить эту диверсию, не навлекая на себя бурю немедленных репрессий, так как его безграничная дерзость и независимость, его привязанность, столь же фамиллярная, сколь искренняя, к королю Виктору Эммануилу, воплощает в себе само итальянское единство в том, в чем оно наименее несовместимо с общим порядком, — с монархией».

Эти статьи, как и те, которые обличали королевский режим обеих Сицилий и его варварское правительство, способствовали успеху гарибальдийского предприятия, поддержанного общественным мнением. Так Виктор Гюго на острове Джерсей, где он по-прежнему живет в эмиграции, клеймит в одном из своих лучших политических текстов царствование Франциска II.

«Обратите внимание, это живая история, следовало бы сказать, кровавая.

В Неаполитанском королевстве — только одно учреждение: полиция. В каждом дистрикте есть своя «палочная комиссия». Два сбира, Ажосса и Манискало, царствуют при короле; Ажосса избивает

---

¹ «Ревю Двух Миров» — (фр.).

Неаполь, Манискало избивает Сицилию. Но палка это всего лишь турецкий способ воздействия; у этого правительства есть, кроме того, еще способ, применяемый инквизицией, — пытка. Да, пытка. Послушайте, сбир Понтилло усаживает задержанных на жаровню и зажигает под ними огонь; это называется «пламенное кресло».

Другой сбир, Луиджи Манискало, родственник начальника, изобрел прибор; в него помещают руку или ногу жертвы, поворачивают гайку, и конечность раздроблена; это называется «ангельская машина». Есть тиски, с помощью которых раздробляют пальцы рук; есть ворот, сжимающий голову [...] Иногда удается спастись; Казими́ро Оросимано бежал; его жена, сыновья и дочери были схвачены и вместо него посажены на раскаленное кресло. Рядом с мысом Зафферано есть пустынный пляж; на этот пляж сбирьы приносят мешки, в мешках люди; мешок погружают в воду и держат до тех пор, пока он перестанет шевелиться; тогда мешок вытаскивают и говорят тому, кто в нем находится: «Признавайся». Если он отказывается, его погружают снова. Так погиб Джованни Вьенна из Мессины. В Монреале старик и его дочь, беременная женщина, были раздеты донага и погибли под ударами бича.

Господа, все это сделал молодой человек двадцати лет. Молодого человека зовут Франциск II. Это происходит в стране Тиберия [...]

Необходимо было освободить этот народ; я сказал бы даже, необходимо было освободить этого короля. Это взял на себя Гарибальди [...]

Есть ли у него армия? Нет. Горсть волонтеров. Военное снаряжение? Никакого [...] Пушки? Только отбитые у врага. В чем его сила? Что приносит ему победу? Что на его стороне? Душа народа [...] Горстка его людей побеждает полки, его оружие заколдовано, пули его карабинов побеждают пушечные снаряды; с ним Революция; и, время от времени, в хаосе битвы, посреди дыма и молний, как будто он гомеровский герой, за ним видна фигура богини».

Эта речь дает представление о том, как велика популярность Гарибальди. Образы, символы, которые он вызывает, возвращают к жизни революционный дух. А во Франции еще не смолкло эхо баррикад, разгромленных императором Наполеоном III, но непокоренных.

Парижские газеты – осторожно, так как может вмешаться цензура – приглашают французов принять участие в походе или поддержать его подпиской. Задаются вопросом о шансах предприятия на успех, но вызванное им сочувствие сильнее критики.

Сам император Наполеон III, по словам Мери-ме, раздражен этой инициативой, мешающей ему отозвать из Рима французские войска, но в глубине души «любит романы и приключения», а что такое поход «Тысячи», как не приключение?

Однако людей порядка не удастся увлечь надолго: Гарибальди смутьян, и какое-то время спустя Наполеон III воскликнет: «Я очень хотел бы отделаться от Гарибальди; хоть бы он холерой заболел!»

К досаде Наполеона III, Гарибальди чувствует себя прекрасно. Даже ни одного приступа ревматизма, как будто деятельность – лучшее из лекарств. На борту «Пьемонте» он готовит свои прокламации, размышляет и ищет уединения.

Плавание проходит спокойно. У берегов Сицилии на лодках подплывают рыбаки и подтверждают, что в порту Марсала гарнизона нет, что два неаполитанских судна только что его покинули, уйдя на утреннее патрулирование, и осталось два английских корабля.

Полоса удач, которыми нужно воспользоваться.

Гарибальди человек решительный. Высадка в Марсале состоялась 11 мая – без боя. Неаполитанские суда, вернувшиеся и оказавшиеся ввиду порта, медлят открывать огонь, смущенные присутствием британских отпускников, смешавшихся с «Тысячью», и тем обстоятельством, что в Марсале много английских резидентов. Пушки начинают стрелять, но слишком поздно. И тот факт, что неаполитанцы захватили «Ломбардо» и «Пьемонте», только способствует гарибальдийскому предприятию. Остается победить или умереть: снова погрузиться на корабли невозможно.

Лондонская «Таймс» пишет 10 мая, накануне прибытия экспедиции в Марсалу: «Если Гарибальди удастся высадиться в Сицилии, несмотря на неаполитанские суда, курсирующие в ожидании его прибытия, ясно, что его имя, внушающее подлинный ужас королевским войскам, послужит мощной поддержкой восстанию... Подобное предприятие – вне

осуждения или похвалы. Было бы совершенно бесполезно судить об этом акте по правилам, применяемым к политическим действиям. Этот человек, это дело и эти события настолько необычны, что требуют особого подхода. Успех принесет Гарибальди славу генерала и государственного деятеля высочайшего ранга; поражение, разгром и гибель заставят считать его авантюристом, Дон Кихотом великого мужества, но не очень умным, сложившим голову в безнадежной флибустьерской атаке. Будущее покажет, с чем сравнивать этот поход: с высадкой Вильгельма Оранского в Англии или Мюрата в Пиццо; единственное, что не вызывает сомнений, это героическое мужество человека, ставшего во главе предприятия».

Сыграли ли англичане в исходе этой партии роль, большую, чем роль зрителей? Общественное мнение в Англии было на стороне участников похода. Два английских судна, стоявших на якоре в порту, «Бесстрашный» и «Аргус», послужили — невольно? — щитом для гарибальдийцев. Британцы были собственниками многих виноградников в Марсале, и флаг Ее Величества развевался над жилыми домами и учреждениями.

Лондон отвергал обвинения в покровительстве, оказанном Гарибальди. Но случай благоприятствовал генералу, а англичане сделали все, чтобы удача ему не изменила: для этого им было достаточно присутствовать и не вмешиваться.

Итак, 10 мая 1860 года оба судна Гарибальди вошли в порт Марсалы. «Тысяча» высадилась,

избежав снарядов, выпущенных слишком поздно «бурбонскими» кораблями.

Жители в нерешительности, напуганные горсточкой так плохо вооруженных людей. Двери белых домов заперты, особенно тех, которые принадлежат «магнатам».

Но все население в самом деле задается вопросом: эти несколько человек, ставших лагерем на улицах, совершенно не похожи на армию. Сколько дней они смогут продержаться, сражаясь с неаполитанскими полками? У сицилийцев вековой опыт мятежей и их подавления. Они осторожны.

Гарибальди тщетно обращается с воинственным призывом: «Сицилийцы, я привел к вам горсть смельчаков, откликнувшихся на героический зов Сицилии... У нас будут ружья, но сейчас достаточно любого оружия, если оно в руках смелого... Все — к оружию!» Но никто не присоединился к колонне, тронувшейся в путь 12 мая в пять часов утра.

«Тысяча» должна доказать сицилийцам, что она может побеждать.

Первый бой, решающий для похода, состоялся в Калатафими. Неаполитанские войска вышли из этого маленького городка на дорогу, ведущую в Марсалу. В этот день, 15 мая 1860 года, стояла очень теплая погода. На горизонте, возвышаясь над холмами, виднелись горы Центральной Сицилии. С вершин был виден храм Сежесты, последний уцелевший след греческого города. Дорога вилась по долине Фиуме Гагжера. Сражению предстояло развернуться здесь, в исторических

местах, среди холмов, сохранивших странные названия: Слезы Римлян.

«Тысяча» и бурбонцы сначала закрепились на высотах, затем и те, и другие в идущих волнами атаках, перешедших врукопашную, когда полководцы – Гарибальди, Биксио – уже не могли контролировать ход сражения, сошлись в бою.

Бурбонцы под командованием Сфорца, адъютанта генерала Ланди, имеют численное преимущество и хорошо вооружены современными винтовками и пушками. Перед ними «Тысяча», к которой присоединились немногочисленные крестьяне, – все они похожи на беспорядочную толпу. Но рожки сыграли «американскую диану»¹, и волна энтузиазма смела ряды неаполитанцев. «Здесь, – сказал Гарибальди, – мы создадим Италию или погибнем».

Этот бой стоил «Тысяче» тридцати двух человек убитыми и ста восьмидесяти ранеными: небольшие потери, но победа имела очень широкий отклик. Вражеская армия, и прежде сомневавшаяся в законности своих действий и военной целесообразности, вышла из Калатафими деморализованной. Она отступает до самого Палермо. Ланди смещен, его сменил Ланца. Международная пресса, внимательно следящая за гарибальдийским походом, в ужасе: банда «каких-то флибустьеров, без чинов и званий, о которой говорили с величайшим презрением, обратила в бегство многие тысячи лучших бурбонских солдат, имеющих в своем распоряжении артиллерию».

---

¹ diane (воск.) – сигнал подъема. – *Прим. перев.*

А Гарибальди, получивший титул «диктатора Сицилии», – «так как я всегда думал, что это спасительный выход в случае необходимости и во время потрясений, которые обычно испытывают народы», – немедленно поставил благодаря этой победе перед всеми европейскими правительствами и прежде всего перед Кавуром и Виктором Эммануилом проблему Юга Италии. Позволят ли ему продолжать? Да, поскольку его нельзя остановить и, если говорить о военной стороне дела, он, кажется, способен осуществить завоевание Королевства обеих Сицилий.

Но когда и как вмешаться, чтобы помешать ему и его окружению сохранить политическую инициативу, отвлечь национальный порыв от Пьемонтской монархии, чтобы поставить его – разве Криспи и столько людей, служащих ему советниками, не сторонники Мадзини? – на службу Республике?

Но главным результатом победы при Калатафими было пламя, охватившее всю Сицилию.

За несколько часов новость распространилась от деревни к деревне, на этих каменистых холмах, где они жмутся друг к другу, что ненавистный Бурбон разбит. На вершинах зажигают огни, чтобы передать известие. Сбегаются пастухи. Рассказ обрастает подробностями, становится легендой, обогащенный всеми пережитыми унижениями и несбывшимися надеждами. Берут приступом мелкие гарнизоны неаполитанцев, убивают солдат. Повсюду засады. Гарибальди превратили не только в освободителя от неаполитанской опеки, но

также и от крупных владельцев латифундий и их управляющих. И «пиччьотти», присоединившиеся к «Тысяче», воображают, что началась социальная война, которая положит конец несправедливости и отдаст земли крестьянам.

И с этого времени начинается победный марш от Калатафими до Палермо, так как энтузиазм крестьян, сицилийское восстание внушают страх бурбонской армии. Они ведут себя, как войска, оказавшиеся в изоляции в крестьянской враждебной стране. Они убивают, грабят и жгут деревни, вызывая новые взрывы гнева, усиливая волну ненависти, которая вскоре накроет их с головой.

В маленьких городах – Алькамо, Партинико – «Тысячу» встречали с энтузиазмом. Подчеркивая героизм своих солдат, Гарибальди говорит о том, какое несчастье – сражаться против «итальянских солдат». Что касается местного населения, оно убивает бурбонских солдат «столько, сколько сможет».

«Какое ужасное зрелище! Мы находили на улицах трупы бурбонских солдат, съеденные собаками! Это были трупы итальянцев, убитых итальянцами: если бы они были свободными гражданами, они служили бы делу своей угнетенной родины, вместо этого из-за ненависти, спровоцированной их продажными хозяевами, они уничтожены, разорваны на куски собственными братьями с жестокостью, способной привести в ужас гиен!»

Изувеченные трупы, солдаты, сожженные в печах: тысячелетиями угнетаемые, задавленные

нищетою, крестьяне дали выход ненависти и насилию, опережающих колонну Гарибальди, идущую к Палермо.

Гарибальди проявил себя, как тонкий стратег, деля свои войска на две группы, умело используя присоединившиеся к нему банды, особенности рельефа, дождь и густой туман, позволяющий маскировать маневры. Он использовал приманку – маленькую колонну, чтобы увести врага от Палермо, и дошел, таким образом, до Мизилмери, затем Гибилросса, недалеко от сицилийской столицы. Враг устремился к Корлеоне, в глубь Сицилии, преследуя гарибальдийский обоз. Приманка великолепно сыграла свою роль.

Но нужно было принять решение: Палермо, столица острова, была прекрасно защищена. Генерал Ланца располагал там, по крайней мере, двадцатью тысячами солдат. Гарибальди, несмотря на присоединившихся к нему сицилийцев, мог использовать для штурма всего несколько тысяч человек. Но падение Палермо в кратчайший срок положило бы конец власти Бурбонов над всей Сицилией. Следовательно, необходимо было атаковать город.

26 мая, приняв у себя в лагере многочисленных иностранцев – англичан и американцев, которые явно проявляют симпатию, предлагая оружие, Гарибальди во главе трех тысяч человек спускается по узкой тропинке от Джибилросса к главной дороге, ведущей к Порта Термини.

Через несколько часов после жестоких боев «Тысяча» входит в город, сметая баррикады, сооруженные солдатами генерала Ланца.

Открываются окна, жители Палермо приветствуют гарибальдийцев. Центр столицы взят. Но враг еще не побежден. Ланца собрал своих людей в крепости Кастелламаре, в его руках Палаццо Реале. Его пушки простреливают улицы. А из порта, где они стоят на якоре, неаполитанские суда бомбардируют город.

Бой за Палермо начался.

Город имеет форму прямоугольника, с широким променадом вдоль берега моря. С приходом Гарибальди началось настоящее восстание.

Бьют в набат. Женщины, дети, священники, францисканцы и, конечно, вся мужская часть населения, молодые горожане, патриоты вместе с пиччьоти — все строят баррикады. Повторяются сцены, знакомые всем восставшим городам: женщины бросают из окон стулья и матрацы, чтобы создать заграждения.

Перед лицом населения, освободившегося от страха, генерал Ланца и начальник палермской полиции Манискалько могут только попытаться терроризировать город.

Артиллерийские орудия форта Кастелламаре начали обстрел городских кварталов, но когда через равные промежутки времени стали падать люди, все население города сплотилось вокруг Гарибальди. В ночь на 27-е, под продолжающимся обстрелом, город освещен не только огнем пожара: это жители на свой лад, бросив вызов властям, приветствуют приход Гарибальди.

Поражает слепота последних. Сознают ли они, как велика опасность? Много раз власти заявляли,

что они владеют ситуацией, что Гарибальди разбит. После многих часов сражения гарибальдийцам в самом деле не хватает боеприпасов, несмотря на то, что фабрики работают днем и ночью, изготавливая патроны.

Однако мало-помалу генералом Ланца, потерявшим всякую возможность связаться со своими войсками, окруженными в разных частях города, овладевает беспокойство. Тогда он предлагает двадцатичетырехчасовое перемирие. «Видит Бог, оно было нам необходимо, — пишет Гарибальди, — ведь нам приходилось изготавливать порох и патроны, которые сразу же шли в дело».

Правда и то, что Гарибальди не получил никакой помощи оружием или боеприпасами от итальянских кораблей, — а среди них был военный фрегат, — стоявших на якоре в порту и на рейде. Кавур наблюдает, предоставляя противникам показать, на чьей стороне окажется окончательный перевес сил.

Дни и часы, решающие для Гарибальди и его сторонников. Он проявил мужество, выдержку, способность принимать решения, даже непримиримость, несмотря на то, что в глубине души его грызла тревога.

Переговоры с адмиралом Манди проходили на борту английского судна «Ганнибал», стоявшего на рейде Палермо.

Перемена ситуации свидетельствует и о том, какое место теперь занимает Гарибальди на политической и военной шахматной доске: «Командир

«Тысячи», слывший до сих пор флибустьером, вдруг стал Превосходительством», – констатирует Гарибальди.

Бесспорно, в ходе всего сражения, несмотря на неуверенность, связанную с неравенством сил, возможностью подкрепления, которое мог получить генерал Ланца – и он его получил, – необходимостью сделать трудный выбор: продолжать защищать город или вернуться в деревню, – Гарибальди проявил волю и профессионализм. Он твердо решил не оставлять Палермо на разграбление «остервенелой солдатне». Следовательно, он обязан был победить.

К счастью, Ланца деморализован, колеблется, чувствует, что в сложившихся условиях он не в состоянии удержать контроль над столицей: восстание в Палермо – свидетельство мятежа, охватившего весь остров. Он знает о ненависти сицилийцев к своим войскам. Он просит продлить передышку, а каждый час, прошедший без боев, улучшает положение гарибальдийцев.

Множится число баррикад. Растет число их защитников. «Нельзя безнаказанно не считаться с народом, решившимся бороться до конца», – пишет Гарибальди.

Ланца остается капитулировать, получив для своих войск право вновь сесть на неаполитанские корабли. Ненависть палермцев к бурбонским солдатам так велика, что «красным рубашкам» приходится взять на себя их защиту.

Понадобилось почти тринадцать дней (эвакуация началась 19 июня 1860-го), чтобы «двадцать

тысяч солдат деспотизма» смогли сесть на корабли. Весь остров охвачен воодушевлением. Последний, очень жестокий бой у Милаццо, затем капитуляция Мессины, — и в конце июля 1860 года весь остров в руках Гарибальди, диктатора Сицилии.

Стоит ему переправиться через пролив шириной всего в несколько километров, и он уже на полуострове и сможет двинуться на Неаполь, Рим — кто знает?

Итак, впервые Гарибальди оказался во главе настоящего государства: Сицилии. Испытание властью показательно для человека. Оно обнажает все его слабости. Но Гарибальди остался все тем же, простым и скромным. В Палаццо Реале он занимает всего лишь три комнаты.

Весь мир приветствует его, как героя «фантастического приключения» (Виктор Гюго). Отовсюду стекаются иностранцы, чтобы вступить в его армию. Одни принадлежат к еще угнетаемым народам (венгры, поляки), другие — республиканцы (французы, например, Флотт, офицер, или Бурдон, врач, его мать итальянка, и он возьмет фамилию Бордоне). Много любопытных и искателей приключений. Писатель Максим дю Камп оказывается рядом с Александром Дюма, чья белоснежная яхта стоит на рейде Палермо. На ее борту шьют красные рубашки для волонтеров, и Дюма, в сопровождении очень молодой женщины (шестнадцати лет), живет, как в «романе», встречается с Гарибальди, отдает себя в его распоряжение, делает

заметки, готовит повесть, которую опубликует под названием «Гарибальдийцы».

Французский дипломат Анри д'Идевилль, занимающий пост в Турине, смог оценить несколькими неделями ранее энтузиазм и решимость Дюма. Он рассказывает:

«Весь город в то же утро узнал о его приезде; на другой день у маркизы Альфиери меня спрашивали о моем соотечественнике. Маркиза меня тотчас же попросила отправиться к Дюма и просить его от ее имени, если ему это будет приятно, провести у нее вечер, — он встретится там с графом Кавуром, многими политическими деятелями и учеными.

Дюма великолепно принял меня, но отклонил приглашение племянницы господина Кавура.

«Передайте мою благодарность маркизе Альфиери, я сожалею, но не могу его принять. [...] И вот почему: через двадцать четыре часа я уеду из Турина, сяду в Генуе на корабль и через три дня буду у Гарибальди. Я с ним не знаком, но написал ему. Он меня ждет. Этот человек — герой, искатель приключений с возвышенной душой, готовый персонаж романа. С ним, о нем я хочу что-нибудь написать. А что вы хотите, чтобы я делал с Кавуром? Кавур — великий государственный деятель, безупречный дипломат, это талантливый человек. Он умнее Гарибальди, разве я этого не знаю? Но он-то не носит красной рубашки! На нем черный фрак, белый галстук, как у адвоката или дипломата. Я увижусь с ним, поговорю и, как это

уже столько раз бывало с другими, попаду под влияние его ума и здравого смысла. И прощай, мое прекрасное путешествие! Мой Гарибальди будет испорчен. Поэтому я ни за что не хочу видеть вашего председателя совета. Я человек искусства и меня привлекает только Гарибальди».

Это увлечение – в Париже, Лондоне, по всей Италии, конечно, и даже в Соединенных Штатах – не вскружило голову Гарибальди. Палермо и Сицилия для него всего лишь этап. Остается Неаполь, Рим и объединение всей Италии. Так, например, он отказывается издать декрет о присоединении Сицилии к королевству Виктора Эммануила II:

«Я пришел сражаться за Италию, а не ради одной только Сицилии. Но если Италия не будет полностью объединена и свободна, ни одна из ее областей никогда не добьется победы. Цель моего предприятия связать в единый пучок все разорванные и поработанные части».

Эта бескомпромиссная позиция тревожит Кавура.

Пауза, которую Гарибальди вынужден сделать перед тем, как решиться переплыть Мессинский пролив, используется всеми европейскими государствами для переговоров.

Из Неаполя Франциск II, чтобы спасти то, что у него осталось, призывает Наполеона III и Лондон все хорошо взвесить. Но как – после того как столько говорилось о праве народов на самоопределение – запретить подданным Королевства обеих Сицилий стать гражданами Итальянского королевства? Наполеон III в конце концов скажет:

«Я хочу, чтобы Италия успокоилась, все равно, каким образом, но без иностранного вмешательства». А из Лондона ему вторит голос Джона Рассела: «Нам остается только присутствовать в качестве зрителей разыгравшейся в данный момент драмы».

Остается Кавур, которого по-прежнему тревожат намерения Гарибальди и его окружения. Он старается ввести в число советников генерала своих людей (Ла Фарина). Он посылает к нему Медичи с несколькими тысячами солдат. Он поверяет в письме одной из своих близких знакомых: «Если я на этот раз выпутаюсь, то постараюсь сделать все, чтобы больше не попадаться. Я, как матрос, который среди волн, поднятых штормом, клянется и дает обет никогда больше не подвергаться опасности, которую таит в себе море».

Но он прекрасно чувствует, что у него нет возможности помешать Гарибальди пойти еще дальше, переплыть Мессинский пролив. Тем более, что Виктор Эммануил разыгрывает свою собственную партию, предлагая Гарибальди не следовать советам, которые он сам «официально» так щедро ему дает, и не повиноваться. В результате на письмо короля, требующее «отказаться от идеи перейти на неаполитанский континент», Гарибальди 27 июля отвечает:

«Сир, мне очень трудно не повиноваться Вам, как я бы этого хотел. Сложившаяся сейчас в Италии ситуация не позволяет мне медлить: меня призывает народ. Я не исполнил бы моего долга

и скомпрометировал бы дело Италии, если бы не прислушался к его голосу. Когда я освобожу население от гнета, я сложу свой меч к Вашим ногам, и с той минуты буду повиноваться Вам до конца моих дней».

Итак, Гарибальди занят только одним: объединением нации и борьбой за родину. Форма правления, которая будет в Италии – республика или монархия, – и большая или меньшая социальная направленность проводимой политики кажутся ему делом второстепенным. Обещание безоговорочно подчиниться королю ясно об этом говорит.

Может быть, Гарибальди раз и навсегда решил, что Италия не готова для республики и что, следовательно, ему нужно было довольствоваться борьбой за ее объединение. Но он мог хотя бы не делить свою славу с Виктором Эммануилом, превратив, таким образом, короля в «невиннейшего» из монархов, в человека, достойного уважения, но следующего плохим советам Кавура и генералов, всех тех, кого Гарибальди ненавидит и называет «холодными, расчетливыми господами из туринского министерства».

Как самый неискушенный из итальянцев, Гарибальди представляет себе доброго короля, окруженного злыми министрами...

Эта политическая ограниченность Гарибальди – результат его искренности и наивности – мешает ему использовать возможности мятежа, вызванного к жизни его походом на всем Юге Италии.

С приходом красных гарибальдийских рубашек сицилийские крестьяне вообразили, что их жизнь изменится. Для них Гарибальди своего рода Мессия, которому целуют руки. Первые решения временного правительства, такие как отмена налога на муку, декрет от 2 июня, предусматривающий раздел общинных земель, подтверждают эти надежды. То здесь, то там банды крестьян учиняют самосуд, начинают делить земли богатых помещиков.

Но в Сицилии, так же как недавно во время других революций, французской, например, крестьянская проблема стоит очень остро, и Гарибальди разрешает ее самым жестоким и консервативным способом.

Стремясь предотвратить мятеж деревень и сохранить поддержку правящих кругов, он подавляет огонь жакерий. Так, например, в герцогстве Бронте, у подножия Этны, в огромном поместье, управляющий которого был благосклонно настроен к гарибальдийцам, крестьяне, во главе с адвокатом революционером Никола Ломбардо 4 августа захватили владение и убили управляющего и всех его помощников. Порядок восстановила колонна гарибальдийцев, которой командовал Нино Биксио. Ломбардо и четверо его сообщников были приговорены к смерти и расстреляны.

Урок ясен всем крестьянам: в Сицилии изменится только знамя.

С этого времени число волонтеров, вступающих в войска Гарибальди, заметно уменьшается,

и, главное, то здесь, то там вспыхивают очаги мятежа. В сентябре в Ирпинии произошло всеобщее восстание крестьян. Еще одному полку гарибальдийцев под командованием венгра Турра пришлось восстановить порядок в области; было уничтожено более ста сорока либералов.

Разочарование крестьян и их бунты возвещают о рождении «южного разбоя», который на протяжении многих лет будет заливать кровью весь Юг.

Можно ли было возглавить эту зарождающуюся социальную войну, которую Гарибальди пытался задушить репрессиями, или хотя бы использовать ее силу, чтобы повернуть Итальянское государство к реальному решению крестьянского вопроса? Нельзя ли было сразу же после освобождения Сицилии, опираясь на крестьян, принудить власти к переделу земель?

Но в этом направлении не было сделано ничего. Разочарование крестьянских масс было так же велико, как их иллюзии. Но Гарибальди не успокоил этим имущие классы. Сколько бы этот генерал в красной рубашке ни расстреливал крестьян, он все равно внушает опасения. Его республиканское окружение вызывает тревогу.

Таким образом, в Сицилии все те, кто дрожит за свои богатства и мечтает сохранить прежний социальный порядок, поворачиваются к Кавуру и Виктору Эммануилу II. Вот представители подлинного государства. Пьемонтская армия и ее карабинеры — истинные гаранты порядка.

Эти нотабли Юга проголосуют «за», как только им предложат войти в состав Пьемонта.

Что касается Гарибальди, для него лучше всего будет повиноваться королю, так как он лишил себя всякой возможности оказывать какое бы то ни было давление на монархию. Этот человек, которого представляют «флибустьером», революционером, чьи действия носят характер мятежа, умеет также (реализм или робость?) быть человеком порядка.

Гарибальди принадлежит своему времени. Конечно, Пизакане, а до него в Италии Буанорротти и столько других революционеров, более скромных, забытых или оставшихся неизвестными, слившихся с борьбой народа, имели более полное видение социальной действительности и вели себя по отношению к монархии более непримиримо, так что министрам короля не приходилось возносить им хвалу, а позднее воздвигать в их честь статуи.

Гарибальди избрал не эту политическую линию: он был и хотел быть патриотом, героем национального объединения, и в этом плане никто не может оспаривать его силу, реализм и действенность. Так же, как его нельзя упрекнуть в отсутствии проницательности.

Для достижения цели, которую он перед собой поставил, он действует даже вопреки пожеланиям монархии, сохраняя полную независимость. Он умеет реально оценивать препятствия, видит, когда они непреодолимы. Ради национальной независимости он готов к любому неповиновению. Остальное — социальная борьба крестьян Юга — не его

дело. Его можно в этом упрекнуть. Измерить всю глубину вреда, который занятая им позиция принесла Италии. Но Гарибальди четко определил свой выбор.

Что касается других пунктов его «национальной» программы, он не отступает ни в чем: так он решается переправиться из Сицилии на континент и идти на Неаполь.

Предприятие рискованное – все зависит от неаполитанских и особенно французских кораблей, которые могли бы, если бы Наполеон III этого пожелал, заблокировать Мессинский пролив. Но император ограничился тем, что просил корабли своей эскадры защищать на рейде Неаполя французских подданных. И так как Кавур не может противиться его действиям, у Гарибальди развязаны руки. При том, в каком состоянии разложения находится неаполитанская армия, это значит подарить ему победу.

Пролив преодолен в ночь с 19-го на 20 августа 1860 года. Гарибальди умело выбрал маршрут, проходящий много южнее Таормина – в Мелитоди Порто-Сальво. Единственным препятствием было качество собственных судов. Но Гарибальди знаток своего дела. Он умеет заделывать течь навозом и соломой и благополучно проводит свои суда от острова до континента.

Затем начинается переход через Калабрию. Форты сдаются вместе с гарнизонами и оружием. Поход превращается в «блестящий триумф».

«Мы шли вперед, – рассказывает Гарибальди, – посреди воинственно настроенного и восторженного

населения, значительная часть которого была вооружена и готова бороться против бурбонского угнетателя».

Многие из восставших, как и сицилийские крестьяне, надеялись, что социальному неравенству будет положен конец. В данный момент они были вовлечены в национальную борьбу. Когда наступит разочарование, — а это случится быстро, — они повернут свои ружья против новых солдат порядка: пьемонтцев. И превратятся в преследуемых разбойников. Но иллюзия пока еще жива.

И, следовательно, гарибальдийские войска пользуются их поддержкой. Стоит конец августа. Гарибальди, считая, что Неаполь готов пасть, опережает свои войска.

Он проезжает часть пути, отделяющую его от столицы Королевства обеих Сицилий, в карете, окруженный друзьями, журналистами и иностранцами. Это уже победителя, а не генерала, которому предстоит начать сражение, приветствуют жители деревень, через которые он проезжает.

В Неаполе государство доживает свои последние минуты.

Последняя попытка Франциска II добиться от великих держав объявления города нейтральной зоной провалилась. Его министры торопятся поскорее перейти в другой лагерь. Сам министр внутренних дел Либерио Романо убедил Франциска II покинуть город и укрыться в Гаэтэ.

Александр Дюма, прибывший на своей яхте уже 23 августа, встречается с министром и, по слухам,

убеждает его подготовить встречу Гарибальди в Неаполе.

Тем временем тот прибыл в Салерно, где 5 сентября узнал, что на стенах в Неаполе расклеены листовки, сообщающие об отъезде Франциска II в Гаэтэ. Мэр города, командующий Национальной гвардией, министр внутренних дел телеграммой приглашают Гарибальди как можно скорее войти в город. Он — «непобедимый диктатор», «искупитель Италии». Кроме своей собственной судьбы, власти обеспокоены прежде всего судьбой города, где столько «лаццарони» только и ждут, чтобы ослабел контроль. Вступление Гарибальди в Неаполь, как только король покинет его со своими войсками, гарантия порядка.

Пусть он приходит и поскорее — таково единодушное желание всех, кто боится беспорядков.

Гарибальди прибыл в Неаполь поездом 7 сентября 1860 года. Бурбонские войска взяли на караул. Его восторженно встречает толпа.

В самом деле, прекрасная сцена: юнга, ставший генералом, некогда приговоренный к смерти, изгнанник и флибустьер, проезжает через город в карете и устраивается в королевском дворце (он займет там самые скромные апартаменты). Один из его первых поступков — воздание почестей (это им-то, франкмасоном!) в Сан Дженнаро¹ и присутствие при чуде «разжижения крови» в соборе и на торжественном богослужении «Te Deum»².

---

¹ Кафедральный собор в Неаполе. — *Прим. перев.*

² «Тебе, Господи...» — начало католической молитвы. — *Прим. перев.*

Гарибальди стал государственным деятелем. В течение несколько недель он в самом деле «диктатор», правящий на месте (и вместо) Франциска II Королевством обеих Сицилий.

Он предпринимает реформаторские меры: обязательное народное обучение, выплата пособия беднейшим. Он назначает Александра Дюма директором Национального музея, смотрителем искусств и раскопок Помпеи.

Эти меры беспокоят часть населения, которое после праздничных вечеров вновь столкнулось с привычными трудностями жизни.

Что изменилось? Неаполитанцев приглашают вступать в ряды гарибальдийских войск, вошедших в город много позднее их полководца. К «Тысяче» присоединится всего несколько десятков молодых людей – доказательство скептицизма населения, задавленного нищетой и развитием событий, на которое оно чаще всего не могло повлиять.

Кроме этой реальности Гарибальди пришлось противостоять интригам людей Кавура.

Он их предвидел. Они хотели его опередить, спровоцировать восстание в Неаполе и осуществить без него присоединение города к Пьемонту. Партия Кавура тем сильнее, что ее поддерживают слои крупных собственников, которым, как это было в Сицилии, Гарибальди, несмотря на всю его умеренность, не внушал доверия.

Он, чьей ставкой в игре была верность монархии, он, отдавший неаполитанский флот – а мог ли

он поступить иначе? – военно-морскому флоту Сардинии, чувствует, что его хотят одурачить с помощью всех этих уловок, цель которых – его парализовать.

Посланники Кавура прежде всего сами разочарованы ситуацией, сложившейся в Неаполе. Им непонятен этот Юг, так резко отличающийся от Пьемонта. Маркиз де Вилламарины так пишет Кавуру 7 сентября, в день приезда Гарибальди в Неаполь: «На улицах несколько человек из народа, но массы пребывают в недостойной апатии... Ни воли, ни достоинства, ни мужества... Наряду с честными патриотами и либералами собираются люди, способные совершить любое преступление, субъекты с бурной репутацией, скрывающиеся от правосудия, или беглые каторжники, которые ради того, чтобы другие забыли о совершенных ими злодеяниях или ради того, чтобы добиться доверия и богатства, или даже ради осуществления личной мести, вносят свой вклад в политические потрясения, при которых рождается новый порядок».

А Гарибальди пишет: «Несколько дней, проведенных в этом городе, вызвали у меня скорее отвращение, в частности из-за интриг так называемых защитников монархии...»

В Неаполь прибыл Мадзини. Он советует идти на Север, к Риму. Но остается еще Франциск II, ставший лагерем в Гаэтэ с армией в пятьдесят тысяч человек. Гарибальди хочет выполнить свою миссию до конца: уничтожить эту монархию, сломив ее военную силу. Итак, он двинет свои

войска к реке Вольтурно. Там, в Джайаццо, в отсутствие Гарибальди, вынужденного отправиться в Палермо, его войска были разбиты бурбонскими солдатами.

В то же время крестьяне, спровоцированные епископом из Изернии, при поддержке войск Франциска II подняли восстание. Его нужно было подавить.

Итак, война не закончена: она снова противопоставит итальянцев во главе с молодым королем Франциском II, отец которого был одним из самых жестоких монархов во всей Италии, другим итальянцам, «защищающим священное дело своей страны».

Последний бой, но жестокий, так как среди гарибальдийцев будет более трехсот убитых и три тысячи двадцать восемь раненых. Речь идет не о фиктивной войне, а о подлинном конфликте, столкнувшем отжившую политическую структуру с новым режимом, который отнюдь не будет гарибальдийским.

Гарибальди, который не имеет возможности создать свое собственное государство и никогда к этому не стремился, открывает это постепенно, по мере того, как обнаруживает происки Кавура.

В Турине правительство не бездействовало. Раз было невозможно помешать победам Гарибальди и опередить его в Неаполе, раз в этом скрытом соперничестве Гарибальди с Кавуром столько сражений было проиграно — необходимо было выиграть войну.

Кавуру известны планы Гарибальди: тот открыл их английскому послу как только прибыл в Неаполь. На расспросы сэра Генри Эллиота он ответил с полной определенностью: «Мои намерения ясны и справедливы: я собираюсь дойти до Рима. Когда мы овладеем этим городом, я преподнесу Виктору Эммануилу корону объединенной Италии. Освобождение Венеции будет его заботой... Рим — итальянский город... Каковы бы ни были препятствия, даже если возникнет угроза потерять все, что я выиграл, меня ничто не остановит. У меня нет другого пути, кроме Рима: объединение Италии должно завершиться».

Но как раз этого Кавур не может допустить. В Риме стоит французский гарнизон, и Наполеон III, при всем понимании ситуации, будет защищать папу. А Турин совершенно не хочет конфликта с императором.

Следовательно, с ним нужно начать переговоры. Можно разыграть прекрасную партию. Рим оставят папе, город защитят от Гарибальди, этого сторонника войны до победного конца. Но за оказанную ему услугу Наполеону III придется заплатить.

И этой платой будут папские государства, которые перейдут в пьемонтский кошель. Войска через Марки и Омбрию направятся к Неаполю. Они сомнут папских солдат, которыми командует французский генерал Ламорисьер, но они не тронут Рима и положат конец владычеству над Неаполем и Сицилией этого флибустьера Гарибальди.

Император в тупике. Чтобы выйти из него, он вынужден принять в Шамбери 28 августа 1860 года посланцев Кавура.

Переговоры были короткими. Наполеон III сказал Ла Фарина, министру внутренних дел Кавура, и генералу Чалдини, который должен командовать войсками: «Действуйте, но действуйте быстро».

Наполеон III сообщил телеграммой своему министру иностранных дел: «Господин Фарин говорил со мной очень откровенно. Вот его цель и цель господина Кавура: овладеть движением, сохранить для папы наследие Святого Петра, помешать какому бы то ни было нападению на Венецию, все еще остающуюся в руках Австрии...»

И когда итальянские войска пойдут на Неаполь, император выскажется еще яснее: «Я хочу угрожать, но не действовать».

18 сентября папские войска Ламорисьера разбиты в Кастельфидардо, сардинские войска овладели Анконой и Перузой. Они вошли в Неаполитанское королевство. Вся центральная Италия, за исключением Рима, попала под власть Виктора Эммануила II.

Кавур выиграл. Он сумел в последний момент завладеть плодами, сорванными Гарибальди.

Гарибальди полон горечи. Но связан своими собственными обещаниями, своей политической линией – верностью Виктору Эммануилу II, своей наивностью.

Он написал 11 сентября письмо королю с просьбой отстранить Кавура, но тот уже 8 сентября

добился от Виктора Эммануила II полной поддержки своей политики.

Для Гарибальди, обратившегося к своим солдатам с воинственным воззванием: «К оружию, мужественные воины полуострова, к оружию...», призывая их готовиться к борьбе за овладение Римом, – это поражение. Италия не будет объединена полностью. Не только Венеция останется в руках австрийцев, но и Рим – в руках папы. Объединение Италии решается путем дипломатических компромиссов, и поход «Тысячи» – единственная инициатива, вырвавшаяся из-под контроля Кавура, иными словами, государства.

Но неравенство между Кавуром и Гарибальди, между силами, которыми каждый из них располагает, степенью их политической гибкости так велико, что отныне Кавур может полностью воспользоваться плодами гарибальдийского похода.

Сардинские войска с королем Виктором Эммануилом II во главе первыми вошли в Капую. «Они нашли в нас братьев», – скажет Гарибальди.

Столкновений удалось избежать, но ценой капитуляции Гарибальди и его отказа от своих целей. Его соратники, которых он просил включить в состав регулярной армии, на деле выброшены из ее рядов, 15 октября 1860 года он подписал декрет, которым передавал диктатуру «в руки короля с момента его прихода». 26 октября на дороге, ведущей в Теано, государь и Гарибальди встретились.

Все стало на свои места – король не захотел, чтобы гарибальдийцы были в первых рядах предстоящего

сражения. Слава должна достаться королевским войскам!

«Они поставили нас в хвосте», — пишет Гарибальди.

Он теперь всего лишь гражданин. Он может вернуться в Неаполь рядом с королем, под проливным дождем, толпа может в своих приветственных криках объединить его имя с именем короля — он прекрасно понимает, что у него нет больше возможности проявить какую бы то ни было инициативу.

«С людьми поступают, как с апельсинами, — жалуются он адмиралу Персано, командующему Сардинским флотом. — Когда сок выжат до последней капли, кожуру просто выбрасывают».

26 октября плебисцит подтвердил, что Неаполь, Сицилия, Омбрия и Марки отныне присоединены к королевству Виктора Эммануила, короля, которого в Теано Гарибальди приветствовал как «короля Италии».

Гарибальди — самый знаменитый из тех, кто одно время против сардинской монархии — когда она приговорила его к смерти, — часто вопреки ей и, наконец, вместе с ней создал это королевство. Но отныне он вызывает тревогу. Как внушал беспокойство в 1834 году, когда участвовал в заговоре в Генуе.

Он сам и обстоятельства изменились, но политика по-прежнему остается «государственным делом», а Гарибальди — вне государственной машины.

Он отказывается от чина генерала¹, который ему предлагают, как и от других подарков, которыми монархия хочет его наградить.

9 ноября в одиночестве он садится на корабль «Вашингтон», чтобы вернуться на Капрера.

Пресса отказалась сообщить время его отплытия. Он сам уберет швартовы корабля. На причале только немногие друзья.

Он поднялся по сходням со своим сыном Менотти. Взял с собой только несколько небольших пакетов с кофе и сахаром, мешок овощей, мешок семян, ящик макарон, пакет сушеной трески и несколько лир. Он посылает своим соратникам последний привет: «До встречи в Риме», — прокричал он им.

Вся эта сцена — в духе Гарибальди: неаполитанская декорация, над которой возвышается Везувий.

В Монтевидео в центре знамени легиона был изображен этот вулкан.

Символ траура и гнева.

Как ни думать о том, что Гарибальди, несмотря на успех «Тысячи», по-прежнему во власти этих двух чувств?

---

¹ Гарибальди получил чин полковника, затем генерала в Монтевидео (Уругвайская республика), был генералом, командующим корпусом Альпийских стрелков, но не генералом королевских войск Пьемонта. — *Прим. перев.*

Четвертый акт

*ПОСЛУШНЫЙ
СОЛДАТ
(1861 — 1866)*

Картина двенадцатая

КОРОЛЕВСКИЕ ЯСТРЕБЫ

ИЗ АСПРОМОНТЕ

(1861—1862)

Ему пятьдесят четыре года. Герой вновь на острове Капрера. Он ходит по безводной земле, смотрит на море, сажает, удит рыбу, охотится; живет в комнате с низким потолком, где постоянно горит огонь в очаге. Он играет свою роль одинокого человека так искренне и старательно, что для сомнений не остается места: Гарибальди всегда весь в том, что он говорит и делает. Актер? — может быть, но через несколько секунд он становится тем действующим лицом, роль которого как бы по наитию решил сыграть.

На Капрера, между островком Монте-Кристо и островом Эльба, он — Цинциннат¹. Одинок ли он? За ним последовало всего несколько самых близких соратников. Бассо, его секретарь, офицер Канцио, который вскоре женится на дочери Гарибальди

---

¹ Римлянин, славившийся простотой и строгостью жизни. В 460-м году до Рождества Христова был консулом, затем — дважды — диктатором и, в конце концов, вернулся к своему плугу. — *Прим. перев.*

Терезите; еще два-три преданных ему человека — все вместе они составляют маленькую когорту друзей, которая всегда, даже в изгнании, сопровождает великих и становится почти семьей, подаренной им Историей.

Но островитянин Гарибальди на самом деле не изолирован.

Его слава стала международной. Каждую неделю маленький пароход, приходящий из Сардинии, высаживает на соседнем острове Мадалена посетителей, которые оттуда направляются на Капрера: Гарибальди — персонаж, попавший при жизни в этот выставочный парк-музей. Люди смотрят, как он живет. Просят на память афоризм, автограф. Революционеры из Центральной Европы или России, по-прежнему угнетаемой, спрашивают совета. Английские аристократы убеждены, что перед ними — «древний», один из тех «римлян», или своего рода «святой», герой Вальтера Скотта, с которым можно обменяться несколькими словами, простыми, но полными мудрости и человечности. Делегации итальянцев, членов «подготовительных комитетов для освобождения Рима и Венеции», также приезжают к нему, приглашая его возглавить их движение. Разве он не бросил волонтерам «Тысячи», прощаясь с ними: «До будущей весны»?

Затем приходит почта, тысячи писем со всех четырех концов света, — от итальянских эмигрантов или почитателей, или просто от экзальтированных женщин, которых всегда привлекает слава.

Среди почитателей – Александр Дюма. Он по-прежнему один из самых страстных сторонников Гарибальди, несмотря на трудности, с которыми столкнулся во время своего пребывания в Неаполе, где население устроило против него демонстрацию. Когда он был проездом в Турине, Дюма пригласили на ужин французские дипломаты и он был говорлив, как всегда. Дипломат Анри д'Идевилль рассказывает: «Как-то, друзья мои, – сказал нам Дюма к концу трапезы, – мне пришла фантазия повидать Виктора Эммануила, с которым я незнаком, и я попросил у Гарибальди рекомендательное письмо, чтобы предстать перед королем. «Вот, – сказал мне Гарибальди, – протягивая тут же составленную записку в несколько слов, – тебе это послужит паспортом». И очаровательный рассказчик показал нам клочок измятой бумаги, содержащий одну-единственную фразу: «Сир, примите Дюма, это мой и Ваш друг – Д. Гарибальди».

«Вы понимаете, конечно, – добавил Дюма, снова бережно пряча письмо у себя на груди, – что, не желая расставаться с автографом, который король, вне всякого сомнения, оставил бы у себя, я без сожаления лишил себя возможности познакомиться с королем Виктором».

Вы скажете, анекдот? Разумеется, но говорящий о многом.

Слава и популярность Гарибальди дают представление о том, как велико было сочувствие делу Италии и тому, кто за него сражался. И как

восстановило бы против себя общественное мнение правительство, если бы стало открыто с ним бороться.

Но, может быть, Кавур был слишком осторожен? И премьер-министр и Гарибальди объединенными усилиями смогли бы освободить Рим, используя силу той волны, которая освободила Неаполь? Не был ли упущен решающий момент – ведь к концу похода «Тысячи» гарибальдийская армия насчитывала около пятидесяти тысяч человек, представляющих все области Италии?

Но, видимо, расхождения между ними были вызваны не тем, что необходимо было соблюдать осторожность из-за Парижа и Лондона, а тем, какое государство следовало построить в Италии.

Для одних – монархистов – консервативное королевство, просвещенное, но крепко держащее народ в узде. Но чего хотел бы Гарибальди? На такой вопрос ответить сложно, и в этом слабость нашего героя.

В 1861 году у него единственная цель: «повторение – продолжение» того, с чего он начал. Поход, чтобы освободить Рим и Венецию, борьба за национальное объединение.

Даже став депутатом туринского парламента от избирателей Неаполя, Гарибальди остался противником парламентаризма, осуждающим «сборища политиканов». «Политика грязна и коварна», – повторяет он. И в самом деле, принятая в Италии система с избирательным цензом, исключаящим неграмотных, учитывающая только менее пятисот

тысяч избирателей на всем полуострове (при двадцати двух миллионах жителей), далека от того, чтобы считаться образцом демократии. Но как ограничены представления Гарибальди! Он заявил делегации рабочих: «Повторяю вам, короля обманывают. Большинство тех, из кого состоит парламент, не представляет нацию достойным образом и не отвечает ее ожиданиям».

На деле Виктор Эммануил II, провозглашенный 14 марта 1861 года «Королем Италии Милостью Божией и волей народа», представляет собой совершенное воплощение нового королевства, которое бунту, сотрясающему Юг, умеет противопоставить лишь грубую силу.

В то время, как Гарибальди – на Капрера, и вокруг его имени создается – единодушно в разных странах – ореол, а сам он считает, что похож «на школьника на каникулах», в Калабрии и Сицилии идут бои. И этот «разбой» крестьян Юга будет длиться много лет. Речь идет о настоящей партизанской войне – герилье – со всем сопровождающим ее кортежем жестокости и поспешных казней. В этом выражается прежде всего разочарование и отчаяние «южных бандитов».

Конечно, Бурбоны и князя церкви из Рима поддерживают всеми силами очаги мятежа. Испанские или французские наемники, оплачиваемые «эмигрантами» из Королевства обеих Сицилий, становятся во главе крестьянских банд. Рим, по мнению итальянского правительства, стал центром, где собираются «все отбросы общества, все беглые

каторжники, апостолы и статисты европейской реакции, объединившиеся в одном месте, так как они знают, что там разыгрывается их последняя карта».

Но за этими Боржес, Капдевилль, Де Ланглуа или Ле Грандэ стоят крестьяне, доведенные до крайности веками нищеты, — «шуаны» Юга, для которых пьемонтцы стали врагами.

Когда исчезает надежда, на смену ей приходит ненависть.

На Юге Гарибальди поверили. Он оставил за собой след, багровый знак мятежа. Но границы поместий остались прежними. И крестьяне восстали.

«В борьбе с таким врагом, — объяснял своим войскам пьемонтский генерал Пинелли, — жалость — преступление». Его принципы применялись на практике.

За несколько лет было расстреляно тысяча тридцать восемь «разбойников» и убито во время боев две тысячи четыреста тринадцать. Таковы официальные данные, но журналисты-хроникеры приводят значительно более крупные цифры, достигающие до восемнадцати тысяч расстрелянных или убитых.

Точно известно, что пьемонтцы были вынуждены использовать контингент более чем в сто тысяч человек и что их потери в борьбе с «разбоем», или «герильей», намного превосходили потери, понесенные во время всех войн Рисорджименто!

И вот — в тени Гарибальди — возникают вдруг реально существовавшие проблемы, о которых не знал «национальный герой».

Упрекать его в этом — все равно, что требовать от человека, чтобы он был не таким, каков он есть.

Но назвать факты, показать на холмах Калабрии или Сицилии эти очаги мятежа, услышать залпы взводов, расстреливающих «бандитов», приговоренных без суда и следствия, поскольку они всего лишь крестьяне, — значит очертить границы деятельности Гарибальди.

Они тогда уже были отмечены революционерами.

Один из них, Огюст Бланки, родившийся в Ниццком графстве, в Пюже-Тенье, в 1805 году, принадлежит к тому же поколению, что и Гарибальди (он умер за год до него, в 1881). Это один из самых резких противников второй империи. Он, вероятно, мог бы считать, что присоединение Наполеоном III Ниццкого графства к Франции было положительным фактом в политике империи. Но никогда «национальные» вопросы не заставляли его отклоняться от революционной линии. В 1859 году в итальянской войне он увидел стратегический ход Наполеона III, чтобы завоевать популярность. И в то время, когда некоторые из его товарищей — например, Поль де Флотт, который там будет убит, — присоединятся к походу «Тысячи», он всегда будет осуждать почти безоговорочное подчинение Гарибальди монархии.

Слепота Бланки, который не сумел оценить «революционную» роль борьбы за итальянское единство, предшествующей всякой другой борьбе? Или, напротив, понимание слабостей Гарибальди и их тяжелых последствий: королевство, созданное

с помощью уроженца Ниццы, так и останется больным в силу двусмысленности условий, в которых оно родилось; а Гарибальди, пожертвовав своими республиканскими идеями, отказавшись возглавить оппозицию против монархии, останется в плену иллюзий и только отсрочит столкновение...

Гарибальди защищается от этих обвинений с непривычной резкостью, как будто знает, что это его слабое место.

На острове Капрера, когда его спрашивают о походе «Тысячи», или в своих «Мемуарах», которые он как раз в это время пишет, он обвиняет тех, кто в 1860-м побуждал его идти еще дальше: «Вы должны провозгласить Республику!» – кричали тогда сторонники Мадзини. И повторяют это еще и сегодня, пишет он, как будто эти доктора, привыкшие руководить миром, сидя в тиши своих кабинетов, знали моральное и материальное состояние народа лучше, чем мы, имевшие счастье возглавить его и привести к победе.

Итак, Гарибальди защищается, ссылаясь на реальность:

«То, что монархи, как и священники, с каждым днем все больше доказывают, что от них нельзя ждать ничего хорошего, – очевидно. Тем не менее было бы ошибкой провозгласить в Неаполе Палермскую республику...»

На самом деле Гарибальди хочет быть «над партиями», стать как бы воплощением нации, человеком, понимающим, каковы высшие интересы родины, и, следовательно, призванным вести диалог

и переговоры с королем, который, учитывая историческую обстановку, символизирует собой эту нацию.

Гарибальди ощущает себя «второй властью» в Италии, своего рода народным «королем», рядом с государем – по праву рождения и по закону.

Психологически такое положение отнюдь не неприятно.

Оно превращает Гарибальди в арбитра. С одной стороны – фанатики-республиканцы, эти «доктора», поучающие народ, с другой – монархисты, повторяющие, как только Гарибальди хочет принять участие в политическом споре: «Предоставьте действовать тем, кого это касается».

Поскольку Гарибальди стоит в стороне от этих крайних течений, он может принимать на Капре-ра посланцев любого толка. Он принимает их, как мирный патриарх, дружески относящийся как к сторонникам Мадзини, так и к представителям туринского правительства.

Сидя в конце стола, учтиво угощая своей простой пищей, он больше слушает, чем говорит, предлагает сигары, рано уходит в свою комнату или с гордостью показывает свои владения, развлекаясь тем, что дает ослам имена своих врагов (Наполеон III, Удино, Пий IX, Франц Иосиф), а лошадям – своих побед (Калатафими и Марсала).

Ребячество? Он может показаться ребячливым, но скорее довольным самим собой еще в большей степени, чем сделанным им выбором – после того

апофеоза, которым стал для него поход «Тысячи», несмотря на незавершенность (Рим).

Он сохранил верность своим соратникам, так и не нашедшим после сражений в регулярных войсках места, которое они заслужили. Его не оставляет равнодушным мысль повторить «поход по тому же образцу, но на этот раз пойти дальше». И для того, чтобы решить эти две задачи, он высокомерно заявил: «Мое место не в парламенте. Я жду, чтобы меня призвала новая опасность». В конце концов, он решает отправиться в Турин и выступить с трибуны.

Эти планы волнуют некоторых членов парламента, оставшихся его друзьями. Ассамблея — не место для Гарибальди-оратора. Парламентская процедура ему совершенно не подходит.

Когда он, в своем сером пончо и красной рубашке, с сомбреро в руке, входит в зал заседаний, уже одно его появление вызывает противоречивые чувства.

Левые аплодируют. Правые смеются.

То, чего опасался Виктор Эммануил II и пытался избежать, приняв Гарибальди перед заседанием, произошло: раскол двух течений, стремившихся к объединению Италии.

То единодушие, благодаря которому (за исключением одного голоса) Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии, неминуемо должно было рухнуть.

Король польстил Гарибальди, напомнив ему, как 18 февраля 1861 года он в парламенте воздал

должное его роли вождя «доблестной итальянской молодежи», но все было напрасно: убедить генерала не удалось.

Когда ему дали слово, он выступил в защиту своих волонтеров, затем, указав на Кавура, обратился к нему:

«Я спрашиваю у представителей нации, неужели они думают, что я смогу когда-нибудь, оставаясь мужчиной, согласиться пожать руку тому, кто сделал меня в Италии иностранцем».

С пристрастием представителя партии порядка граф Анри д'Идевилль записал – в свойственной ему манере – все перипетии этого заседания, и его свидетельство – мало известное – заслуживает того, чтобы привести. Оно ценно, так как передает настроение и реакцию одной из сторон:

«Турин, 18-е апреля 1861 года.

Я вернулся из дворца Кариньян. Перипетии этого памятного заседания могут представлять для будущего Италии такой интерес, что я спешу записать мои впечатления.

Присутствие Гарибальди в Турине, после оскорблений, адресованных им парламенту в слишком хорошо известном письме, необычайно взволновало нашу спокойную столицу. В течение пяти дней после приезда из Генуи экс-диктатор, удерживаемый своим ревматизмом, еще не появлялся в палате. Сегодня впервые полубог соблаговолил сесть рядом со своими коллегами, простыми смертными. Каждый с нетерпением ждал его появления в парламенте, не без оснований считая его сигналом для

открытого проявления глухой и жестокой борьбы, существующей между Партией действия и министерством [...]

Не нужно забывать о том, каким было положение Гарибальди в Италии к тому моменту, когда он входил в палату. Победитель Королевства обеих Сицилий, восторженно встреченный пятью миллионами итальянцев как освободитель, генералиссимус созданной им самой армии, окруженный славой и огромной популярностью, он занял в королевстве опасную позицию [...] В Турине к Гарибальди относились совсем по-другому; здесь он был очень непопулярен и считался человеком, опасным для Италии. Его мужеству и честности отдавали должное, но не для кого не были секретом слабость его характера и ограниченность ума.

Гарибальди около пятидесяти лет, он высокого роста, и нельзя отрицать, что его лицо несколько необычно и довольно красиво. В нем есть нечто львиное. Его глаза выразительны, голос у него звучный, сильный, проникновенный, и его костюм, принадлежащий другой эпохе или другой стране, придает всей сцене почти театральный эффект. Но, увы, актер плохо знал свою роль. Едва он произнес несколько слов, как память ему изменила: его фразы стали бессвязны и непоследовательны; он тщетно искал, вооружившись большими очками, на листках, которые держал в руке, нить своих мыслей. [...]

Начало речи шло медленно. Левая часть ассамблеи, то есть гарибальдийские депутаты, страдали

при виде жалкого впечатления, которое производил их вождь, как вдруг, отбросив явно смущавшие его парламентские церемонии, Гарибальди резко и раздраженно оттолкнул листки, рассыпавшиеся по столу, — и начал импровизировать.

Сцена изменилась: из смешной и мучительной она стала трагической. Грозным голосом, с угрожающим жестом обратившись к скамье министров, он заявил, «что никогда не сможет пожать руку человеку, продавшему его родину иностранцам, и стать союзником правительства, чья холодная и творящая зло рука пытается разжечь братоубийственную войну»!

При этих словах вся палата встала, в то время как трибуны разразились криком «Ура!».

Граф де Кавур, до этой минуты хладнокровно слушавший, облокотясь и устремив на оратора пристальный взгляд, выдвинутые против него обвинения, выпрямился, бледный и трепещущий, чтобы протестовать против этих гнусных инсинуаций. Возгласы: «К порядку! К порядку! Это недостойно!» — слышались со всех сторон [...]

Крики и угрозы раздавались даже на дипломатической трибуне; испуганные дамы хотели бежать. В общем, эта драматическая и бурная сцена напоминала печальные времена конвента.

Заседание было приостановлено более чем на двадцать минут, а возбуждение, охватившее вслед за ассамблеей трибуны, никак не удавалось успокоить.

Наконец, против всякого ожидания, дискуссия возобновилась. Председатель вернул слово

оратору, попросив его только воздерживаться в дальнейшем от выражений, которыми он воспользовался.

Гарибальди продолжал свою речь с того самого места, на котором его прервали крики возмущенной палаты. Спокойствие, которое он сохранил во время вызвавшей им бури, доказывало со всей очевидностью, что бедняга не сознавал всей серьезности вырвавшихся у него оскорбительных слов.

Он закончил свою обвинительную речь, потребовав от кабинета министров предъявить ему недвусмысленные доказательства патриотизма. Когда он сел, генерал Биксио счел своим долгом взять слово, чтобы в какой-то степени смягчить филиппики своего знаменитого вождя, уверяя, что не следует понимать буквально слова, произнесенные Гарибальди, больше воина, чем оратора; что же касается его собственной позиции, то он призывал к согласию и примирению.

Граф де Кавур, еще явно во власти волнения, поднялся среди глубокой тишины, чтобы принять этот призыв — во имя согласия и прощения. Он сохранил самообладание и воздержался от малейшего намека на оскорбления и неблагодарность, проявленную Гарибальди.

Когда после этих слов все увидели, что Гарибальди снова хочет говорить, каждый подумал, что герой, тронутый этим великодушием, примет столь благородно протянутую руку. Но ничего подобного не случилось, диктатор возобновил свои

жалобы и претензии, утверждая, что в качестве залога примирения он сможет принять только две меры: прежде всего немедленную реорганизацию южной армии под его верховным командованием и затем вооружение всего народа [...]

На этом заседании окончилось. Депутаты пожимали плечами, переглядываясь, потеряв всякую надежду образумить этого воинственного неполистика [...]

По мнению Гарибальди, одни только герои Сицилии и Неаполя, его боевые соратники, имели заслуги перед родиной и одни они могли ее сейчас спасти [...]

Таким был человек, посмеявшийся обвинить Кавура в том, что он не любит родину! Конечно, во время этого заседания Кавур принес своей стране величайшую жертву: резкий и вспыльчивый, он сумел овладеть собой и сдержать свое негодование.

Если бы он произнес хотя бы слово, вся палата, не спускавшая с него глаз, поднялась бы, требуя наказать наглого диктатора. Но Кавур сохранил спокойствие и имел мужество даже говорить о примирении. Почему? Потому что знал, что если бы ему изменила выдержка, в тот же вечер в Италии вспыхнула бы гражданская война и что Италия была еще недостаточно сплоченной. чтобы вынести это ужасное испытание.

Какой вывод можно сделать из этого заседания? Борьба пока отсрочена, вот и все, но рано или поздно придется помериться силами.

Лев Гарибальди, – и сегодня уже ни у кого не осталось сомнений, – представляет революционную партию; по правде говоря, он всего лишь орудие в руках Мадзини. Диктатор вошел в Палермо под крики: «Да здравствует Виктор Эммануил!» Но это имя, послужившее ему талисманом и составившее его силу, будет с презрением отброшено в тот день, когда достаточно сильный или достаточно смелый Мадзини, сняв маску, воскликнет: «Да здравствует Республика!»

Я в самом деле думаю, что в настоящее время Гарибальди, как всегда, искрен и по-своему предан своей стране. Но именно поэтому он особенно опасен, и его смелость и военные операции, которыми он угрожает правительству, тем опаснее, что он выступает во имя независимости и патриотизма».

Невозможно говорить о мире, заявляет Гарибальди, пока австрийцы в Венеции, а французы в Риме. «Я глубоко неудовлетворен», – чеканит он.

Кавур, пытавшийся сохранить хладнокровие, в свою очередь не выдерживает и вмешивается, чтобы оправдаться: «Между генералом и мной стоит факт, который нас разделяет. Я считал, что следуя своему долгу, когда советовал королю уступить Ниццу Франции...»

Этому политическому противостоянию двух людей, символизирующих две стороны Рисорджименто, сопутствует второстепенное противостояние.

Например, то, которое противопоставило в прессе генерала Чалдини Гарибальди. «Вы не тот

человек, которому я верил, которого любил», — пишет Чалдини.

Полемика с Кавуром и еще в большей степени письмо Чалдини говорят о повороте в отношениях с правительством Италии. Гарибальди осмеливаются открыто говорить, что о нем думают.

Противопоставление двух разных форм борьбы, скрытое, начиная с 1855 года стало явным.

Даже если король обязал Гарибальди и Чалдини помириться, избежав, таким образом, дуэли между двумя генералами, даже если полемика утихла, даже если Гарибальди возвращается на Капрера после этого взрыва, ясно, что ссора требует своего завершения. Что столкновение, которого удалось избежать на берегах Вольтурно, в Неаполе в 1860 году, должно состояться.

Гарибальди уже лишен «неприкосновенности».

Но воплощенный в лице самого Гарибальди решается другой вопрос: соотношение сил между монархией и вождем похода «Тысячи».

На самом деле оно было в пользу Кавура и Виктора Эммануила. В 1860 году Гарибальди вернулся на Капрера один, а король остался в Неаполе. Однако создается впечатление, что общественное мнение в Италии и за границей не поняло истинного смысла встречи в Теано. В ней увидели только согласие обоих участников, равноценное распределение задач между монархией и Гарибальди.

Таким образом, соотношение сил, в действительности ясное, было замаскировано. Даже Гарибальди

оказался во власти иллюзий, считая, что сможет, как прежде, повторить поход «Тысячи».

Но исторический процесс таков, что для всех должны существовать победитель и побежденный. Каждый должен знать, в чьих руках власть, способная заставить подчиниться соперника, ставшего союзником.

В начале 1861 года это событие еще не произошло — вердикт еще не был вынесен. Казалось, что Гарибальди пользуется прежней популярностью и в состоянии повторить с Римом и Венецией то, что ему удалось в Неаполе. Считают, что он в Италии. И он сам в это верит.

Понадобится всего несколько месяцев, чтобы дать мечтателям жестокий урок.

Итак, Гарибальди вернулся на Капрера. Возобновил свои занятия сельским хозяйством. Снова принимает у себя патриотов. Столкновение в парламенте окружило его ореолом еще большей власти и поклонения. Во время дебатов он потребовал всеобщего вооружения и создания народного ополчения. Все казалось возможно. Война с Францией? А почему бы нет? Война с Австрией? Кого она может испугать? Достаточно было бы поднять на борьбу угнетаемые ею народы. И вокруг Гарибальди говорят уже о походе в Далмацию, Хорватию, Венгрию или Польшу. Модель похода «Тысячи» применима к любой ситуации. Можно было бы высадиться в Албании и оттуда пойти на Варшаву!

Все эти планы чаще всего не более чем застольные беседы. Но они показывают, до какой

степени «чудесный» успех освобождения Южной Италии заставил многих почитателей Гарибальди утратить чувство реальности. Достаточно только захотеть, чтобы смочь.

Когда 6 июня 1861 года в возрасте пятидесяти одного года изнуренный жизнью, полной борьбы, умер Кавур, у Гарибальди остались противники, не обладавшие ни опытом, ни искусством пьемонтского государственного деятеля.

В некоторых кругах пытались использовать кончину Кавура в борьбе против Гарибальди. Его обвинили в том, что он стал виновником этой смерти. Один из свидетелей (граф д'Идевилль) пишет:

«Заседание 18 апреля, на котором Гарибальди так гнусно на него напал, стало для Кавура роковым.

Вынужденный сдержаться и промолчать, испытать на себе неблагодарность и ненависть противной стороны, он вернулся к себе разбитым и полным горечи. «Если бы волнение могло убить человека, — сказал он на следующий день одному из своих друзей, графу Ольдофреди, — я бы умер, возвращаясь после этого заседания».

Но попытка провалилась, несмотря на то, что Гарибальди не произнес ни одного слова — похвалы или сожаления — в связи со смертью своего противника.

Кавур всегда умел льстить Гарибальди и использовать его и представляемые им силы, избегая резких столкновений. В палате он сумел

сдержаться, а незадолго перед смертью в присутствии нескольких свидетелей он еще раз похвалил Гарибальди: «Это благородный человек. Я не желаю ему никакого зла. Он хочет освободить Рим и Венецию? Я тоже. И как можно скорее. Что касается Истрии или Тироля, это другое дело. Это останется для следующего поколения. Мы достаточно потрудились. Мы создали Италию».

Когда не стало Кавура, роль Гарибальди в качестве исторического действующего лица, занявшего всю национальную сцену и пользовавшегося такой славой, что в августе 1861 года президент Линкольн предложил ему стать во главе одной из армий Севера против войск Юга, — ни у кого не вызывала сомнений.

Предложение Линкольна было лестным и утверждало Гарибальди в мысли, что его историческая и военная роль еще не закончена. В свои пятьдесят четыре года, несмотря на перерывы в стиле Цинцинната, он жаждал деятельности. Он передал предложение Линкольна Виктору Эммануилу II, чтобы, повинаясь дисциплине, как он говорил, получить разрешение своего государя.

Надеялся ли он получить отказ? Какую-нибудь должность или поручение, чтобы служить Италии? Как бы там ни было, король Италии разрешение дал. Пусть этот беспокойный человек отправляется в новое изгнание и покрывает себя славой подальше от Италии!

Но тогда возникли сомнения у самого Гарибальди. На Капрера доходили призывы со всей

страны. Как только стало известно о предложении Линкольна, патриоты начали уговаривать Гарибальди остаться в Италии и бороться за еще не завершенное полное объединение страны.

Гарибальди колеблется и, в конце концов, требует у Линкольна пост командующего всей северной армией. Требование, неприемлемость которого он, конечно, понимает, и это дает ему возможность избежать нового изгнания. Он — итальянский герой, миссия которого еще не закончена.

Действовать, но как? Преемники Кавура — Риказоли, Раттацци, Фарини, Ланца, Салла — люди с большими достоинствами. Аристократы, преданные государству, честные, они тем не менее не обладают гибкостью своего шефа Кавура. Они колеблются. Король, который ведет свою собственную игру и хотел бы вести большую политику со смелостью, способной подарить ему Рим и Венецию, имеет на них большее влияние, чем в свое время на Кавура. В результате ситуация становится все более запутанной.

В этой обстановке ожидания Гарибальди по-прежнему на Капрера и горит нетерпением. Он пишет свои «Мемуары». Принимает нескольких поклонниц и Лассаля, немецкого социалиста, предложившего организовать поход на Венецию одновременно с революционным восстанием во всей Центральной Европе, от Берлина до Белграда, от Вены до Варшавы. Гарибальди слушает, соглашается и тем дело кончается.

Но все эти планы, письма, предложения вызывают у него жажду деятельности и создают вокруг его имени брожение умов, тревожащее европейские дипломатические круги.

Для министра иностранных дел Наполеона III «Гарибальди – кошмар». В Турине Раттацци, новый председатель совета, тоже хотел бы сдерживать Гарибальди и одновременно использовать его. Помешать ему установить связь со всеми этими «инициативными комитетами по освобождению Рима и Венеции», которые создаются по всей Италии и становятся «Обществом освобождения». Он приглашает Гарибальди в Турин, и, естественно, тот отправляется на эту встречу.

Случай показательный: Гарибальди не «в оппозиции». Он только и ждет возможности «сотрудничать» с властями при условии, что ему будет доверено конкретное дело, командование и даны директивы.

А для премьер-министра Раттацци – какое искушение воспользоваться для своего правительства славой Гарибальди и, может быть, с его помощью получить обратно Рим и Венецию, стать равным Кавуру! Какое искушение также для Виктора Эммануила II!

Итак, встреча Гарибальди с Раттацци состоялась. Соглашение осталось в тайне. Он увиделся с королем. И не скрывал своего восторга от этих встреч, от того, что готовилось. Ему будто бы предложили набрать два батальона карабинеров, командовать которыми будет его сын Менотти; они

будут бороться с разбоем в Пуле и Аbruцци. Но оттуда можно пойти на Рим.

Эти разговоры, полуобещания, полунамеки воодушевили Гарибальди. Колесо Истории снова закрутилось. Он обосновался в Турине в прекрасном доме сенатора Плецца. Волонтеры в красных рубашках стоят у дверей на часах. Представители «Общества освобождения», посланцы из всех областей Италии, члены королевской семьи, сторонники Мадзини сменяют друг друга в салонах.

Затем Раттацци организовал для генерала турне по главным городам долины По. Повсюду — энтузиазм, восторг, доходящий до исступления. Это превзошло все ожидания премьер-министра. В Милане — апофеоз: Гарибальди понадобился час, чтобы доехать от вокзала до отеля. В каждом городе или деревне муниципальные и военные власти воздают почести Гарибальди.

Двусмысленность его положения, так же как и двойственность политики правительства, бросаются в глаза. Какова роль этого генерала, национального героя, который с балконов, в окружении властей, повторяет в Милане, Кремоне, Брешиа, Пьяценце или Парме: «Существует солидарность между итальянцами всех провинций, и мы не можем честно наслаждаться нашей свободой, пока наша Венеция и наш Рим остаются рабами, первая — иностранной тирании, второй — двойной тирании, иностранцев и радикалов».

Толпа отвечает дружным криком: «Рим и Венеция!»

Набирают волонтеров. В Кремоне сам епископ почтительно принимает Гарибальди, а по пути следования во всех городах его встречают делегации священников. Гарибальди не произносит больше речей, он проповедует, прославляя «религию святого карабина». Он повторяет вслед за толпой: «Рим и Венеция!»

Как в этих условиях, став объектом такого поклонения, он мог избежать иллюзий о собственных возможностях, о желании итальянцев освободить еще не освобожденные города, о решимости правительства поддержать любые его начинания?

Гарибальди – жертва политических манипуляций?

Раттацци и Виктор Эммануил II недооценили степень его популярности. Предоставляя ему трибуну, они побуждали его действовать. Они были неопытными кукловодами. Теперь им оставалось только смириться с тем, что он обосновался на вилле в Трескорре, недалеко от границы с Тиро-лем. Он говорит, что занят лечением своего ревматизма. Но вся Европа знает, что он готовит заговор. Что эта вилла, так же как вилла Спинола в Карто, центр конспирации под открытым небом. Стекаются волонтеры, готовятся идти под руководством двух офицеров – полковника Нулло и капитана Амбивери – на Венецию. Австрия решительно протестует.

Что делать? Игра превратилась в западню. По приказу правительства гарибальдийцы в Сарнико арестованы. Их заключили в крепости Брешиа и

Бергамо. Гарибальди негодует. В Брешиа 14 мая 1782 года собралась толпа. Войска открыли стрельбу. Трое убитых и один тяжелораненый остались лежать на земле.

Вся Италия возмущена, но это первое столкновение ясно ставит дилемму: «Гарибальди или закон?»

В циркуляре, адресованном префектам, Раттацци настаивает на том, что Гарибальди не причастен к действиям волонтеров. Он принял Гарибальди, который, кроме того, получил аудиенцию у короля. Его успокоили.

И хотя вначале Гарибальди выступил с резкими обвинениями против армии, открывшей огонь, он спохватился. Его слова неверно истолковали, пишет он 21 мая в письме директору «Миланской газеты»: «Итальянский солдат, я не мог иметь намерения оскорбить итальянскую армию, славу и надежду нации. Я только хотел заявить, что долг итальянских солдат — сражаться с врагами родины и короля, а не убивать или ранить беззащитных граждан. Войска должны быть на границе и на полях сражений, их место там! И нигде больше!»

Все та же двойственность: Гарибальди обвиняет и отпускает грехи. Он снова принят королем. И Раттацци его покрывает, добивается от парламента вотума доверия его политике. Кто обманут?

Такая практика может только дезориентировать общественное мнение, которое предчувствует, не зная всех секретных переговоров, что за кулисами найден компромисс. Заключение в Брешиа и

Бергамо через несколько дней освобождены. Значит, ничего не было! Осталось только три жертвы, быстро забытые.

После новых встреч Гарибальди возвращается на Капрера с несколькими верными друзьями. У него состоялась беседа, оставшаяся тайной, с Виктором Эммануилом II.

Но внезапно, в конце июня, не объяснив своих намерений даже своим самым верным соратникам, он сел на корабль, отплывающий в Палермо, куда он прибыл 8 июля 1862 года.

Он не смог избежать того, что подстерегает стареющих людей: повторения.

Сицилия, Палермо: места его славы

Прошло два года, но Гарибальди все так же восторженно встречают толпы народа. Префект Палермо никто другой, как маркиз Джорджо Паллавичино, который был во время похода «Тысячи» соратником Гарибальди. Он принял генерала, как государя, вернувшегося в свое королевство, и оба сына Виктора Эммануила, бывшие свидетелями приема, оказанного народом и властями, прервали свою официальную поездку по Сицилии и вернулись в Пьемонт.

В Палермо Гарибальди живет в Палаццо Реале, как в 1860-м. И со спокойной уверенностью принимает почести, как будто было вполне в порядке вещей, что он получил снова, не имея никакого официального поручения, власть диктатора, которым был в свое время в этом городе в течение нескольких недель.

Он проводит смотр Национальной гвардии под командованием Медичи: он познакомился с ним в Южной Америке. История объединения Италии проходила таким образом, что на каждом шагу виден след, оставленный Гарибальди, тем более глубокий, что он стал достоянием легенды. С этим правительство ничего не может поделать. Оно должно использовать Гарибальди и предоставить ему свободу действий или одним ударом уничтожить этот образ. Двусмысленность положения терпеть долее невозможно. Она длится уже больше двух лет. Необходимо положить этому конец.

Что касается Гарибальди, то после нескольких дней, проведенных в Палермо, он попал под влияние окружавшей его атмосферы восторга. Знал ли он точно, что собирался делать в Сицилии? Маловероятно. Он высадился на острове, чтобы «увидеть», оценить шансы на успех повторения похода «Тысячи».

Для Гарибальди речи — начало действия. И более того, единственная подготовка к действию. В воскресенье 15 июля 1862 года на Форуме неожиданно для всех он вдруг встал и, подобно трибуну, торжественно начал:

«Народ Палермо, властелин Франции, совершивший 2 декабря предательство, тот, кто пролил кровь наших парижских братьев — под предлогом защиты папы, религии, католицизма, — оккупировал Рим. Он первый поддерживает беззаконие. Он стал вожаком разбойников и убийц».

Посреди криков, оскорблений в адрес Наполеона III Гарибальди заключил: «Народ Сицилийской вечерни, народ 1860 года, нужно, чтобы Наполеон покинул Рим. И, если это будет необходимо, нужно устроить новую вечерню!»

На этот призыв к борьбе, ожививший воспоминание об уничтожении французов во время Сицилийской вечерни в 1282 году, толпа ответила криком: «Рим или смерть!»

Гарибальди только что совершил поступок. Но он не учитывает ни реальных возможностей осады Рима, ни дипломатических условий, а они неблагоприятны.

Как Париж сможет допустить эту угрозу? Но Гарибальди так уверен в себе, так верит в свою «счастливую звезду», так ослеплен своими прошлыми успехами, что может только продолжать. Вернее, начать снова!

Он повторяет свои угрозы в Марсале, во всех сицилийских городах, в которых он побывал. Он обращается с призывом присоединиться к нему, и вскоре около трех тысяч волонтеров собираются в лесах Фикуцца.

Маркиз де Паллавичино, связанный верностью Гарибальди и повиновением королю Виктору Эммануилу, подает в отставку. Но сменивший его на посту префекта де Феррари, не в силах помешать движению. Он распорядился расклеить прокламации, в которых утверждал, что правительство осуждает планы Гарибальди. Однако полиция ни разу не вмешалась, когда проходили демонстрации или

срывали распоряжения префекта. Впрочем, власти вообще не пытались помешать ни гарибальдийским волонтерам, ни их выступлению в поход, которое началось утром 1 августа.

Итак, мысль о сообщничестве Гарибальди и короля, их тайном сговоре пускает корни, обрастает слухами, существующими с 1860 года. Думают, что правительство тайне поддерживает поход, даже если в глазах общественного мнения оно вынуждено его осудить.

Иначе чем можно объяснить уверенность Гарибальди?

Несомненно, он думает так же, как и те, кто идет за ним, что сначала он вынудит Виктора Эммануила смириться с его планами, а затем их поддержать. Для этого нужно только, чтобы они увенчались успехом, а значит, необходимо действовать.

Колонны трогаются в путь; они состоят из волонтеров, не имеющих ни военного опыта, ни решимости тех, кто участвовал в походе 1860 года. Впрочем, со всех точек зрения этот переход через Сицилию к Мессинскому проливу похож на карикатуру похода «Тысячи».

В Меццоджузо, маленьком городке, Гарибальди нагнал герцог делла Вердура и передал ему текст заявления короля, в котором поход Гарибальди сурово осуждался:

«Те, кто не прислушается к моим словам, будут нести ответственность по всей строгости закона, — писал Виктор Эммануил II. — Король, избранный

нацией, я знаю свои обязанности. Я сумею сохранить незапятнанной корону и парламент, чтобы иметь право требовать у Европы полной и бескомпромиссной справедливости для Италии... Моему сердцу больно оттого, что неопытная и ослепленная молодежь превратила имя Рима в боевое знамя, забыв о своем долге и о благодарности нашим лучшим союзникам...»

Но Гарибальди только пожал плечами. Разве он не получил в 1860-м послание от Виктора Эммануила, также требовавшего не переправляться через Мессинский пролив? Итак, он оставляет посланца короля и уходит слушать «Te Deum» в церкви Меццоджузо в честь падения временной власти папы.

Затем колонны продолжают путь.

Гарибальди старается избегать всякой встречи с регулярными войсками. Но когда такая встреча все-таки происходит, он не волнуется, требуя, как это было в Патерно, возможности поговорить с командиром. Достаточно нескольких слов, и пьемонтские войска, взявшие в кольцо гарибальдийцев, отходят в сторону и дают им возможность продвигаться дальше.

В Катании его встретили как победителя. Префект покинул город и укрылся на борту крейсера «Герцог Генуи». Королевский флот, стоявший в бухте, дает гарибальдийцам возможность завладеть двумя судами: итальянским и французским, что может вызвать дополнительные международные осложнения.

Фактическая солидарность офицеров с Гарибальди? Двойная игра монархии, которая предпочитает дожидаться или даже желала бы видеть, как растет неповиновение Гарибальди, чтобы вернее его сразить? Командир «Герцога Генуи» не получил никакого приказа, кроме следующего послания с весьма расплывчатыми указаниями: «Действовать по обстоятельствам, но помнить, что благо короля и Италии — нераздельны».

Итак, Гарибальди переправился через Мессинский пролив, не встретив других препятствий, кроме ветра и перегруженности судов: было две тысячи волонтеров. Он пристал к берегу неподалеку от места своей первой высадки в 1860-м.

Повторение продолжалось...

Походный марш через Сицилию длился три недели. Переправа через Мессинский пролив была возможна только при терпимости — или бессилии — кораблей королевского флота. Как в таких условиях Гарибальди мог не питать иллюзий?

Более тонкий, чем он, политик, лучше информированный или просто более дальновидный, понял бы, что на этот раз монархия не потерпит акта неповиновения не только ставившего Италию в трудное положение в плане международном, но ослаблявшего силу власти.

Итак, второй поход Гарибальди был для монархии не только испытанием, но и возможностью раз и навсегда положить конец двусмысленности своих отношений с Гарибальди.

«К чему мы пришли бы, — писала одна из туринских газет, — если бы дерзости какого-то генерала было бы достаточно, чтобы диктовать нации правительственные приказы? Сегодня Гарибальди хочет заставить нас идти походом на Рим, завтра другой вынудит нас напасть, без всякой подготовки, на конфедерацию германских государств».

И в самом деле, позиция Франции не оставляла никаких сомнений. Наполеон III не мог изменить своему слову. 26 августа «Монитор офисьель» пишет: «Уже в течение нескольких дней газеты обсуждают вопрос о том, какой будет реакция французского правительства на волнения в Италии. Вопрос настолько ясен, что исключает возможность сомнений. В ответ на наглые угрозы во избежание последствий, к которым может привести демагогическое восстание, долг французского правительства и его воинская честь заставляют его более чем когда-либо защищать Святого Отца. Мир должен знать, что Франция не оставляет в опасности тех, на кого распространяется ее покровительство».

В этих условиях, даже если у Виктора Эммануила и его премьер-министра были колебания в выборе собственной позиции, этот выбор был им навязан.

Как только волонтеры Гарибальди ступили на землю Калабрии, их немедленно обстрелял военный «пьемонтский» корабль, заставив вернуться на суда, чтобы укрыться от «берсальеров» (стрелков), также открывших огонь.

«Мечтатели» столкнулись с реальностью.

Гарибальди оказался в тупике. Он столько раз осуждал предприятия сторонников Мадзини, и вот теперь он сам оказался в изоляции, в бесплодных массивах Калабрии, в сопровождении немногочисленного войска, которое начало таять, как только оказалось, что прогулка кончилась и начались трудности.

В Катании достаточно было появиться пьемонтским полкам, чтобы гарибальдийцы, оставшиеся в городе, сдались: восемьсот пленных.

И в самом деле, гарибальдийцы 1862 года не проявили никакой боеспособности: а как они могли ее проявить? Разве король Италии их враг? Гарибальди всегда возносил ему хвалу, запрещая себе – из боязни гражданской войны – какие бы то ни было критические замечания, даже мелкие, в адрес все-таки коварного монарха.

На кого они могли бы рассчитывать? Население Калабрии было враждебно. Оно больше не питало иллюзий. Оно уже подвергалось преследованиям. И Гарибальди расплачивается за то, что в свое время не поддержал восставших крестьян. Его нынешний поход, впрочем, как и прошлый, 1860 года, мог быть успешным только при поддержке или хотя бы терпимом отношении государства.

В 1860 году поход «Тысячи» был восстанием только «по форме», по сути же он был в русле государственной политики и служил ее целям.

В 1862 году осталось всего несколько сот голодных волонтеров, которых проводники специально

заставляли выбиваться из сил, ведя самым трудным путем по склонам Аспромонте. Против них около двух тысяч берсальеров лейтенант-полковника Паллавичино, хорошо вооруженных и дисциплинированных. Волонтеры, по приказу Гарибальди, расположились под защитой соснового леса.

«Мы были изгнанниками, поставленными вне закона», — пишет с горечью Гарибальди. Он решил не отвечать на огонь итальянских войск и попытаться, продвигаясь вперед, избежать столкновения. «Но в 1862-м итальянская армия, потому что она была сильнее, а мы много слабее, обрекла нас на истребление и набросилась на нас, как на разбойников. Разумеется, они действовали в соответствии с приказом...»

Гарибальди был в нерешительности.

«Этот момент был для меня ужасен, выбора не было: или сложить оружие и сдаться, как бараны, или запятнать себя кровью братьев».

Он еще раз повторил приказ не стрелять, но кое-кто из самых молодых волонтеров открыл огонь. Во время перестрелки, когда значительная часть гарибальдийцев скрылась в лесу, Гарибальди продолжал стоять без прикрытия, проявляя ту храбрость, которая ему никогда не изменяла, и был ранен двумя пулями, одна рикошетом задела левое бедро, вторая глубоко вошла в правую ногу. Он упал. Огонь прекратился.

Потери с обеих сторон: двенадцать человек убито (из них пятеро — гарибальдийцы) и двадцать четыре ранено (двадцать — гарибальдийцы).

Лейтенант-полковник Паллавичино принял капитуляцию Гарибальди, которого медленно на носилках из ветвей перенесли на борт «Герцога Генуи», стоявшего на якоре на широте Сциллы в Мессинском проливе. Гарибальди отказали в праве быть доставленным на английский корабль. Он пленный.

Его рана очень болезненна, из тех, что плохо рубцуются. Пуля осталась в ране. В то время, как его переносили на корабль, Гарибальди мог заметить на корме соседнего судна генерала Чалдини, который командовал операцией и был преисполнен гордости.

В этот день, 29 августа, потеряны последние иллюзии; пьемонтская монархия единолично решает судьбу Италии. Гарибальди всего лишь раненый пленник; его заключают в форт Вариньяно в Ла Специа.

Невозможно продемонстрировать более красноречиво, что «национальный герой» обязан повиноваться властям не меньше, чем рядовой подданный.

«Королевские ястребы» в течение пятидесяти четырех дней продержат Гарибальди в тюрьме.

Рана не угрожает его жизни, но очень серьезна. Лучшие европейские хирурги – француз Нелатон и англичанин Пэтридж – сменяют друг друга у его ложа. Вначале речь шла об ампутации ноги, но затем пулю удалось извлечь.

Это внимание к знаменитому заключенному говорит о том, в каком затруднительном положении оказалось итальянское правительство и какой международный отклик вызвало это столкновение.

Судить Гарибальди? Некоторые политические деятели Турина рассматривают такую возможность. Но какой должен быть суд? Военный трибунал или сенат, превращенный в Верховный суд? Теперь, когда урок был дан, это было рискованно и могло вызвать резкое недовольство.

Итальянское общественное мнение было целиком на стороне мученика из Аспромонте. Форт Вариньяно стал местом паломничества. То, что с Гарибальди обращаются, как с каторжником, вызывало возмущение; при этом забывали, что условия содержания на самом деле были отменные. Но он ранен, и для чего держать его в крепости, когда ему еще грозит ампутация (пуля будет извлечена только 23 ноября профессором Дзанетти из Пизы)?

Это вызывает глубокое негодование во всем мире. Особенно в Англии, где Гарибальди пользуется огромной популярностью. На митинге в Гайд Парке собралось около ста тысяч человек. Пальмерстон даже подарил Гарибальди специальную кровать, предназначенную для его выздоровления.

В революционных кругах поражение Гарибальди воспринято очень резко. Мадзини извлек из него политический урок — необходимо порвать с монархией: «Пуля из мушкета, ранившая Гарибальди, разорвала последнюю строку соглашения, подписанного между республиканцами и монархией два года назад. Сегодня мы навсегда порываем с монархией, которая в Сарнико сражалась за Австрию, а в Аспромонте за папу».

В Париже Бланки, вечный инсургент, глубоко взволнован известием о поражении и аресте Гарибальди и полон пессимизма: «Свобода и идея побеждены...»

Событие в Аспромонте, учитывая известность Гарибальди, воспринято во всей Европе, как доказательство консолидации существующих режимов, победы сговора государств над движением народов.

Гарибальди тяжело переживает свое поражение.

В октябре 1862 года он амнистирован королевским указом. Виктор Эммануил II выдает свою дочь Марию Пиа за короля Португалии и пользуется случаем, чтобы разрешить проблему «заключенного Гарибальди».

Гарибальди протестует: «Амнистируют только виновных», но все же соглашается, чтобы ему вернули его саблю, а затем свободу.

Когда пуля будет извлечена из раны, он снова вернется на Капрера. Ему пятьдесят пять лет. Рана рубцуется медленно и трудно, он долго не сможет ходить.

Но он не отступает: он согласился быть председателем Национального римского комитета и пишет 17 декабря: «...необходимо объединить силы во имя свободы, независимости, цивилизации и прогресса».

Итак, он ничего не изменил в своей программе. Он остался верен себе.

Картина тринадцатая

«ЖИЗНЬ ПРАЗДНАЯ И БЕСПОЛЕЗНАЯ»?

(1862 – 1866)

Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять лет: для Гарибальди с конца 1862-го по апрель 1866-го жизнь быстро идет к своему концу.

Он отдает себе отчет в том, что отныне почти постоянно живет на Капрера, что события происходят и развиваются без его участия, а ему остается только писать манифесты и послания тем, кто восстает здесь или там.

И чем больше проходит времени, тем меньше остается у него возможностей влиять на ход событий.

Но в нем нет ни горечи, ни ожесточения. Он выше этого.

Он следит за тем, как идут сельскохозяйственные работы на острове. Принимает посетителей, по-прежнему многочисленных. Скалы, море, небо... Бескрайний и привычный мир. Он дарит покой. Это помогло ему вынести долгое и мучительное выздоровление.

Много недель он был прикован к постели, затем, в начале января 1863-го, смог передвигаться в

шивалидной коляске. И только в июне начал ходить, опираясь на костыли, а в конце года — на палку. Итак, его выздоровление заняло больше тринадцати месяцев — для такого активного человека, как Гарибальди, это было тяжким испытанием.

Он стойко перенес его, но «Мемуары» говорят о том, как глубоко он все это пережил: «Я не люблю рассказывать о своих несчастьях, я много выстрадал... Но, в конце концов, через тринадцать месяцев рана на правой ноге зарубцевалась, и до 1866 года я вел жизнь праздную и бесполезную».

И хотя Гарибальди выстоял, этот образ жизни ему чужд. Тишина вокруг его тяготит.

Он ходит, опираясь на костыли. Ему сообщают, что некоторые из офицеров, присоединившихся к нему, после Аспромонте были арестованы, осуждены, а несколько человек — казнены. Он восстает против лицемерия правительства. Сначала не мешали действовать или не смогли помешать, а потом отыгрались на тех, кто дал себя увлечь. Зато очень ловко амнистировали виновника Гарибальди, досведенного до отчаяния этой несправедливостью.

Каким образом он мог на это ответить?

Он сложил с себя депутатские полномочия, попытался предать гласности причину своего поступка. Но газеты, опубликовавшие его письма, конфискованы. Тогда он все начинает сначала, составляет прокламации, манифесты.

Но и на этот раз тексты перехвачены полицией. Значит, государство настороже, остерегаясь

одновременно и общественного мнения, и человека, который мог бы на него повлиять.

Подавший в отставку, Гарибальди некоторое время спустя является в Палермо, пытаясь снова получить депутатские полномочия. Что это – непоследовательность? Или он снова в водовороте событий, а его сторонники жаждут использовать его известность?

Следовательно, нужно добиться переизбрания, на этот раз в Палермо. Он прошел на выборах, но с трудом. К давлению и правительственной пропаганде добавилось разочарование сицилийцев.

На самом деле еще не настало время для борьбы. Арест в Аспромонте неопровержимо показал решимость правительства – оно посмело стрелять в национального героя – и слабость этого героя.

Популярность Гарибальди – подлинная – ничего не меняла в этом соотношении сил. Итак, весь 1863 год Гарибальди проводит на своем острове; он уже может ходить, постепенно удлиняя свои прогулки, наблюдая за ходом полевых работ. Безмятежная жизнь?

Друзей немного. Женщин нет. Баттистина Равелло, его юная любовница из Ниццы, вернулась к себе с дочерью Анитой. Краткого визита Эсперанцы фон Шварц, по-прежнему непредсказуемой, недостаточно, чтобы создать обстановку сердечности, способной удержать Гарибальди на Капрера.

Он отдыхает, пишет, размышляет, выздоравливает. И когда растёт число приглашений посетить Англию, когда чета англичан Чамберсов,

представляющих Комитет Гарибальди, высаживаются на Капрера, чтобы убедить генерала дать положительный ответ на все эти просьбы, он соглашается. Премьер-министр Пальмерстон присылает даже официальное приглашение.

В конце марта 1864 года Гарибальди в сопровождении своих сыновей Менотти и Риччотти, своего врача и одного из секретарей (Герцони) покидает Капрера на борту английского судна «Ла Валлетт», которое зайдет в Мальтийский порт. Там Гарибальди пересядет на «Рипон», пароход, следующий в Саутгемптон, куда он прибудет в воскресенье 3 апреля.

Англия влюблена в Гарибальди. Она любит этого героя Юга, этого «пастуха из древних мифов», своего рода Улисса, избородившего все моря мира. И в этой любви едины все классы. Она любит этого человека, который, кажется, один сумел встать выше противостояния различных социальных групп. Она околдована этим республиканцем, который служит монархии и тем делает ей честь.

История и фольклор Средиземного моря, в лице Гарибальди, высадились в Саутгемптоне под проливным дождем.

На самом деле восторг многих не столь «литературен». Гарибальди олицетворяет те ценности свободы, чемпионом которой, в противовес Европейскому материку, стала Англия, земля обетованная. Кроме того, он тот человек, который посмел обличить Наполеона III, императорскую Францию, по-прежнему мешающую Англии.

Для других – рабочих, республиканцев – он народный герой.

Гарибальди оказан необыкновенный прием: повсюду, чтобы приветствовать этого иностранца, собирались огромные толпы людей. В Саутгэмптоне весь город украшен итальянскими и английскими флагами. Лорд Сазерленд и депутат Тони Сили вместе с делегацией итальянцев поднялись на борт «Рипона». Кортэжи, банкет, отъезд на остров Уайт, где Сили в Брук-хаузе устроил для Гарибальди прием.

На острове – подлинное шествие знаменитостей, от канцлера казначейства Гладстона до Александра Герцена и немца Карла Влинда. Поэт Теннисон заявил после встречи с ним, что итальянец «скромен, как девушка» и «божественно глуп, как истинный герой»¹.

В этом суждении – ни тени лукавства. Скорее, своеобразное доказательство того, что англичане Гарибальди «очарованы».

Много раз, в Монтевидео и в 1860 году в Марсале, у Гарибальди были основания радоваться отношению британских властей, особенно офицеров королевского морского флота. Сегодня гость правительства, он отправляется в Портсмут, где после посещения арсеналов, морского училища, горячего приема рабочими он присутствует как один из руководителей государства на маневрах эскадры, затем на учебной стрельбе из пушек крупного калибра. Отличный реванш для «корсара»!

---

¹ «The divine stupidity of a hero» (англ.).

Наконец, 11 апреля 1864 года он прибывает в Лондон. Специальный поезд покинул Саутгемптон — звонили городские колокола и стреляла пушка. Когда он прибыл на вокзал Найн Илмз, делегации английских гарибальдийцев, итальянцев, представителей всевозможных обществ — трезвости, борьбы против рабства, республиканских и так далее, окруженные десятками тысяч просто горожан, восторженно приветствовали его.

За каретой герцога Сазерленда, в которую сел Гарибальди, следовали духовой оркестр, кареты, несли хоругви и знамена. При виде Гарибальди, так похожего на его образ, ставший легендарным, — длинные волосы, пончо, красная рубашка — толпа, после секундного затишья, разразилась криками «Ура!» Она сопровождала кортеж по всему пути следования, от Вордсворт-роуд до Стаффорд-хауза. Не было статуи, на которой ни висели бы гроздьев зевак, приветствовавших Гарибальди криками, ни одной улицы, где ни попытались бы к нему прикоснуться.

Возле Вестминстера карету отделила от остальной части кортежа, окружила человеческая волна, и ее с трудом удалось освободить.

Гарибальди понадобилось около шести часов, чтобы добраться до Стаффорд-хауза, замка герцога Сазерленда. Его встречало около пятисот тысяч человек.

Этот триумф — одна из вершин жизни Гарибальди. Он олицетворяет собой Италию, ее свободу и борьбу за национальное единство. Какой

конфуз для тех, кто приказал стрелять в него у леса Аспромонте! Какой контраст с положением изгнанника или даже капрерского отшельника!

В Лондоне, на улице или в салонах герцога Сазерленда, у него неторопливые, почти торжественные движения человека, воспринимающего свою известность и славу без удивления, как должное. Но не опьяненного этими чрезмерными проявлениями энтузиазма.

Как в Турине король Виктор Эммануил II, его министры и высокие должностные лица (достаточно подумать о генерале Чалдини) могли принять без раздражения известия о подробностях лондонского приема!

В самом деле, в Лондоне вокруг него объединились — явление редкое и всегда недолговечное — чувства народа, восторг элиты и прагматизм людей, стоящих у власти. Рабочие арсеналов, республиканцы и рядом с ними принц Галльский, будущий король Эдуард VII, воздают ему почести. «Мы видели, — скажет с негодованием маркиз де Буасси, — как наследник короны пожимал руку флибустьеру!»

Между принцем Галльским и Гарибальди существовали, кроме того, оккультные связи. Будущий король Англии был франкмасоном, а Гарибальди с 1863 года был избран великим магистром итальянского ордена с высшей степенью масонства — тридцать третьей.

В Лондоне Гарибальди вынужден подчиниться этикету: в больших салонах Стаффорд-хауза

герцог и герцогиня де Сазерленд устраивают приемы. Длинные светские вечера сменяются ужинами и приемом делегаций, выражающих приветствия от жителей разных районов. Нужно посетить арсенал Вулвича. Встретиться с лордом Джоном Расселом, лордом Грэнвиллем, мистером Гладстоном и миссис Гладстон. Премьер-министр лорд Пальмерстон имел с Гарибальди полуторачасовую беседу наедине.

Все это не имеет значения или политической цели? Шепчутся о том, что Гарибальди добивается финансовой и дипломатической поддержки для освобождения Рима и Венеции. Считают, что Пальмерстон использует его, чтобы с помощью скрытой игры вызвать беспокойство Наполеона III. Гарибальди снова ловко используют?

Это не стесняет его свободы. Если он присутствует — как монарх — на представлении «Нормы» в Ковент Гарден, на концерте в Кристал Палас, он — как революционер — принят Александром Герценом, который пригласил к столу Мадзини. Мадзини предлагает тосты, конечно, за Гарибальди, за поляков, за русских, «за религию долга, которая заставит нас бороться до самой смерти за то, чтобы вся эта борьба увенчалась успехом, чтобы сбылись все наши надежды».

Гарибальди поднимается с ответным тостом: «Когда я был молод, я искал человека, который мог бы стать моим советчиком и вождем [...] Я нашел этого человека [...] Он по-прежнему остался моим другом, полным любви к своей стране, полным

преданности делу свободы. Этот человек — мой друг Джузеппе Мадзини. За моего Учителя!»

И Гарибальди под гром аплодисментов поцеловал Мадзини.

За этой данью уважения бывшего моряка-заговорщика тому, кто основал «Джовине Италия», скрывалось множество разногласий. Но эта встреча, за которой пристально следили все информаторы, вызвала большое беспокойство в правительственных кругах Италии.

Впрочем, и за пределами Италии вся консервативная Европа была встревожена. Разве Гарибальди не встречался с Луи Бланом и Ледрю-Ролленом, двумя французскими республиканцами-эмигрантами? Разве он не произнес тост «за Польшу, родину мучеников», за «молодую Россию, за новый народ, который, завоевав свободу и став хозяином царской России, призван сыграть великую роль в судьбе Европы»?

И этого человека принимает Пальмерстон, а лорд-мэр Скотт называет почетным гражданином Лондона, сравнивая его с Цинциннатом и Леонидом!

Некоторые итальянские информаторы подтверждают гипотезу. Другие подсказывают Турину мысль возвести Гарибальди в дворянство. Он очарован высшим обществом, считают они, он примет звание дворянина и таким образом будет связан.

Агенты Виктора Эммануэля II пытаются убедить Гарибальди поднять мятеж в Галиции.

Что касается Мадзини, он пишет своим корреспондентам, что Гарибальди является одним из арбитров европейской ситуации. В Англии он приобрел еще больший вес и его участие необходимо для любого революционного начинания.

Эти комментарии и слухи по прошествии нескольких дней начинают вызывать беспокойство английских властей.

Королева Виктория, солидарная с европейскими государями, говорит, что ей «почти стыдно править народом, способным на подобное безумие». Она объявляет, что путешествию следует положить конец и, несмотря на защиту лорда Грэнвилля, подчеркивающего, что прием Гарибальди, объединив народ и аристократию, придал демонстрациям «размеры абсурда, что очень полезно для нашей страны, так как одним ударом устраняет трудности демократии», королева осталась верна своей точке зрения: Гарибальди должен покинуть Англию как можно скорее.

Пришлось убедить Гарибальди в том, что характер его путешествия, его дружба с демократами внушали тревогу и что пора было возвращаться.

Он быстро все понял. Он уже заметил враждебность некоторых газет. «Таймс» писала об «этих вульгарных плебейских демонстрациях», а Дизраэли, лидер консерваторов, отказался с ним встретиться.

Представители другой крайней партии, два эмигранта — Карл Маркс и Фридрих Энгельс — были возмущены «этой жалкой демонстрацией глупости».

В Париже Наполеон III лучше понимает смысл происходящего. Гарибальди вызывает у него тревогу. Его речи угрожают порядку в Европе. Император оказал давление на лондонское правительство, чтобы оно отправило генерала на его остров.

Итак, Гарибальди вынуждают уехать. Английское правительство вдруг встревожилось из-за его здоровья. Но он не обманывается. Вначале он уехал из Лондона, чтобы отправиться на Корнуэлл, к одному из своих товарищей по оружию, полковнику Пиэрдю. На каждой остановке поезда на протяжении всего пути собираются толпы и приветствуют его. И размах энтузиазма еще больше укрепляет английское правительство в его намерениях. Поездка вышла за пределы намеченных границ. Гладстон в палате заявил, что он сказал Гарибальди, «что его долгом было проверить, не повлияет ли на его здоровье выполнение взятых на себя обязательств».

Гарибальди, как каждый раз, когда ему приходится столкнуться с обходными маневрами правителей, подчиняется. Он уедет на следующий же день, 22 апреля, ограничившись письменным ответом тем, кто приглашал его посетить английские провинции: «В данный момент я вынужден покинуть Англию».

Перед отъездом он отказался от денег, собранных по подписке, открытой в его пользу, где скромная лепта самых неимущих соседствовала со ста фунтами стерлингов лорда Пальмерстона. Но он все-таки согласился, чтобы герцог де Сазерленд

довез его до Мальты на своей яхте «Унди́на». Там ему посоветовали продолжить свое путешествие дальше, на Восток. Это был способ удалить его от полуострова. Он уклонился и вернулся на Капре-ра, где герцог де Сазерленд оставил свое судно в его распоряжение.

Гарибальди снова обрел свою монашески строгую комнату, поля и камни острова, шум моря.

Что он вынес из этой поездки? Уверенность в том, что его знают и любят огромные толпы народа, а правительство чужой страны относится с большим уважением, чем собственное?

Лорд Гранвилль в своем письме к королеве Виктории набросал его портрет. При всей снисходительности тона и отрицательности характеристики, в нем есть доля истины: «Он скромного происхождения. Много раз он проявлял большое мужество и редкую моральную стойкость. Это смелый воин. Его манеры и образ жизни просты... Это человек заурядного ума, но сама его наивность свидетельствует о полной неспособности к дипломатическим ухищрениям».

На самом деле жизнь в обществе, с ее правилами и условностями, не смогла подчинить себе Гарибальди, обкатать его по образу и подобию своему. Он остался яркой индивидуальностью — непосредственным и наивным даже на вершине славы, своего рода «поэтом» политики и действия. В каком-то смысле, для каждого он стал символом свободы и мужества быть не похожим на других. Его манера одеваться, для многих странная, это

тот же отказ от общепринятых норм и принуждения, в котором каждый, от высших слоев общества до низших, в салонах герцогов или в фабричных цехах, ощущает внутреннюю потребность. В нем нет и тени расчета. Сами его ошибки – тому доказательство. Именно это привлекает и очаровывает.

Гарибальди, или сбывшаяся мечта о свободной жизни, посвященной защите справедливости, – в этом основа его популярности.

И кто только не хотел использовать его славу!

Вокруг Гарибальди, сразу же по его возвращении из Лондона, засуетились советчики, они же агенты-осведомители короля (Порцелли), Мадзини и Партии действия (секретарь Герцони) или правительства (собственный зять Гарибальди Стефано Канцио). Каждый пытается повлиять на Гарибальди, предупредить и проинформировать свое начальство.

1 июня Гарибальди снова покидает Капрера и направляется в Исхию на яхте герцога де Сазерленда. Но, может быть, это только предлог? Что готовит этот дьявольский человек? На самом деле его по-прежнему мучают приступы ревматизма, и он едет в Исхию лечиться. Уверен ли сам Гарибальди в подлинности своих объяснений, которые верны в тот момент, когда он их дает? Известно, что, несмотря на редкостную верность своей генеральной линии, он прекрасно может, в зависимости от обстоятельств, различных влияний, внезапно изменить цель. Рим или Венеция? В Турине

задаются этим вопросом. Говорят, что Гарибальди организовал исследование подземелий, ведущих от Остии до самого Ватикана. Значит, подлинная цель — Рим, со всеми связанными с этим международными осложнениями.

Но Гарибальди уже изменил свои планы, избрав мишенью австрийцев. Он снова собирается поднять мятеж в Галиции, даже на всех Балканах, что позволит ослабить Австрию и начать против нее последнюю из освободительных войн, которая вернет Венецию Италии. Что это, серьезные планы или просто разговоры?

Советчики не доверяют друг другу. Сторонники Мадзини, естественно, опасаются влияния короля, а Виктор Эммануил II боится интриг «мадзинистов». Они же, в свою очередь, усматривают в планах действия за границей стремление отвлечь от Италии внимание лучших патриотов. 10 июля газета Партии действия «Иль Диригто» предостерегает итальянцев против «рискованных предприятий, замышляемых принцами и долженствующих больше служить их интересам, чем интересам народов». Виктор Эммануил II считает, что его предали, а Гарибальди отсылает друзей, окружавших его в Исхии.

В конце концов, Гарибальди устает от всех этих интриг и болтовни, от разных советчиков, пытающихся привлечь его на свою сторону. У него такое чувство, как он говорил уже в 1848 году, что он в самом деле превратился в своего рода знамя, которое должно довольствоваться тем, что развевается на ветру, другие понесут его, куда захотят.

А ведь в июне 1864-го ему уже пятьдесят семь лет, его мучают непрекращающиеся боли, он передвигается с трудом и не в состоянии даже без посторонней помощи сесть на корабль, который 18 июля снова отвез его на Капрера. Его пришлось нести. Как этому человеку, который был ниццским морским орлом, не чувствовать унижения оттого, что он болен и стар?

Все что угодно, только не доводящая до отчаяния серость «жизни праздной и бесполезной».

И все-таки именно такую жизнь ему придется вести.

Гарибальди управляет своими владениями, на которых трудится около тридцати рабочих. Каждый день вокруг него за столом собирается десяток друзей, почти постоянно живущих на острове.

Итак, его одиночество далеко от того, чтобы быть полным. Он возглавляет маленькую мирную «армию» из пятидесяти человек и, создав на средиземноморской Капрере своего рода «эстансию»¹, воплотил в жизнь мечту своей молодости, когда его влекла вольная и гордая жизнь гаучо из Рио-Гранде-до-Суль.

Конечно, пространство ограничено, но море вокруг острова создает ощущение бескрайнего простора. У Гарибальди около пятисот голов скота – коровы, козы, овцы – и, как только здоровье позволяет, он разъезжает среди них не спеша на лошади.

---

¹ «Estancia» – имение, поместье, усадьба (исп., Лат. Америка). – *Прим. перев.*

Патриархальная жизнь: сыновья — Менотти, Риччьотти — с ним рядом. Дочь Терезита и ее многочисленное потомство обосновались в его владениях вместе с мужем Терезиты Канцио.

На Капрера Гарибальди создал свою Южную Америку, маленькое королевство, в котором он живет вне городских и сельских проблем развивающейся Италии.

На самом же деле инициатива выскользнула у него из рук. Итальянское правительство отныне не расстанется ни с одной из своих прерогатив. Аспромонте показало, на чьей стороне сила. И Виктор Эммануил II проводит в жизнь принятые им решения.

Два города стали символом незаконченности итальянского единства: Рим и Венеция.

Что касается Рима, в июне 1864 года начались переговоры с Наполеоном III. Император хотел бы избавиться от итальянского осинового гнезда. Он прекрасно понимает, что Рим станет когда-нибудь столицей Италии и что, оставляя там войска, он рискует спровоцировать конфликт. Но он вынужден считаться с мнением католиков и своего окружения, которое не допустило бы, чтобы папу предоставили собственной судьбе.

Посланцы Виктора Эммануила II пытаются освободиться от иностранного военного присутствия, которое всегда свидетельствует о слабости государства.

15 сентября 1864 года между Парижем и Туринном подписано соглашение. Оно состоит из трех простых параграфов и протокола.

«Параграф первый: Италия обязуется не нападать на нынешнюю территорию Святого Отца и предотвращать, даже с применением силы, любое нападение извне на названную территорию.

Параграф второй: Франция будет выводить свои войска из папских государств постепенно, по мере создания армии Святого Отца. Вывод войск тем не менее должен быть осуществлен в двухгодичный срок.

Параграф третий: итальянское правительство будет воздерживаться от всякого протеста против создания папской армии, даже состоящей из волонтеров-католиков из иностранных государств — достаточной для поддержания власти папского престола и спокойствия как внутри, так и на границах его государств, если только эта сила не превратится в средство нападения на итальянское правительство.

Соглашение вступит в силу только с того момента, когда Его Величество король Италии издаст приказ о переносе столицы королевства в место, определенное в дальнейшем Его Величеством. Этот перенос должен быть осуществлен в шестимесячный срок с момента подписания вышеназванного соглашения».

Соглашение быстро вступило в силу. В 1865 году столица Италии перенесена из Турина во Флоренцию. И французские войска начали покидать Святой город.

Но было очевидно, что этот компромисс всего лишь этап. «Римский вопрос» не разрешен, а отложен. Пий IX упорствует, ссылаясь на традицию:

он не пойдет на уступки ни итальянскому государству, ни современной цивилизации. Это подтверждает силлабус¹, датированный декабром 1864 года.

Что же тогда — завоевывать Рим?

Гарибальди возмущен этим соглашением, как он говорит, унижительным для итальянцев. Он обличает лицемерие Бонапарта, этого клятвопреступника. Он снова заявляет о своей готовности действовать.

В Турине население осуждает этот договор, лишивший город роли столицы. Начиная с 22 сентября вспыхивают мятежи. Но государство еще раз проявляет решимость: на улицах города насчитают тридцать убитых и около ста раненых.

Что делать?

Наполеон III предупредил итальянское правительство: «Всякое попустительство нетерпеливым стремлениям скомпрометирует начатое дело». Итак, он не потерпит никаких действий против Рима. Если Гарибальди тронется в путь, произойдет новое столкновение.

Гарибальди это прекрасно чувствует. Он мечет громы и молнии, но ничего не пытается предпринять. Он и не может ничего предпринять.

Инициатива в руках государств.

С Венецией происходит то же самое.

В 1865 году Наполеон III принимает в Бьярице, как когда-то принял Кавура в Пломбьере,

---

¹ Syllabus (лат.) — документ, представляющий собой список предложений, отвергнутых палатой Прием. — *Прим. перев.*

прусского канцлера Бисмарка. Тема встречи: война, которую Бисмарк хочет начать против Австрии, чтобы освободить германские земли.

Наполеон III дает свое согласие, не понимая, что молодое Прусское государство, которому он покровительствует, станет более опасным противником, чем старая венская империя. Для Италии это франко-прусское соглашение будет иметь серьезные последствия. Если между Веной и Берлином разразится война при доброжелательном нейтралитете Парижа, Италия сможет нанести Вене последний удар. И Венеция снова войдет в состав родины.

Итак, между правительством Виктора Эммануила II и Бисмарком начинаются переговоры. Сначала заключен торговый договор (в феврале 1866-го), затем, 8 апреля, союз – сроком на три месяца: он предусматривает вступление Италии в войну против Австрии на стороне Пруссии. Его цена – аннексия Венеции в случае поражения Австрии.

А если она не потерпит поражения?

Наполеон III заключил соглашение с Веной – в обмен на свой нейтралитет. Если Австрия в Германии победит Пруссию, она передаст Венецию Наполеону, который уступит ее Италии.

Таким образом, при любом исходе Италия получит Венецию. Все начинания Наполеона III действительно счастливо кончаются для Итальянского королевства.

Однако чтобы добиться выполнения этих соглашений, сначала нужно воевать. А раз итальянцам

предстоит сражаться, как не вспомнить об их самом прославленном генерале – Гарибальди?

Он рассказывает: «Уже какое-то время шли разговоры о союзе с Пруссией против Австрии, и 10 июня 1866 года на Капрера прибыл мой друг, генерал Фабрици, чтобы пригласить меня, от имени правительства и наших, взять на себя командование волонтерами, которые во множестве собирались по всей Италии».

История повторяется.

На широте Капрера на якоре стоит корабль. Его силуэт хорошо знаком. Речь идет о «Пьемонте», который перевозил часть волонтеров во время похода «Тысячи» из Карто в Марсалу.

Корабль принял на борт Гарибальди.

Картина четырнадцатая

«Я ПОВИНУЮСЬ» (1866)

Шопять – война. Перед Гарибальди снова знакомые пейзажи – те же берега озера Гарда, те же люди – теперь ветераны, как и он сам, – он знал их еще в 1848-м, затем в 1859-м.

Ему пятьдесят девять лет. На самом деле он так и не оправился от ранения в Аспромонте. Рана, конечно, зарубцевалась, но здоровье подорвано – потрясением, болью, длительным процессом

выздоровления. И долгие четыре года, которые пришлось ждать, чтобы снова вернуться в Историю, — ездить из Лондона в Истрию, томиться в замкнутом мирке усадьбы на Капрера, где единственное развлечение — приезд друзей, из которых многие оказались соглядатаями, — все это быстро старило. Его лицо осунулось, волосы поредели, борода поседела, походка стала медленнее. Взгляд все тот же — ясный и наивный, но как будто затуманенный грустью.

На Капрера приехала молодая пьемонтка, Франческа Армозино: последнему из сыновей Терезиты, дочери Гарибальди, нужна была кормилица. Вначале Гарибальди не обратил на нее внимания, но затем его привлекла ее молодость. Он устал от одиночества. В свои шестьдесят лет он нашел в ней одну из тех «женщин-служанок», которые успокаивают, окружают заботой.

Избрав Франческу, Гарибальди знал: он может оставить ее на острове и уйти на войну. Она будет ждать.

На войну, но какую, где? Сначала существовали великие планы, которые сам король хотел воплотить в жизнь. Гарибальди и его волонтеров собирались послать на побережье Далмации, может быть, в район Триеста. Современный флот адмирала Персано, в составе которого было много броненосцев, должен был поддержать с моря эту десантную операцию. Когда появятся «Камичи россе», поднимется весь народ.

В этом рискованном предприятии вновь оживали все те планы, которые с 1862 года обсуждались

в окружении короля и теперь были отданы на суд Гарибальди. Он в восторге, уже мечтает о походе на Триест, а оттуда — почему бы нет? — на восставшую Венецию.

Заявил ли адмирал Персано, что он не в состоянии обеспечить транспортировку и защиту волонтеров, или в самом деле «идея была слишком хороша для некоторых умников из совета при итальянском дворе», как думал Гарибальди. Как бы там ни было, поход не состоялся.

Гарибальди направился к озеру Гарда, затем к Камо и Сало; он должен был атаковать Южный Тироль, завладеть высокогорными долинами.

В 1859 году он уже воевал с Альпийскими стрелками. Его остановило только перемирие Виллафранка.

Это поле сражения, конечно, было очень важно. Оно позволяло контролировать весь северо-восток Ломбардии и защищать Брешиа. Но итальянские генералы могли также быть уверены в том, что в этих долинах с крутыми склонами гарибальдийцы не могли одержать крупную победу. В этом альпийском районе генералы могли не опасаться, что успешный прорыв приведет Гарибальди в Венецию раньше, чем туда придут войска короля, как это было в Неаполе. Кроме того, они знали, что Гарибальди придется сражаться с великолепно обученными войсками — «кайзерягер»¹, горной альпийской дивизией генерала Кюна, в значительной части состоявшей из местных жителей, так как — и это

---

¹ «Kaiserjäger» (нем.) — «кайзеровские ягуары».

последняя западня, ждущая Гарибальди на этом театре военных действий, — здесь итальянскому национализму противостоит немецкий. Патриотизм в Тироле неоднороден. Деревни некоторых долин — «итальянские». Но в других, всего в нескольких километрах от них, говорят по-немецки и ощущают себя немцами. Волонтеры не найдут там ни еды, ни помощи. Крестьяне Южного Тироля не стремятся переменить родину. Гарибальди не удастся поднять их на борьбу и увлечь за собой восторженную толпу, которая хлынет в Венецию.

Был ли здесь умысел со стороны итальянских военных властей? Если Гарибальди и не восстанет против выбора навязанного ему плацдарма, он возмущен мелочностью, напомнившей ему то, с чем он уже сталкивался в 1848-м и 1849-м. «Пушек нет, — рассказывает он, — волонтеры могли бы их испортить; вместо ружей — старая рухлядь, как обычно, а не хорошие карабины, которыми вооружена армия; постыдная скарედность в одежде и так далее — многие волонтеры шли в бой в штатском [...]»

Несмотря на это, они собираются десятками тысяч. Их так много, что приходится во много раз увеличить число призывных пунктов в Комо, Варесе, Галларато, Бергамо. Генеральный штаб рассчитывал набрать двадцать батальонов, пришлось сформировать сорок. Но они необстреляны. Лучшие офицеры-гарибальдийцы (Медичи, Козенц, Турр) служат теперь в регулярной армии. Гарибальди требует, чтобы помощниками были

назначены его сыновья: Менотти, который уже хорошо проявил себя в сражениях, и Риччьотти, которому всего восемнадцать лет и который будет воевать впервые.

Он настаивает на том, чтобы его людям позволили снова надеть красные рубашки. Разрешение получено, но волонтерам по-прежнему не доверяют. Генеральный штаб, кроме того, что не дает необходимого вооружения, удерживает на юге Италии пять полков.

Волонтеров Гарибальди снова используют для того, чтобы направить народный порыв в нужное русло и сдержать его. С точки зрения генерального штаба, Гарибальди следует опасаться. «Чтобы следить за двадцатью тысячами гарибальдийцев, нужно сорок тысяч солдат регулярной армии», — говорят в ставке.

Это заявил Ла Мармора. В свое время он арестовал Гарибальди. Теперь вместе с генералом Чалдини — другим врагом Гарибальди — он командует итальянской армией, которая — во всяком случае на бумаге — превосходит австрийские войска. Она насчитывает около двухсот двадцати тысяч человек против ста пятнадцати тысяч австрийцев. Но «руководимая иезуитами в военных мундирах, она окажется в клоаке унижений».

Гарибальди вынес этот суровый приговор, когда уже знал, что итальянская армия после короткого боя 25 июня потерпела поражение при Кустоцце. Ее потери, однако, были меньше австрийских (семьсот семнадцать убитых и две тысячи пятьсот

шестьдесят четыре раненых против тысячи ста семидесяти убитых и трех тысяч девятисот восьмидесяти трех раненых).

И однако — это отступление более чем по тридцатипятикилометровому фронту, расстроенные полки, брошенные пушки и фургоны. И этих беглецов подбирают и возвращают в строй именно гарибальдийцы! Дело не в малой боеспособности итальянцев, а в слабости и разногласиях командования.

Ла Мармора не доверяет Чалдини. Рядом с ними находятся неаполитанские генералы и бывшие гарибальдийские офицеры. Вчерашние враги оказались в одном лагере, так как итальянское единство создано. Но на самом деле оно еще не сплавлено в единое целое.

Та же картина в войсках.

Кроме того, генералы слишком стары: Ла Мармора уже шестьдесят два года, Чалдини пятьдесят пять, а гарибальдийцу Медичи сорок девять. Войска, конечно, молоды, но не имеют боевого опыта, и ими командуют офицеры, чей возраст и существующие между ними разногласия мешают действовать решительно.

Поражение при Кустоцце оказалось тяжелым ударом, так как для короля и его правительства вступление в войну объяснялось только желанием воевать.

Австрия в мае, осознав прусскую угрозу и опасность, которую представляла для нее война на два фронта, между Италией и Пруссией, была

склонна уступить Венецию Наполеону III, чтобы он передал ее Италии. Италия должна была заплатить за это отказом от союза с Пруссией.

Следовательно, Венецию можно было получить без боя. Но Италия — от Виктора Эммануила до Гарибальди — не хотела больше чаевых. Она жаждала показать на поле боя, что умеет быть великой, воинственной нацией и освободит Венецию с оружием в руках.

И в тот момент, когда волонтеры Гарибальди начали военные действия, одержав первые победы во время похода в Тироль, произошло «это роковое сражение 24 июня».

Они получили приказ отступить, чтобы защищать Брешию. Гарибальди мог бы проявить горькую радость при известии о поражении тех, кто так часто его клеймил. Он не позволил себе этого и выполнил приказ. Но не скрывал своего разочарования.

«Мне не нравится бить лежачих, — пишет он, — и я не хотел бы, чтобы то, что я скажу в адрес армии, рассматривали как месть за всю ту несправедливость, которую мне пришлось вынести от того, кто в то время ею командовал — Ла Мармора. Но нужно признать, что после того как все мы ждали блестящих побед великой армии, вдвое превосходящей силы противника, располагающей огромными ресурсами, первой в мире артиллерией, войсками, полными отваги и энтузиазма, вдруг испытать такое разочарование, когда вся эта прекрасная армия отступает в беспорядке, не преследуемая

противником — за реки (Ольо и По) на тридцать миль вглубь, оставив без прикрытия почти всю Ломбардию; нужно признать, повторяю я, что для всех это было ужасным ударом».

Унижением для всех итальянцев-патриотов.

Они хотели, чтобы победоносная военная операция стала ярким доказательством того, что итальянцы вновь обрели все доблести единого народа.

Но это было поражение, отразившее двусмысленность условий, в которых осуществлялось Рисорджименто.

Однако, несмотря на поражение при Кустоцце, правительство упорствует в проведении своей политической линии. И Гарибальди ей следует.

Когда 3 июля 1866 года пруссаки разбили австрийскую армию при Садове и возможен мир, когда после этого «удара грома» Вена еще раз предлагает при посредничестве Наполеона III уступить Венецию Италии, итальянское правительство отказывается.

Оно хочет продолжать войну, чтобы одержать, наконец, военную победу, войну, чтобы укрепить Италию и доказать, что она — великое Государство! А сражаться предстоит волонтерам Гарибальди.

Они продвигались вперед в направлении Трентина. При известии о поражении при Кустоцце они отступили, образовав заслон, который защищал Брешию в ожидании атаки австрийских войск. Они были тогда — о, ирония судьбы! — единственным рубежом сопротивления.

Эти презираемые волонтеры, плохо вооруженные, стали последней надеждой в тот момент, когда полки Ла Мармора и Чалдини были разбиты. Но после четырех дней ожидания, когда противник так и не появился, Гарибальди решил продолжать двигаться дальше, в горы.

Нужно представить себе эти долины и каменистые склоны; «кайзерягер» засели на их вершинах, переходят из одной долины в другую.

3 июля, в день поражения австрийцев при Садове, Гарибальди бросает своих людей на приступ Монте Суэлло. Естественно, он среди них, под огнем австрийских стрелков. Он ободряет голосом молодых волонтеров, сам служит примером, устремляясь вперед, проводя все тот же тип операций, когда самому нужно быть под выстрелами, чтобы увлечь за собой, неудержимым натиском смять противника. Но эта стратегия трудно осуществима из-за рельефа местности. Лучшие офицеры пали от пуль вражеских снайперов. Волонтеры отхлынули, а сам Гарибальди получил ранение в бедро.

Рана не опасна, но в принятой им тактике командования – серьезная помеха. Гарибальди доверяет только себе и руководит боем всегда в первой цепи наступающих.

Теперь же его придется везти вперед. Передвигаться он будет в повозке.

В одном из писем он успокаивает свою дочь Терезиту: «Не волнуйся, что бы тебе ни говорили о моем ранении. Поцелуй малышей, передай привет всем, кого любит твой Джузеппе Гарибальди».

Гарибальдийцам не удалось взять Монте Суэлло, когда их генерал был цел и невредим. Им было трудно «быть орлами», как того требовал приказ. Как покорить эти вершины, занятые австрийцами, окопавшимися на укрепленных позициях?

Раненый Гарибальди вынужден замедлить свое продвижение. Новые бои, проходившие 16 июля, были тяжелыми для гарибальдийцев. Красные рубашки отступают, и Гарибальди, чтобы отступление не превратилось в разгром, должен продвигнуться в своей повозке на самую первую линию и снова овладеть войсками.

Последующие дни были отмечены мелкими стычками, где военная удача была скорее благосклонна к гарибальдийцам, и они продолжили наступление, овладев несколькими вершинами и фортом Валь Ампола.

Чтобы остановить это продвижение вперед, медленное, неравномерное, но реальное, генерал Кюн принимает меры, решается на фронтальную атаку гарибальдийцев. Одна из его колонн неожиданно захватывает деревню Беззекка, закрепляется там и начинает обстреливать долину, держа гарибальдийцев под огнем.

Это происходит 21 июля 1866 года.

Гарибальди приказал остановить свою повозку посреди дороги и, не обращая внимания на огонь противника, для которого стал мишенью, продолжал руководить операцией и дал приказ овладеть высотой: «Действуйте как можно быстрее, — сказал он офицеру, который должен был

командовать операцией, — вы найдете меня здесь, живого или мертвого».

Маневр удался, и Гарибальди завершил его, приказав перейти в штыковую атаку, в которую волонтеров повели его сыновья, Менотти и Риччотти, и его зять Канцио. Для Гарибальди война — дело личное и семейное.

Во время этого трудного боя, стоившего волонтерам более тысячи человек, генерал показал, что сохранил всю свою решимость. Когда Гарибальди сам распоряжается своими войсками, он умеет вести сражения. После Безекка он может продолжать наступление.

Но только судьба войны решается не в Тироле. Сосредоточив внимание на военных операциях Гарибальди, единственных успешных — хотя и не принесших крупных побед — в этой войне 1866 года, мы забыли о том, что колокол по итальянским надеждам уже звонил. Но не здесь.

Впервые похоронный звон прозвучал в Кустоцце 24 июня. 20 июля он пробил над Адриатикой. Флот генерала Персано, в составе которого было двенадцать броненосцев, разбит при Лиссе австрийским флотом адмирала Тегетхоффа, не располагавшим, однако, подобными силами.

Теперь уже у Италии не осталось возможности с честью выйти из войны. Война, которую продолжали вести, надеясь одержать победу, обернулась поражением. Хуже того, 22 июля Пруссия заключила с Австрией перемирие, быстро перешедшее в переговоры о мире. Что могла сделать

разбитая Италия, оказавшись один на один с Австрией, отныне освободившейся от своего противника, Пруссии? Ей оставалось только тоже выйти из войны.

Гарибальдийцы, убитые в боях, погибли напрасно.

Утром 25 июля, когда гарибальдийские войска подходили к Тренто, Гарибальди получил телеграмму из генерального штаба. Она была подписана Ла Мармора. Накануне между Италией и Австрией было заключено восьмидневное перемирие.

Гарибальдийцам, на глазах которых в ходе боев погибло две тысячи триста восемьдесят два итальянца, было трудно согласиться с ее содержанием. «Политические соображения властно требуют, — писал Ла Мармора, — заключения перемирия, ввиду которого по приказу короля все наши силы должны быть выведены из Тироля. Генерал Медичи со своей стороны уже начал осуществлять вывод войск».

Для Гарибальди это не было полной неожиданностью. Уже в течение многих дней, после проигранного морского боя в Лиссе, он предчувствовал такое решение. Но для офицеров и волонтеров телеграмма была как удар бича. «Я видела, — пишет Джесси Уйат, — как люди ломали сабли и штыки, бросались на землю, катались по бороздам, еще влажным от крови их братьев».

Однако Гарибальди действует без колебаний. На телеграмму Ла Мармора он коротко отвечает: «Я получил вашу телеграмму № 1073. Я повинуюсь».

Эта фраза: «Я повинуюсь» (*obbedisco*) стала знаменитой – подлинным символом величия и рабства военного ремесла¹. Некоторые упрекали Гарибальди за то, что он подчинился.

«Это слово послужило затем для обычных жалоб сторонников Мадзини, – пишет Гарибальди, – которые все еще хотели, чтобы я провозгласил Республику, выступив в поход против Вены или Флоренции». Но достаточно сформулировать эту программу, чтобы ее неосуществимость стала очевидной.

Кроме того, это «я повинуюсь» – в его натуре. Импровизатор, бесстрашный вождь, способный увлечь за собой людей, он не создаст движения или организации. Он способен противостоять власти: его столкновения с Кавуром это доказали, но король Виктор Эммануил II – для него символ. Это свято. Он король Италии. Ни тени неуважения или протеста. Безоговорочное повиновение, в основе которого – чувство реальности.

Гарибальди верен своей логике; его лозунгом всегда было: «Италия и Виктор Эммануил». Другой стратегии он не видел. Или считал ее самоубийством.

В 1866 году Венеция передана Франции. 3 октября между Италией и Австрией заключен мир.

Французский генерал Лебеф назначен в Венеции комиссаром Наполеона III. Он символически

---

¹ Литературная реминисценция: перефразированное название знаменитой книги А. де Виньи «*Servitude et grandeur militaires*» – «Рабство и величие военного ремесла». У Галло – «величие и рабство». – *Прим. перев.*

принял город от австрийцев и передал его итальянцам. Плебисцит от 21-го и 22 октября дал шестьсот сорок семь тысяч двести сорок шесть голосов за Италию против шестидесяти девяти! Подавляющее большинство, которое говорит о чувствах народа, но не может заставить забыть об унижительности поражений и присутствия этого французского генерала, посредника между победителями (австрийцы), разбитыми другими победителями (пруссаки), и побежденными (итальянцы).

Но в то же время это знак того, что европейские государства понимают: новое королевство, несмотря на призыв к Гарибальди, не склонно «портить праздник», обращаясь скорее к народу, чем к монархам. Оно не выйдет за пределы дипломатической игры.

Гарибальди и его «красные рубашки» были не более, чем острой приправой, необходимой для объединения, полученного в конечном счете консервативными путями. Этот союз был необходим королевской стратегии, так как нужно было увлечь патриотов и в то же время обезвредить наиболее радикальных из них.

А что же Гарибальди во всей этой игре? Только пешка? «Ловушка для патриотов» во имя монархии?

Все не так просто. Гарибальди действовал не по принуждению, стараясь быть дальновидным, выбрать то, что принесет родине больше всего пользы. Но как только он решил, что патриоты должны идти за Виктором Эммануилом II, он обрек себя на «повиновение». А если он не повинуется (в Аспромонте), его наказывают.

Ла Мармора вынужден был признаться одному из французских дипломатов, что средства, к которым пришлось прибегнуть, чтобы создать итальянское единство, были «затруднительны для тех, кто правит и хочет (и должен) быть консерватором после того, как использовал Революцию, чтобы прийти к тому, к чему мы пришли; но что сделано, то сделано: время, мудрость, осторожность, предусмотрительность, при необходимости — сила, против тех, кто хотел бы продолжать оставаться революционерами [...], мало-помалу сплотят политически и социально наше государство».

В словах итальянского генерала — дальновидность и цинизм. В этом свете Гарибальди напоминает флейтиста из сказки, который заморозил и увлек за собой к реке всех мальчиков целой деревни. Но разве можно было сделать что-нибудь другое в этой стране, еще раздробленной на части, такой противоречивой, с такими разными условиями жизни, например, на Юге и на Севере? Для ее объединения оставался только такой извилистый путь, как революция.

Тем, кто думал, что объединения можно достичь только революционным путем, Гарибальди противопоставил идею примата объединительного движения. Даже если ради этого нужно было объединиться с королем.

Потом видно будет.

24 сентября, возвращаясь к себе на Капрера, Гарибальди остановился во Флоренции. Его бурно приветствовали. И он уже тогда сказал, что

настоящая столица Италии – Рим и нужно думать только о том, как ее освободить.

Несколькими неделями позднее – 7 ноября – были объявлены результаты плебисцита в Венеции и Виктору Эммануилу II устроен в городе триумфальный прием. Среди криков восторженной толпы слышится также: «Рим, Рим». И Виктор Эммануил II вторит: «Отныне Италия создана, пусть пока и не полностью!»

Как требовать от итальянцев, чтобы они не стремились «дополнить» единство? Как требовать, чтобы они остановились на пути, ведущем к их истинной столице?

Как запретить Гарибальди сделать еще одну попытку привести их туда?

Пятый акт

СТАРЫЙ ВОИЧ
(1867 – 1882)

Картина пятнадцатая

«ТРУП ПРЕДАН ЗЕМЛЕ, НО ИДЕЯ ЖИВА» (1867)

Осень 1866-го. Юго-восточный ветер принес дожди. Они обрушились на Капрера внезапно, сделав на несколько дней землю острова рыхлой, подняв воду в колодцах, изменив весь пейзаж. Горизонт закрыт низкими облаками, скользящими над самой поверхностью волн; они проносятся над рифами и проливаются потоками дождя в узком проходе пролива Бонифачо на севере Капрера.

Укутанный в свое пончо, медленно переходя от одного здания к другому, затем обсыхая у камина, как старый насквозь промокший пастух, прежде чем принять свою ежедневную обжигающую ванну, за которой следует холодный душ, Гарибальди кажется всего лишь одним из тех странных чужеземцев, которых можно встретить почти на каждом острове Средиземного моря.

Ему шестьдесят. И, несмотря на взгляд, на почти не изменившийся голос, он выглядит старше своих лет. По некоторым движениям — манере выпрямляться, откинув назад голову, выдвинув вперед подбородок, по раздраженному отказу показаться

врачу, несмотря на приступы ревматизма, можно догадаться, что он отвергает старость. Борется с ней. И когда Франческа Армозино родила от него ребенка 16 февраля 1867 года, маленькую девочку, которую назвали Клелией, — радость Гарибальди не знает границ. Он в восторге. Он пишет письма, сообщая о радостном событии. Никогда прежде он не проявлял такого сильного отцовского чувства.

Он посадил дерево в честь рождения Клелии. Франческа Армозино, молодая мать, преданная тому, кого гордо и робко она называет не иначе, как «генерал», Франческа, служанка-возлюбленная, отныне безраздельно царит в личной жизни Гарибальди, получив над ним власть, которой никогда не было ни у одной женщины. Он не возражает. Она исполняет малейшее его желание. Она его умывает и причесывает. Правда, она постепенно изгоняет с острова старых друзей, устраивая в имени своих близких — родственников, братьев.

С этой подругой, обретенной на склоне дней, Гарибальди больше не расстанется.

Но в этом году, 1867-м, ему придется часто ее покидать, как будто земля Капрера горела у него под ногами: предстояло завоевать Рим.

Предприятие, в отличие от 1862 года (Аспромонте), казалось легким.

11 декабря 1866-го в соответствии с сентябрьской конвенцией 1864-го, французские войска оставили Рим, и город остался без защиты — стоило только протянуть руку. В самом городе патриоты

организовали заговор, вступили в контакт с Гарибальди. Достаточно было, чтобы население восстало, обратилось с призывом к Италии, и европейские государства (прежде всего Франция) будут не властны над городом. К тому же Раттацци, председатель совета, заявил об этом с трибуны палаты депутатов: «Римский вопрос не может быть решен ни путем вторжения на папскую территорию, ни путем вооруженного восстания извне (здесь он целил в Гарибальди). Пусть в Риме помнят об этом. Не ждите, чтобы вас освободило итальянское правительство. Оно связано конвенцией. Но освободите себя сами, и вы увидите, что каждый итальянец умеет исполнять свой долг».

Позиция правительства Виктора Эммануила, таким образом, одновременно осторожна — речь идет о том, чтобы не вызвать гнев Франции, — и готова пожать плоды действия, исходящего не от него, а от жителей Рима! Политика двусмысленная и изворотливая, вполне в традициях власти, которая, осуждая Гарибальди, давала ему возможность действовать.

Впрочем, это была единственная возможная политика. Использовать королевские войска для завоевания Рима значило спровоцировать конфликт с Францией; Виктор Эммануил II не мог взять на себя такую ответственность. Договориться с Пием IX, добиться соглашения, которое сохранило бы права папы и позволило Италии водвориться в Риме? Это было бы выходом. С этой целью король Италии послал в Рим государственного

советника — Тонелло. Король даже торжественно заявил, что он «полон уважения к религии своих предков, которая является религией большинства итальянцев». Он хвалил «мудрость папы римского».

Но все было напрасно.

Пий IX замкнулся в своей враждебности, а папские круги намерены были защищать собственность церкви, которую итальянское правительство хотело продать, чтобы покрыть дефицит своего бюджета. Следовательно, достичь согласия было невозможно. Папа даже усилил свои войска, которыми командовал генерал Канцлер, подразделением волонтеров, Антибским легионом. Набранные в самом деле на Антибах, эти «мальчишки-хористы в красных штанах» были родом из областей, где процветал самый яркий католицизм в Европе. Они были завербованы и распределены по полкам с помощью правительства Наполеона III. Военный министр императора даже вручил полковнику д'Аржи, командовавшему легионом, саблю: офицеру предстояло «защищать от имени Франции персону и власть Святого Отца».

В Риме, когда легион был расквартирован, командование над ним принял французский генерал Дюмон; это значило, что Наполеон III, даже выведя свои войска из Святого города, продолжал его защищать.

Во время парадов, когда из толпы иногда слышались возгласы: «Рим — Италия!» или «Да здравствует король Италии!», волонтеры отвечали:

«Да здравствует папа-король!», что оскорбляло патриотические чувства всей Италии.

Гарибальди не мог смириться с таким положением.

«Живя в праздности, которую я всегда считал преступной, когда столько еще нужно было сделать для нашей страны, — пишет он, — я справедливо полагал, что настало время вернуть Италии ее прославленную столицу». И к тому же, по его мнению, плохо защищенную. «Солдат Бонапарта в Риме больше не было, оставалось всего несколько тысяч наемников».

Их будет легко смять с помощью граждан Рима. С этой целью Гарибальди покидает Капре-ра. «Я предпринял крестовый поход», — сказал он.

Он идет из города в город. Его поездка, начавшаяся в феврале, совпала с выборной кампанией для обновления состава палаты. Он один из кандидатов от «левых». Он заявляет о своей ненависти к папе и о необходимости освободить Рим. Повсюду его приветствует народ: во Флоренции, в Болонье, в Феррари.

Он сел на поезд, идущий в Венецию, и на каждой остановке обличает: «папство — это отрицание Бога», «понтификат — это змеиное гнездо». Он обвиняет папу в «узурпаторстве». Он же, Гарибальди, напротив, «генерал Римской республики».

Значит, он имеет право принять пост «верховного командующего римскими войсками», возглавить центр восстания, кричать венецианцам, тысячи которых собрались, чтобы его приветствовать: «Вы

принадлежите к великой стране, но остается еще кусок итальянской земли, который необходимо присоединить, — Рим. Рим — наша столица. Мы войдем в него, как в наш дом».

Так он говорит в течение многих недель. Он очень устал от переездов по железной дороге, приемов, речей. Но счастлив, как никогда.

Его опьяняют собственные речи, которые все больше становятся похожи на проповедь апостола. Этот франкмасон, увлеченный философией прогресса, возвещает новое евангелие, основанное на искренности и любви. Женщины приближаются к нему, как к святому, подносят для благословения детей — и он их благословляет «именем Господа и Иисуса». Он говорит о Правде и Справедливости.

Когда он говорит, стоя на балконе, над толпой, его пончо, красная рубашка, седые волосы видны издали; глаза его блестят. Всю весну и часть лета он продолжает свои проповеди — в Тревисе, Удино, Фельтро, Виченце, Вероне. Его слова пьянят.

Эти месяцы 1867 года — самые насыщенные в его жизни. Создается его политическое кредо.

Когда он создает «динарий свободы» — в противовес динарию святого Петра, чтобы собрать средства, предназначенные для приобретения оружия, люди подписываются. И правительство ему не мешает, верное своей двусмысленной позиции, готовое войти в Рим, если городские ворота ему откроют другие.

В августе Гарибальди отправляется в Орвьето, всего в восьми километрах от границы Папского

государства – еще один шаг сделан. Становится известен его приказ о выдаче оружия, хранившегося на складе в Терни со времени похода в Аспромонте. Затем молодые волонтеры войдут на территорию папы.

В последний момент правительство короля встревожилось. Оно не может не знать об угрожающем протесте посла Франции, обвинившего Раттацци в пособничестве. Может быть, оно в самом деле существует? Гарибальди наивно поверил в обман, или эта версия создана специально: будто председатель совета благосклонно воспринимает идею «Рима, столицы Италии»?

Но Раттацци, напротив, отступает, отдает приказ арестовать и обезоружить эмиссаров Гарибальди. И тот понимает, что еще не время. Но он и не отказывается. Устроившись в замке графа Мазетти, дворянина-патриота, он организует встречи, объезжает всю Тоскану.

Он удерживает своих друзей. Говорит, что момент еще не настал.

В Сьенне, в величественно строгой обстановке, в конце банкета он сообщает, что с наступлением «прохлады», следовательно, осенью, он даст сигнал к началу действия.

Будет ли это в сентябре? Этого ждут. Во Флоренции, Париже наготове, чтобы использовать или подавить движение, которое должно начаться. И вдруг становится известно, что Гарибальди уехал в Женеву, чтобы участвовать в Международном конгрессе мира...

Что привлекает его в Женеве? Пацифистские идеалы? Гарибальди, хоть и воевал всю жизнь, всегда говорил, что верит в будущий мир, всегда клеймил территориальные притязания.

Следовательно, в Женеве он на своем месте. Он знает, что встретит там величайших людей современности. От Кине до Араго, от Бакунина до Пьера Леру, от Герцена до Достоевского.

Он сочувствует, со времени его создания в 1864 году, Интернационалу и дал благоприятный ответ Марксу, когда тот предложил ему вступить в этот союз трудящихся.

Конгресс состоялся в напряженной международной обстановке. Пацифисты боялись, что после австро-прусской войны может возникнуть новый конфликт, между Францией и Пруссией.

По дороге в Женеву, на протяжении всего пути, Гарибальди приветствуют огромные толпы народа, останавливающие поезд. В Женеве его вначале встречают овациями и провожают от вокзала до места заседания конгресса. Он самый знаменитый из участников конгресса и вызывает любопытство и восхищение. Но очень скоро резкость его антикатолических высказываний вызывает протест.

Некоторые жители Женевы, даже протестанты, возмущены и устраивают демонстрации. Гарибальди, видимо, чувствуя эту обстановку враждебности, немедленно возвращается в Италию, даже не дождавшись обсуждения своей программы, состоявшей из одиннадцати пунктов.

Во Франции возмущенная католическая пресса превратила Гарибальди в своего рода «антихриста».

В другом политическом лагере Огюст Бланки посмеялся над наивностью Гарибальди и «полным и шумным провалом» Конгресса мира.

Для Бланки Гарибальди «большой ребенок», для Маркса — глубоко наивный в политике человек, благородный, конечно, но неловкий и неспособный четко проанализировать сложившуюся ситуацию. Гарибальди не теоретик и не революционер. Он доверяет своей интуиции, верна она или нет. Он добивается успеха, когда почти чудом обстоятельства объединяют вокруг его рискованных предприятий силы, которые их поддерживают. После 1862 года и Аспромонте он все еще рискует, но без страховочной сетки. И каждый раз падает. Кажется, что время его прошло, и, однако, он упорно повторяет те же шаги.

Следует ли осуждать его за это? Бланки, создавший политическую теорию, опирающуюся на стратегию, никогда не сумеет реально повлиять на ход событий. Гарибальди, двигаясь ощупью, без подготовки, сумел, напротив, в 1860 году повлиять на ход истории Италии.

11 сентября 1867 года Гарибальди покинул Женеву, где его речи вызвали протест официальных религиозных властей.

В правительственных кругах Флоренции надеялись, что он вернется на Капрера.

Но он присоединился к своим сторонникам в городах, расположенных поблизости от Папского

государства, и возобновил пропаганду, произнося речи и повторяя, что настало время «идти на Рим».

«В Рим! В Рим! — призывал он. — Я стар, и, может быть, вы придете туда раньше меня. Но мы там встретимся, даже если пойдем разными путями».

Гарибальди надеется повторить в Риме то, что пережил в Венеции.

Когда ему говорят о враждебности итальянского правительства, он только пожимает плечами, давая понять, что между всеми итальянцами существует молчаливое согласие.

И в самом деле, гарибальдийцы безнаказанно собираются на глазах у карабинеров. Часто оружие поступает к ним из королевских войск. Не значит ли это, что Виктор Эммануил II и Раттацци, председатель совета, решили не мешать? Гарибальди даже пользуется — и это говорит о том, до какой степени он чувствует себя в безопасности, — официальным телеграфом, чтобы передавать свои приказания своему сыну Менотти, который собирает волонтеров в Терни. Более того, 18 сентября он помещает в газетах два обращения, одно для жителей Рима, второе для итальянских патриотов. Первых он призывает к восстанию, от вторых требует, чтобы волонтеры присоединились к нему.

Этот сценарий через несколько дней будет отменен. Париж выразит протест итальянскому правительству и в доказательство своей решимости приведет в боевую готовность пехотную дивизию в Лионе. Гарибальди не обратит на это внимания, но Виктор Эммануил II и Раттацци почувствуют,

что пора обезопасить себя от каких бы то ни было обвинений в пособничестве.

21 сентября «Официальная газета» опубликовала короткий, но ясный текст: «Если кто-нибудь, — подчеркивается в этом правительственном заявлении, — в нарушение условий конвенции от сентября 1864 года попытается переступить границы Папского государства, мы этого не допустим».

Предупреждение для Гарибальди.

Но он уже не впервые не обращает внимания на совет, предупреждение или королевский ультиматум. Более того, он еще раз вообразит, что «они» не посмеют.

В ночь с 23-го на 24 сентября он гостил у одного из друзей в Синалунга, по дороге из Сьенны в Орвьетто. Естественно, он не принял никаких мер для своей безопасности. Он открыто отправился в этот дом, рано лег спать. И был поражен, когда утром его разбудил лейтенант карабинеров и объявил, что он арестован. На вокзале Лусиньяно его ждал специальный поезд. Оттуда его препроводили в Алессандрию, где на сорок восемь часов заключили в крепость. Гарибальди приветствовали солдаты гарнизона, которые устроили манифестацию в его защиту и кричали: «Рома, Рома!»

Снова он поставил правительство в затруднительное положение. Что делать с этим человеком, которого так часто приходится заключать в крепость, а затем освобождать под давлением общественного мнения?

В конце концов, его посадили на корабль: место назначения — Капрера. Остров взяли на карантин. Его окружили фрегаты, броненосцы, мелкие пароходы.

«И вот я в собственном доме пленник, с которого не спускают глаз».

Известие о его аресте вызвало демонстрации по всей Италии.

Известно, что французский министр иностранных дел выразил глубокое удовлетворение действиями итальянского правительства: «Поздравьте председателя совета с решением, которое он только что принял». В итальянском парламенте депутаты от левых заявили протест, как только узнали, что Гарибальди в заключении: депутат защищен парламентской неприкосновенностью. По какому праву его держат под наблюдением даже на его острове? Правительство отвечает отговорками, которые никого не обманывают: блокада острова вызвана эпидемией холеры.

В городах Флоренции, Неаполе не прекращаются волнения. Речь идет, конечно, об ограниченных социальных слоях, но они достаточно сильны, чтобы правительство не на шутку встревожилось. Да и волонтеры не отказались от своих намерений.

Ими руководит Менотти Гарибальди. Их отряды после коротких боев проникают на территорию Папского государства. Все власти снова, как кажется, им содействуют; от карабинеров до железнодорожников: гарибальдийцев, отправившихся по железной дороге, пропускают. В самом

Риме патриоты готовятся к восстанию, велика надежда, что их поддержит город. Правительство ждет этого движения, которое могло бы избавить его от ответственности в глазах Франции, позволив в то же время присоединить Рим к Италии.

Париж не дает себя провести. Войска двинулись к Тулону, корабли готовы их принять. Одновременно правительство Наполеона III призывает Пия IX оказать сопротивление, «энергично защищаться, так как Франция не оставит его без поддержки». И для этого есть еще повод: империя только что испытала унижительное поражение в Мексике: «ее» император Максимилиан расстрелян в июне 1867 года? Почему бы не вернуть внешней имперской политике блеск фанфаронскими успехами в Риме? Их нетрудно одержать, а общественное мнение католиков будет удовлетворено. Банды гарибальдийцев или даже итальянскую армию легко будет разбить, если возникнет такая необходимость.

19 октября Париж потребовал, чтобы Виктор Эммануил «обнародовал заявление, что все волонтеры будут арестованы, разоружены, интернированы».

Но итальянское правительство не может ответить даже, что оно по-прежнему держит Гарибальди под наблюдением. 14 октября ему удалось с Капрера бежать.

В жизни Гарибальди еще не было побега. Он сумел его осуществить теперь, когда ему уже за шестьдесят.

Он тяжело переносил свое заключение на Капрера.

Бездействие для него невыносимо. Он пишет, обращается к волонтерам с прокламациями. «Между Римом и мной с давних пор заключено торжественное соглашение, я любой ценой сохраню верность моему обещанию и буду среди вас».

Он подумал вначале, что блокада острова только символична, несмотря на количество судов, осуществлявших ее борт к борту. Он попытался еще 8 октября сесть на корабль, курсировавший между островом и Мадаленой, но на корабле был проведен досмотр, и Гарибальди был вновь водворен на Капрера.

Побег был прекрасен, как в романе Александра Дюма. На пляже под мастиковым деревом была спрятана маленькая лодка, «беккаччино», купленная Менотти на Арно. У лодки всего один парус, но Гарибальди не сможет даже его поднять, так как вдоль берегов острова курсируют патрульные суда. Юноша сардинец помог Гарибальди спустить лодку на воду, затем отплыл на шлюпке, чтобы отвлечь внимание охраны.

В этом бегстве Гарибальди пригодился весь его морской опыт. Он выбрал момент, когда луна еще не взошла высоко над островом. И тогда он отплыл, доверившись юго-восточному ветру; поднятые им невысокие волны скрывали лодку. У него всего одно весло и он пользуется им, как лопатным, вспомнив о плавании на индейских каноэ по американским рекам.

Наконец, миновав многочисленные рифы, он пристал к другому маленькому острову этого архипелага.

Ему пришлось вытащить лодку на берег, спрятать ее в лесной поросли, перейти вброд протоку, чтобы добраться, наконец, до дома мадам Коллинз, «эксцентричной» англичанки, спутник которой – ее бывший слуга – умер два года назад. Гарибальди шел с трудом. Годы, болезнь, он уже не так силен, как прежде; «я с трудом продирался сквозь заросли кустарника и карабкался по скалам острова Маддалена».

Когда Гарибальди добрался до дома, он совершенно обессилел.

А ему еще предстояло, передохнув ночь, пересечь проток, отделяющий Маддалену от Сардинии, и затем оттуда, пешком и верхом, преодолев горы Ла Галлурра, выйти на другую сторону Сардинии. Там к нему присоединились друзья (Бассо, Мауризио) и зять Канцио. Они вместе сели на корабль, направлявшийся к берегам Италии. И 19 октября, около семи часов вечера, оказались на пляже, полном водорослей, к югу от Вада. Оттуда они направились в Ливорно. Побег удался.

Кто посмел бы теперь, когда он ступил на землю полуострова, арестовать Гарибальди, победителя?

По тону речи, которую он произнес во Флоренции – месте пребывания итальянского правительства! – можно догадаться, что он чувствует себя помолодевшим и непобедимым.

Он уже не рассуждает, не взвешивает соотношения сил. Он доверяется порыву, неудержимому наступлению, восстанию жителей Рима.

Маленькая группа гарибальдийцев попыталась организовать восстание в Риме. Одни хотели взять приступом Капитолий: атака была отбита. Другие, попытавшиеся проникнуть в город с грузом оружия, арестованы. В городе взорвана казарма, но она была пуста.

Только братья Кэроли, спустившись по течению Тибра, смогли дойти до гор Париоло. После короткого боя они были арестованы, один из братьев убит. Их было пятеро в начале боев за независимость Италии: в живых останется только один.

Гарибальди, по-прежнему охваченный энтузиазмом, серьезно обеспокоен провалом революции в Риме. Он говорил о победе восстания, потому что верил, что она возможна, и потому что считал, что она помешает вмешательству Франции.

В интервенцию последней он не верил. Если она и состоится, то чисто символически, считал он. Как французы, проливавшие кровь за Италию при Маженте и Сольферино, смогут стрелять в итальянских патриотов?

Итак, Гарибальди снова идет к Риму. У него всего семь тысяч человек, разделенных на три колонны. К тому же, они состоят из случайных людей. Одни из них — безработные, завербовались, чтобы спастись от нищеты, больше думая не о сражении, славе или освобождении Рима, а о солдатском жалованье и котелке. Другие — условно освобожденные каторжники. Истинных патриотов, движимых идеалом и соблюдающих дисциплину, было мало. Один из них, савояр Комбац, пишет:

«Полиция признавала, что материально она не может помешать восстанию, но она не отказалась от возможности разложить его морально».

26 октября, когда начались осенние дожди и частые сильные ливни, итальянские войска, охранявшие границу, пропускали колонны и всех, кто кричал: «Гарибальди и Италия». Еще одно доказательство пассивного соучастия правительства, которое 28-го осудило предприятие, но надеялось использовать его, если оно окажется успешным.

Гарибальди едет на коне впереди своего войска. Его сковал ревматизм, он в нерешительности. Он решает взять приступом Монтеротондо, маленький городок, расположенный на возвышенности. Но у его людей нет того пыла, который был у «Тысячи». Целый день ушел на то, чтобы окружить город. Проливные дожди размыли дороги. «Наши бедные волонтеры, — пишет Гарибальди, — голодные, в легкой, насквозь промокшей одежде, растянулись на краю дороги, прямо в грязи».

Гарибальди, уже старей человек, плохо переносящий сырость, всю ночь просидел вместе с ними под дождем.

«Я уже почти не верил, что смогу заставить подняться к началу атаки этих измученных людей, и хотел разделить с ними их тяжкую судьбу».

Гарибальди и в этом не изменился. Командовать значило для него, как всегда, расплачиваться собой, нести тот же крест, что и солдаты.

Он повел своих людей в атаку утром, овладев городом только к концу дня. Тогда он обнаружил, что его войско недисциплинированно, волонтеры совсем не похожи на тех, кто был с ним в 1860-м.

С трудом, используя весь свой авторитет, Гарибальди и его офицерам удалось вывести людей из города, чтобы как-то призвать их к порядку. Они расположились на вершине холмов Санта-Коломба. Конец октября, все тот же дождь и ливень, размокшая земля. Развели костры, составили винтовки в козлы, ждут в промокшей одежде, чтобы Рим восстал, узнав, что гарибальдийцы на расстоянии ружейного выстрела и что это высокое дрожащее пламя на вершинах холмов говорит об их присутствии.

Гарибальди отвечает тем, кто спрашивает его о причинах этой остановки в нескольких километрах от Рима: «Мы ждем сигнала оттуда... Как только сигнал будет дан, мы пойдем, что в городе началось восстание; мы перейдем Аньене, и все остальное сделаем на бегу...»

Он упорно говорит, во всяком случае, перед солдатами, что для победы достаточно будет одной атаки.

Но население Папского государства пассивно. В Монтеротондо, когда гарибальдийцы атаковали замок, возвышавшийся над городом, жители не оказали им никакой помощи. У Гарибальди горькое чувство. Снова те, ради кого он сражается, его разочаровали. Он говорит об их «молчании и безразличии, почти неприязни».

В Риме было бы то же самое. От пьемонтцев ничего не ждут, кроме налогов и погони за должностями. Тогда ради чего восставать? Жителям Рима, которым, как и всем жителям больших городов, история тысячелетиями не приносила ничего, кроме обманутых надежд, — свойствен скептицизм; они предпочитают оставаться зрителями. Тем более, что французская дивизия численностью в девять тысяч человек только что высадилась в Чивитавеккья.

Солдаты Наполеона III, которыми командует генерал де Файи, идут к Риму. Это обстрелянные войска, профессиональные воины, вооруженные новыми скорострельными и дальнобойными ружьями системы Шаспо, эффективность которых генеральный штаб надеется испытать в реальных условиях боя. А Наполеону III, его окружению, его офицерам необходимо смыть унижение, испытанное в Мексике. Там «банды» патриотов одержали победу. Этого нельзя допустить в Европе. Речь идет о международном престиже империй и ее внутренней стабильности. Поэтому в Тулоне снялись с якоря корабли, перевозящие вторую дивизию.

Гарибальди, долгое время считавший, что угрозы со стороны Наполеона III были всего лишь запугиванием и не могли привести к серьезным последствиям, вынужден приказать своим войскам отступить, оставив на холмах только зажженные костры, чтобы обмануть противника.

Он сразу постарел, стал желчным, нерешительным. И когда на равнине его солдаты увидели

длинные колонны, уходящие полузатопленными полями, он им солгал: это возвращаются крестьяне. На самом деле это бежали волонтеры. Первыми ушли мазинцы, «банда Мадзини», как скажет Гарибальди. «Если мы не идем в Рим, лучше вернуться домой...» – говорили они.

Около трех тысяч – более половины личного состава – покинули отряд.

«Я испытал горечь при виде столь аморального поведения и пытался скрыть ее от тех, кто меня окружал». И опять он изобличает происки сторонников Мадзини и, естественно, Пия IX и Наполеона III.

Но ни разу Гарибальди не обвинил в недалекновидности себя самого, не выразил сожаления оттого, что завел своих волонтеров в тупик и они оказались лицом к лицу с прекрасно вооруженными войсками французов и папскими солдатами.

Он упорно отказывается признать, что допустил ошибку. Что легкомысленно ввязался в эту авантюру, лишней раз доверившись своей «счастливой звезде», своей интуиции, не учитывая того, что обстоятельства сложились неблагоприятно и что Наполеон III не может не вмешаться.

Итак, 3 ноября 1867 года на трудном участке, изрезанном ложбинами, когда начался бой между гарибальдийцами и папскими войсками генерала Канцлера, Гарибальди отважно сражается, закрепившись в Монтеротондо. Но у него всего две пушки, отбитые у противника, и дорога от Ментаны до Монтеротондо, на которой находятся его

войска, зажата в низине между крутыми склонами. Весь участок покрыт виноградниками, перегорожен изгородями. За несколько часов противник – шаг за шагом – продвинулся на тысячу метров. Однако гарибальдийцы оказывают упорное сопротивление и к полудню исход боя еще неясен. Нужно только продержаться, дожждаться подкрепления. И Гарибальди снова с горечью повторяет: «Итальянскому правительству, кюре и мадзинцам удалось посеять уныние в наших рядах!»

Другими словами, волонтеры деморализованы, все чаще дезертируют под огнем противника, оставляют позиции без боя, отступают без видимых причин.

Когда позади папских войск Канцлера появились французы генерала де Файи, началось беспорядочное бегство – по дороге, через поля. Толпа беглецов.

«Мы потеряли голос, пытаюсь их вернуть», – говорит Гарибальди.

Он не рассказывает о том, как когда шаспо¹ «начали творить чудеса», он пошел им навстречу, один, с явным желанием умереть здесь, в этом символическом и проигранном сражении за Рим.

Его увели офицеры. Последние сторонники Гарибальди вывели его с поля сражения к границе Папского государства.

Сражение было жестоким. Войска Канцлера и генерала де Файи превосходили гарибальдийцев в

---

¹ Новый вид артиллерии, впервые примененный французами в 1867 г. в боях против гарибальдийцев. – *Прим. перев.*

численности и вооружении. Шаспо хоть и не были так эффективны, как о них говорили, стреляли быстро и далеко. «Вокруг нас свистели пули, — пишет один из сражавшихся. — Люди падали, сраженные наповал, кусты были как будто вырублены, ветки деревьев разлетались далеко вокруг».

Гарибальди казался потерявшимся, раздавленным этим поражением. «Генерал был неузнаваем, — рассказывает один из офицеров. — Мрачный, бледный, с охрипшим голосом, пристальным и блестящим взглядом, мы никогда еще не видели его таким старым».

Победители не стали его преследовать. Они дали возможность Гарибальди, ехавшему на коне во главе своего разбитого войска, дойти 4 ноября до границы Папского государства. Перешли мост через Корезе. Это уже была Италия. Волонтеры бросили свое оружие. Гарибальди предстал перед полковником Карава, который командовал итальянскими войсками. И сказал: «Полковник, мы разбиты, но вы можете заверить наших братьев по армии, что честь итальянского оружия спасена».

Он играет роль героя, мужественного в несчастье. Позади остались сто пятьдесят убитых, двести раненых и тысяча пленных. Папские войска потеряли убитыми только двадцать человек, французы — двоих. Как телеграфировал де Файи Наполеону III: «Шаспо творили чудеса».

Эта формулировка осталась в истории примером презрительного безразличия, с которым генералы могут описывать ход боя.

Она говорит о жестокости, которую проявят те же люди во время подавления Парижской Коммуны в 1871 году. Она объясняет, почему общественное мнение в Италии с такой резкостью выступило против Франции. Текст телеграммы де Файи Наполеону III опубликован в «Монитор офисьель». Нужно запугать врагов Франции и республиканцев или рабочих, которые начали поднимать голову. Разве не они устроили на парижских бульварах, в квартале Бонн Нувэль, манифестацию, чтобы выразить свою солидарность с Гарибальди и осудить политику Наполеона III?

В законодательном корпусе империи депутаты издеваются над наконец-то разбитым Гарибальди. Когда государственный министр¹ Руэ воскликнул: «Итак, мы заявляем от имени французского правительства, итальянец не завладеет Римом никогда», депутаты подхватили хором это «никогда», и один из свидетелей заседания отметил: «Их триумф был полным, великолепным, нужно было слышать крики и топот этого зверища, когда Руэ сказал, что Гарибальди трус».

Если есть слово, которое к нему совершенно неприменимо, то это как раз оно. Он сражался, сражался хорошо, несмотря на болезнь. Он скован ревматизмом и усталостью. Он сел в поезд, идущий во Флоренцию. Сопровождавший его Криспи уверял, что ему не грозит арест. Гарибальди на протяжении всего пути мрачен, гневно молчит. На вокзале в Филино долины Арно, в зале ожидания

---

¹ Министр без портфеля. — Прим. перев.

к нему подошел офицер карабинеров и в очередной раз объявил, что он арестован. Гарибальди протестует, говорит о своей депутатской неприкосновенности. Он не уличен в явном преступлении. Он отказывается следовать за офицером, но в то же время запрещает своим товарищам его защищать. Карабинерам пришлось его схватить и на руках втащить в вагон.

Поезд под усиленной охраной направляется в форт Вариньяно, в Ла Специя; Гарибальди его хорошо знает, так как уже находился там в заключении.

И снова повторяется то, что уже было. Тот же протест левых депутатов, те же демонстрации в поддержку Гарибальди, та же нерешительность правительства. И так же после трехнедельного заключения 25 ноября 1867 года следует освобождение. Гарибальди обещает больше не покидать Капрера.

Те, кто присутствовал при его отъезде, видели, как он садился на корабль, заметили, как сильно он постарел. Он шел с трудом, как будто рана, полученная в Аспромонте, снова открылась. Он сделал все, что мог, до конца. Теперь он знает, что никогда не вернется в Рим генералом-победителем. Попытка закончилась полным провалом. Он чувствует, что кривая его жизни необратимо пошла под уклон.

Из Италии, конечно, приходят теплые письма. И зловещие известия тоже. В Риме двое патриотов, участвовавших в восстании, казнены. Он знает, что во Франции республиканцы кричали: «Да здравствует Италия!» и «Да здравствует Гарибальди!» — и заплатили арестом за это проявление сочувствия.

Он знает об упорстве Гюго, который повторяет, что «труп предан земле, а идея жива». Его растрогали сердечные строки поэта:

Тебя не смогли ни сломить, ни согнуть коварство и мощь врага.

Приди, побудь среди нас, друзей, лишившихся очага.

Мы станем имя надежде искать и слушать вечернюю тишь.

– Италия, – мы прошепчем тебе. – Нет, Франция! – ты возразишь.

И пусть упования – слабый оплот, не Бог весть какой редут.

Но час справедливости все же придет, и звезды над нами взойдут.

Все эти проявления дружбы утешают, но разочарование глубоко и изоляция тоже; так проходит день за днем, несмотря на то, что рядом Франческа Армозино и маленькая Клеллия, может быть, единственный лучик в долгие зимние недели 1867 года.

Гарибальди прекрасно знает, что в Италии, несмотря на солидарность патриотов, жизнь идет своим чередом, и большинством все глубже овладевает безразличие. Была демонстрация против французов, кричали: «Ментана убила Маженту». А Виктор Эммануил II признался, что «шаспо пронзили мое сердце отца и короля. Мне кажется, что пули поразили мою грудь. Это одно из величайших несчастий моей жизни».

Но после всего этого с Пием IX попытались начать переговоры. А в городах довольные существующим

порядком вещей буржуа по-прежнему развлекаются. Один из волонтеров Гарибальди всего через несколько часов после Ментаны приехал в итальянский город, и друзья уговорили его пойти в Оперу:

«Я завершил, — рассказывает он, — мою одиссею хорошей музыкой. Жизнь полна таких контрастов, и я видел столько веселых людей на балконах, в перламутрово-серебристых перчатках, с фарфоровой грудью. В Италии ничего нового, ничего серьезного не произошло».

На Капрера, все глубже погрязая в болоте повседневности, стареющий Гарибальди слышит эту радостную музыку, которая делает почти смешной его последнюю попытку.

Картина шестнадцатая

Я ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ ОТДАТЬ ФРАНЦИИ ТО, ЧТО ОТ МЕНЯ ОСТАЛОСЬ

(1868 — 1871)

У

же за шестьдесят. Старость. Жизненное пространство все больше суживается, сводится к нескольким шагам вокруг дома, которые приходится пройти, опираясь на трость, а когда приступ

ревматизма становится сильнее — на костыли. Иногда новый день — как оазис: легко, скованность и боль отступают. Шестьдесят лет? Полноте! Подходит Клеллия, маленькая дочка, со своей матерью Франческой, у которой вскоре — в 1869-м — родится вторая дочь, Роза.

Гарибальди в такие дни, дни обманчивой легкости, вновь садится на коня, объезжает свои владения, весело беседует то с одними, то с другими, напевает. Старость забывается так быстро. Но с новой зарей мираж вновь обретенных силы и здоровья рассеивается. Он едва может двигаться, каждое движение мучительно, тело непослушно, как чужое, враждебное. Приходится лежать в постели. Гарибальди пишет на маленьком столике; онемевшие пальцы, изуродованные ревматизмом, с трудом чертят слова.

Приходит Франческа, поддерживает «иль дженерале» (генерала), помогает ему дойти до деревянной бадьи, доверху наполненной водой, согретой на очаге. Гарибальди входит в нее с трудом. Франческа накрывает ее крышкой, подбрасывает дрова в огонь. Лицо Гарибальди выражает облегчение. Очень горячая вода уменьшает боль. Затем он велит опрыснуть его ледяной водой. Он верит в этот суровый режим. Он одевается с помощью Франчески, выходит на порог дома, смотрит — там, за деревьями, видно море. Он может постоять так несколько минут, прислонившись к белой стене дома, нагретой солнцем, затем, укутанный в пончо, проходит несколько шагов и возвращается,

садится за стол завтракать. Еда всегда самая простая, несколько блюд из овощей, выращенных на огороде. Давно ушли в прошлое веселые дружеские застоля. За столом только члены семьи Франчески, устроившиеся на острове. Друзья славных лет далеко, их выжила цепкая пьемонтка, ревниво оберегающая своего генерала.

В этой обстановке Гарибальди остается только вновь и вновь возвращаться к своим навязчивым идеям, пережитым обидам. Что бы он ни писал, он неизменно клеймит священников, папу, жестокого деспота, чье правительство только что приговорило к казни двух патриотов. Гарибальди попытался опубликовать в газетах призыв: если приговор будет приведен в исполнение — убить в каждой итальянской деревне двух священников. Но правительство приняло меры предосторожности и перехватило обращение Гарибальди. Угроза осталась на бумаге, хотя оба патриота заплатили жизнью за участие в попытке организовать революционное восстание в Риме.

Гарибальди обрушивается также на своих бывших товарищей, обвиняя их в неблагодарности и, конечно, на Мадзини, «безответственного» теоретика.

Дело в том, что Гарибальди страдает от своей изоляции. Он не понимает, что его можно критиковать, что с ним можно не соглашаться. Совесть его совершенно чиста. Разве он каждый раз, когда ему предоставлялась такая возможность, не отдавал все народной борьбе — свою жизнь, жизнь своих близких — разве он не рисковал

всем, слившись в единое целое с судьбой родины, вовлекая в борьбу свою жену, своих сыновей, воевавших вместе с ним на передовой?

И это представление о собственной безупречности – он в самом деле всегда был совершенно бескорыстен, благороден – почти невольно проявляется во всех романах, которые он начал писать. Решил ли он последовать примеру Александра Дюма? Он убежден, что романы, которые он опубликует, принесут ему деньги. И он пишет их с этой целью, рассчитывая на финансовый успех, так как ресурсы его истощаются, а он не хочет жить ни дарами своих почитателей, ни хлопотать о «пенсии», которую он может получить от правительства.

Писать – для него новый способ заставить себя «любить», считать «избранным». И, естественно, бороться. Его первый роман – «Клелия, или Правление священников».

Молодая женщина, Клелия, дочь скульптора, становится жертвой страсти развратного кардинала Прокополо, царящего над целым гаремом. Когда ей удается спастись от этого преступного прелата, она находит приют на острове, где правит мудрый, добрый и мужественный человек, «отшельник». Он создал простой и истинный культ Бога, он правит, как просвещенный диктатор, во имя всеобщего блага.

Кто не узнал бы Гарибальди в этом идеализированном портрете правителя, движимого заботой о справедливости? Судьи, сражавшегося за дело

угнетенных народов, а затем удалившегося на этот остров?

Позднее он напишет второй роман, «Кантони-волонтер», который позволит ему рассказать о защите Римской республики в 1849 году.

Эти романы, написанные неумело, ради успеха, такового не принесут, несмотря на всю славу Гарибальди.

Были ли они много хуже некоторых романов, популярных в то время? Скорее всего, они должны были удивить, так как никто не представлял себе, что Гарибальди может быть писателем. Толпа не любит, чтобы герои меняли профессию. Гарибальди генерал, а не сочинитель. Его книги не покупали и, кроме того, Гарибальди трудно было найти издателя.

Он доверил свои рукописи Эсперанце фон Шварц. Она была глубоко разочарована и осмелилась сказать генералу, что его книги посредственные. Он ответил, что они написаны на продажу, ради денег.

Гарибальди был слишком горд, чтобы признать, что огорчен неудачей.

Оставалось жить на острове и считать прожитые годы: шестьдесят, шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три и в 1870-м — уже шестьдесят четыре.

Болезнь, привычки, новая семья, которую ему дала Франческа Армозино.

Краткий визит Эсперанцы фон Шварц. Она настояла на том, чтобы ей доверили Аниту, дочь

Баттистины Равелло (жительницы Ниццы). Она убедила Гарибальди, что девочку нельзя оставить у этой грубой необразованной женщины. Ей необходимо дать образование.

Гарибальди уступил, так же как и Баттистина, и вырвавшуюся девочку силой посадили на пароход, чтобы отвезти в Швейцарию, в один из пансионатов для девушек из лучших семей. Позднее она вернется совершенно другой, и Гарибальди не узнает в этом манерном создании ту своевольную девчущку, которую он когда-то учил на Капрера ходить босиком.

Опять – разочарование. Как будто жизнь, когда остался позади определенный рубеж, обернулась своей темной стороной, и каждое событие, каковы бы ни были вызвавшие его намерения, приносило только отрицательные результаты.

Так проходила на острове старость Гарибальди, после того как ему минуло шестьдесят, и по словам всех, кто видел его в то время, годы старили его с удвоенной силой.

В его жизни уже бывали периоды подобной изоляции – правда, он был тогда моложе. И История всегда неожиданно предлагала ему выход, снова бросала его в схватку, понуждала к действию, сталкивала с новыми людьми. И жизнь снова обретала смысл. Но с 1867-го по 1870 год казалось, что на политической шахматной доске не было больше места для этого «безумца» или, вернее, этого «коня», которым в партии мог быть Гарибальди, перепрыгивавший с одного места на другое, опрокидывая все правила.

В Италии политика была в руках короля. Она погрязла в проблемах бюджетного равновесия: дефицит достигал более 60%. Налоги взимались мошеннически: расплачивались самые обездоленные, с трудом избегая конфискации имущества и ареста. Одновременно росло число скандалов, обнаруживалась коррупция в отдельных секторах государства.

И ради этого сражался Гарибальди? «Новое Итальянское государство, — повторял он, — было населено «грабителями», «хищниками», питающимися «кровью народа». Но что было делать? Гарибальди был не тем человеком, который мог бы создать подлинную политическую оппозицию, соответствующую обстоятельствам.

Его делом была народная борьба за объединение страны. Но что он мог? В Риме царствует Пий IX, обретший благодаря поддержке Франции еще большую власть. 8 декабря 1869-го в Ватикане открылся Вселенский церковный собор, цель которого — признание непогрешимости папы. Сколько бы Гарибальди ни изобличал безумие абсолютной власти, которой пользуется папа, его голос не слышен.

Однако ужесточение политики, проводимой папой, осложнило отношения с французскими католиками и, следовательно, с правительством империи. Париж больше не может держать свои войска в Риме у папы, непогрешимость которого во Франции не признается. Но на это, естественно, потребуется время, и завоевание Рима Италией

пойдет по другому, «извилистому» пути дипломатии, который всегда был чужд Гарибальди.

Догмат о папской непогрешимости был принят путем голосования 18 июля 1870 года. Кто мог предвидеть, что на другой же день, 19 июля, Франция объявит войну Пруссии, попавшись в ловушку, приготовленную Бисмарком Наполеону III?

Со своего острова Гарибальди со страстным вниманием следит за развитием конфликта.

Он восхищается пруссаками, любит французов, но ненавидит Наполеона III, изменившего своей клятве. События развиваются с такой скоростью, что их ход предвидеть невозможно, и у Гарибальди нет возможности принять в них участие. Он изолирован. Король и его правительство проводят свою политику, не теряя времени.

После того как французский экспедиционный корпус был отозван из Рима, чтобы сражаться на Рейне, и особенно после Седанского поражения, когда в Париже 4 сентября была провозглашена Республика, ничто больше не мешало итальянцам войти в Рим. Наполеон III не более чем низложенный государь, к тому же попавший в плен.

Папа лишил Виктора Эммануила II возможности какого бы то ни было компромиссного решения. Он заявил, что окажет вооруженное сопротивление вводу войск генерала Кадорна. 20 сентября 1870 года произошел короткий бой. Итальянская артиллерия пробила брешь в стене Порта Пия. Над куполом собора Святого Петра был поднят

белый флаг. Наконец-то Рим присоединен к итальянскому королевству.

2 октября плебисцит ста тридцатью тремя тысячами шестисот восьмидесятью одним голосом (тысяча пятьсот семь против из ста шестидесяти семи тысяч пятисот сорока восьми зарегистрированных) подтвердил желание жителей Рима войти в состав Италии.

Но все это уже без участия Гарибальди.

Он, сражавшийся у стен Рима, он, чьей жене, Аните, эти сражения стоили жизни, непричастен к этой победе, в которой, правда, нечем гордиться. Тем не менее с итальянской стороны было сорок девять убитых, с папской — девятнадцать; пролитая кровь придала этой пародии боя необходимую реальность: прелату — чтобы отныне считаться пленником в Риме, королю — чтобы утверждать, что он свою столицу завоевал.

Гарибальди с горечью воспринял эту смехотворную инсценировку. Ни он, ни Мадзини не вошли в Рим, отныне итальянский; в свое время они сделали все, что могли, может быть, неудачно, чтобы вырвать его из-под власти папы.

Мадзини даже в течение нескольких дней находился под арестом, а затем был лишен права выезда из Флоренции. Что касается Гарибальди, итальянский флот снова блокировал Капрера. Ненужная предосторожность: он ничего не собирается предпринимать, чтобы попасть в Рим.

Но то, как пал Рим, то, как Гарибальди отстранили от участия в этом последнем завершающем

этапе объединения Италии, свидетельствуют о том, что его историческая роль завершена. У монархии уже нет нужды привлекать его к участию в своей игре.

Пусть себе сидит на своем острове, как музейный экспонат.

Но не для всех он конченный человек, которому остались только домашние заботы.

Слава его жива в общественном мнении Европы, в сердцах многих людей, прежде всего республиканцев. Он стал символом, легендой, ему приписывают возможности, которых у него нет или больше нет. Его воображают великим полководцем, способным выиграть самое безнадежное сражение. В представлении народа он – антипод королей, императоров и их генералов, своего рода «анти-Наполеон».

Поэтому, когда во Франции после падения империи республиканцы, создавая повсюду комитеты общественного спасения, решили активизировать «Союз национальной обороны» и таким образом изменить характер войны, они, естественно, обратились к герою, спасителю – Гарибальди.

Старые соратники, участники похода «Тысячи» – среди них Бордоне, который был вместе с ним в Сицилии, члены Лионского комитета общественного спасения 15 сентября обратились к нему с призывом, чтобы Гарибальди стал главнокомандующим всех воинских частей, создающихся и собирающихся в долине Соны и Роны, чтобы преградить прусским войскам путь на Юг.

Гарибальди и в самом деле уже предлагал свои услуги правительству национальной обороны.

Было ли это вызвано желанием быть полезным республике и тем самым послужить человечеству? Он выдвигает именно эту причину, и нет оснований сомневаться в его искренности.

Гарибальди воспринял падение Наполеона III как знак: его враг повержен. Нужно помочь народу, который он предал.

Он пишет в своих «Мемуарах»: «Только в начале октября я узнал, что буду принят во Франции, и генерал Бордоне, которому я этим обязан, приехал за мной на Капрера на пароходе «Город Париж», капитаном которого был Кудрэй; на этом судне я прибыл в Марсель 7 октября».

Позже противники Гарибальди представят инициативу Бордоне как результат его личной заинтересованности.

Вполне возможно, что «генерал Бордоне», сражавшийся в 1859-м и в 1860-м, разыгрывал свою собственную карту, почему бы нет? Он станет начальником генерального штаба Гарибальди. Он, как и Криспи в 1860-м, один из тех людей, которые протягивают руку Гарибальди, чтобы тот им помог перейти мостик, ведущий к власти.

Но у них бы ничего не получилось, если бы не его неземная жажда деятельности.

Действовать, чтобы жить. Действовать во имя красоты и величия жеста. Действовать ради верности убеждениям.

Сойдя с трудом с парохода в Марселе, как человек, скованный ревматизмом, старый Гарибальди торжественно скажет республиканцу Эскиросу, префекту Буш дю Рон: «Я пришел, чтобы отдать Франции то, что от меня осталось. – И добавит: – Франция – родина, которую я люблю, и я был слишком несчастен, когда думал, что республиканцы сражаются без меня... Я горжусь тем, что в конце своей жизни буду служить святому делу Республики».

Но он рискует, так как его приезд радует не всех.

Конечно, республиканцы социалистического толка в восторге. «Гарибальди не принадлежит Италии, он принадлежит всему миру», – пишет последователь Прудона Морель.

А Мишле скажет еще лучше, собрав воедино все мифы, которыми окружено имя Гарибальди, давно превратившие его в символический персонаж: «Я вижу в Европе героя, – пишет историк, – одного единственного, другого я не знаю; вся его жизнь – легенда. Хотя у него есть все основания быть обиженным на Францию, хотя у него отняли Ниццу, хотя в него стреляли в Аспромонте и Ментане, этот человек, только вообразите, решил пожертвовать собой ради Франции. И какая скромность! Он выбрал самый незаметный пост, наименее его достойный».

Народ это понимал. Марсель встретил его с ликованием, улицы украшены флагами, тысячи людей ждут Гарибальди на причалах старого порта и вдоль всей Ля Каннебьер.

В действительности все гораздо сложнее. Прованс – та область Франции, где Гарибальди, уроженец Ниццы, пользуется самой большой популярностью.

Но Гарибальди не нравится всем умеренным и католикам, всем тем, кто несколько месяцев спустя будет бороться против Парижской Коммуны. В их представлении Гарибальди – враг напы, антихрист.

Так его воспринимает почти все высшее военное командование и даже шире – весь кадровый офицерский состав армии, вся служба которого связана с империей, а молодое, еще неокрепшее временное правительство пока не успело его сменить. Как эти люди – офицеры, сражавшиеся в Ментане! – могли согласиться с тем, что ими командует этот «иностранец»?

К тому же стало известно, что поляки, итальянцы и другие политические эмигранты намереваются сражаться за республику под командованием «красного генерала» Гарибальди.

Но ненависть и опасения, вызванные им у части французов, не в состоянии рассеять неприязненного отношения итальянских патриотов, пораженных решением Гарибальди. Для них Франция по-прежнему осталась страной Ментаны, шаспо. Что стоит за этой солидарностью?

В Италии многие считают, что выступление Гарибальди на стороне французов – поступок старика, скучающего на своем острове и жаждущего славы.

Сдержаннее всех ведут себя сторонники Мадзини. Они давно строго судят Гарибальди, хоть и не всегда решаются высказаться открыто. Но они единодушно осуждают принятое им решение.

Тем не менее никакое глубинное движение не сотрясает Италию, и число волонтеров, которые присоединятся к Гарибальди, сведется к нескольким сотням. Что касается враждебной позиции Мадзини и его сторонников, то она почти не отразилась на его письме к волонтерам, хоть и довольно сдержанном: «Поскольку вы все-таки уезжаете, докажите, что вы достойны имени итальянцев. Я не даю вам никаких советов, не ждите от меня никаких специальных указаний. Когда закончится война, мы все обсудим. Если война продлится достаточно долго и вы заслужите признательность Франции, я убежден, что Гарибальди вспомнит о Ницце и добавит к истории еще одну страницу».

Но Гарибальди никогда больше не поднимет вопроса о Ницце.

Он пришел сражаться за республику и французский народ. Ему не нужна плата за услуги. Он отдает все, что может, без расчета, со свойственным ему наивным великодушием, столь далеким от политики и дипломатии.

Но он не заблуждается насчет политиков, даже если соглашается с их решениями, проявляя при этом, возможно, слишком большую дисциплинированность.

Проведя несколько часов в Марселе, он прибывает в Тур и чувствует если не враждебность, то,

во всяком случае, замешательство в официальных кругах. К тому же правительство – в лице Жюль Фавра – дало указание представителям Франции в Италии, чтобы они «сделали так, чтобы Гарибальди и его гарибальдийцы остались в Италии. Мы вас настоятельно просим об этом».

Но теперь уже слишком поздно: Гарибальди в Туре. На вокзале его никто не встретил. Его поселили на улице Траверсьер, в доме без удобств, где он со своим ревматизмом страдает от сырости и холода. Офицеры, даже настроенные наиболее дружелюбно, ропщут. Никто не хочет служить под его началом. Даже сотрудничать с ним! «Было бы лучше для Франции, если бы итальянский герой остался на своем Капрерском утесе», – ворчат некоторые.

У Гарибальди очень развита интуиция, и то, что его приняли неохотно, чувствует по многим признакам. «Правительство национальной обороны приняло меня, потому что его к этому принудили обстоятельства, но холодно, с явной целью, с которой я сталкивался уже в Италии – воспользоваться моим бедным именем, но не более того, поскольку меня лишили самых необходимых средств для того, чтобы мое сотрудничество могло принести пользу».

«Я уже собирался вернуться домой», – пишет в заключение Гарибальди, чувствуя, что теряет драгоценное время.

Но, в конце концов, благодаря энергичному вмешательству Бордоне и общественному мнению,

которое ждало решения, Гарибальди поручили заняться несколькими сотнями итальянских волонтеров, находившихся в Шамбери и Марселе. Их сбор, так же как и сбор всех других иностранцев, намеревавшихся сражаться за Францию, должен был проходить в Доле.

Туда и направился Гарибальди. Он должен был объединить всех этих людей разных национальностей и сформировать из них ядро будущей Вогезской армии.

Октябрь—ноябрь 1870-го: идут дожди, холодно в этих краях, в верховьях Марны, между Додем и Безансоном, и ближе к западу, к Отуну, Шатийону-на-Сене и Дижону, именно на этом полигоне из высокогорных плато и долин, на котором Гарибальди, «командующему ротами вольноопределяющихся и бригадой жандармерии», предстояло воевать.

Его отправили «в Вогезы», но натиск пруссаков был силен, ему придется сражаться на Соне и в Бургундии.

Люди, поступившие в его распоряжение, плохо вооружены, лишены необходимого снаряжения. У них нет артиллерии, а им приходится сражаться с войсками, имеющими боевой опыт, да еще и возбужденными недавними победами. Настоящих бойцов в соединении Гарибальди не больше пяти тысяч; ими командуют поляк Базок, француз Дельпеш и сыновья Гарибальди, Менотти и Риччотти. Среди этих людей есть испанцы и греки, поляки и, конечно, французы, составляя в целом маленькую

многонациональную армию, которой сразу же по прибытии в Долю Гарибальди дал инструкцию вести тактику мелких стычек и засад, войну, где все решает маневренность, компенсируя слабость огневой мощи.

Таким образом, Гарибальди вновь возвращается к своим методам ведения войны и составляет, как он уже делал это в Италии, план действий герильи, партизанской войны, приспособленной к его силам и местности.

В долине Соны пруссаки готовятся к бою. У них более сорока тысяч человек под командованием генерала Вердера.

Гарибальди может противопоставить им только свои разношерстные подразделения.

Гарибальди, его сыновьям и Бордоне, начальнику штаба, предстоит вести в бой «вольных стрелков Роны», отряды из Атласа и Орана, «польских разведчиков», «нантских медведей», «вольных стрелков смерти», «франко-испанскую роту», «парижских дозорных», «марсельский батальон равенства», «французскую восточную герилью».

Как требовать от этих солдат, чаще всего импровизированных, дисциплины и согласованности действий? Они никогда не встречались прежде, пока не оказались рядом на линии огня. Иногда они будут хорошо драться, но смогут и разбежаться.

Грабители? Пьянчуги? Некоторые из них — да. Но все же на них клеветают. В глазах генерального штаба они всего лишь сброд, который терпят, но презирают и считают опасным. Фрейсине, военный

министр, сталкивается с тем, что многие офицеры уклоняются от назначения в эту «армию». 15 декабря он напишет Гамбетте: «Большинство мобилизованных, к которым я обращаюсь, категорически отказываются присоединиться к генералу».

Некоторые высшие военные чины, как, например генерал Мишель, которому поручена защита Безансона, идут еще дальше. Мишель телеграфирует в Тур, чтобы отчитаться о своем посещении Гарибальди, и уточняет: «Я был бы вам очень признателен, если бы вы не слишком обращали внимания на его просьбы о подкреплении, так как его положение не требует применения значительных сил. Он не в состоянии организовать серьезную атаку, и в случае возникновения опасности для него целесообразней или отойти в тыл, или опереться на меня».

Гарибальди ощущает настороженную сдержанность правительственных и военных кругов.

Он не получил ни оружия, ни необходимого снаряжения. Вместо полноценных ружей ему прислали «обычную старую рухлядь», напомнившую то оружие, которое ему выделяли в Италии. Что касается солдат, это были новобранцы, которым предстояло столкнуться с «бесстрастной решимостью гордых победителей Седана». Определение, употребленное Гарибальди, говорит об уважении, которое он питает к пруссакам. Он знает, что для того, чтобы иметь возможность противостоять этой победоносной армии, ему придется расплачиваться собой, быть со своими солдатами в первом ряду.

Он знает, что у него хватит силы повести их за собой и справиться с ними, если вдруг возникнет паника.

Гарибальди умеет руководить людьми и докажет это еще раз во время войны 1870 года. Но все стало труднее. Враг опасен, действует умело и стремительно. Патриотизм французов гасится нерешительностью командования; что касается граждан, пришедших сражаться вместе с ним, они не внушают доверия, у них слабый командный состав.

И сам Гарибальди всего лишь больной старик, который тащится в повозке под осенним дождем с одного конца фронта на другой.

Он не скрывает своего состояния здоровья. Да и как бы он мог это сделать, когда иногда по утрам он не может встать без посторонней помощи? И тогда, после того как ему помогли одеться, его приходится нести в повозку на руках. Он проявляет подлинный стоицизм и никогда не жалуется. Но это молчание и выражение лица, искаженного болью, выдают его страдания.

Приходится ехать под дождем или снегом по узким обледеневшим тропам, подниматься на плато, по которым гуляет пронизывающий ветер — норд-ост, углубляться в ущелья, в которых висит туман, все покрывающий изморозью. Когда повозка не может пройти, Гарибальди приказывает отнести его на руках к стрелкам, сидящим в засаде всего в нескольких метрах от противника.

По своему обыкновению, он проявляет редкое мужество. Для него командовать — это самому подавать пример.

И он побеждает свою боль.

Один из свидетелей, лейтенант Чезаре Арольди из Мантуи, постоянно находящийся при Гарибальди, описывает эту голгофу:

«Я сопровождаю каждый день генерала во время его инспекционных или разведывательных поездок в повозке. Генерал очень страдает от ревматизма. Его относят в машину на руках; и хотя он не произносит ни слова жалобы, видно, что страдает он ужасно. Адамо Феррарис, наш врач, майор, ухаживает за ним с сыновней нежностью; каждое утро заворачивает его в простыни, смоченные в ледяной воде, затем, через четверть часа, снова укладывает его в постель». После этой процедуры ему становится легче.

Морозы, очень жестокие зимой 1870 года, усиливают его страдания.

Недоброжелательно настроенные очевидцы не упускают случая воспользоваться ситуацией. Что может сделать такой генерал-инвалид, когда командующему необходимо еще и ездить верхом вместе с войсками? Можно ли доверять генералу, который отправляется на поле боя в повозке огородника и генеральный штаб которого похож на госпитальную палату?

«Вы только посмотрите на старого Гарибальди, он спит на маленькой походной кровати, которую привез с собой с Капрера. Рядом на стуле дремлет слуга с флаконом камфорного спирта в руке, каждый час он растирает немощное тело этого старого льва, явившегося, чтобы предложить

Французской республике свои могучие когти. В соседней комнате – начальник штаба Бордоне. В данный момент он просматривает список арестованных».

Необходимо также заставить поверить в то, что эта армия, состоящая из иностранцев, которой командует парализованный генерал, сеет беспорядки, преследует «славных французских офицеров», возрождая методы революционного террора. И что состарившийся генерал всего лишь марионетка в руках коррумпированных людей типа Бордоне, использующих его в своих интересах.

Отсюда напрашивается вывод: нужно отобрать у Гарибальди пост командующего. И на правительство в Туре оказывают давление, чтобы оно приняло такое решение. Инженер Гокле пишет Гамбетте, который ему доверяет: «Гарибальди перенес приступ подагрического ревматизма, угрожавший его жизни; он больше не может ходить, его восприятие затруднено, инициативности никакой... Французы хотели бы сражаться и унижены тем, что ими командуют итальянские полководцы, неспособные и нечестные... Гарибальди лучше бы отказаться от партии, которую из-за своего состояния он не в силах довести до конца».

Но Гарибальди не из тех людей, которые отказываются.

Он искусно сражается, используя наилучшим образом сильные и слабые стороны своих людей; он учит их вести войну вольных стрелков, единственную, впрочем, которую они могут вести, учитывая их немногочисленность и плохое качество вооружения.

Гарибальди выбрал Отэн местом расположения своего штаба. Вначале были всего лишь мелкие стычки. Затем он доверил своему сыну Риччьотти, которому было всего двадцать три года, бой в авангарде.

Риччьотти покидает Отэн с восемьюстами вольными стрелками и после пятидневного перехода неожиданно нападает в ночь на 19 ноября на прусский пехотный корпус в Шатийоне. Он атакует под дождем, дезорганизует врага и отходит, захватив сто шестьдесят семь пленных, тринадцать из которых офицеры, и забрав повозки с оружием и боеприпасами.

Бесспорный успех, которым Гарибальди может с полным правом гордиться. Стратегия его, исполнение его сына.

Однако этот бой всего лишь эпизод, удачный, но второстепенный. На этом фронте, не имеющем основного значения, чаще всего будет именно так. Большое наступление, которое попыталось предпринять правительство в Туре силами восточной армии под командованием генерала Бурбаки, захлебнулось. Бурбаки не атакует, дает пруссакам себя обойти, и Гарибальди, продвинувшемуся на север, не удается с ним соединиться.

Он сражается 26 ноября на плато Лантеней, гордый своими людьми, чье бесстрашие его восхищает. Но под Дижоном атака отбита. Приходится беспорядочно отступать, спешно создавать новый рубеж сопротивления, чтобы защитить Отэн, которому угрожает враг.

Он не хочет проиграть. С чудом возродившейся силой, он концентрирует всю свою волю, гордость, честь и начинает действовать. «Быстро по коням, — сказал я моему эскорту, — скачите к Бордоне, Менотти; пусть вступают в бой».

И еще раз решимость Гарибальди спасла положение. Пруссаки остановлены. Стэн спасен.

Установилась зима, на редкость суровая. Гарибальди реорганизует свои войска. Одержанные им победы привлекают в Дижон, оставленный пруссаками, бойцов. Гарибальди хотел бы присоединиться к Бурбаки, но тот упустил решающий момент. И когда 21 января Гарибальди выходит из Дижона, он сталкивается с мощными вражескими колоннами.

В течение трех дней на подступах к городу идет жестокий бой. Несколько раз победа склоняется то в ту, то в другую сторону. Солдаты Гарибальди держатся стойко, но потом внезапно оставляют позиции, которые так блестяще защищали.

Однако Гарибальди сумел овладеть ситуацией, организовав сопротивление. В пригороде Дижона войска Гарибальди под командой Риччьотти сумели закрепиться на рубеже и даже завладели вражеским знаменем — это было знамя 61-го Померанского полка, одно из двух знамен, взятых французами за всю войну 1870 года. Бились врукопашную, стреляли в упор. «Мне уже приходилось участвовать в кровопролитных сражениях, — напишет Гарибальди, — но я редко видел такое количество трупов на столь малом участке, где

расположились позиции, занятые к северу от Фабрики 4-й бригадой и частично 5-й».

Он горд тем, что сопротивлением руководил и захватил знамя его сын.

Впрочем, правительство, несмотря на свою сдержанность, вынуждено признать смелость и успехи этого многонационального войска и его не внушающего доверия генерала. Фрейсине, военный министр, телеграфировал Гамбетте 25 января 1871 года: «Гарибальди вчера снова одержал очень важную победу. Решительно, это наш первый генерал. Поистине досадный контраст с армией Бурбаки, которая вот уже неделю топчется на месте, между Эрикуром и Безансоном».

В этой атмосфере вновь обретенного доверия к Гарибальди вернулся энтузиазм его прежней победоносной поры. Он мечтает о мировой республике, центром которой станет Франция, и, обращаясь к своим войскам, заявляет: «Вскоре мы разрушим до основания кровавый и прогнивший трон деспотизма и создадим на гостеприимной земле нашей прекрасной Франции священный союз братства народов».

Итак, он начинает наступление и отправляет к Долю бригады вольных стрелков, которыми командует его сын Менотти.

Но судьбу войны решает другое. Нерешительность правящих классов перед пруссаками и даже сговор с ними.

29 января телеграмма от Гамбетты сообщает Гарибальди, что в Версале с Бисмарком заключено перемирие на двадцать один день.

И снова Гарибальди должен подчиниться. Он повинуется Гамбетте, как прежде повиновался приказам короля Италии.

2 февраля он получил от Гамбетты теплое письмо, как будто несколько утешительных фраз могли успокоить гнев все-таки подчинившегося генерала.

«Дорогой и знаменитый друг, – пишет Гамбетта, – как я Вам благодарен за все, что Вы делаете для нашей республики. Ваше великое и благородное сердце всегда ведет Вас туда, где можно оказать услугу, где приходится подвергать себя опасности. Наступит время, когда моя страна сможет выразить Вам всю свою благодарность!..»

Гамбетта искренен. Но в самом правительстве он в изоляции. Он хочет продолжать сражаться, и подкрепление, которое получает Гарибальди, говорит о том, что война вступает в новую фазу. В конце января около пятнадцати тысяч жандармов под командованием генерала Пелиссье присоединяются к гарибальдийской армии, которая достигает, таким образом, около сорока тысяч человек.

Но уже слишком поздно.

Генерал Бордоне, начальник штаба Гарибальди, много раз бывал в прусских войсках, чтобы наметить демаркационную линию временного перемирия. Он отметил движение войск, а вражеские офицеры ему сообщили, что перемирие – частичное, что оно действительно только для Парижа и западного фронта, но не распространяется ни на Ду, ни на Юру, ни на Зологой Берег, и, следовательно,

в местах дислокации армии Гарибальди бои будут продолжаться.

Создавалось впечатление, что французское правительство и ведущий от его имени переговоры Жюль Фавр хотят сделать все, чтобы задушить восточную армию. Когда Бордоне и Гарибальди заговорили о предательстве, объяснив, что из района Парижа прусские колонны уже движутся к Дижону, Гамбетта ответил, что ему ничего не известно о деталях перемирия, а Фавр, как бы извиняясь, признался, что в драматических условиях, в которых было заключено перемирие, он прежде всего подумал о Париже и скрепил своей подписью текст, важность которого до конца не понял.

Теперь предстояло столкнуться с последствиями. «Это самая большая гнусность за всю войну», — воскликнул префект Золотого Берега. «В то время, как предательство заставило нас прекратить военные действия, — объяснял Бордоне, — враги развернули наступление».

Начиная с 31 января враг прощупывал оборонительные рубежи гарибальдийцев вокруг Дижона. Другие воинские части начали готовить окружение.

Холодно. Гарибальди снова скован жестоким приступом ревматизма. Дурные вести обрушиваются на него одна за другой. Восточная армия, которой командует Бурбаки, распадается и переправляется в Швейцарию, где она будет разоружена и интернирована. Какой смысл продолжать сопротивление, оставшись в одиночестве?

«Нельзя было терять времени, — пишет он. — Мы оставались на десерт и возбуждали алчность великой армии, которая победила Францию и хотела, вне всякого сомнения, заставить нас поплатиться за дерзость, в какой-то момент поставившую под сомнение ее победу.

Итак, был отдан приказ об отступлении».

Бисмарк во время одного из своих знаменитых приступов гнева обрушился на Гарибальди, этого итальянца, который, забыв о помощи Берлина в 1866-м, сражался — и успешно — против прусских солдат. «Этого Гарибальди, — воскликнул Канцлер перед членами своего генерального штаба, — я надеюсь захватить живьем, чтобы посадить в клетку и выставить в Берлине с надписью: «итальянская неблагодарность».

Но Гарибальди не даст себя захватить.

Он сумел организовать отступление. Вольные стрелки задерживали продвижение противника, взрывая мосты, не давая покоя прусским войскам.

В восемь часов утра 1 февраля противник все-таки занял Дижон.

И тогда новый договор остановил военные действия на всех фронтах, включая восточный. Бои прекратились по всей Франции. Чтобы придать мирному договору необходимый вес, Бисмарк потребовал провести выборы в стране; избранная таким образом палата, должна была на заседании в Бордо принять условия мира.

Даже не будучи кандидатом, в то время когда он находился еще со своим генеральным штабом

в Шаньи, а затем в Шалоне-на-Соне, Гарибальди был избран депутатом во многих департаментах.

Новое доказательство его популярности и неуклонно растущего престижа в народе. Он избран в Кот д'Ор, где только что воевал. Он избран в Алжире. И факт еще более показательный, он избран депутатом в Ницце, своем родном городе. Таким образом, Гарибальди дважды был избран своим городом: один раз в туринский парламент в 1860-м, второй раз во французский в 1871 году.

Еще ярче его успех в Париже: он набрал двести тысяч двести тридцать девять голосов и избран четвертым, после Луи Блана, Виктора Гюго и Гамбетты.

Желание народа высказано так ясно, что Гарибальди, вначале колебавшийся, решил согласиться.

Но, несмотря на признание народа, сражения и отступление оставили в нем неизгладимый след: это было еще одно крушение; после взлета этих нескольких недель, он был вынужден признать, что война, которая только что окончилась, была новым поражением, и его состояние здоровья не оставляло больше надежд — это была его последняя война.

Конечно, он ни о чем не жалеет, ему не в чем себя упрекнуть. Народ своим голосованием подтвердил его правоту. Гарибальди может ходить с высоко поднятой головой: он отважно сражался и побеждал. «Стотысячные армии, окруженные малочисленным противником, вынуждены сложить оружие! Это немыслимо, и в этом истинная

причина ненависти к маленькой и доблестной Вогезской армии, которая глубоко виновата в том, что не дала себя ни победить, ни окружить, в отличие от маршалов империи», — напишет он в своих «Мемуарах».

И в самом деле, официальные круги начинают распространять о нем клеветнические слухи. «Гарибальди не сражался, — скажет о нем через несколько дней в Бордо депутат правых виконт де Лоржериль. — Была создана реклама! Он не был побежден, потому что не сражался».

Клевета удручает Гарибальди. Он не понимает. Ведь он не оставил врагу ни одного своего солдата. Он не капитулировал. Он пришел сюда сражаться, не преследуя никаких личных целей. Несмотря на болезнь, он во время отступления шел, опираясь на саблю, ведя свои войска. А ему плюют в лицо.

Он не впервые сталкивается с ненавистью, но сейчас это тем больнее, что у него в семье горе. Франческа Армозино ему сообщила, что его младшая дочь, «наша дорогая Роза, которая со дня твоего отъезда все время тебя искала и звала», скончалась.

Итак, он едет поездом в Бордо. Он защищается от клеветы; рассказывает, как в Кот д'Ор, да и повсюду, его людей прекрасно встречали, потому что видели, как храбро они сражались.

Гарибальди прибыл в Бордо 12 февраля 1871 года.

Ассамблея, в которую он вошел 13 февраля, была ассамблеей страха. Хоть она и была избрана путем

всеобщего голосования, но после режима империи, в то время, когда значительная часть территории страны была оккупирована пруссаками. Да, она была избрана, но без подлинного обсуждения, и она хотела только мира, мира любой ценой, пусть даже ценой унижения, отказа от Эльзаса и Лотарингии и даже сдачи Парижа. Состоящая в основном из депутатов от деревень, консерваторов и клерикалов, она могла только ненавидеть Гарибальди, «красного», врага папы, революционера, иностранца, символизирующего все, что она отвергала, чего боялась и что готова была «поставить к стенке». Это при ее поддержке несколькими неделями позднее армия расстреляла парижских коммунаров.

Она заседала в Большом театре Бордо, с хрустальными люстрами и позолотой. Перед сценой смонтировали трибуну, поставили большие часы; депутаты сидели в партере, зрители на балконе.

Председательствовал старейшина, Бенуа д'Ази. 12 февраля он получил послание от Гарибальди, короткий текст: «Чтобы исполнить последний долг перед республикой, я приехал в Бордо, где заседают представители нации, но я отказываюсь от мандата, которым меня удостоили департаменты».

Письмо об отставке, удивительное и свидетельствующее о противоречивой и наивной позиции Гарибальди. Он приехал в Бордо, явился в ассамблею, но подает в отставку, то есть запрещает себе голосовать, вмешиваться, отвечать. Верность, мужество и вызов — только этим объясняется его присутствие. Но в политическом плане

его поведение крайне непоследовательно: он закрыл себе все пути.

Правда также и то, что он чувствовал себя уже не французом, а итальянцем, и в связи с этим как он мог участвовать в заседаниях французской ассамблеи, которая должна была решить условия мира для Франции? Точно известно, что он надеялся в краткой речи проститься с Францией и в свойственной ему манере предоставить заботам республиканской родины своих соратников по Вогезской армии, их семьи, раненых, вдов и сирот.

Напрасные надежды. «Серые» парламентарии, в сюртуках и крахмальных сорочках, сельские нотабли не могли смириться с присутствием этой «личности» и его традиционным костюмом: красная рубашка, пончо и на голове шляпа. Когда он поднимался по ступеням парадной лестницы вместе с Виктором Гюго и Эскиросом, это уже был скандал.

Символично, что последнее историческое событие в жизни Гарибальди произошло здесь, в том месте, где декламируют и поют, как будто у подножия театральной сцены был подведен итог всей жизни Гарибальди: История и опера.

Депутаты-республиканцы устроили ему бурную овацию. Публика на балконах поднялась и тоже стала аплодировать. Но председатель д'Ази отказался дать ему слово. Отставка Гарибальди принята. В каком качестве он будет говорить? Право на стороне д'Ази. Со скамей правых посыпались оскорбления и насмешки. «Шляпу,

шляпу долой!» – кричали некоторые. Другие обвиняли Гарибальди в том, что он фальшивый герой. На него клеветали. Показывали пальцем на его сапоги, пончо. Зло насмеялись. Республиканцы парировали эти выпады.

Когда д'Ази закрыл заседание, так и не дав слова Гарибальди, хранившего молчание и только с вызовом глядевшего на оскорблявших его людей, зал пришел в неистовство. Гарибальди попытался говорить, повторил, что «отказывается от мандата и оказанной ему чести» и добавил искренно и наивно: «Мне случалось в жизни сражаться как против французов, так и на их стороне, но всегда во имя справедливости».

Фраза, которая напомнила о сражении за Рим, вызвала взрыв ярости: «Трусы, – кричали со скамей республиканцев, – это говорит Гарибальди! Вы боитесь услышать правду?» А Гастон Кремье, марсельский журналист, крикнул, встав со своей скамьи: «Сельское большинство, дайте говорить Гарибальди!» Но заседание закрыто. В шуме тонут выкрики с трибун депутатов и публики. Гарибальди медленно покидает зал, вновь спускается по парадной лестнице, в то время как национальные гвардейцы отдают ему честь. Его провожает толпа, выпрягает лошадей из кареты, снова кричит: «Останься с нами, Гарибальди, останься, не покидай нас!»

Левые депутаты приходят к нему в гостиницу, умоляют остаться с ними. В качестве кого? Гарибальди не дал себя уговорить. Он «сошел со

сцены» в свойственной ему манере, эффектно и шумно, в последнем акте французского спектакля.

В семь часов вечера он сел в поезд, следующий до Марселя. Оттуда пароходом он отправится на Капрера, куда прибудет 16 февраля 1871 года.

Лучше всего атмосферу и возмущение республиканской части французского общества передал Эмиль Золя.

Ему тридцать лет, он пока еще только начинающий писатель, опубликовавший несколько замечательных, но еще не получивших широкой известности книг. Он ведет в республиканской радикальной газете рубрику парламентской хроники и поэтому он в Бордо. В его статье смело выражена позиция, которая за двадцать семь лет до «Я обвиняю»¹ демонстрирует ядовитый стиль полемиста:

«Председатель закрыл заседание с ловкостью фокусника, — рассказывает Золя. — И какое дело всем этим господам до старика, который только что разбил пруссаков, защищая Францию! Большинство из них покрывалось потом от страха, в то время как Гарибальди шел с незащищенной грудью под вражескими пулями. Пусть он убирается к себе, истекающий кровью и израненный, пусть он нам не надоедает со своим героизмом! Слышите вы, господа, было бы позором для Франции отказать в благодарности этому солдату Свободы. Будьте хотя бы вежливы, от вас не требуют быть великими».

---

¹ «L'accuse» — знаменитая статья Золя в защиту Дрейфуса. — Прим. перев.

Но, несмотря на окрик Золя, «сельское крыло» ассамблеи верно себе.

Тем не менее им еще придется столкнуться с Гарибальди! Он снова был избран в Алжире, поскольку Гамбетте, шедший по числу голосов перед ним, предпочел другой депутатский мандат. Из-за его кандидатуры возникли споры. И хотя он не явился, со скамей правых посыпались обвинения. Одно только его имя вызвало град саркастических замечаний: «Гарибальди – в Шарантон!»¹ – слышались крики. Требуют признать выборы недействительными. Он не француз, как он может быть депутатом?

Зять Виктора Гюго, Локкруа, воскликнул: «Генерал Гарибальди стал французом на поле битвы», – но в ответ слышались оскорбления, и 8 марта 1871 года Виктор Гюго взял слово, чтобы ответить.

Он знаменитый поэт, написавший «Возмездие», и автор романа «Отверженные», он непримиримый республиканец, недавно вернувшийся из изгнания. Он самый прославленный писатель Франции. Но как только он произнес первые фразы в защиту Гарибальди, его голос утонул во враждебном гуле. А виконт де Лоржериль ему бросил: «Господин Виктор Гюго говорит не по-французски». Это подстегнуло Гюго. С красноречием поэта он заговорил о роли генерала:

«Ни один король, ни одно государство не поднялось, чтобы защитить Францию, столько

---

¹ Психиатрическая клиника, так наз. Шарантон, в коммуне Сэн-Морис, отделившейся от Шарантона. – *Прим. перев.*

раз защищавшую интересы Европы, только один человек стал исключением: Гарибальди!»

Стоя на трибуне, как на капитанском мостике, Виктор Гюго воспользовался мгновенным затишьем, чтобы крикнуть: «Три недели назад вы отказались слушать Гарибальди; сегодня вы отказываетесь понять меня. Я буду говорить не здесь».

И он тут же подал в отставку. Еще один символический поступок. Гарибальди нашел в величайшем поэте своего времени своего страстного защитника.

Двумя днями позднее, 10 марта 1871 года, началась демобилизация Вогезской армии – армии Гарибальди. Впрочем, уже 19 февраля адмирал Пеноа сменил Менотти на посту ее командующего.

15 марта с Капрера, где он вновь вернулся к своему патриархальному образу жизни, Гарибальди обратился к своим солдатам с последним приказом, в котором сквозят подлинные чувства и видно волнение человека, знающего, что это его последнее обращение к солдатам, сражавшимся под его командованием.

«Храбрые солдаты Вогезской армии, – пишет он, – я покидаю вас с болью, друзья мои, но расстаться с вами меня вынудила сила обстоятельств.

Вернувшись домой, расскажите вашим близким о труде, усталости, сражениях, которые мы пережили вместе во имя святого дела Республики.

А главное, скажите им, что у вас был командир, который любил вас, как своих сыновей и гордился вашей храбростью.

До встречи в лучшие времена».

«Лучших времен» не будет.

18 марта 1871 года восстал Париж, и в то время как армия оставляла столицу, из воспоминаний о революции 1793 года и социалистических надежд членов Интернационала родилась Коммуна. Коммуна – взлет патриотизма после унижений разгрома и революционное движение – захватила власть. И попала, таким образом, в западню, приготовленную ей правительством «деревни», обосновавшимся теперь в Версале.

Началась безжалостная борьба под наблюдением пруссаков, по-прежнему окружавших Париж. Она будет продолжаться до кровавой недели в мае 1871-го, когда под пулями версальцев падет около двадцати тысяч коммунаров. Сена в эти дни была красной от крови.

Красное – цвет гарибальдийский. И красным было знамя Коммуны.

Для всех коммунаров Гарибальди был наиболее близким из людей.

Центральный комитет Коммуны в предвидении вооруженного конфликта с версальскими войсками 24 марта обратился к Гарибальди. Центральный комитет решил, что «военные полномочия в Париже доверены делегатам Брюнелю, Эду, Дювалю. Они имеют генеральское звание и будут действовать совместно в ожидании приезда генерала

Гарибальди, единодушно избранного генералом-аншефом».

Но Гарибальди, всегда мгновенно откликнувшийся на призыв сражаться, не присоединится к коммунарам.

В письме, датированном 28 марта и отправленном с Капрера, он объясняет, что здоровье не позволяет ему приехать в Париж и взять на себя подобное командование. В письме, естественно, нет никаких оговорок, он даже благодарит за честь, которой является для него такое назначение.

А в это же самое время многочисленные иностранцы – поляки, русские, венгры – встают в строй вместе с коммунарами, но самый знаменитый из европейских республиканцев не примет участия в боях. Только ли болезнь тому виной?

Состояние здоровья Гарибальди после испытаний, перенесенных дижонской зимой, бесспорно, ухудшилось. Деформирующий артрит и ежедневные боли мешают ему свободно передвигаться. Но перемена – по сравнению с периодом 1870 года – не так уж велика. А тогда он отозвался на призыв Бордоне.

Только к физическому состоянию нужно добавить потерю иллюзий. Ему шестьдесят четыре года. Несколько месяцев назад он сумел найти в себе силы и воодушевление, чтобы снова сражаться. После его возвращения из Бордо прошел всего месяц: оскорбления и насмешки еще звучат у него в ушах.

Но и это не все. В 1870-м правительство, хотя и сдержанно, пригласило Гарибальди. Сегодня его

звали восставшие. Конечно, Гарибальди их поддерживает, советует: «Дайте власть одному человеку... Помните, что верховный пост должен быть доверен одному честному человеку, и со всей полнотой власти».

Но сочувствие не мешает Гарибальди видеть, что коммунары в меньшинстве, что их восстание чревато гражданской войной. А в этом он, иностранец, не хочет быть замешан. Он не увидел интернационального аспекта Коммуны. Впрочем, так ли уж он был очевиден для современников, несмотря на участие многих европейских революционеров, среди которых были и гарибальдийцы: Амилькаре Чиприани, например, или Асси, или бывшие бойцы Вогезской армии, или даже волонтеры, сражавшиеся в Италии вместе с Гарибальди? И все ж, несмотря на это, Коммуна прежде всего – французская. Интернациональной ее сделает анализ Маркса.

Но Гарибальди, апостол всемирной Республики, стоявший на принципах интернационализма, не предугадал, что Коммуна может иметь это значение. Французская, она восстает против законного правительства. А он сам никогда не боролся с оружием в руках, как это сделал бы революционер-радикал, против своего правительства, не считая 1834 года, когда он только что вступил в «Джовине Италия».

В своей борьбе за объединение Италии он всегда отказывался, во избежание гражданской войны, выступать против власти, опираясь на революционное

насилие. В Аспромонте гарибальдийцы ответили на огонь берсальеров против его воли.

Все это вместе взятое и привело к тому, что в новом сражении он не участвовал. Что касается его сына Менотти, избранного членом Коммуны во время выборов 16 апреля – еще один знак популярности Гарибальди, – он откажется от участия в заседаниях, так как его нет в Париже.

Таким образом, никого из семьи Гарибальди нет в этом «красном» очаге, от которого запылает Франция и который послужит точкой опоры для революционеров всего мира.

«Революционность» Гарибальди не выходит за пределы этих границ. Он придает национальным проблемам исключительную важность. Он напишет своему сыну Риччотти в ответ на его вопрос:

«Что касается тебя, ты остаешься во Франции. Следи внимательно за начинающимся движением коммун. Если ты увидишь, что оно может привести к возобновлению военных действий против пруссаков, я разрешаю тебе принять в нем участие. И запомни, как только я узнаю на Капрера, что ты присоединился к коммунарам, я немедленно приеду, чтобы быть вместе с тобой. Но если это движение выльется только в борьбу французов с французами – не вмешивайся».

С французами против пруссаков – да. С революционерами против консерваторов, с французами против французов – нет.

Итак, к Коммуне не присоединился человек, который стал бы для всего мира ее символом и

одним своим присутствием доказал бы, что в ней воплотилось интернациональное движение.

Может быть, Гарибальди понял несколько месяцев спустя, что был не прав, придерживаясь своей узконациональной политической линии.

Например, когда он узнал, что Гастон Кремье, марсельский журналист, который в Бордо обратился к «сельскому большинству», стал в своем городе жертвой репрессий. Погибли и многие бывшие гарибальдийцы. Амилькаре Чиприани, раненый, был депортирован в Новую Каледонию.

Письмо, которое Гарибальди написал 21 октября мадзинцу Джузеппе Петрони, может быть, свидетельствует о его раскаянии. Гарибальди пишет, что коммунары были «единственными людьми, которые в этот период тирании, обмана, подлости и падения подняли священный стяг права и справедливости и завернулись в него, умирая».

Но Гарибальди с ними не было.

Он прожил весь этот период на Капрера. Он в курсе событий, отвечает на многочисленные письма, но поглощен сельскохозяйственными работами.

Жизнь мирная и неторопливая, созерцательная и отстраненная, размеренный ход которой вдруг нарушается увлечением, поступком, составлением письма, доказывающими, что Гарибальди еще готов к переменам, что его жажда деятельности еще жива.

Так, например, 5 апреля «Экономист Италии» опубликовал проект сельскохозяйственной колонизации Сардинии, его автор – Гарибальди. Речь

идет об использовании ста гектаров невозделанных земель, создании сельскохозяйственных колоний с мелкими заводами и агрономическими школами. 11 апреля он пишет Виктору Гюго, чтобы поблагодарить за его выступление в Бордо.

Много дней он посвящает составлению своего политического завещания. И то, что он составляет его в конце 1871 года, говорит о психологическом климате этого «ужасного года».

«Моим детям, моим друзьям и всем тем, кто разделяет мои убеждения, — пишет он, — я завещаю: любовь к свободе и правде, и ненависть ко лжи и тирании».

«Так как в последние минуты человеческого существа священник, пользуясь состоянием слабости, в котором находится умирающий, заявляет, что покойный исполнил, раскаявшись в своих прошлых заблуждениях, свой долг католика, я утверждаю, находясь в здравом уме и памяти, что никогда не приму услуг священника...»

В XIX веке церковь рассматривала кремацию, как вызов. Но Гарибальди на ней настаивает:

«Я требую от моих детей и моих друзей сжечь мое тело после моей смерти (я думаю, что имею право им распорядиться, так как всю мою жизнь боролся за права человека), собрать немного пепла в хрустальный флакон и поместить его под финикийским можжевельником, моим любимым деревом».

Затем завещание принимает более политический характер. Говоря о положении Италии, Гарибальди пишет:

«Я надеюсь увидеть, как завершится объединение Италии, но если я не буду иметь этого счастья, я советую моим согражданам считать, что так называемые чистые республиканцы с их исключительностью ничуть не лучше, чем умеренные и кюре, и так же как и они, вредны для Италии. Каким бы плохим ни было итальянское правительство, я считаю предпочтительным, если не представится случай быстро его свергнуть, вести себя с ним, следуя великой идее Данте: «Создать Италию даже вместе с чертом» (...) Когда она это сможет и будет сама себе хозяйкой, Италия должна будет провозгласить Республику».

В завещании причины, по которым Гарибальди отказался участвовать в Коммуне, становятся еще яснее. Он хочет быть реалистом, способным на компромисс «даже с чертом», даже с королем.

Впрочем, в последней части завещания он осуждает парламентаризм, «пять сотен докторов, которые, оглушив Италию своей болтовней, приведут ее к гибели». Единственный выход для страны: «Нужно будет выбрать самого честного из итальянцев и назначить его временным диктатором... Система диктатуры продлится до того времени, пока итальянский народ не привыкнет к свободе и ему не будут больше угрожать могущественные соседи. Тогда диктатура уступит место подлинно республиканскому правительству».

Декабрь 1871 года.

Завещание. Преждевременное прощание. В нем — горечь изоляции и уверенность в собственной

правоте, вопреки всему и вся. И неприятие перемен, будь то мысли, нрав или люди.

Для Гарибальди в самом деле наступило царство старости, с ее бедами и тоской.

Картина семнадцатая

МОГИЛА НА ОСТРОВЕ

(1872 – 1882)

Предстояло прожить еще десять лет, пытаться ходить, упорно борясь с болью и параличом, писать, выдвигать предложения, все еще вызывать восторг толпы. Десять лет – самые трудные годы жизни, потому что горизонт сузился, и могучее эхо уже не вторит твоему крику.

И все-таки продолжать жить.

В эти десять лет, чаще всего патетические, потому что воля Гарибальди к жизни сталкивается с болезнью, молчанием, иногда с доброжелательностью властей, в которой сквозит жалость, вдруг неожиданно врывается яркий луч света, даря утешение и радость от присутствия живого тепла рядом: сын.

23 февраля 1873 года Франческа Армозино родила сына, Манлио.

На Капрера – радость. Этот ребенок немного смягчил горе, которым была для Гарибальди

смерть Розы в 1871 году. Манлио плачет, кричит, растет. Он и Клелия, ей теперь уже шесть лет, — это сама жизнь, не затихающая в доме человека, которому скоро семьдесят (шестьдесят шесть, когда родился Манлио) и которого болезнь состарила раньше времени.

Детская слабость Манлио нуждалась в любви и защите. Гарибальди был для него одновременно «отцом и дедом», никогда с ним не расставался, спал с мальчиком в одной постели, уступал во всем, даже бросил курить, чтобы его не беспокоить. Позже, когда он достаточно подрастет, чтобы с интересом слушать истории, Гарибальди будет часто рассказывать ему о своих американских походах, о своих войнах, найдя в Манлио одного из тех восхищенных слушателей, которых так любят прославленные старики. Сын заменил ему Менотти и Риччьотти, которые, став взрослыми, покинули остров и вели жизнь — как это часто бывает с сыновьями героев — довольно беспорядочную.

Менотти занялся спекуляциями — неудачно. Женившись на девушке из бедной семьи, он попытался принять участие в строительном буме, перекроившем римские кварталы: многочисленные проходимцы, связанные с политическими кругами, быстро составили себе на этом состояние. Новая Италия, в которой начался экономический взлет, была в самом деле охвачена лихорадочной спекуляцией. В Риме, где Менотти пытался преуспеть, разрушены или перестроены палаццо¹ и виллы,

---

¹ Дворцы (ит.).

памятники столетий. Возмущенный очевидец рассказывает: «Они разрушили ворота Салария, древние ворота Венеранда, через которые некогда прошли готты... Выкрасили в белый цвет дома и даже старинные и почитаемые палаццо... Монастыри превращены в конторы, монастырские окна расширяют и в стенах пробивают новые...»

Но Менотти так же мало приспособлен для ведения дел, как в свое время его отец. Потерпев крах в Риме, он вместе с Канцио, своим зятем, основал новое предприятие. На этот раз он занялся деревянными шпалами, так как создавалась сеть железных дорог по всему полуострову, из конца в конец. Но снова потерпел неудачу. Новое огорчение не только для Менотти, но и для Гарибальди, так как долги сына приходится выплачивать ему. Счастье, что есть Манлио и Клелия, которые бегают вокруг, их игры и привязанность его утешают.

Риччотти, второй сын, доблестно сражавшийся в 1871 году, также ведет сомнительную жизнь. Он обосновался в Лондоне, где довольствуется легким успехом у женщин и существованием, не делающим ему чести. По слухам, он продает «реликвии», принадлежавшие его отцу, и погряз в долгах, которые нужно погасить.

Воистину, нелегко нести бремя имени Гарибальди.

И самому Гарибальди тоже. Он – под влиянием возраста, уверенности в себе, которую приносит слава, – все больше верит в то, что ему ведома истина. Уединившись на своем острове, он обвиняет, советует и ничего не прощает.

Когда 10 марта 1872 года в Пизе умер Мадзини, живший почти в неизвестности, Гарибальди, конечно, признал, что это был «великий итальянец» и что за его гробом должно развеяться знамя «Тысячи», но на похороны не приехал и в частной переписке не скрывал своей обиды. «Скажите мне, почему Мадзини всегда осуждал все, что я делал, и в Милане в 1848-м, и во Франции в 1871-м...»

Гордость и одиночество, образ жизни – остров, управление усадьбой, семья, болезнь, воспоминания – все это не помогало ему понять новую создающуюся Италию. Он не представляет себе другого способа участвовать в событиях, кроме того, которым он пользовался прежде.

Избранный депутатом почти всех законодательных палат начиная с 1874 года, он хочет быть на особом положении. В Риме 15 октября 1874 года, выдвинутый кандидатом в первом избирательном округе, он заявил, что явится в парламент, когда сочтет нужным. После своего избрания он пишет Бордоне:

«В парламенте я буду выглядеть экзотическим растением; но тем не менее я отдам свой голос правому делу, как я хотел это сделать в Бордо; но как и в Бордо, меня, вероятно, выставят за дверь. Не все ли равно? Я буду следовать велению моей совести».

Такая позиция, единственным критерием которой было собственное мнение, опирающееся на самые жесткие этические нормы, не могла не привести к конфликту с политическими деятелями, стоявшими у власти.

Новое королевство в самом деле столкнулось с огромными трудностями. Этой сельской стране, разделенной на северную и южную части, объединение дало только монархический фасад. Все должно было решить экономическое развитие и инициативность политиков. Срочные преобразования были тем более необходимы, что в результате демографического скачка население выросло от двадцати пяти миллионов в 1866-м до тридцати одного миллиона в 1887 году. Земли не хватало. Семьи узнали, что такое бедность и даже голод. Они устремились в порты, откуда эмиграционные суда начали их перевозить к новым и далеким континентам — в Америку или в ближнюю Северную Африку. Кое-кто направился во Францию.

Это население не имело права голоса. Существовал избирательный ценз. Только в 1882 году реформа избирательной системы довела число избирателей с двух до семи процентов. В этих условиях политическая жизнь проходила в замкнутом пространстве. Политики отчитывались только перед немногими избирателями, что давало возможность договариваться о комбинациях между собой.

Гарибальди был в левом крыле парламента, которое до 1876 года было в меньшинстве. Придя к власти, оно стало править, используя «трансформизм». У этой политической практики было две стороны. В парламенте она требовала, чтобы глава правительства обеспечил себе большинство, «трансформируя» лидеров оппозиции в

союзников. Для этого были необходимы длительные переговоры.

В стране — и это другая сторона трансформизма — между буржуазными кругами северной Италии и «галантуomini»¹ Юга было заключено своего рода соглашение. Последние сохранили за собой право управлять своими владениями так, как они находили нужным, эксплуатируя неграмотную крестьянскую массу. В обмен на это помещики Юга давали возможность представителям буржуазии севера реформировать государство, развивать современную экономику между Туринном, Миланом и Генуей, править Ломбардией и Пьемонтом, так походившими на другие страны Западной Европы. Компромисс был достигнут, Юг принесен в жертву. Но привилегированное общество Неаполя, Палермо, Пулы или Калабрии сохранило и приумножило свои доходы.

Гарибальди не понял смысла этой сделки и, таким образом, не мог стать сторонником другой политики. Ему оставалось только клеймить коррупцию.

В летние месяцы 1873 года он заявил, что если «растленное правительство» не изменит политического курса, он и его друзья будут «вынуждены вернуться к организации заговоров». В многочисленных письмах он обличает монархию: «Хорошо править или исчезнуть с политической сцены; вот что левые должны сказать монархии».

Но как воплотить в жизнь эти угрозы в современной Италии?

---

¹ Дворяне, помещики (ит.).

Чувствуется, что Гарибальди безоружен, в его руках осталось только перо. Например, его возмущают нищенские условия жизни итальянцев, но он не в состоянии найти политическое решение подобной проблемы. Да и возможно ли оно в Италии 1870 – 1880-х годов?

В конце 1871 года Гарибальди заявил, что «Интернационал – солнце будущего». И первый региональный конгресс Интернационала, состоявшийся в Болонье в 1872 году, приветствовал коммунаров и Гарибальди, «красных людей». Недалеко было то время, когда запюют «Бандьера россе»: «La bandiera rossa la trionfera e viva il socialismo e la liberta...»¹

Когда в 1874-м были арестованы первые итальянские активисты Интернационала, Гарибальди одним из первых выступил в их защиту.

Но очень быстро возникли разногласия. Гарибальди занял глубоко нравственную позицию, он всегда отвергал революцию. Он склонен к социальному компромиссу, он сторонник поэтапного развития, позволяющего избежать насилия.

Непреклонный в своих высказываниях, резкий, он умеет быть и умеренным. Его «реализм» поссорил его с Мадзини и отдалил от социалистов-революционеров. Поэтому в своем обращении к итальянскому народу в 1874 году Интернационал его осуждает:

«Не слушайте Гарибальди. Социализм, такой, каким он его себе представляет, сомнителен. То, что

---

¹ «Красное знамя победит и да здравствует социализм и свобода...» (ит.)

он называет преувеличениями социалистов, на самом деле является нашими основными принципами... Он хотел бы, чтобы ассоциации рабочих были бы только обществами взаимной помощи. Тогда они превратились бы в мелкие и узкие группы, над которыми смеялась бы буржуазия... Итальянские пролетарии, вперед!»

«Пролетарии» — это слово не из лексикона Гарибальди. Он говорит «итальянцы», «народ». Вы не найдете у него и признания классовой борьбы, в которой пролетариат был бы движущей силой. Он предпочитает делить мир по принципам Добра и Зла.

«Два принципа — Добра и Зла, борющихся за главенство в человеческом обществе во все века, дают сегодня, вне всякого сомнения, значительный перевес Злу».

В последние годы жизни Гарибальди стал пессимистом? Мизантропом?

«Меня обвинят в пессимизме, но тот, у кого хватит терпения дочитать меня до конца, меня извинит. Сегодня я вхожу в шестьдесят пятый год моей жизни, и после того как большую часть прожитых лет я верил в прогресс человечества, я с грустью вижу столько несчастий и такую коррупцию в наш век, претендующий на звание цивилизованного. Я предоставляю здравомыслящим людям судить о том, можно ли считать нормальным нынешнее состояние общества. Ураганы еще не очистили атмосферу от смрада разлагающихся трунов, а уже кое-кто помышляет о реванше.

Люди переживают разнообразные беды: голод, наводнения, холеру. Неважно: все вооружаются до зубов. Все — солдаты!»

Для него вершина человеческой цивилизации — мир. Его философия может показаться наивной, слишком простой. Она — отражение его масонского «гуманизма», его великодушия.

Он пишет множество писем, статей, деклараций.

Так, Гарибальди пишет даже Бисмарку, убеждая его выступить в защиту мира. Кто может поверить, что «железный канцлер», мечтавший в 1871 году посадить Гарибальди в клетку, откликнется на призыв своего противника?

20 декабря 1872 года Гарибальди пишет ему: «Вы совершили много великих дел. Так увенчайте же Вашу блестящую карьеру инициативой создания мирового арбитража. Пусть в Женеву, место заседаний арбитража, каждое государство пришлет своих делегатов. 1. Война между народами невозможна. 2. Все разногласия между ними решают мировой арбитраж».

Можно подумать, что это письмо поэта, заблудившегося в международной политике.

Но за этой «невинностью» стоит политический план или, по крайней мере, попытка сформулировать четкую программу. Так, мечтая о «мировом арбитраже», Гарибальди представляет себе, что «арбитром» для Италии мог бы быть король. Он думает об Италии, перестроенной по английскому образцу.

«Англия, — пишет он, — не республика; но общественное мнение там могучая сила, и когда хотят

внести улучшение, об этом ставят в известность народ, предлагают, не навязывая, и, в конце концов, получают его согласие».

Гарибальди больше демократ, чем революционер. Мечтатель, но думающий о реальности. Он сторонник своего рода президентского способа правления, и неважно, как будет называться президент. Король? Временный диктатор? Он уже думал об этом. Почему бы нет? Он отмечает слабые стороны парламентаризма и преступления этого разлагающегося механизма, он опасается, что порча паразит парламент Италии. Он мечтает о «бесценной славе, которую может принести королю опора на республиканские установления» (он представляет их себе «федеральными»).

«Я уже заявлял вам о своем вступлении в федеральную республику», — пишет он своим друзьям-мадзинцам. Гарибальди не так уж устарел!

Но что он может реально сделать? Ему остается только мечтать и писать.

Он стар, большую часть времени полупарализован. С политической точки зрения, жива только его слава, но власти он лишен. Мертв. И все-таки он упорствует, и в этом упорстве — трагизм, жизненная сила, стремление остаться для мира живым, еще влиять на ход событий. Словом, быть живым человеком.

Число его «великих проектов» растет, он представляет в парламент для обсуждения план изменения течения Тибра и мелиорации римской равнины. Проект нужно финансировать, и он

обращается за помощью за границу, в Англию, которая всегда так хорошо его принимала. Но когда 16 июня 1875 года его проект был одобрен и, таким образом, во всяком случае, по плану, гидравлические работы должны защитить Рим и римскую равнину от разливов Тибра, он вынужден отметить, что это решение почти не вызвало отклика.

Год спустя, когда прошло новое обсуждение в парламенте, — в это время левые уже были у власти, — он понял, что какое бы решение ни было принято парламентом по этому вопросу, его проект никогда не воплотится в жизнь. Сопrotивление исходило от самой Италии, в ней увязали все попытки реформ.

Что же мог поделать Гарибальди? Снова негодовать, как всегда.

«Это совсем не та Италия, о которой я мечтал всю мою жизнь, не об этой стране, глубоко несчастной из-за своих собственных бед и терпящей унижения от других государств».

Он возмущается, подает в отставку с поста депутата (1880), потому что не может быть в числе «законодателей в стране, где попирается свобода, а закон применяется только для того, чтобы гарантировать свободу иезуитам и врагам объединения Италии».

Это, конечно, крайность, но его все возмущает: «Эмиграция наших крестьян в дальние страны, вызванная тем, что мы не даем им возможности устроиться на римской равнине», то, как обращаются с сицилийцами, «этим мужественным

и прославленным народом». Он предостерегает: «Терпение – главное качество верблюдов, но когда они перегружены, они могут стать самыми страшными из четвероногих». Он повторяет: «Положение Италии меня бесконечно огорчает». И еще: «Нужны радикальные меры, которые могли бы сократить миллиардные расходы».

Но все это глас вопиющего в пустыне. Он приводит аргументы, но кто его слышит, кроме наименее страдающих слоев населения, тех, кто участвует в голосовании и умеет читать? Остальные погрязли в нищете, в повседневной борьбе за жизнь.

Он говорит, обращаясь ко всем своим парламентским коллегам:

«Когда в осажденной крепости или на задержавшемся в плавании корабле кончаются запасы еды, командование приказывает перейти с полного рациона на половинный или того меньше. В Италии поступают наоборот: чем ближе разорение, тем больше стараются разбазарить уже истощившиеся ресурсы страны. Итак, я предлагаю вам разумно обсудить и принять следующий закон. Пока Италия не справится с финансовой депрессией, в условия которой она несправедливо поставлена, никакая пенсия или пособие, никакое жалованье, выплачиваемое государством, не может превышать пяти тысяч лир в год».

Кто из парламентариев или высокопоставленных чиновников смог бы предложить или принять подобную меру? Не нашлось даже ни одной газеты, которая ее бы одобрила!

Тогда Гарибальди решил пойти еще дальше. Он стал сторонником всеобщего голосования. Он основал лигу демократии (21 апреля 1879 года) «ради национальной независимости, для того чтобы жизнь обездоленных стала менее трудной, ради социальной справедливости, для гарантии свободы», и в «Манифесте итальянцам» (апрель 1879 года) он заявил, что правительство уже в течение двадцати лет отражает интересы меньшинства. Но отныне ему придется иметь дело с «фасцией демократии»¹. Тогда умеренная пресса обвинила его в экстремизме. Она обвинила его в нападках на монархию и ее институты.

И в очередной раз Гарибальди оказался перед дилеммой: ограничиться словами или перейти к действиям. Прежде он умел выбирать. Но тогда ему приходилось всего лишь порывать со «стратегией» монархии, чтобы ее изобличить и побудить короля действовать. На самом же деле он служил монархии. Теперь же речь шла совершенно о другом. Нужно было резко порвать с режимом, осудить его установления и образ действий, чтобы присоединиться к незначительному меньшинству революционеров, пытающихся найти другие пути. И, кто знает, может быть, развязать гражданскую войну.

Гарибальди всегда старался избегать такой опасности. И ему уже семьдесят два.

Он возвращается на Капрера.

---

¹ Пучок прутьев с секирой (у римских ликторов). — *Прим. перев.*

Остров-убежище, остров-тюрьма? Было бы преувеличением говорить, что Гарибальди заключен на Капрера.

Он сам избрал этот остров. И отныне владеет им целиком. Он сам посадил здесь деревья и выстроил дома. Это его королевство, но в то же время — поскольку он знает, что никогда больше не сможет покинуть его ради истинно больших дел, — это пристанище его старости. Здесь у него будут еще радости позднего отцовства, годы тесного общения с Манлио, песни Клелии, но остров еще и приют воспоминаний. Неподалеку виднеется кладбище.

Кроме того, вас неотступно преследуют боль и болезнь, как избежать того, чтобы самый прекрасный пейзаж, самые любимые комнаты не стали казаться совсем другими?

Гарибальди вынужден иногда по многу дней не вставать с постели — невозможно ходить, даже пошевелиться, чтобы не вызвать мучительной боли. Он стойчески переносит страдания. Он пишет лежа окончательную редакцию «Мемуаров», но, главное, начинает писать новый роман, «I mille»¹.

В этой книге, которая рассказывает о походе гарибальдийцев в 1860 году, много патетики, борьбы добрых людей со злыми. Чувства просты, сюжет элементарен. «Тысяча» — всего лишь набросок народного романа, но Гарибальди надеется, что эта книга поможет ему избежать нужды, выплатить долги сыновей. Однако сумма, которую он

---

¹ «Тысяча» (ит.).

потребовал от издателей – тридцать тысяч лир – показалась им чрезмерной. В конце концов, почитатели в складчину издадут книгу и займутся ее распространением.

Это был успех, хотя дело было не в качестве произведения, а в известности Гарибальди. В короткий срок на книгу подписалось четыре тысячи триста двадцать два человека.

Роман принес Гарибальди одиннадцать тысяч триста шестьдесят лир. Сумма, значительная для автора, но, увы, недостаточная, чтобы удовлетворить все потребности семьи.

Он решается продать яхту, подаренную английскими почитателями. Это дает около восьмидесяти тысяч лир. Целое маленькое состояние. И нужно же было, чтобы Гарибальди, вопреки обыкновению, решил им разумно распорядиться. Он доверил эту сумму одному из своих друзей, ветерану гарибальдийских войн, Антонио Бо. И тот исчез вместе с деньгами.

Горечь, приступы мизантропии снова овладевают Гарибальди по мере того, как растут материальные трудности, с которыми ему предстоит бороться. Имение на Капрера заложено. Но гордость не позволяет Гарибальди жаловаться на судьбу. Его сердят газетные статьи, рассказывающие о его трудностях. 10 ноября 1874 года он пишет одному из своих корреспондентов:

«Поскольку различные газеты избрали темой мою бедность, я принужден дать некоторые объяснения: я никогда не был беден, так как всегда умел

сообразовываться со своим положением, начиная с того времени, когда я служил американским республикам и у меня была всего одна сменная рубашка, лежавшая под седлом моего коня, до того времени, когда я был диктатором обеих Сицилий. Если бы члены моей семьи не забывали об этом правиле и если бы так называемые друзья не злоупотребляли моим доверием, моя бедность не вызвала бы сегодня столько разговоров и я жил бы, как всегда, скромно, но не бедно».

Это было почти признанием того, что он в нужде. В правительственных кругах, где было много бывших гарибальдийцев, постепенно обретших чувство порядка и вкус к власти, это вызвало тревогу. Впрочем, за этой заботой угадывался и политический маневр. Назначить Гарибальди пенсию — не значило ли это приобщить его к силам, правившим страной?

19 ноября 1874 года был принят закон, назначавший Гарибальди ренту в пятьдесят тысяч лир и ежегодную пенсию в том же размере. Текст закона был четок, и Гарибальди мог бы принять пенсию, сохранив при этом свою независимость.

Правительство короля заявило, что «в знак благодарности итальянского народа генералу Гарибальди за героическое участие в великом деле объединения и независимости нации, разрешено вписать в Великую книгу общественного долга государства ренту в пятьдесят тысяч лир...»

Сенат принял проект единогласно.

В палате всего двадцать пять голосов было подано против.

Но Гарибальди воспринял известие об этом, как удар хлыстом. За кого его принимают? Он почувствовал политический умысел: «Пусть это правительство, цель которого разорить и развратить страну, ищет себе сообщников в другом месте!»

И в письме своему сыну Менотти он добавил:

«Ты скажешь министру, что эти сто тысяч лир давили бы на мои плечи, как туника Несса¹. Согласившись, я потерял бы сон и чувствовал бы, что мои руки в горячей крови, а на запястьях тяжесть наручников; и при каждом известии о государственных растратах и нищете народа сгорал бы от стыда. Всем нашим друзьям в парламенте я искренне признателен. Что касается правительства, пусть ищет себе сообщников в другом месте».

Тем не менее нужно как-то жить. И поскольку Гарибальди отказался от «национального дара», он должен изыскивать другие ресурсы. Например, начать на самом Капрера разработку гранитных карьеров. Его сын Менотти, уже занимавшийся строительными предприятиями в Риме, занялся этим делом.

Семья Гарибальди строит планы, мечтает. Затем внезапно наступает разочарование. Правительство

---

¹ Боль, от которой невозможно избавиться. Несс — кентавр, пытавшийся похитить Деяниру, жену Геракла, и настигнутый его стрелой, смоченной в крови Лернейской гидры. Умирая, он отдал Деянире свою тунику, как талисман, который должен был вернуть мужа, если он ей изменит. Геракл надел тунику и погиб, охваченный пламенем. — *Прим. перев.*

отказало — из стратегических соображений, связанных с защитой архипелага — в разрешении на открытие карьеров на Капрера.

Гарибальди возмущен, он выступает против военных планов, ибо настало время, когда нужно заниматься мирным развитием Италии. Он отправляется в Рим как депутат и оживает от восторженного приема, оказанного ему на причалах Чивитавеккья. Он предлагает свой план мелиорации римской равнины, но его оживление пропадает, когда он видит, что его слушают, не понимая, и, главное, не собираются переходить к реализации его проектов.

Еще одно разочарование, и к тому же совпавшее по времени с его финансовыми проблемами.

Одновременно с этим обострился его недуг. Деформирующий артрит снова мешает ему передвигаться. Он инвалид. Кресло, в котором он сидит, нужно подталкивать и ставить возле фасада дома или под деревом. В эти минуты его лицо выражает грустное достоинство и безмолвный протест. Он еще хочет выстоять. Один, без посторонней помощи. Но вокруг него все встревожены. Франческа думает о своих маленьких детях.

Когда в 1876 году к власти пришли левые, и главой правительства стал некто иной, как Агостино Депретис, гарибальдиец времен «Тысячи», бывший губернатор Палермо, Гарибальди, под давлением семьи и друзей, принимает пенсию, за которую проголосовало прошлое правительство.

Отныне ему больше не грозит нужда и он не станет сообщником правительственной политики. Гарибальди не из тех людей, которых можно купить. Но этот «дар нации», который ему преподнесен, в его глазах доказательство того, что он состарился. Потерял независимость. Для человека, воспевавшего когда-то вольную жизнь «матреро», скачущего верхом на коне по пампе, принятие пенсии унижительно.

Это естественное и всенародное выражение благодарности отечества в глубине души его огорчило.

Конечно, это позволило ему решить самые неотложные семейные проблемы. Он быстро организовал раздел пятидесяти тысяч лир ренты между своими детьми. Менотти спасен от банкротства. Риччьотти, неугомонный младший, в это время обосновавшийся в Австралии, получил сумму в пять тысяч лир. Дочери получили свою часть, более скромную, так же как и Манлио, как будто бы дети Франчески меньше нуждались в поддержке, чем два старших сына. В общем-то так оно и было. Но в этом неравенстве была какая-то несправедливость, допущенная Гарибальди. Ему нужно было поддержать самых неустроенных. И крестьянка Франческа, которую считали скуповатой, не возражала. Она также получила свою долю, и, кроме того, Гарибальди застраховал свою жизнь¹. Для себя у него осталось всего пять тысяч лир.

---

¹ В случае его смерти страховку получали наследники. — *Прим. перев.*

«Разве я в чем-нибудь нуждаюсь? – повторяет он.

Он больше, чем когда бы то ни было, нетребователен в пище. Редко выходит из своей комнаты. Зимой 1877 – 1878 года он был тяжело болен и почти не вставал с постели. Он очень ослабел, и в этом состоянии ему довелось перенести еще один удар: смерть Аниты, дочери от Баттистины Равелло. У Аниты печальная судьба: ее доверили Эсперанце фон Шварц, а та превратила ее в свою полуслужанку – полукомпаньонку. Анита взбунтовалась против экстравагантной немки и вернулась на Капрера, где Гарибальди ее плохо принял. Она получила солнечный удар и через несколько часов умерла.

Тогда Гарибальди понял, как она была ему дорога, и горько винил себя за свою небрежность. Он похоронил ее на кладбище Гарибальди, где уже покоилась его дочь Роза. Смерть окружала его со всех сторон.

Болезнь, разочарования, утраты, старость, о которой говорило все: и слабость тела, и поведение членов семьи, и дар нации – подтачивали его сопротивляемость и волю.

Чувствительность Гарибальди, которая всегда была острой, теперь обострилась до крайности. Нередко он плачет. Легко поддается волнению. Цепляется за Франческу, которая ухаживает за ним и выполняет все его желания – как это часто бывает с больными и стариками, не чающими души в тех, кто еще помогает им жить. А она, с

той преданностью, которую всегда проявляла, внимательна ко всем его прихотям. Если он жалуется на то, что из своей комнаты не видит моря, так как скала закрывает горизонт, она нанимает людей и убирает мешающую часть скалы, а к семьдесят третьей годовщине Гарибальди она распоряжается пристроить комнату, из которой он сможет, наконец, видеть волны, бьющиеся о рифы Капрера. Когда она показывает ему новую комнату, он потрясен, рыдает, целует ей руки. Перед домом духовой оркестр с Маддалены играет в его честь. Он прижимает к себе детей. «Благодарите вашу маму», — повторяет он.

Старый воин — всего лишь человек, чья жизнь потихоньку близится к концу.

Он это прекрасно понимает и хочет уйти «в порядке», выполнить все формальности, в частности, официально признать себя отцом своих младших детей.

Он живет с Франческой, и она подарила ему троих детей, двое из которых живы, но она всего лишь сожительница, так как мимолетный брак, который Гарибальди заключил в 1860 году с юной маркизой Раймонди, не был расторгнут, несмотря на то, что Гарибальди в тот же день, когда состоялось венчание, отверг свою супругу и с тех пор ее не видел.

Теперь он использует всю свою энергию, чтобы разорвать узы, мешающие ему дать Франческе имя, на которое она имеет право, а ее детям законного отца.

Гарибальди добивается вмешательства короля Виктора Эммануила II, затем, в 1879 году, когда он принят его преемником (Виктор Эммануил II умер в 1878 году) Умберто I, он просит помочь ему в этом деле. Несколько месяцев спустя он посылает королю прошение о том же.

Государи, отвечают ему, подчиняются закону, который в этой области одинаков для всех. И трибунал отклоняет просьбу о расторжении брака.

Гарибальди не может этого допустить. Шантаж ли это, или доказательство его решимости? Но он заявляет публично, что обратится за помощью к своему другу Виктору Гюго, чтобы получить французское гражданство. Разве он не уроженец Ниццы? И тогда он сможет сочетаться браком с Франческой Армозино.

Общественное мнение Италии считает, что это бунт против слепоты судей, что с Гарибальди поступают несправедливо и что это позор для отечества.

Наконец, 14 января 1880 года апелляционный суд признает брак с маркизой Раймонди недействительным. Дело тянулось около двадцати лет.

Гарибальди не медлит. Ему было семьдесят три года, когда 26 января 1880 года он сочетался браком на Капрера с Франческой Армозино. С Маддалены приехал мэр. Дети – Менотти, Терезита, Манлио, Клелия – окружили супругов. Поют. Плачут и целуются.

Последний праздник на Капрера.

Через два года с небольшим Гарибальди умрет.

Кто из окружающих не знает, что этот человек, которого посят в кресле или возят, живет свои последние месяцы?

Он бледен, кожа его лица истончилась, а взгляд затуманен. Он дышит медленно, как будто каждый вздох и каждое биение сердца требует слишком большого усилия. Он неподвижен, руки скрыты под пончо; кажется, что он угасает от усталости и переутомления.

Он понимает, что конец близок. 2 июля 1881 года, за два дня до своей семьдесят четвертой годовщины, он попросил, чтобы его оставили одного. Он пишет. Станет известно, что он составлял то, что озаглавил «Приложение к моему завещанию». Он добавил еще уточнения, связанные с кремацией, на которой настаивает.

«Тело мое будет сожжено на костре из капрерского дерева, в том месте, которое я отметил железной осью. Немного пепла будет собрано в гранитную урну и помещено в могилу моих дочерей, под акацией. Тело будет облачено в красную рубашку [...] Мэр или любое другое лицо не будет извещено, пока мой труп полностью не превратится в пепел».

Опасается ли Гарибальди, что кремации могут помешать, или он хочет, чтобы этот акт, последний, был исполнен, как своего рода ритуал, в соответствии с масонскими верованиями?

Времени остается все меньше. Но еще можно что-то совершить, принять участие в сегодняшней борьбе, еще успеть сказать, что нужно бороться за

присоединение Тренто и Триеста к территории страны. Гарибальди вспоминает о своих сражениях в Тироле, поддерживает тех, кто выступает за «единую и неделимую Италию», берет шефство над стрелковыми обществами, в которых должны тренироваться будущие новобранцы.

Он пишет:

«Выступления за неделимую Италию проистекают из национального чувства. Они направлены против Австрии, во имя значительной части наших поработанных братьев...»

Итак, он до конца верен избранному им «национальному» пути, делающему войну обоснованной и законной – и в то же время объявляет себя пацифистом. Отдает ли он себе отчет в том, что его патриотизм может привести к шовинизму? Он даже не подозревает, что это возможно, так как Гарибальди – неискоренимый «интернационалист».

Разве он не сражался за Францию, забыв все свои обиды? Разве это не дает ему право возмущаться, когда во время оккупации Туниса французами (1881 год), в Марселе и Париже проходят антиитальянские демонстрации?

В Тунисе, очень близко расположенном от Сицилии, находится многочисленная колония итальянских переселенцев, и Рим не скрывает, что считает естественным, если его влияние в Тунисе будет господствующим. Но «раздел колоний» решает соотношение сил между державами, а не какое-то там распределение, соответствующее территориальной близости или необходимости. Франция имеет

слишком много? Италия ничего? У Франции будет еще больше, а у Италии еще меньше! Таков закон.

Это вызвало озлобление итальянских националистов, почувствовавших себя униженными и ущемленными. Криспи, который был одним из соратников Гарибальди, организовавшим поход «Тысячи», стал одним из самых яростных защитников национальных прав Италии. Министр внутренних дел, он забыл времена заговоров и восстаний и предпочел организовать антифранцузские демонстрации, ставшие прелюдией большой политики, целью которой было превратить Италию, как он надеялся, в могучую колониальную державу.

Гарибальди принял участие в этой битве.

«Я друг Франции, — пишет он, — и думаю, что нужно сделать все возможное, чтобы сохранить ее дружбу. Тем не менее, будучи прежде всего итальянцем, я бы с радостью отдал оставшуюся часть жизни за то, чтобы Италию никто не оскорблял».

И он добавил, что нужно «отмыть итальянское знамя, вывалянное в грязи марсельских улиц. Разорвать договор, вырванный силой у тунисского бея».

Он разделяет чувства средних слоев Италии, убежденных в том, что новая Италия должна играть в Европе заметную роль, что Италия униженная, осмеянная, низведенная до положения туристической области, должна стать воспоминанием. Гарибальди прекрасно выразил их настроения: «Наши австрийские и французские соседи должны понять,

что времена их прогулок по нашей прекрасной стране навсегда ушли в прошлое».

Национализм понемногу перерастает в шовинизм.

Гарибальди обращается к французам, смеясь над «этими знаменитыми генералами, позволившими пруссакам посадить их в клетки вагонов для скота, чтобы вывезти в Германию, оставив врагу полмиллиона доблестных солдат, а сегодня они же разыгрывают героев перед слабым и ни в чем не повинным населением Туниса!»

В патриотическом хоре голос Гарибальди хорошо слышен, в нем звучит сила его победоносного участия в войне 1870 года и других его свершений и воинских заслуг. Он — легендарный итальянец, тот, чью воинскую доблесть можно противопоставить героям других народов.

И Криспи, естественно, хочет заставить его пойти еще дальше: зарождающемуся итальянскому империализму Гарибальди придаст демократическую и благородную окраску и позволит представить его не как государственные притязания, наравне с притязаниями других государств, а как справедливые требования обездоленной нации, защищающей свои права.

И пресса вторит заявлениям Гарибальди, который возвращается к утраченной Ницце, своей родине, и даже задается вопросом о судьбе острова, берег которого он видит с Капрера, Корсики, она тоже должна была бы остаться итальянской.

Весной 1882 года Криспи, сицилиец, хочет придать больший размах празднованию Сицилийской вечерни.

В 1882 году население острова с помощью кровавого восстания — резни — положило конец владычеству «французов» Карла Анжуйского, брата Людовика XI.

Римское правительство готовит подписание договора о Тройственном союзе, который объединит Рим с Германией и Австрией, и нужно, чтобы общественное мнение Италии забыло свои антиавстрийские страсти и свое желание вновь завладеть Тренто и Триестом и настроилось против Франции.

Получив приглашение посетить по этому поводу Сицилию, Гарибальди принимает его в марте 1882 года. Воспоминания о 1860-м, желание участвовать в том, что он считает справедливой итальянской политикой, заставляют его, несмотря на болезнь и советы врачей, ответить на зов Криспи.

Это путешествие в Неаполь, Мессину и Палермо — последнее, которое ему удалось совершить.

За несколько месяцев до него он отправился в Геную, где его зять Канцио находился в заключении за участие в республиканских демонстрациях, а оттуда, добившись освобождения Канцио, — в Сан-Дамиано д'Асти, родную деревню его жены Франчески. Затем он приехал в Милан.

Повсюду его ждал восторженный прием, даже если при виде этого угасающего человека, неподвижно сидящего в карете и мертвенно бледного,

крики стихали и толпа вела себя поневоле сдержанней.

Но Гарибальди, несмотря на то, что все это было для него изнурительным, конечно, сохранил в памяти все эти бесчисленные лица людей, теснившихся вокруг него и выражающих нежность и любовь. Ему это было необходимо: он вновь обретал свою прошлую славу. И это тоже влекло его на юг.

20 января 1882 года он покинул Капрера и направился в Неаполь. Его кровать с помощью тали подняли на борт корабля. Погода была скверной. Гарибальди со своего ложа отдал несколько приказаний экипажу, как будто он вернулся в те далекие годы, уплывающие за горизонт его жизни, когда он, стоя на капитанском мостике, командовал кораблями.

Так началось это путешествие, под знаком тоски по прошлому и новых встреч с пережитым.

Вот восторженный Неаполь. Сотни лодок окружают корабль, на котором не видно Гарибальди, так как он уже не может вставать. Его провозят по улицам Неаполя, и, как и в Милане, толпы людей видят человека, который скоро умрет.

Он проведет несколько спокойных дней на вилле Позиллипо, делая заявления для печати, решив, вопреки желанию близких, отправиться в Палермо поездом, чтобы повторить тот же путь, который он проделал в 1860-м воином-победителем на коне во главе своей «Тысячи».

Его сотрясает кашель, дышать становится все труднее. Бронхит — таково заключение врачей.

Начиная с 26 января газеты регулярно публикуют бюллетень о его состоянии здоровья. Болезнь прокрадывается и овладевает им, пока он повторяет путь, который был вершиной его славы.

В Палермо он так выбился из сил, что в гостиницу его несут на руках и на всем протяжении его пути густая толпа стоит безмолвно.

16 апреля он садится на корабль и на следующий день со своей семьей прибывает на Капрера.

Состояние его здоровья ухудшается с каждым днем. Он плохо дышит и так медленно, что при каждом вздохе кажется, что он сейчас задохнется.

29 мая Франческа пишет Менотти: «За несколько дней он очень исхудал и повторяет свои обычные распоряжения о кремации».

1 июня его состояние резко ухудшилось. Он начал задыхаться. Врач морского флота, находящийся на борту корабля, стоявшего на якоре в водах острова, заявил, что бессилен что-нибудь сделать. Необходима операция. Телеграфируют в Палермо. К бронхиту присоединяется прогрессирующий паралич, мешающий Гарибальди дышать.

2 июня в 18 часов 20 минут он умирает.

Будут рассказывать о том, как две черноголовые птицы-славки влетели в его комнату и он прошептал, что это души его двух маленьких умерших дочерей.

Будут говорить, что его последними словами были слова о Тренто и Триесте, по-прежнему оторванных от Италии.

Будут вспоминать о том, как он смотрел на море и на силуэт удаляющегося корабля.

А нужно было бы просто сказать: умер человек — от старости и болезни, умер человек, чья жизнь стала легендой.

Но те, кто его пережил, толпы народа, политические вожди, которые любили его, шли за ним, использовали его, прославляли, завладели его смертью, чтобы возвеличить ее, сделать назидательной. Тело Гарибальди и его образ принадлежат им, а не ему одному, как он наивно думал.

Итак, они завладели им.

Как только телеграмма, сообщившая о кончине, достигла континента, начались приготовления, демонстрации. Траур был равен славе.

Буквально дрались, чтобы узнать, где состоятся похороны. «В Риме, в Риме!» — повторяли многие, желавшие, чтобы всенародный отклик был как можно грандиознее.

Затем стало известно тщательно составленное завещание Гарибальди. Но можно ли было допустить, чтобы это тело одиноко стorerело на костре, в поле?

7 июня на Капрера собрался семейный совет. В нем приняли участие бывшие гарибальдийцы, в их числе Франческо Криспи. Споры были горячими. Как можно было не выполнить указаний Гарибальди, так настойчиво высказанных, построенных в разной форме и еще раз данных в письме его врачу, доктору Прандини:

«На дороге, ведущей от дома к пляжу, есть впадина в земле, отгороженная стеной. На этом

месте должны сложить кучу хвороста в два метра из веток акации, мирта, мастикового дерева и других ароматических пород. На костер должна быть поставлена маленькая железная кровать, а на нее открытый гроб с моими останками, облаченными в красную рубашку.

Горсть пепла должна быть сохранена в какой-нибудь урне и положена в могилу, где находится прах моих дочерей Розы и Аниты».

Но немногие решались последовать завету Гарибальди. Некоторые предлагали бальзамировать тело. Кремация оскорбила бы чувства народа. Гарибальди не принадлежит себе. Он принадлежит Италии и легенде.

Наконец, после обсуждения, длившегося несколько часов, решение было принято. Похороны состоятся на Капрера, но кремации не будет.

Министры, представители короля и патриотических организаций 8 июня 1882 года собрались на Капрера.

Старые гарибальдийцы, ветераны его войн и их знамена смешались с «серыми людьми», официальными представителями, многие из которых видели в Гарибальди или помеху, или орудие, которое можно было использовать в своих целях. Красные рубашки и яркие цвета знамен напоминали о том, что Гарибальди был «красным человеком».

В водах Капрера два военных корабля дали залп. Гроб на руках отнесли на маленькое кладбище.

Печаль народа была глубока. У людей было такое чувство, что они потеряли одного из своих

близких. И в то время, как на Капрера в беспорядке плохо организованной церемонии пятьсот человек заполнили маленькое кладбище, в городах и деревнях собирались женщины, плакали и молились. «E morto Garibaldi, il generale».

Тот, кого хоронили там, был уже частью духовного мира каждого итальянца, он вошел в их плоть и кровь, как герой сказки или оперы.

«E morto Garibaldi, il generale» — «Умер Гарибальди, наш генерал».

В конце дня на Капрера обрушилась гроза невиданной силы. Участники похорон вынуждены провести на острове всю ночь и часть следующего дня (9 июня).

Испуганные бурей и тем немного странным чувством, которое всегда возникает в первые часы, проведенные на острове, размещенные в имении, в домах без удобств, сильные мира сего встревожены. Ходят слухи, что на континенте начались беспорядки, что умерший Гарибальди вдохновил бунт против властей.

Необоснованные слухи, рассеявшиеся в ближайшие часы.

Во всем мире новость заняла первые страницы газет. Во Франции палата депутатов двумястами девяноста восемью голосами против ста восьмидесяти девяти в знак траура закрыла заседание.

Тем не менее правое консервативное крыло, отказавшееся принять участие в почестях по случаю траура, позволило себе оскорбительные высказывания.

Но комитет, созданный в честь Гарибальди, согласился возглавить Виктор Гюго.

Гарибальди после смерти вновь обрел своих единомышленников.

26 июня 1882 года захоронение его останков было закончено.

На могиле был установлен кусок скалы необработанного гранита весом более трех тонн.

На нем выгравировали простую звезду – звезду «Тысячи» – и имя: «Гарибальди».

Ни даты.

Ни фразы.

Это имя само по себе было легендой, в нем были величие и мощь хора.

Финал

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС

Тарибальди жив спустя век после его смерти? Или он только пленник официальных церемоний, которые в дни годовщин – 1907, 1957: столетие и пятидесятилетие со дня рождения; 1932: пятидесятилетняя годовщина со дня смерти, и 1982... – собирают вокруг его статуй, бесчисленных мемориальных досок, памятных знаков, рассеянных по всей Италии, в Ницце и во множестве других городов, официальных деятелей, представляющих правительства или лиги, в которых крамольного чаще всего только красный галстук, завязанный вокруг древка знамени?

Если полагаться только на эти сборища, прислушиваться только к этим речам, Гарибальди превратился бы в одну из исторических фигур музея Гревен¹; в определенные дни ее выставляют на трибунах, а затем снова запирают в пыльных и темных залах. И можно было бы прийти к выводу, что тело и образ этого красного человека

---

¹ Музей восковых фигур в Париже. – *Прим. ред.*

навек похоронены в могиле на острове, под гранитной глыбой весом в три тонны.

Но всегда нужно уметь раздвинуть знамена праздничной церемонии, прервать конференцию, нарушить порядок чествования, чтобы понять, что же в действительности осталось от влияния человека, чтобы узнать в тех, кто после его смерти встал в первые ряды творцов Истории и провозгласил себя его наследником, — самозванцы это или его истинные сыновья.

Потомки — его сыновья по крови — не могут быть призваны в свидетели.

Каждый прожил жизнь по-своему.

Один, Менотти, стал генералом и умер в 1903 году; он был сторонником колониальных и империалистических устремлений Криспи.

Другой, Риччотти, сражался на Балканах, затем незадолго до смерти (1924 год) приветствовал приход к власти Муссолини и установление фашизма после похода на Рим в 1922 году.

Третий сын, Манлио, морской офицер, умер в 1900-м.

Одна только Клелия надолго пережила свою мать, Франческу, умершую в 1923-м, и, прожив всю свою жизнь на Капрера, умерла в 1959-м. Она написала немного и очень сдержанно, только чтобы сообщить некоторые факты.

Канцио, зять, представлял в семье «левых» и был замешан в революционных волнениях 1898 года. Его сын, генерал Эцио Гарибальди, был в сложных отношениях с режимом Муссолини. У него остался сын.

Но наследники Гарибальди не только его прямые потомки. И даже не те люди, кто, объявив себя его последователями, участвовал от его имени в Бурской войне, в венесуэльской революции (1904), в Балканских войнах (1912 – 1913) или на французской земле, в Аргонне, в первых боях войны 1914 года (Италия сохраняла нейтралитет до 1915-го).

Они продолжили традицию 1870 года – вмешательства в дела других государств. И гарибальдийцы Аргонна доблестно сражались, заплатив кровью за свое чувство солидарности с Францией – тяжкая дань. Там погибли два внука Гарибальди, Бруно и Констанцо. И вокруг памятников погибшим в первую мировую войну долгие годы были красные рубашки и знамя гарибальдийцев.

Но это еще не главное в его наследии, и в этом благородном «экстремизме» или в противоречивых судьбах членов семьи не видны два противоположных пути, избранных последователями Гарибальди.

Так как единодушия не было, на этой могиле выросли и тернии.

В фашизме и его недисциплинированных «скадре» (взводах), марширующих по римской равнине с вождем во главе – Муссолини, пытавшимся громкими речами увлечь за собой итальянцев, в самой идее «похода на Рим», в «черной рубашке», затем – позднее – в программе, в которой снова появляется осушение Понтинских болот, и в шумных националистических заявлениях, в самой риторике дуче, в этом «фольклоре»

нашло свое выражение гарибальдийское наследие. Худшее, несомненно, только оболочка. Но отрицать это – значило бы не понять одного из путей итальянской истории, одной из ее «традиций».

Не случайно фашизм превратил пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Гарибальди в 1932 году, которая совпала с «деченнале», десятилетием фашизма, в одну из своих великих дат. Тогда из Ниццы в Рим перевезли останки Аниты Гарибальди. И поставили ей памятник.

И так же не случайно при фашизме девизы «Ницца Ностра» и «Итальянская Корсика» возвращаются, как эхо, как отклик на горечь Гарибальди, лишившегося своей отчизны.

Фашизм не только хотел использовать призывы Гарибальди или ловко сыграть на чувствах народа и украсить себя гарибальдийской традицией. Он разоблачал «шлак» гарибальдизма, чтобы, отбросив суть, оставить одну оболочку. Но эта оболочка существовала.

В гарибальдийском стиле было слишком много двусмысленности – стихийное утверждение роли человека, обладателя харизмы. Отсюда «дуче» Гарибальди, прославление героического «жеста», театральность. Впоследствии люди другого времени попытались воспользоваться всем этим, естественно, доведя до карикатуры.

Фашизм и Муссолини – черная и карикатурная копия гарибальдизма и Гарибальди, подделка национальной традиции.

Но есть и другой поток, в котором течет гарибальдийская кровь. И она – красная. При фашизме, в частности против самозванного гарибальдизма и его стремления исказить наследие Гарибальди, восстали – с момента его возникновения – гарибальдийцы-антифашисты республиканской, либеральной и марксистской ориентации, взявшие от гарибальдийского эпоса главное: народное вмешательство в ход итальянской истории во имя идеала демократии и братства.

Слишком неопределенный взгляд, открывающий путь кривотолкам? Односторонний анализ? Пусть так, истинные наследники Гарибальди этого не отрицали. Но, несмотря на все сложности жизни, они проявляли удивительное мужество и преданность идее. И всегда, в каждое мгновение оставались верны этому завету, иногда, может быть, безрассудному: Гарибальди никогда не уходит от опасности.

Те, кто причислял себя к его последователям, антифашисты, его истинные сыновья, также заплатили жизнью за свои убеждения.

В Испании во время гражданской войны они сражались в рядах Интернациональной бригады, носившей имя Гарибальди.

Особенно во время Соппротивления – этого второго и глубокого Рисорджименто – в последние месяцы фашизма в горах Северной Италии молодые люди, сражавшиеся в партизанских отрядах гарибальдийцев, носили на шее красный платок.

Когда была одержана победа и красный цвет восторжествовал над черным — 2 июня 1946 года, в годовщину смерти Гарibaldi, — итальянцам было предложено высказаться с помощью плебисцита об отмене монархии.

Более двенадцати миллионов голосов против десяти — разрыв значительный, хотя и не такой резкий, как надеялись некоторые — избрали республику.

В этот день сторонники республики избрали своей эмблемой гарibaldiйскую звезду и лицо Гарibaldi.

2 июня 1882: умер человек.

2 июня 1946: родилась Республика.

Но покинем Италию и отправимся в Новый Свет, края других гарibaldiйских сражений.

Есть в Аргентине, севернее Бахиа Бланка, приблизительно в пятидесяти километрах, затерявшийся в «стипа» — высокой и густой траве — навес, хрупкое сооружение, мимо которого проходит линия железной дороги. На нем можно прочесть надпись: «Колония Нуэва, Рома»¹, как будто это станция города или, по крайней, мере деревни.

Но вокруг ничего, кроме «стипы».

Здесь обосновались гарibaldiйцы в надежде построить город. Но они были слишком далеко от моря. Нужда и трудности схватили их за горло. Вспыхнула ненависть. Они перебили друг друга.

---

¹ Новая колония, Рим (ит.).

От их надежд остался только этот хрупкий навес. След жизни, борьбы и воли. И эта надпись, это слово «Рома», как эхо имени Гарибальди.

Имя – этого мало.

Традиция – в истории людской преходяща. А в нашей суете, среди наших бесконечных войн и разгула насилия слабый человеческий голос неразличим.

И, однако, век спустя голос Гарибальди, который так часто старались исказить или подделать, все еще слышен и узнаваем.

Человек верил в людей и в их будущее, наивно верил.

И эту песню – чудо? тайна? – заглушить невозможно.

Ноябрь 1981.

Приложение 1

*ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ
ТАБЛИЦЫ*

<i>Даты</i>	<i>Жизнь Гарибальди</i>	<i>В Италии</i>	<i>В остальном мире</i>	<i>События культуры</i>
1807	<i>Рождение в Ницце (4 июля)</i>		<i>Боливар захватил власть в Каракасе (1808)</i>	<i>Фосколо. «Гробницы»</i>
1810	<i>Рождение его брата Микеле</i>			<i>Рождение Верди (1813 – 1901)</i>
1813	<i>Рождение его брата Феличе</i>			<i>Рождение Вагнера (1813 – 1883)</i>
1814		<i>Ницца снова вошла в состав королевства Пьемонт- Сардинии</i>	<i>Отречение Наполеона I (1814)</i>	
1817	<i>Рождение его сестры Терезиты</i>			<i>Рождение Маркса (1818 – 1883)</i>
1820	<i>Смерть Терезы</i>			
1821		<i>Австрийцы нанесли пьемонтцам поражение при Новаре</i>	<i>Смерть Наполеона Восстание в Греции</i>	<i>Рождение Достоевского (1821 – 1880)</i>

		<i>Виктор Эммануил I отрекся (19 марта 1821 г.) в пользу своего брата Шарля Феликса. Шарль Альбер, регент</i>		<i>Рождение Флобера (1821 – 1881)</i>
1822	<i>Плавание в Одессу</i>	<i>Волнения в Турине</i>		
1825	<i>Поездка в Рим</i>	<i>Восстание в Чиленто</i>	<i>Заговор декабристов</i>	<i>Манцони публику- ет «Обрученные» (1827)</i>
1828			<i>Война между Рос- сией и Турцией</i>	
1830			<i>Июльская революция 1830 во Франции: Луи Филипп наследует Карлу X</i>	<i>Стендаль. «Красное и черное».</i>
1831		<i>Мятежи в Модене, Парме и Романье. Мадзини основыва- ет «Джовини Италия»</i>		

<i>Даты</i>	<i>Жизнь Гарибальди</i>	<i>В Италии</i>	<i>В остальном мире</i>	<i>События культуры</i>
1833	<i>Встреча с сен-симонистом Барро (март) и Мадзини (декабрь)</i>	<i>Репрессии в Турине</i>		
1834	<i>Холера в Ницце. Гарибальди приговорен к смертной казни. Холера в Марселе</i>	<i>Провал мадзинского восстания на швейцарской границе и в Генуе</i>	<i>Волнения в Лионе</i>	
1835	<i>Отъезд в Рио-де-Жанейро</i>		<i>Покушение Фьесчи на Луи Филиппа. Попытка мятежа Луи Наполеона в Страсбурге</i>	<i>Рождение Кардуччи (1835)</i>
1837	<i>Поступает на службу республике Рио-Гранде-до-Сул</i>			<i>«Рюи Блаз» Виктора Гюго (1838)</i>

1839	<i>Встреча с Анитой</i>	<i>Заседание Первого научного конгресса в Пизе</i>		<i>Стендаль. «Пармская обитель»</i>
1840	<i>Рождение Менотти</i>		<i>Новая попытка Луи Наполсона в Болонье</i>	<i>Первая опера Дж. Верди. Рождение Золя (1840 – 1902)</i>
1841	<i>Смерть отца</i>			
1843	<i>Осада Монтевидео</i>	<i>Джоберти пишет «Примат». Мадзини реформирует «Джовине Италия»</i>		<i>«Набукко», опера Верди (1842)</i>
1844	<i>Рождение Терезиты</i>	<i>Восстание братьев Бандьера в Калабрии. Бальбо пишет «Надежды Италии»</i>		<i>«Три мушкетера» А. Дюма (1844). «Граф Монте- Кристо» (1845)</i>
1847	<i>Рождение Риччьотти</i>	<i>Кавур создает Туринский банк. Пий IX избран папой в 1846. Рисорджименто (1847)</i>		<i>«Тангейзер» Вагнера (1845)</i>

Даты	Жизнь Гарибальди	В Италии	В остальном мире	События культуры
1848	Гарибальди вновь уезжает в Италию (15 апреля)	Поражение пьемонтцев при Кустоцце (23 июля). Перемирие.	Революция 1848-го. Падение Меттерниха (март)	Э. Бронте. «Холмы буйных ветров» Коммунистический манифест (1847)
1849	Заседание Национальной ассамблеи: Гарибальди принимает в нем участие. Гарибальди оставляет Рим. Смерть Аниты (август). Второе изгнание (сентябрь)	Римская республика Карла Альберта объявляет войну Австрии (12 марта). Разгром и отречение Карла Альберта. Новара (23 марта), высадка французов. Удино в Чивитавеккья (апрель). Наступление французов на Рим (май – июнь)	Избрание Луи Наполеона Бонапарта временным президентом республики	

		<i>Демократическое восстание в Генуе</i>		
1850	<i>Прибытие в Нью-Йорк</i>	<i>Ницца теряет свои привилегии порто-франко</i>		<i>Рождение Ван-Гога и Мопассана (1850). Дюма: «Монтевидео, или Новая Троя». Диккенс: «Давид Копперфильд»</i>
1851			<i>Государственный переворот Луи Наполеона (2 декабря)</i>	
1850 – 1854	<i>Путешествия (Центральная Америка, Китай, Австралия)</i>	<i>Кавур – президент Совета Пьемонта (1852)</i>		
1852	<i>Смерть матери</i>	<i>Мученики Бельфьоре</i>		
1853	<i>Смерть Анжело, старшего брата</i>	<i>Манифестация в Милане</i>		<i>«Травиата» Верди (1853)</i>

Даты	Жизнь Гарибальди	В Италии	В остальном мире	События культуры
1855	Приезд в Ниццу. Смерть брата Феличе: наследство. Покупка части острова Капрера	Крымская война: Пьемонт - союзник Франции и Англии. Секуляризация монастырей в Пьемонте		«Сицилийская вечерня» Верди
1856	Поездка в Лондон	Основание Национального итальянского общества	Парижский конгресс	Бодлер. «Цветы Зла»
1857	Переезд на Капрера	Попытка Пизакане		
1858	Встреча с Кавуром. Гарибальди вступает в Национальное общество		Покушение Орсини на Наполеона III	
1859	Гарибальди во главе Альпийских стрелков	Война между Австрией и Пьемонтом.		Маркс. «Критика политической экономики»

		26 апреля: французская интервенция. Мажента (6 июня), Сольферино (24 июня). Мир в Виллафранка (11 июля)		Вагнер. «Тристан и Изольда». Рождение Жана Жореса
1860	Брак с Джузеппиной Раймонди. Отъезд на Сицилию. Встреча с Виктором Эммануилом II (26 октября). Отъезд на Капрера (ноябрь)	Ницца передана Франции. Поход «Тысячи». Гарибальди входит в Палермо (27 мая), затем в Неаполь (7 сентября)	Линкольн избран Президентом Соединенных Штатов	
1861		Провозглашение Итальянского королевства. Смерть Кавура (6 июня)	Война Севера и Юга США	Достоевский. «Записки из Мертвого дома». Дюма. «Революция в Сицилии и Неаполе»

Даты	Жизнь Гарибальди	В Италии	В остальном мире	События культуры
1862	Гарибальди уезжает с Капрера на Сицилию и сталкивается с королевской армией в Аспромонте (29 августа), где получает ранение		Бисмарк – премьер-министр	«Сила судьбы» Верди. «Отверженные» В. Гюго
1864	Путешествие по Англии (апрель)		Создание Интернационала	«Война и мир» Толстого (1864 – 1869)
1866	Гарибальди в Трентене. Победа при Безекке (20 июля). Гарибальди «повинуется» (август)	Итало-пруссский договор против Австрии. Война против Австрии (20 июня). Поражение Италии при Кустоце (25 июня). Проигранное морское	Поражение Австрии при Садове (3 июля)	Изобретение динамита Нобелем. «Преступление и наказание» Достоевского

		<i>сражение при Лиссе (20 июля)</i>		
1867	<i>Рождение Клелии, дочери от Франчески Армозино. Участие в Конгрессе мира в Женеве (сентябрь). Попытка захвата Рима. Сражение при Ментане против французов (3 ноября)</i>	<i>Налог на помол (1868). Крестьянские мятежи</i>	<i>Роспуск французской секции Интернационала (1868)</i>	
1870	<i>Гарибальди участвует в войне во Франции, в Дижоне (ноябрь)</i>	<i>Итальянская армия входит в Рим (20 сентября)</i>	<i>Открытие церковного собора в Ватикане (1869). Франко-прусская война (19 июля). Седан (2 сентября 1870). В Париже провозглашена Республика (4 сентября). Рокфеллер основал «Стандарт Ойл»</i>	<i>Рождение Ленина. «Аида» Верди</i>

Даты	Жизнь Гарибальди	В Италии	В остальном мире	События культуры
1871	Гарибальди в ассамблее (февраль), после избрания в Ницце, Париже, Алжире. Политическое завещание (декабрь)	Итальянское королевство насчитывает 26 801 000 жителей; 61,9% мужчин и 95,7% женщин неграмотны. Туннель Мон-Ченис	Коммуна (март – май 1971 г.). «Культуркампф»	
1873	Рождение Манлио, сына Франчески	Визит Виктора Эммануила II в Вену и Берлин. Пий IX запрещает католикам-итальянцам участвовать в политической жизни (1874). Австрийский император с официальным визитом в Венеции (1875)	Валлонская поправка (1875) конституции Французской республики	Рембо: «Сезон в аду». Рождение Пруста (1873 – 1923)

1876	Гарibaldi принимает «национальный дар от государства»	Приход левых к власти		
1878		Смерть Виктора Эммануила II, ему наследует Умберто I	Отставка Мак-Магона (1879). Во Франции окончательно побеждает республика	Рождение Сталина (1879)
1880	Брак Гарibaldi с Дж. Раймонди признан недействительным. Брак с Франческой Армозино	Создание «Партио Операйо» (рабочей партии) в Болонье		
1881		Визит Умберто I в Вену	Французская операция в Тунисе. Закон о светской школе во Франции	

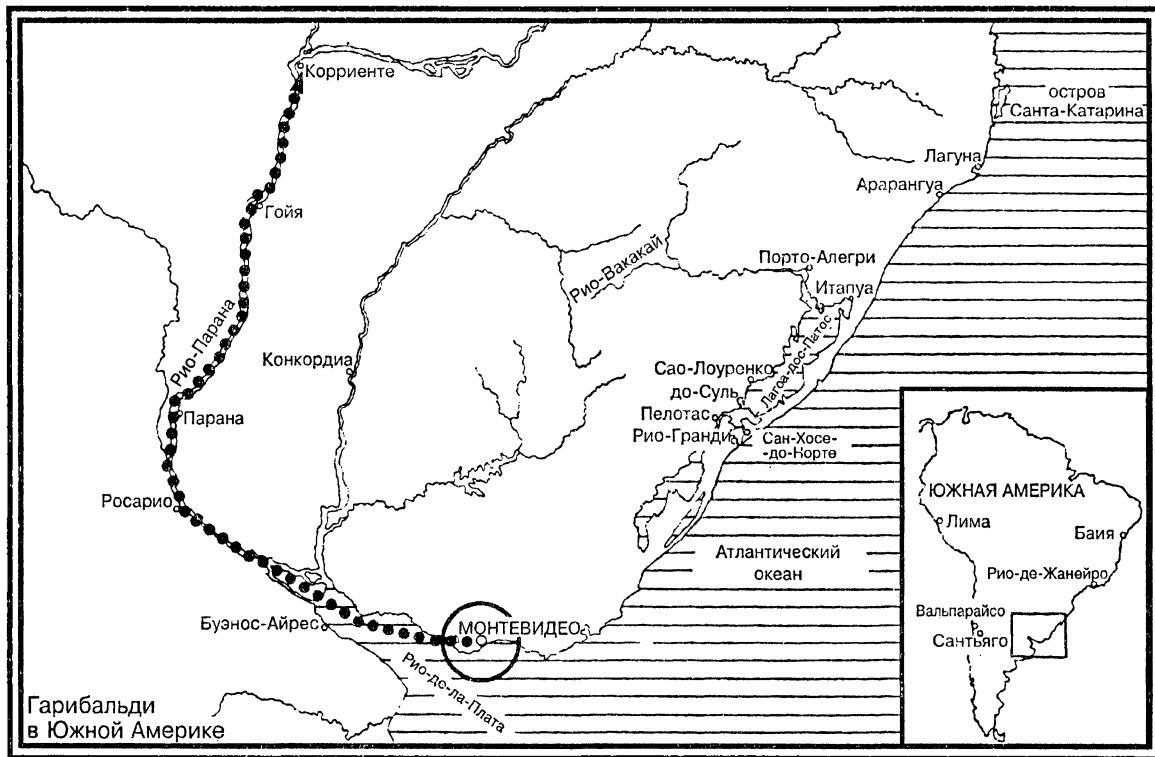

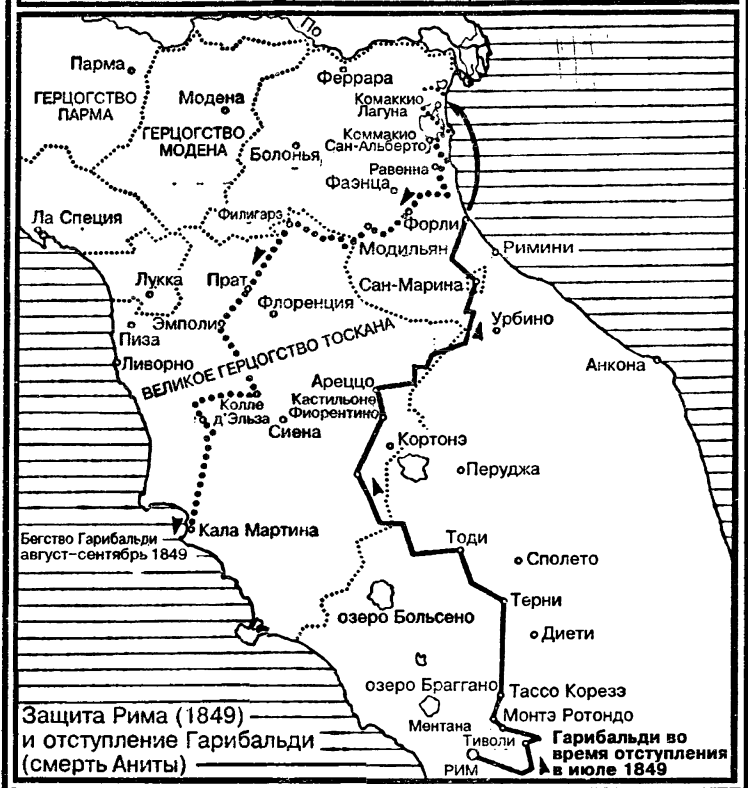
Даты	Жизнь Гарибальди	В Италии	В остальном мире	События культуры
1882	Смерть Гарибальди (2 июня)	Италия вступает в австро-прусский союз: Тройственный союз, направленный против Франции (20 мая)		«Парсифаль» Вагнера. Рождение Джойса и Игоря Стравинского

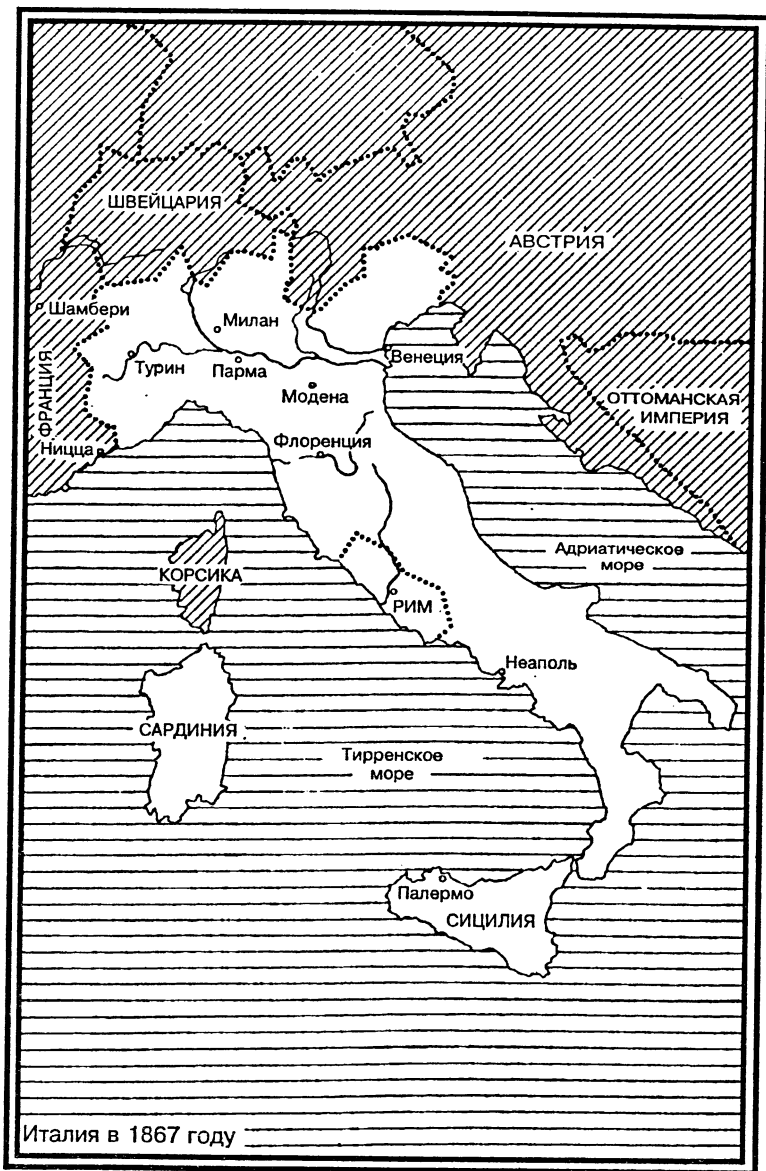
Приложение 2

КАРТЫ

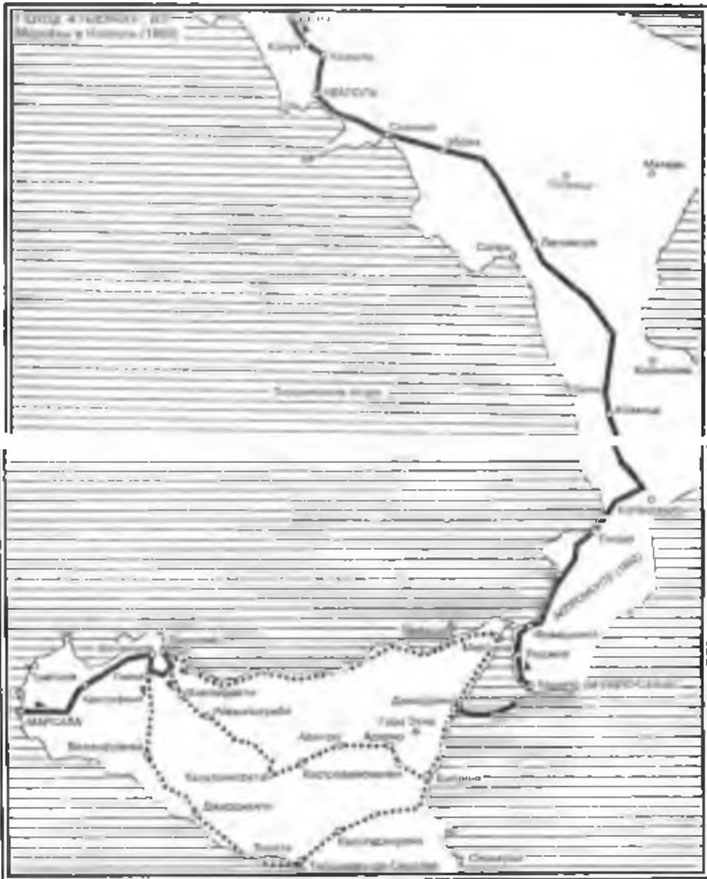

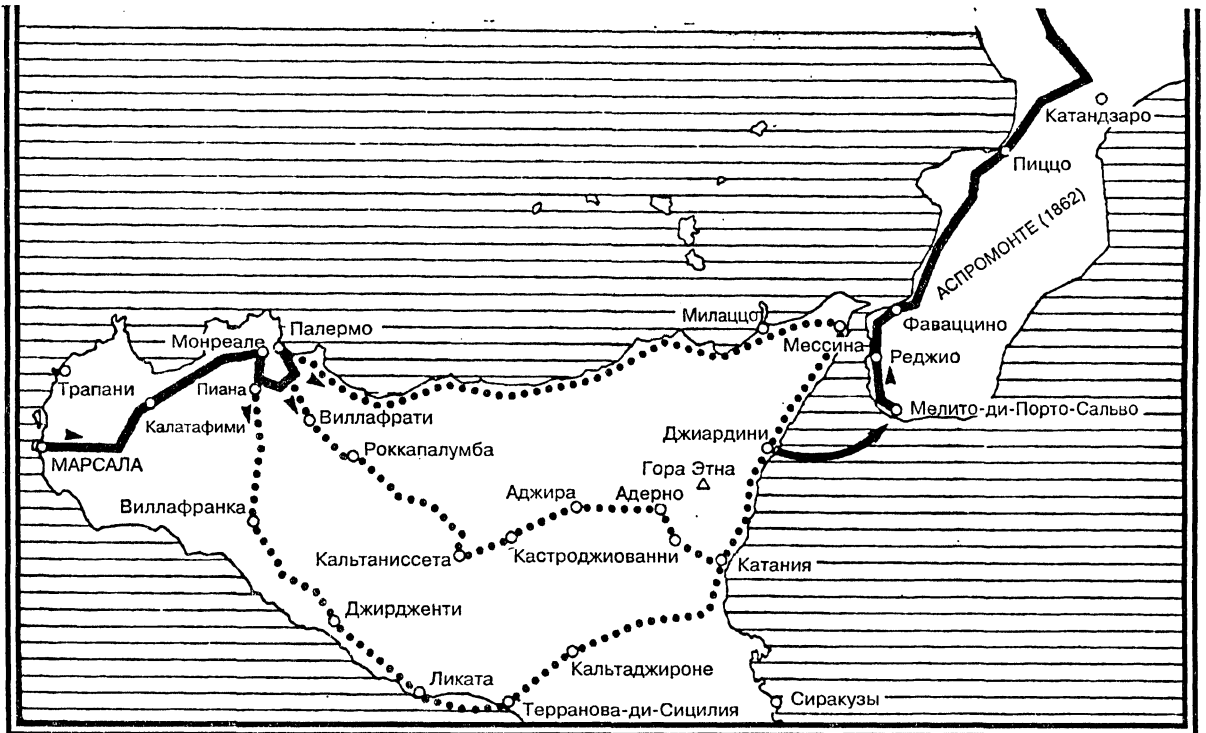
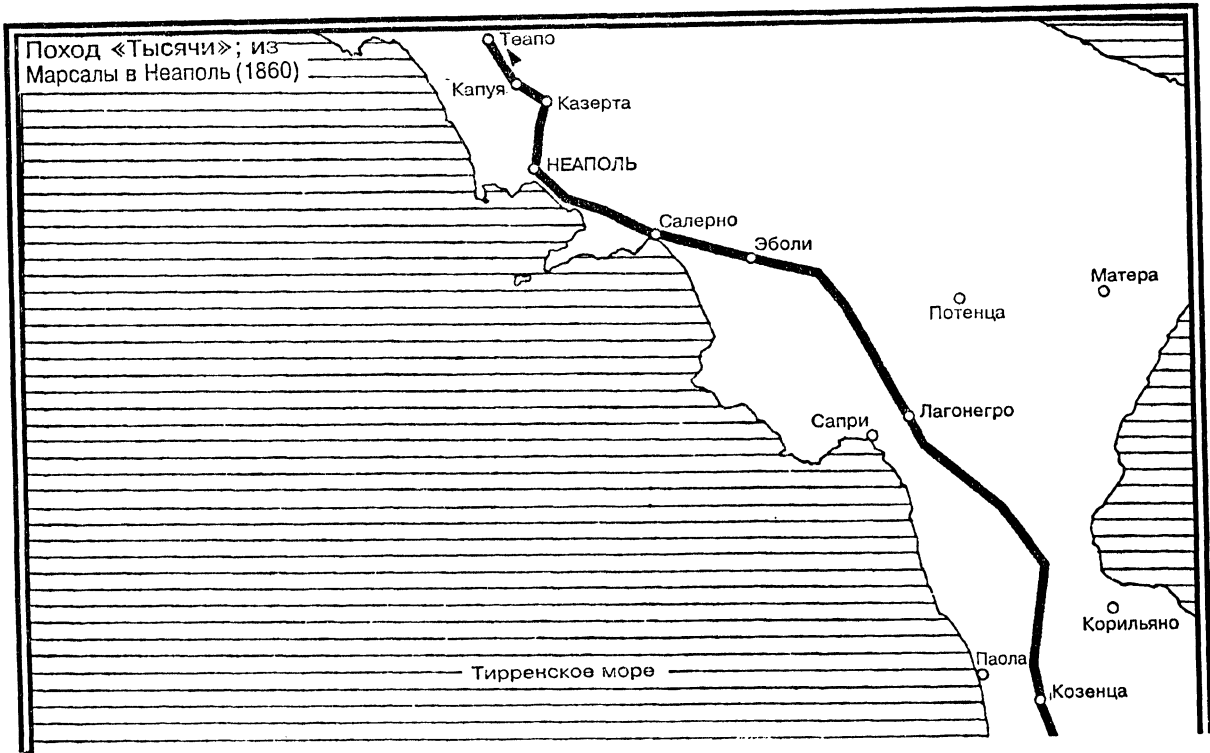

УГОДЬ АНГЛИИ СЪ
 ПЕРСИЕЙ (1802)

Серия «След в истории»

Макс Галло

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Редактор	<i>Григорьян Л.</i>
Корректор	<i>Лазарева Т.</i>
Художник	<i>Ферез А.</i>
Компьютерный дизайн	<i>Гончаренко А.</i>

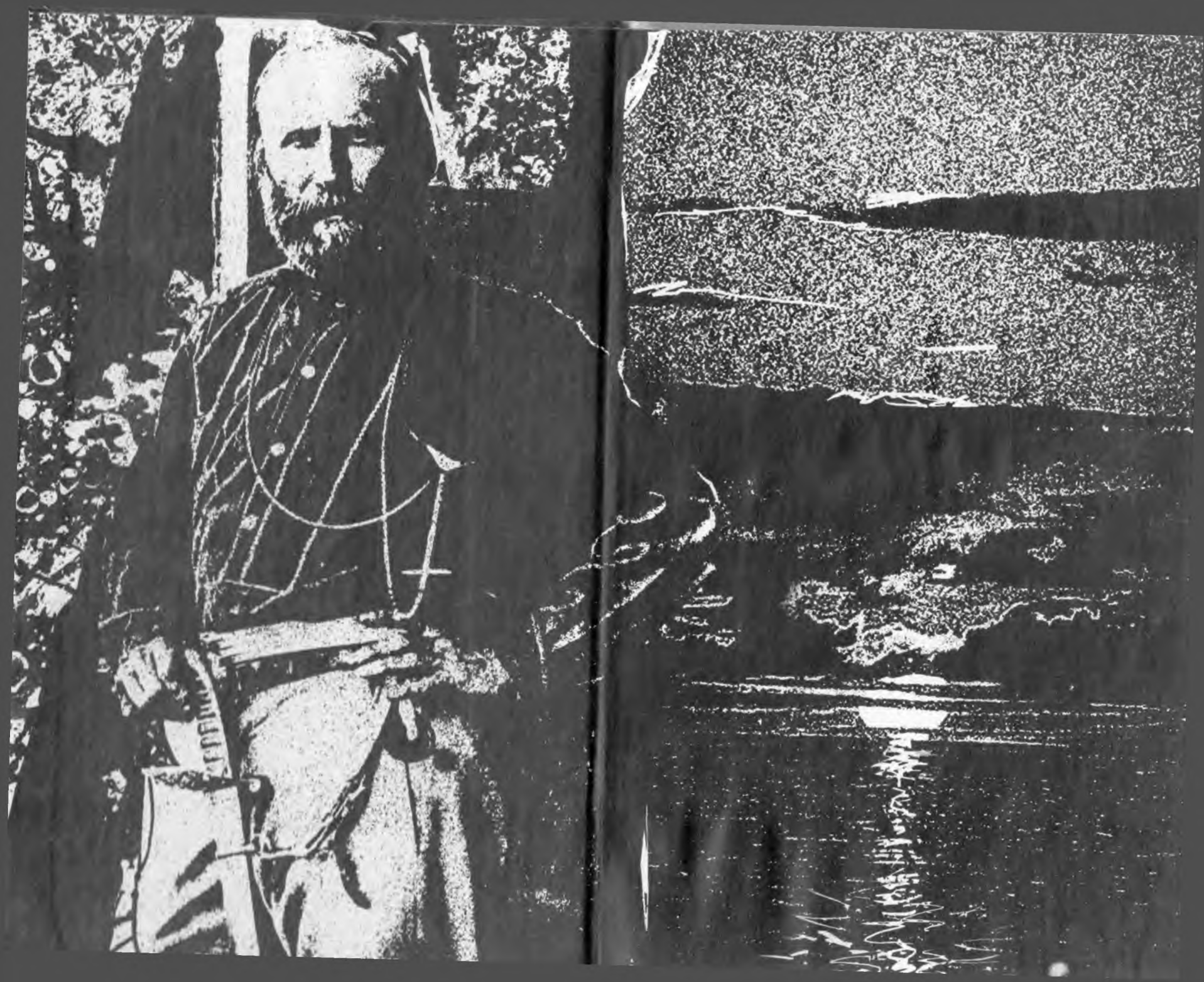
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 6.10.98 г. Подписано в печать 5.11.98 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург.
Тираж 5000. Заказ № 252

Издательство «ФЕНИКС»
344007, г. Ростов н/Д,
пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019. г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Больше ста лет прошло со смерти Гарибальди, родившегося в Ницце в те времена, когда она была еще графством, входившим в состав Пьемонтского королевства.

Гарибальди распространил по всему миру республиканские идеи и сыграл выдающуюся роль в борьбе за объединение и независимость Италии. Он - великий волонтер Истории, жизнь которого похожа на оперу Верди или роман Александра Дюма. Так она и рассказана Максом Галло, тоже уроженцем Ниццы. Гарибальди - «Че Гевара XIX века», и его судьба, богатая великими событиями, драмами, битвами и разочарованиями, служит блестящей иллюстрацией к трудной, но такой актуальной дилемме: идеализм или «реальная политика».

ISBN 5-222-00469-4

9 785222 004692